

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

РОССИЯ – КИТАЙ
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Монография

Владивосток
Изд-во ВГУЭС
2014

УДК 811.161.1
ББК 81
Р76

Рецензенты: Калачинская Е.В., канд. филол. наук, доцент
каф. русского языка ИИЯ (ВГУЭС);
Жукова Т.А., канд. филол. наук, доцент каф.
рекламы и связей с общественностью
(ДВФУ)

**РОССИЯ – КИТАЙ : ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
Р76 РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ [Текст] : колл. моногра-
фия / под общ. ред. Ю.О. Коноваловой; Ю.О. Коновалова,
И.В. Андреева, Е.Ю. Гончарук, О.Д. Дербенева и др. –
Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2014. – 324 с.**

ISBN 978-5-9736-0247-5

Описаны лексико-грамматический, лингвокогнитивный и лингвокультурологический, а также психолингвистический аспекты и особенности речевого общения носителей русского и китайского языков, связанные с проявлением национальной культуры.

Адресована лингвистам, культурологам, психологам, преподавателям русского языка как иностранного, студентам лингвистического профиля, а также всем интересующимся вопросами межкультурной коммуникации.

УДК 811.161.1
ББК 81

ISBN ISBN 978-5-9736-0247-5

© Издательство Владивостокского
государственного университета
экономики и сервиса, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
----------------------	----------

Глава 1. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....7

Функционирование зоонимов в русском и китайском языках (<i>Ю.О. Коновалова, Моу Фансяо</i>).....	7
Функционирование прозвищных именовании в русском и китайском языках (<i>М.Ю. Криницкая, Гэн Мин</i>).....	11
Функционирование цветообозначений в русском и китайском языках (<i>Се Вэнькай</i>)	32
Функционирование фразеологизмов, характеризующих человека, в русском и китайском языках (<i>Т.В. Ковалёва, Фэн Хаочжэнь</i>)	45
Функционирование двусторонних номинаций в русском и китайском языках (<i>М.Ю. Криницкая, Лю Юе</i>)	66
Функционирование официальных и неофициальных топонимов города Владивостока в речи носителей русского и китайского языков (<i>Е.Ю. Гончарук, Лю Сяоян</i>)	81
Неофициальные топонимы в аспекте соотношения языка и культуры (<i>М.Ю. Криницкая, Сюй Банчжэнь</i>)	102
Функционирование производных предлогов в русском и китайском языках (<i>В.В. Солейник, Гэ Нини</i>).....	114
Функционирование глаголов движения с переносным значением в русском и китайском языках (<i>Т.В. Ковалёва, Би Чуньсяо</i>)	128

Глава 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТОВ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА.....143

Понятие языковой картины мира. Взаимодействие языка и культуры (<i>О.Д. Дербенёва</i>)	143
Концепт СМЕРТЬ в русской и китайской языковых картинах мира (<i>О.Д. Дербенёва, Го Сяосуй</i>)	154
Концепты ЛОЖЬ, ОБМАН, ВРАНЬЕ в русской и китайской языковых картинах мира (<i>А.В. Яськова, Чжао Хао</i>)	162
Концепт БОГ в русской и китайской языковых картинах мира (<i>О.К. Калькова, Сяо Сюе</i>)	173
Концепты ВЕРА, ДОВЕРИЕ в русской и китайской языковых картинах мира (<i>О.К. Калькова, Хоу Сяонин</i>)	189
Концепт ВЛАДИВОСТОК в русской и китайской языковых картинах мира (<i>О.Д. Дербенёва, Лю Юйтэн</i>)	199
Концепт ВОЙНА в русской и китайской языковых картинах мира (<i>О.Д. Дербенёва, Чжан Хао</i>).....	206

Исследование представлений о законе и справедливости в русской и китайской лингвокультурах (<i>И.В. Андреева, Ма Сяоцы</i>)	219
Глава 3. ВАРИАНТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ	239
Выражение согласия в русском и китайском языках (<i>Е.Н. Пугачёва, Ли Кэхань</i>)	239
Выражение несогласия в русском и китайском языках (<i>Ю.О. Коновалова, Моу Фансяо</i>).....	257
Некоторые особенности речевого поведения носителей китайского языка в условиях русскоязычного общения (<i>Ю.О. Коновалова, Цзинь Вэйвэй</i>).....	272
Варианты речевого поведения носителей китайского языка в ситуации ответа на вопрос (<i>Е.Ю. Гончарук, Ван Цин</i>)	279
Функционирование паралингвистических средств коммуникации в ситуации русскоязычного общения носителей китайского языка (в ситуации ответа на вопрос) (<i>Е.Ю. Гончарук, Чжан Янь</i>)	292
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	306

ВВЕДЕНИЕ

Работа состоит из отдельных статей, посвященных разным аспектам речевого общения носителей русского и китайского языков. При этом акцент сделан на этнокультурных причинах проявления сходств и различий процессов речевой коммуникации русских и китайцев.

Монография состоит из трех частей. В первую часть вошли статьи, в которых описан лексико-грамматический аспект речевого общения носителей русского и китайского языков (на русском и китайском языках), исследовано функционирование производных предлогов, глаголов движения, фразеологизмов, топонимов, зоонимов, цветообозначений, двусторонних номинаций.

Вторая часть представлена статьями лингвокогнитивной и лингвокультурологической направленности: сопоставительный анализ некоторых базовых концептов русской и китайской языковых картин мира (концепты БОГ, ВЕРА, СМЕРТЬ, ВОЙНА, ЛОЖЬ и др.).

В третью часть вошли коммуникативные психолингвистические исследования: изучение специфики выражения согласия и несогласия в русском и китайском языках, особенностей и вариантов речевого поведения носителей русского и китайского языков, функционирования паралингвистических средств коммуникации.

Актуальность работы обусловлена, во-первых, избранным аспектом исследования: речевая коммуникация анализируется с позиции антропоцентрического языкознания, в основе которого – говорящий субъект как носитель социальных и психологических характеристик; во-вторых, малой изученностью феномена речевого общения на русском языке в сопоставлении с речевой коммуникацией на китайском языке.

Новизна исследования заключается в том, что такой многоаспектный сравнительный анализ речевой коммуникации носителей русского языка и носителей китайского языка проводится впервые.

Достигнуты следующие научные результаты: а) подготовлены материалы запланированных теоретических и экспериментальных исследований, раскрывающие содержание работ по решению поставленных научно-исследовательских задач; б) описаны особенности функционирования зоонимов, прозвищных именований и цветообозначений в русском и китайском языках; в) описаны вербальные и невербальные способы выражения согласия и несогласия в русском и китайском языках; г) описаны некоторые базовые концепты русской и китайской языковых картин мира; д) выявлены некоторые этнокультурные особенности речевого общения носителей русского и китайского языков.

Монография «Россия – Китай: этнокультурная специфика речевого общения» представляет собой результат совместной работы преподавателей и студентов кафедры русского языка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. К анализу привлечен языковой материал, собранный и обработанный китайскими студентами направления «Лингвистика» в процессе выполнения курсовых и выпускных квалификационных работ бакалавров. Материалы статей используются в преподавании таких дисциплин, как «Актуальные проблемы современной лингвистики», «Русский язык и культура речи», «Межкультурная коммуникация».

Результаты включенных в монографию исследований внедрены в учебный процесс, могут использоваться в практической психологии при определении мотивов поведения, в том числе речевого, носителей русского и китайского языков; при проведении психолингвистических тренингов для повышения эффективности речевого взаимодействия; психологических тренингов, ориентированных на представителей общественно-просветительских, политических организаций и бизнес-структур, заинтересованных в эффективном российско-китайском сотрудничестве; тренингов по межкультурной коммуникации, направленных на повышение этнокультурной компетентности и формирование этнической толерантности, кроме того, могут быть интересны для дальнейших исследований по лингвистике, психологии, культурологии, методике преподавания китайского и русского языка как иностранного, поскольку позволяют углубить представления об этнокультурном своеобразии русскоязычной коммуникации на фоне китайской речевой коммуникации, могут помочь повысить эффективность речевого взаимодействия носителей русского и китайского языков и избежать коммуникативных неудач; а также повысить эффективность преподавания русского языка китайским студентам и китайского языка русскоговорящим студентам.

Большинство статей, представленных в данной монографии, являются результатом психолингвистического в широком смысле описания языкового материала. Исследователи в своих работах опирались на ряд ключевых положений российских и зарубежных учёных.

Мы в настоящей работе не ставим своей целью давать более или менее подробное освещение теоретических вопросов психолингвистики. Отметим лишь, что наиболее значимыми для описания нашего материала оказались работы А.А. Леонтьева, И.Н. Горелова, К.Ф. Седова, Л.В. Сахарного. В то же время некоторые авторы монографии рассматривают ряд теоретических вопросов и понятий, имеющих наибольшую значимость для их научных разработок.

Большинство представленных в книге исследований проведены на материалах, полученных в ходе проведения психолингвистических и социолингвистических экспериментов. Наиболее широко использовались методы свободного, направленного и цепочечного ассоциативного эксперимента, наблюдение, опрос, анкетирование, а также методы лингвистической статистики.

Глава 1. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Функционирование зоонимов в русском и китайском языках*

Данное исследование посвящено описанию зоонаименований человека в русском и китайском языках.

Этнопсихолингвистика, возникшая в 1970-х годах XX века и сформировавшаяся как самостоятельная научная дисциплина, изучает различные вопросы: соотношение языка и культуры, национально-культурную специфику слов, особенности общения людей разных национальностей. По словам И.Н. Горелова и К.Ф. Седова, этнопсихолингвистика исследует различия в речевом поведении представителей разных культур, влияние национальной принадлежности на формирование языкового сознания, суть этнических отличий между языковыми личностями [65. С. 123].

Один из путей обнаружить этнические различия в языке – проанализировать зоонаименования человека. Метафорические переносы названий животного на человека наглядно отражают различное отношение разных народов к животным. Зоосравнения, или зоонаименования, в разных языках оказываются похожими, если народы живут по соседству и имеют похожую культуру, мифологию, традиции, и оказываются различными, если «национальные культуры отличаются значительно» [65. С. 124].

Для того чтобы описать значение зоонаименований человека, мы проанализировали 30 китайских и 20 русских единиц: пословицы, поговорки, фразеологизмы [100; 86; 117]. В результате мы пришли к следующим выводам.

В китайской культуре *рыба*, применительно к человеку, может обозначать красоту (Очень красивая девушка). *Журавль* обозначает старость (Седой старик с моложавым лицом). *Лиса (лис)* обозначает хитрого, но трусливого человека (Лис тем и грозен, что царь зверей с ним; бесчинствовать; прикрываясь именем сильных мира сего). *Тигр* в соответствии с традиционной китайской культурой имеет такие черты: властный, серьёзный, сильный, успешный, голодный (Жаркая схватка или ожесточённая борьба двух равносильных противников; достойная манера императора; внешне прочный, внутри слабый; тигру да придать крылья; словно крылья выросли у тигра; преисполниться новых сил, с новыми силами; голодный тигр набрасывается на пищу). *Дракон* – знак силы, таланта (Лелеять надежду на то, что сын станет талантом (знаменитостью); Е-гун – любитель драконов лишь на словах; ненастоящий любитель). Образ *лошади (коня)* связан с быстротой, опытом, небрежностью (Невпопад; не к месту; ни к селу ни к городу; вырваться вперёд; быть впереди; застрельщик; идти в авангарде; смотреть поверхностно; старый конь борозды не испортит – человек опытный). *Курица* символизирует мелочность, нечестность (заниматься мелкой кражей; красть ме-

* © Ю.О. Коновалова, Моу Фансяо

лочи; ловкий трюк; тонкое мошенничество). *Собака* в традиционной китайской культуре обозначает бесстыдного человека, склонного к ссорам (Собачья грязня; грызутся, как собаки).

В русских пословицах и поговорках встречаются образы таких животных: заяц, рыба, волк, овца, свинья, ворона, бык, змея, лошадь. Заяц обычно трусливый (Трусливый заяц). Рыба обозначает что-то плохое или молчаливого человека (Ни рыба ни мясо; молчать, как рыба; немой (нем), как рыба). Волк в русской культуре злой, коварный, опытный (Как волка ни корми, всё в лес смотрит; волк в овечьей шкуре; морской волк). Овца – символ простоты (Молодец против овец, а против молодца и сам овца). Свинья обозначает глупость, грязь (Как свинья в апельсинах разбираться; свинья грязь найдёт). Ворона обозначает неискреннего или отличного от других, особенного человека (Ворона в павлиньих перьях; белая ворона). Бык обычно здоровый, упрямый (Здоров, как бык; упёрся, как бык). Змея неблагодарна, коварна (Змею на груди отогреть). Лошадь обозначает трудолюбие, тяжелый труд (Работать, как лошадь; ломовая лошадь).

Чтобы подтвердить результаты анализа, был проведен ассоциативный эксперимент с целью выявить значение зоонаименований человека в сознании современных носителей русского и китайского языков. Всего было опрошено 100 человек (50 русских и 50 китайцев). Всем респондентам был задан вопрос: Если человека сравнивают с каким-то животным, то какой он? Были предложены такие животные: волк, лиса, медведь, слон, рыба, жаба, змея, обезьяна, лошадь, свинья.

Ответы информантов распределились следующим образом.

Большинство русских информантов считают *волка* злым (52%), меньшее количество респондентов приписывают ему такие качества: голодный (28%), одинокий (8%), суровый (6%), мудрый (2%), дикий (2%), серьёзный (2%). Китайские информанты считают, что волк злой (70%), суровый (20%), сильный (10%). Одинаковыми для русских и китайских людей частотными ассоциациями являются следующие: злой, суровый. Разные ассоциации: сильный, голодный, одинокий, мудрый, дикий, серьёзный. Русские и китайские информанты приписывают волку отрицательную оценку.

Большинство русских (98%) и китайских (90%) информантов считают *лису* хитрой, меньшее количество респондентов называют ее пронырливой (2 и 10% соответственно). Китайские информанты полагают, что лиса хитрая, пронырливая (10%). Одинаковыми для русских и китайцев ассоциациями являются ассоциации: хитрый, пронырливый. Разных ассоциаций нет. Русские и китайские информанты дают лисе отрицательную оценку.

Медведь для большинства русских (48%) и китайских (64%) информантов сильный. Другие качества, по мнению русских респондентов: неуклюжий (32%), большой (12%), злой (4%), грозный (2%), жирный (2%). Китайские информанты считают медведя неуклюжим (20%), тяжёлым (14%), милым (2%). Одинаковыми для носителей русского и китайского языков являются ассоциации: сильный, неуклюжий. Разные ассоциации: тяжёлый, милый, большой, злой, грозный, жирный. Русские информанты приписывают медведю отрицательную оценку, а китайцы дают медведю не только отрицательную, но и положительную оценку.

Большинство русских информантов считают *слона* большим (40%), меньшее количество респондентов – огромным (12%), тяжёлым (10%), неуклюжим (10%), толстым (10%), неповоротливым (8%). Китайские информанты считают, что слон неповоротливый (62%), неуклюжий (17%), тяжелый (8%), зага-

дочный (5%), добрый (5%), большой (3%). Одинаковыми для русских и китайских людей ассоциациями являются следующие: неповоротливый, неуклюжий, тяжёлый. Разные ассоциации: добрый, загадочный, большой, огромный, толстый. Русские и китайские информанты дают слону положительную оценку.

Большинству русских информантов *рыба* представляется молчаливой (68%) или скользкой (30%), некоторые респонденты считают ее юркой (2%). Китайские информанты считают, что рыба свободная (76%), юркая (12%), весёлая (12%). Одинаковой, хотя и достаточно редкой, для русских и китайских информантов является ассоциация «юркий». Разные ассоциации: свободный, весёлый, молчаливый, скользкий. Русские информанты дают рыбе отрицательную, а китайцы положительную оценку, потому что в китайской культуре рыба символизирует богатство и счастье.

Жаба для русских информантов противная (58%), страшная (16%), мерзкая (14%), жадная (12%). Китайские информанты считают, что жаба гадкая (40%), противная (32%), жадная (20%), уродливая (8%). Одинаковыми ассоциациями являются следующие: противный, жадный. Разные ассоциации: гадкий, уродливый, страшный, мерзкий. Русские и китайские информанты дают жабе отрицательную оценку.

Большинство русских информантов считают *змею* изворотливой (38%), гадкой (12%), мудрой (12%), скользкой (12%), подлой (8%). Китайские информанты считают, что змея злая (40%), озлобленная (30%), пронырливая (16%), коварная (10%), хладнокровная (4%). Одинаковыми для русских и китайских людей ассоциациями являются следующие: хладнокровный, злой, коварный. Разные ассоциации: озлобленный, пронырливый, изворотливый, гадкий, мудрый. И русские, и китайские информанты дают змее отрицательную оценку.

Для русских информантов *обезьяна* ловкая (56%), смешная (22%), глупая (8%), забавная (4%), проворная (4%), весёлая (2%), угодливая (2%), активная (2%). Китайские информанты считают обезьяну ловкой (36%), весёлой (20%), смешной (14%), умной (10%), забавной (10%). Одинаковыми для русских и китайцев ассоциациями являются: ловкий, смешной, активный, проворный, весёлый. Разные ассоциации: умный, милый, глупый, забавный, угодливый. Китайцы дают обезьяне только положительную оценку, в то время как у русских информантов присутствуют также ассоциации с отрицательной оценочностью.

Большинство русских информантов считают *лошадь* быстрой (76%), меньшее количество респондентов называют ее грациозной (8%), сильной (8%), трудолюбивой (4%), весёлой (2%), умной (2%). Китайские информанты считают лошадь быстрой (40%), трудолюбивой (30%), верной (30%). Одинаковыми для русских и китайцев ассоциациями являются: быстрый, трудолюбивый. Разные ассоциации: верный, грациозный, сильный, весёлый, умный. Русские и китайские информанты дают лошади положительную оценку.

Большинство русских информантов считают, что *свинья* грязная (60%), ненасытная (24%), толстая (16%). Китайские информанты считают свинью ленивой (60%), ненасытной (32%), пассивной (6%), хитрой (2%). Одинаковой для русских и китайцев ассоциацией является достаточно частотная ассоциация: ненасытный. Разные ассоциации: ленивый, пассивный, хитрый, грязный, толстый. Русские и китайские информанты дают свинье отрицательную оценку.

Итак, результаты анализа пословиц, поговорок, фразеологизмов о животных и проведенного ассоциативного эксперимента показали, что образы

животных вызывают в сознании носителей русского и китайского языков как сходные, так и различные ассоциации.

По данным анализа пословиц, поговорок, фразеологизмов носители китайского языка дают положительную оценку таким животным, как *рыба, гусь, бык, дракон, феникс*, и отрицательную оценку таким животным, как *журавль, птица, лиса, тигр, курица, змея, собака*. Особенности восприятия образов данных животных происходят от старинных сказок и китайской традиционной культуры.

В русской традиционной культуре образы животных, упоминающиеся в пословицах, поговорках, фразеологизмах, обычно имеют отрицательную оценочность. Возможно, это связано с тем, что само по себе сравнение человека с животным заключает в себе элемент негативного отношения. Так, в русских пословицах, поговорках, фразеологизмах образы *зайца, рыбы, волка, овцы, свиньи, змеи* содержат отрицательные коннотации, поэтому сравнение человека с этими животными, безусловно, негативно окрашено.

Даже в том случае, если образ животного связан с положительным к нему отношением (например, лошадь – животное трудолюбивое, *и это хорошо*), то зоосравнение все равно имеет отрицательное значение: фразеологические сочетания *работать как лошадь, ломовая лошадь* обычно применяются по отношению к человеку, который *слишком* много работает, *и это плохо*.

Отметим, что образ *быка* в русских фразеологизмах содержит в себе как положительно, так и отрицательно окрашенный компонент значения: ср. здоровый, как бык (*это хорошо*), упрямый, как бык (*это плохо*).

В китайских пословицах, поговорках, фразеологизмах отрицательный образ имеют *лиса, курица, собака*. Сравнение человека с *журавлем* неоднозначно: *журавль* символизирует старость и в то же время молодость, то есть внешнюю привлекательность (*что хорошо*) при внутреннем разрушении, упадке (*что плохо*). *Лошадь* для китайцев символизирует быстроту и опыт (*что хорошо*) или небрежность (*что плохо*). В отличие от русских фразеологизмов, в китайских пословицах и фразеологизмах существуют образы животных с явной положительной оценочностью: *тигр, дракон и рыба*.

В ходе анализа результатов ассоциативного эксперимента, цель которого заключалась в выявлении мотивов зоосравнений и заключенной в них оценочности, мы обнаружили, что к *волку, лисе, жабе, змее, свинье* у носителей русского и китайского языков сформировалось отрицательное отношение, к *лошади* – положительное. Мотивы зоосравнений в русском и китайском языке чаще всего разные, хотя имеются и сходные ассоциации русских и китайских респондентов. Наибольшее сходство обнаружилось при восприятии образов *лисы, волка, медведя, обезьяны, лошади*. Для большинства опрошенных *лиса* хитрая, *волк* злой, *медведь* сильный, *обезьяна* ловкая, *лошадь* быстрая. Наибольшая разница восприятия видна в образах *рыбы* и *свиньи*: для русских *рыба* молчаливая и скользкая (и *это плохо*, т.е. прослеживается отрицательное отношение), для китайцев *рыба* свободная (и *это хорошо* – проявление положительного отношения); *свинья* для русских грязная (отрицательное отношение), для китайцев – ленивая (отрицательное отношение). Сравнение человека с *обезьяной* в русской культуре может быть истолковано как позитивно, так и негативно, китайскими информантами *обезьяна* оценивается всегда положительно. При сравнении человека с *медведем, слоном, жабой, змеей* в русском и китайском языках имеются как сходные, так и различные основания.

Отметим, что проведенный анализ пословиц, поговорок, фразеологизмов, а также представленные результаты ассоциативного эксперимента носят достаточно общий, обзорный характер. В перспективе исследования целесообразно выполнить более детальный анализ сходств и различий зоосравнений человека в русском и китайском языках и объяснить причины сходного или различного восприятия образов животных.

Функционирование прозвищных именовании в русском и китайском языках*

Настоящее исследование посвящено функционированию прозвищных номинаций в студенческой среде. В современном мире многие люди имеют прозвища. Студенты тоже не являются исключением.

Мы исследуем прозвищные номинации. Для начала предлагается определить понятие прозвища, рассмотреть отличие прозвищ от других разрядов антропонимической лексики; рассмотреть аспекты изучения прозвищной лексики; описать реальные прозвища китайских и русских студентов с точки зрения структуры слова, производящей основы и принципов мотиваций; указать сходства и различия китайских и русских прозвищных номинаций.

Изучение такого класса антропонимов, как прозвище, следует начинать с выяснения того, что же надо понимать под прозвищем. Границы этого понятия оказались настолько расплывчатыми, что один и тот же материал ученые интерпретируют совершенно по-разному.

Проанализировав работы, посвященные истории происхождения прозвищ, мы можем отметить, что первоначально изучение прозвищ было связано с вопросом о происхождении русских личных имен. Прозвища отграничивались от неканонических (некалендарных) имен, начиная с XV века.

Прозвище – один из древнейших терминов, в свое время широко употребляемый, однако отличный от современного по значению.

С.И. Зинин утверждает, что «до известного периода прозвище является эквивалентом личного неканонического имени и лишь позднее приобретает сугубо прозвищное содержание» [88. С. 25]. В.К. Чичагов считает, что прозвища могли возникать в результате изменения функций дохристианских имен [290. С. 29]. А.К. Соколов, например, пишет: «Рядом с мирскими именами с самого древнего времени появляются прозвища, отличающиеся от них» [234. С. 2].

Несмотря на различие позиций ученых в вопросе о времени появления прозвищ как «прозвищ», можно заметить общее, что их сближает: к бесспорным прозвищам причисляют именованья, содержащие негативную характеристику лица (в шутку, в насмешку). Шутливая, ироническая, насмешливая характеристика именуемого оказывается нередко тем признаком, который включается как необходимый компонент в толкование прозвища составителями словарей:

прозвище – название, данное от какого-либо качества душевного или телесного либо по какому-нибудь деянию [222. Т. 5. С. 419];

* © М.Ю. Криницкая, Гэн Мин

прозвище – имя, которое приложили к какому-либо лицу в шутку или по какому-нибудь случаю [74. Т. 3. С. 485];

прозвище – название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-нибудь заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица [271. Т. 3. С. 983];

прозвище – название, указывающее на какую-либо черту, особенность или данное кому-либо в шутку, в насмешку [225. С. 447];

прозвище – вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии [224. С. 115].

Как видим, словари разных лет не вносят каких-то существенных изменений в толкование термина, ограничивают его значение, сводя прозвище к оценочно-характеристическим неофициальным дополнительным именованиям.

Однако такое сужение, а именно сужение значения слова «прозвище», вряд ли правомерно, потому что прозвища не являются статической категорией. Наблюдения говорят об обратном: о разнородности этого класса антропонимов, о появлении новых способов их образования, о невозможности видеть в прозвищах лишь негативные черты именуемого, об изменении содержания одного и того же прозвища, употребляемого разными лицами или одним и тем же лицом в разное время, о заметно отличающемся содержании одного и того же слова, выступающего в роли прозвища в разных социальных группах.

Для нас также важно мнение В.К. Чичагова, который подчеркивает корпоративность прозвищ, определяя их как слова, «даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [290. С. 26]. За основное толкование слова «прозвище» мы будем брать определение В.К. Чичагова, изложенное выше, хотя надо заметить, что толкование в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской можно считать более кратким и емким. Нужно отметить и тот факт, что прозвище помимо присущей всем собственным именам номинативной, или назывной, функции обладает также характеризующей и контакто-устанавливающей.

Рассмотрим подробнее прозвище среди других имен собственных. Разграничивая прозвища и другие имена собственные, наметим черты их сходства и различия, проявляющиеся в их образовании и функционировании.

Как отмечает Л.В. Успенский, сходство сразу бросается в глаза. Имена собственные людей, их прозвища относятся к разряду антропонимов, образуются от самых обычных слов, и от имени, и от прозвища легко образовать фамилию (Андрей – потомки Андреевы, Андрей Хорек – дети Андреевичи Хорьковы) [269. С. 304].

Наметим различия. Имя нейтрально, одинаково употребляемо как внутри семьи, так и вовне, а прозвище применимо между людьми только при близких отношениях или при отсутствии уважения (неофициальная среда); от имен легко образуются отчества, от прозвищ – нет; имя легко используется само по себе, прозвище требует, чтобы рядом употреблялось настоящее имя, в связи с узостью сферы его существования. Для прозвищного имени невозможна сочетаемость с другими антропонимами. Нетрудно соотнести прозвище и фамилию. Фамилия – имя родовое, принадлежит нескольким людям, от одного поколения переходит к другому и не содержит никаких признаков, обри-

совывающих черты носителя. Прозвище указывает на одного, единственного, данного человека, на его личные, только ему одному присущие отличительные черты.

Н.Н. Ушаков отмечает, что, употребляясь в сфере разговорной речи, прозвища могут появляться в связи с нарушением границ именника. Для личного имени свобода выбора его вариантов является весьма относительной, так как варьирование обычно не выходит за пределы норм, а прозвище как раз и возникает в результате разных отступлений от принятых норм образования и употребления личных имен. Прозвища не могут быть заданы списком, подразумевается наличие огромного числа типов и людей [278. С. 164].

А.В. Суперанская под личным именем собственным понимает индивидуальное именование субъектов независимо от происхождения этих слов, то есть этим термином обозначает и то, что в настоящее время воспринимается и как прозвище, и как личное имя в узком смысле этого слова, подчеркивая, что разница между теми и другими не столько лингвистическая, сколько юридическая, связанная с традициями народа в области ономастики. Кроме того, личное имя отличается от прозвищ тем, что в первых нарицательное значение основ не столь очевидно, как во вторых: в прозвищах оно почти всегда свежо, а в личных именах затемнено [248. С. 10].

Основные признаки прозвищ, отличающие их от имен других типов, называет в своей статье Е.Ф. Данилина, различая их по характеру номинации: прозвище, в отличие от других имён собственных, не регламентировано и может возникнуть в любой период существования реалий, а количество их может меняться в течение жизни субъекта; прозвища возникают только с учетом свойств субъектов и объектов и, в отличие от фамилий, по наследству или родству могут перейти лишь в том случае, если именуемый обнаружит черты сходства; в прозвищах предельно ярко выражается двусторонность номинации: эта характеристика не только называемого, но и именующего. Наиболее важной особенностью прозвищ, сближающей их с апеллятивами (именами нарицательными), следует считать то, что названия прозвищем включает в себя – как первоэлемент номинации – формирование понятия о называемом объекте [75. С. 103].

Таким образом, являясь одним из видов антропонимов, прозвище имеет черты сходства и различия с другими их видами, легко соотносится с именем, фамилией. Прозвища помимо присущей всем именам собственным номинативной функции обладают также характеризующей и контактоустанавливающей, характеризуются разнородностью, индивидуальностью, наличием эмоционально-экспрессивной окраски.

Как раз к такому выводу в своей статье приходит Л.А. Сергеева: «Прозвища по своей природе полифункциональны: в речи они выполняют функции характеристики, персонификации и оценки лица в каком либо коллективе, а также функцию установления контакта» [218. С. 151].

Важно отметить и то, что прозвище не обязательно сопутствует субъекту на протяжении всей его жизни, редко передается по наследству, употребляясь в узких социальных группах. Важно отметить тот факт, что только в последние годы лингвисты обратили внимание на прозвища, бытующие в различных социальных группах: военных [110; 267; 126], политических деятелей и государственных служащих [101; 93; 21; 38; 242; 244], школьников [38; 54; 141; 242; 244], преступников [38; 66; 244] и др. Каждая из таких групп прозвищных образований

имеет свою функциональную, семантическую и стилистическую специфику и, как утверждают исследователи, «может изучаться и лексикографически описываться отдельно» [38. С. 60]. В данном исследовании нас будет интересовать функционирование прозвищных номинаций в студенческой среде.

В связи с тем что прозвища как антропонимическая категория являются фактами языка, они исследуются лингвистами с разных сторон: анализируются их фонетические, словообразовательные и грамматические особенности, изучается связь прозвищ с другими разрядами ономастической лексики (антропонимами, зоонимами, топонимами и др.), их роль в речевой коммуникации, прозвищные наименования рассматриваются как часть языковой и концептуальной картины мира.

Прежде всего, прозвищные номинации интересуют исследователей с точки зрения их происхождения. В изучении прозвищ наиболее важным является лексико-семантический аспект. Используя данный подход к рассмотрению языкового материала, ученые делят всю прозвищную лексику на семантические группы. Пионером в этом направлении принято считать А.М. Селищева, который анализирует происхождение русских фамилий, имён и прозвищ и рассматривает собранный материал, группируя дохристианские именованья по значению основ и по структурным типам, при этом не разделяя некалендарные имена и прозвища. Он выделяет следующие семантические группы: 1) обстоятельство появления нового члена семьи (найден, подкинут, взят у других), выражение ожидания и неожиданности появления нового члена, чувство родителей: **Найден**; 2) профилактика, то есть одна из функций прозвищ – заговорная; имя как оберег: **Бессмертной**; 3) семейные отношения (порядок и время рождения): **Меньшик**; 4) внешний вид, физические недостатки: **Брюхан**; 5) свойства: **Брыкун**; 6) социальное и экономическое положение: **Селянин**; 7) профессия, занятия, должность: **Дегтярь**; 8) пришельцы, место происхождения: **Инозем**; 9) церковные отношения и элементы: **Игумен**; 10) насмешливые клички: **Поганый поп**; 11) животные: **Лось**; 12) птицы: **Ворона**; 13) насекомые: **Жук**; 14) рыба: **Окунь**; 15) растения: **Дуб**; 16) пища: **Оладья**; 17) имена и прозвища по разным предметам: **Алмаз**; 18) татарские имена: **Мамай**; 19) имя народа: **Гречанин** [214. С. 110–114]. В основе классификации – материал, взятый, главным образом, из древнерусских рукописей, договорных грамот. Данная классификация сочетает в себе классификации по лексико-семантическим группам и принципам номинации. Обозревая личные имена и прозвища, стоит отметить, что наибольшая часть их относится к внешнему виду и свойствам человека. При этом прозвище чаще всего дается по физическим недостаткам или отрицательным свойствам. Но уже в классификации А.М. Селищева наблюдается смешение двух понятий: принципа номинации (или мотивировки данного прозвищного наименования) и характера номинации (или способа образования и характера производящего слова / основы прозвища). Например, татарские имена, от которых образуются прозвища (**Алай**, **Мамай**), – это лексико-семантическая группа, но при этом не отмечено, почему так называли человека (может быть, по сходству или какой-либо другой причине).

Классификация А.М. Селищева активно использовалась в работах более позднего периода, посвященных той же проблеме, например Ю.И. Чайкина, рассматривая диалектные прозвища, классифицирует их по семантике основ и полностью опирается на классификацию А.М. Селищева [284. С. 104]. Многие исследователи разграничивают прозвища по семантическому признаку [32; 23;

26; 76; 111; 202; 244]. Например, Т.Т. Денисова, анализируя прозвища Шумячского и Ершичского районов Смоленской области, замечает, что из 19 групп, выделенных А.М. Селищевым, функционируют на исследуемой территории только 16, но помимо этого исследователь дополняет и расширяет классификацию новыми семантическими группами, которые появляются в связи с изменением жизненных реалий: 1) прозвища по случаю из жизни: **Велосипед** – «о мужчине, который в детстве украл велосипед»; 2) прозвища, данные за сходство с героями книг, мультфильмов, кино, историческими личностями: **Штирлиц, Чебурашка, Терминатор**; 3) прозвища, данные за любимые слова, фразы, какие-либо характерные поступки, действия: **Матюк** – «о человеке, который часто употребляет нецензурные слова» и др. В итоге Т.Т. Денисова выделяет 9 дополнительных семантических групп прозвищной лексики [76. С. 82–86]. Конечно же, всё это свидетельствует о расширении прозвищ в коммуникации, об укреплении этой антропонимической категории. Таким образом, именно от классификации А.М. Селищева весьма часто отталкиваются исследователи, представляя свои лексико-семантические группы прозвищ в современных исследованиях.

В.К. Чичагов предложил несколько иную классификацию прозвищ, которая послужила основой для их системного описания. Анализируя прозвищные номинации, учёный выделяет две большие группы: индивидуальные прозвища (**Афрося Кривая, Ваня Казак**) и групповые, которые, в свою очередь, подразделяются на: а) профессиональные (**Гужеед** – бранное прозвище кучера или извозчика вообще); б) возрастные (**малявки**); в) территориальные (жителей деревни Девина зовут «**бутаками**»); г) территориально-диалектные, то есть поговору (**хамы**); д) социально-групповые (**Галман, галманьё** – мужик, олух, грубиян, невежа); е) прозвища других народов (**Таборь** – прозвище цыган); ж) бытовые (**извозчики, жеребцы**). К прозвищным номинациям В.К. Чичагов относит ещё две особые группы: партийные прозвища или клички (С.М. Костриков – **Киров**, М.В. Фрунзе – **Арсений**) и литературные псевдонимы (**Горький, Скиталец**) [290. С. 6–7].

З.П. Никулина предлагает смешанную классификацию прозвищ школьников, которые рассматриваются с точки зрения характера производящей основы и принципа номинации. Таким образом, исследователь выделяет следующие группы прозвищ: **отфамильные; отымённые; оценочно-ситуативные** [158. С. 70].

В первой группе представлены прозвища, образованные от фамилий с помощью различных словообразовательных способов. Стоит сказать, что многие исследователи обращают внимание на преобладание в речи именно отфамильных прозвищ. Исследователи описывают способы образования прозвищ такого типа и суффиксы, с помощью которых они образуются. Помимо общих теоретических вопросов, касающихся бытования отфамильных прозвищных образований, учёные также рассматривают их как базу для языковой игры, эффект которой достигается созданием ассоциативного параллелизма восприятия официальной фамилии и прозвища, например, **Птица** от Воробьёв, **ГАИ** от Гаевая, **Лялька** от Куклин, **Коробочка** от Коробейникова [67. С. 53]. Сама условность характеристики, приписываемой отфамильным прозвищным образованием его носителю, создаёт предпосылки для игры ассоциации языкового и внеязыкового плана, способствуя экспрессивному осмыслению прозвища, использованию его в целях индивидуализации общения в определённом социуме. Чем более не-

стандартным является используемый ассоциативный код создания отфамильного прозвища, тем более ошутим эффект языковой игры. Специфика этих прозвищ в том, что они не опираются на реальные свойства их носителей, а информация о возможной характеристике лица извлекается из «содержательного» компонента его фамилии [67. С. 51]. Всё это работает на игровую стихию речи, создающую эффект театрализации и релаксации.

Отыменные прозвищные наименования исследователи называют также прозвищами антропонимического типа. К этой группе относятся и дериваты, созданные от личного имени по окказиональной, детской или диалектной модели, которые вследствие своей нестандартности, «неузнаваемости» воспринимаются в качестве прозвища (**Аноха** от Анатолий, **Вака** от Валентина, **Геца** от Геннадий) [158. С. 73]. Отыменные прозвищные номинации выделяют не все лингвисты, так как по сей день невозможно провести чёткую грань между прозвищем и оценочным вариантом официального имени. Отыменные прозвища рассмотрены и в работе А.С. Щербак [301].

В основе образования оценочно-ситуативных прозвищ почти всегда лежит апеллятивная лексика. В данных номинациях отражаются свойства именуемого объекта, которые выражаются опосредованно, через другого человека, предмет или представителя животного мира. Классификация оценочно-ситуативных прозвищ частично повторяет лексико-семантическую классификацию, предложенную А.М. Селищевым [214. С. 110–114].

Многие прозвища могут иметь одновременно несколько мотиваций. При длительном употреблении прозвище способно менять мотивацию либо приобретает новые мотивы, один из которых может стать ведущим (он, прежде всего, понятен окружающим), а остальные несколько затушёвываются.

Однако, по мнению Н.Н. Ушакова, хотя и говорится о наличии в ряде случаев нескольких мотиваций, обычно же прозвище дается по одной из них, например, по внешнему виду, чертам характера, роду деятельности [271. С. 153]. Но при таком рассмотрении оказывается забытым функциональный аспект прозвищ, результатом которого являются различного рода смешение, утрата мотивов, появление новых, их взаимодействие.

Структурно-грамматические описания прозвищ (**структурно-грамматический аспект**) отдельных лиц занимают значительное место в антропонимических исследованиях. Например, Е.Ф. Данилина выделяет следующие типы прозвищ: 1) однословные единицы, среди которых могут быть имена существительные (**Гусыня**), имена прилагательные (**Железный**), имена числительные (**Восьмой**), наречия (**Ясенько**) и другие части речи; 2) словосочетания (**Лошадина голова**); 3) предложения (**В омете ночевал**) [75. С. 108].

К многообразию структурных типов обращается и Н.П. Клюева, группируя прозвища с формальной точки зрения: 1) однословные, как простые (**Рыжий**), так и сложные слова, включающие больше одной корневой морфемы и характеризующиеся при этом целью оформленностью (**Семицветик**); 2) составные именованья, представляющие собой словосочетания, которые, в свою очередь, подразделяются на двухкомпонентные (**Бог Солнца**) и многокомпонентные (**Максим Сто Тринадцатый**); 3) прозвища-фразы (**Не обожги**); 4) прозвища-аббревиатуры (**Ник-Ник**); 5) прозвища-формулы (**CuSO₄**) [102. С. 93–94].

В антропонимике принято считать, что возможность употребления нарицательных существительных в качестве имен собственных почти не знает

пределов. Это положение, бесспорно, касается и прозвищ, так как апеллятивная лексика весьма разнообразна в прозвищных наименованиях. Однако более тесная связь прозвищ с апеллятивами, ограниченная сфера употребления не могут не проявляться в каких-то особенностях, в том числе и грамматических. Рассматривая индивидуальные прозвища, многие исследователи в основном опираются на прозвищные однослова, совпадающие с апеллятивами или другими ИС, и лишь в редких случаях привлекают составные прозвища, построенные как субстантивные словосочетания (**Бритый Ежик, Принцесса Греза**) [271. С. 98]. Главное внимание сосредоточивается на грамматическом роде слов, выступающих в качестве прозвищ, на их отношении к полу носителя, в связи с чем затрагиваются и вопросы сочетания с прозвищами согласуемых слов.

Немаловажно также остановиться на **орфографических особенностях** прозвищных номинаций, поскольку их письменная передача вызывает немало трудностей. Н.П. Клюева полагает: «Основные затруднения при написании прозвищ касаются выбора букв при передаче звукового облика слова-имени» [102. С. 94]. При этом важно учитывать, что прозвищные образования функционируют как значимые имена, которые способны отражать какие-либо качества объекта. В связи с этим в них выражено значение нарицательных основ, сохраняющих связь с апеллятивами, от которых они образованы. Таким образом, всю прозвищную лексику возможно разделить на две основные группы. Орфографию прозвищ первой группы можно определить написанием апеллятивов в силу их генетической связи. Но есть и другая группа прозвищ, которые записываются по произношению. Эта группа не связана с правописанием имён нарицательных. Н.П. Клюева выделяет множество подобных прозвищ: **Свавик** (мальчик неверно произносил своё имя, ставшее в этой форме его прозвищем), **Учитверг** (диалектный переход звука «в» в «у») и др. [102. С. 95]. Существует много нерешённых вопросов, касающихся правописания прозвищных образований, которое следует тщательно исследовать и кодифицировать.

В современной лингвистике рассмотрение взаимодействия языка и культуры приобретает наибольшую актуальность. Появляются работы, в которых явления лексики и грамматики связываются с культурными особенностями нации, использующей тот или иной язык. Такого рода исследования не только описывают формальные закономерности развития конкретного языка, но и объясняют эти правила с помощью культурных особенностей лингвосоциума.

Общеизвестно, что в любом конкретном языке находят отражение ценности как доминанты культуры и как национально-специфические характеристики ментальности [70; 97; 114; 226]. Учёные полагают, что имена собственные наиболее ярко отражают национально-языковую картину мира, поскольку рассматриваются исследователями как «опознавательные этикетки» или как слова с перегруженной семантикой, которая включает всю энциклопедическую информацию, и сохраняют исторические реалии. Таким образом, прозвищные номинации можно рассмотреть в рамках **лингвокультурологического аспекта**, который позволяет проанализировать систему человеческих ценностей, где имена собственные, а именно прозвищные именованья, указывающие на физические, эмоциональные, духовные и социальные особенности лица, являются материалом для реконструкции фрагментов языковой картины мира, связанных с образом человека в языке [301; 97]. Целый комплекс ономастических моментов может заключать в себе информацию, которая отражает субъективные представления человека о мире и о самом себе. Такая информация содержится в самом

становлении структуры именованя, в частности, во включении в данную структуру разных по происхождению антропонимических единиц: исконно славянских, церковных, заимствованных, а также в смене именника в связи с принятием христианства и в развитой деривации самих личных имён. Подобного рода информация содержится и в прозвищах, в основе которых можно найти экспрессивные названия лиц (в значении последних выделяются внешний вид, качества характера человека, имеющие коннотативную окраску). Обилие этой группы прозвищ даёт возможность предположить, что в оценках разных качеств лица содержится скрытый образ человека идеального. Таким образом, изучив и классифицировав прозвища, можно получить данные, говорящие о том, какими морально-этическими и внешними качествами должен обладать человек. Анализ прозвищ позволяет решать ряд как собственно лингвистических, так и лингвокультурологических и этнокультурных проблем: определить лексико-семантические приоритеты, дать им лингвокультурологическую интерпретацию, объяснить преобладание отрицательных номинаций, выявить функционирующую (или функционировавшую) модель социальных отношений и т.д.

В отечественной лингвистике можно выделить работы, где рассматриваются прозвищные образования с позиции соотношения языка и культуры, хотя подобного рода исследований не очень много. Прежде всего, это монография Г.Г. Слышкина «Лингвокультурные концепты и метаконцепты», где в одной из глав анализируются прозвища лиц как концепты прецедентных личностей [226. С. 124–154].

В отечественном языкознании преобладающим типом концептов считаются концепты классов, например концепт «река», который объединяет множество объектов, соответствующих классообразующим признакам «постоянный поток значительных размеров с естественным течением по руслу от истока до устья». Однако Г.Г. Слышкин выделяет группу концептов, ориентированных не на обобщение множества феноменов, а на утверждение уникальности и культурной значимости индивидуального объекта или события. Их обозначают в лингвистике как прецедентные феномены, которые способны формировать прецедентную концептосферу в рамках лингвокультуры. Учёный выделяет два типа подобных концептов: 1) концепты единичных прецедентных феноменов, к которым относит: а) прецедентные личности (Наполеон, Гагарин), б) события (совет в Филях, битва при Ватерлоо), в) артефакты (коробка из-под ксерокса), г) географические объекты (Париж, Китеж-град), д) животные (Белка и Стрелка, Буцефал) и 2) концепты прецедентных миров [226. С. 123–124].

В рамках концептов единичных прецедентных феноменов Г.Г. Слышкин рассматривает концепты определённых личностей, которые занимают доминирующие позиции, так как они многочисленны и их ассоциативная структура отличается многообразием. Он утверждает, что каждый человек образует лингвокультурный концепт для конкретной части общества (семьи, коллег и т.д.), что подтверждается наличием вариативности его наименований. Стоит заметить, что подобного рода концептуализация индивида – весьма сложный процесс, где выделяется три основных уровня его формирования: внеличностная концептуализация, самоконцептуализация и социальная концептуализация. Более интересным представляется уровень социальной концептуализации, где происходит отбор из уже имеющихся имён у индивида, который обогащается новыми средствами номинации. Г.Г. Слышкин полагает, что прозвища как вид номинации отличаются многообразием средств и предоставляют огромную информацию

о концепте прецедентной личности. Учёный выделяет типы прозвищ, реализуемых в современной коммуникации: 1) трансформация имени без привнесения какой-либо дополнительной фактуальной информации о номинируемом (**Жирик**, **Вервольфович** от Владимир Вольфович Жириновский; **Черномор**, **Чёрный** от В.С. Черномырдин); 2) намёк на какие-либо объективные характеристики лица, в качестве которых может выступать его внешность (большие щёки С.В. Степашина → **Хомяк**), возраст (С.В. Кириенко – **Киндер-Сюрприз**, **Акселератор**), национальность (Б.А. Березовский – **Мечта антисемита**) и т.д.; 3) эмфатизация определённой черты характера, манеры поведения, привычки: А.Ф. Керенский – **Главноуговаривающий** и **Главноуспокаивающий** (занимая пост верховного главнокомандующего, реальной власти не имел и мог лишь только уговаривать и успокаивать бунтующие войска); 4) трансформация или интерпретация прецедентных высказываний прецедентной личности (прозвища В.В. Жириновского – **Владимир Юристович** и **Сын Юриста** связаны с его афоризмом «Моя мама – русская, а папа – юрист»); 5) отсылка к эпизодам биографии прецедентной личности: П.С. Грачёв – **Грачёв-Белодомский** (за руководство осадой Белого Дома в октябре 1993 г.) и **Паша-Мерседес** (от автомобиля марки «Мерседес», который он приобрёл при выводе российских войск из Германии) и т.д. [226. С. 132–134]. Важно отметить, что прозвищные номинации политических деятелей последней группы многочисленны, так как обозначение деятельности той или иной личности через его наименование присутствует в мышлении и надолго фиксируется в памяти социума.

В настоящий момент прозвищные образования исследователи стремятся рассматривать не только с точки зрения их соотнесённости с различными апеллятивами, мотивами, лежащими в основе проприальной номинации, но и с позиций социокультурного анализа таких вторичных антропонимических единиц, как прозвища. В своём электронном издании «Социальная когнитивная онимастика и культура» А.С. Щербак описывает прозвища Тамбовской области с точки зрения их мотивации и прикрепленности к определенным апеллятивам, которые делятся на визуальные (данные по внешнему виду), ментальные (данные по чертам характера, манере поведения), ситуативные (данные по какому-либо событию, каким-либо пристрастиям), профессиональные (данные по роду занятий) и т.д. Кроме того, исследователь анализирует соотносительность признаков именуемого лица, ассоциаций, послуживших рождению прозвища, с социокультурными когнитивными, которые имеют место в процессе рождения и функционирования прозвищ. Таким образом, в основу оценочной шкалы, которая определяет негативность / позитивность прозвищ, кладутся когнитивные, заложенные как в общерусской традиции, так и в традиции жителей определённого региона [301].

Таким образом, имя собственное как одна из универсалий языка и культуры выполняет функцию хранения и трансляции традиций, истории, культуры народа, в силу чего является сложным языковым знаком. Очень часто такие именованья входят в кодифицированный язык, употребляются в составе устойчивых сочетаний, активно используются в современной публицистике.

Рассматривая функционирование любых из существующих в реальной речи прозвищ, нужно учитывать помимо общеязыковой тенденции и то, что употребляется оно в небольшой социальной группе, где именуемый известен, и согласование по смыслу является естественным и оправданным.

Социальный подход к изучению прозвищных образований является чрезвычайно важным направлением в науке.

Прозвищные именованья всегда вызывают интерес со стороны исследователей, так как отражают социально-культурную сторону жизни общества. В научной литературе бытует мнение, что одной из главных функций имени собственного является социально-различительная [271. С. 170; 76. С. 119; 111. С. 32 и др.] помимо идентифицирующей, классифицирующей и индивидуализирующей. В своей монографии М.А. Грачёв пишет: «Все имена собственные делятся на естественно созданные и появившиеся в результате волевых усилий, то есть упорядоченно, искусственно. Имена, искусственно созданные, чаще всего функционируют в литературном языке, в частности в официальных бумагах, документах, а стихия имён, появившихся естественно, – разговорная речь» [66. С. 7]. Таким образом, прозвищные образования, бытующие в разговорной речи, признаются социальными антропонимами из-за функционирования в весьма узком коллективе. Следовательно, прозвищные номинации отражают реальный статус индивидуума в таком ограниченном социуме и его социальную оценку.

Исследуя прозвищные онимы как объект лексики, который изучает лексикология, современные исследователи склонны анализировать и описывать фактический материал в социолингвистическом аспекте. Общеизвестно, что в социальном аспекте слово рассматривается как общественный знак, как элемент словарного состава, отражающий социальную природу языка как средства общения. В нем рассматриваются те стороны слова, которые обусловлены не только лингвистическими (языковыми) факторами, но и экстралингвистическими (внеязыковыми), в первую очередь факторами социально-исторического характера [190. С. 96]. Таким образом, в задачи исследователей, изучающих прозвищные номинации с социолингвистической точки зрения, входит рассмотрение подобных образований как части словарного состава, который воссоздает явления в слове, отражающие социальную обусловленность языка. Социальная природа обнаруживается в языке как в средстве коммуникации: существуют разные языковые стили, нормы и сферы употребления слова. Язык не безразличен к социальным, профессиональным, возрастным и другим размежеваниям социума как коллектива индивидуумов, говорящих на определённом языке, применяющих его как инструмент общения, но в то же время и создающих его. Тем самым социальная природа языка обусловлена его назначением, функцией, ролью в обществе. Итак, социолингвистический подход к изучению прозвищных образований как части словарного состава языка предполагает разграничение собственно языковых закономерностей, по которым происходит их формирование и развитие, и социальных факторов, влияющих на ход этих процессов, определяющих природу социальной дифференциации языка.

Общеизвестно, что лексика современного русского языка, представляет собой весьма сложную систему, формируемую различными по происхождению (исконно русские и заимствованные из разных языков слова), сфере употребления (территориальные и социальные жаргоны), стилистической значимости (нейтральная и ограниченная определёнными типами речи лексика) группами слов. В речи они не существуют обособленно.

Анализируя и описывая прозвищные образования, современные лингвисты рассматривают эти номинации не по всем выделенным выше параметрам, а затрагивают лишь наиболее важный: социальную стратификацию. Таким образом, во главу угла ставится анализ фактического материала с точки зрения

социальной дифференциации общества или сферы употребления лексики: общеупотребительной и необщеупотребительной. Последняя представлена лексикой ограниченного употребления: диалектной, профессиональной, жаргонной, арготической. В конечном счёте, исследователи при анализе конкретных прозвищных онимов склонны прибегать к анализу речи определённой социальной группы, «поставленной в особые, обособленные условия жизни и общения» [190. С. 116], то есть к такой разновидности социального диалекта, как жаргонная лексика.

Общеизвестно, что жаргон не является самостоятельным языком, это лишь лексика и фразеология национального языка, отличающиеся особой экспрессивной окраской. Она приобретается путем переосмысления слов и выражений, метафоризации и метонимизации понятий, сокращения слов, искажения их звукового строя, но в то же время и за счет выхода из литературной нормы. Жаргонную лексику принято отличать от лексики диалектной и специальной (собственно-профессиональной и специально-терминологической), так как жаргон обозначает понятия, которые в общенародном языке имеют наименования [198]. Жаргонной лексикой пользуются разные общественные группы: профессиональные (артисты, шахтеры, моряки, журналисты, научные работники, врачи и др.), по интересам (филателисты, рыболовы, спортивные болельщики, рокеры, театралы), возрастные (школьники, студенты), общественные слои (в прошлом – сословия: например, купечество, аристократия, духовенство), представители так называемого дна общества (нищие, бродяги, преступники и пр.). Рассмотрим подробнее прозвищные онимы в жаргонах отдельных социальных групп.

А.И. Марочкин в рамках языка школьников рассматривает группы лексических единиц, входящие в «ядро» школьного жаргона, обеспечивающее его устойчивость: наименования учебных предметов (*неша* – пение, музыка, *матеша* – математика), школьных оценок (*твикс* – двойка, *трендель* – тройка) и др. Эти единицы реализуются в речи большинства школьников без каких-либо, например, территориальных изменений. При этом исследователь замечает, что отдельной частью школьного жаргона являются названия учителей и других школьных работников по их конкретным признакам. Эти наименования носят ярко выраженный «локальный» характер и фиксируются в речи учеников лишь той школы, где они были выработаны. Например: **Принтер** (учитель информатики), **Колба** (учительница химии), **Кисточка** (учительница рисования) и др. На наш взгляд, эта группа прозвищ является лексическими единицами, которые тоже могут входить в «ядро» школьного жаргона. Однако А.И. Марочкин отмечает и другие жаргонизмы, которые могут быть образованы на основе различных признаков внешности: **Восклицательный знак** (высокий рост), **Торпедный катер** (пышный бюст), **Рюмочка** (стройная фигура) и др. Автор также указывает, что многие жаргонные прозвища основаны на различных забавных случаях: **Ватрушка** (отнимал ватрушки, которые ели ученики на уроках), **Вертолёт** (упал с крыши, но не разбился) и др.

Исследователь приводит и другие примеры прозвищ, которые строятся на ассоциациях, возникающих при упоминании отдельных имён: **Меридиашка** (учительница географии носит платя в продольную полоску), **Кагорыч** (отчество Егорович, любит выпить) и др. [141. С. 41].

Таким образом, в различных социальных группах бытуют прозвищные онимы как часть жаргонной лексики, но стоит сказать, что степень пребывания прозвищных образований крайне различна. Как уже отмечалось, прозвища яв-

ляются социально обусловленными, а также они выражают социальную оценку в среде их функционирования, то есть в определённом ограниченном социуме. И.А. Королёва утверждает, что употребление прозвищ в неформальной среде «регламентируется следующими факторами: 1) степенью образованности человека: чем выше интеллектуальный уровень лица, тем по объективным критериям он реже употребляет прозвища в большом социуме, считая личностную оценку неправомерной, необязательной, часто ненужной; 2) степенью владения этикетом: чем более человек владеет правилами поведения в обществе, тем реже он употребляет прозвища; 3) возрастом коммуникантов: чаще бытуют прозвища в школьном, студенческом возрасте; чем старше становится человек, тем реже он использует прозвища, поскольку жизненный опыт показывает ему, что не всегда прямая, пусть даже позитивная оценка, заложенная в прозвище, помогает налаживать взаимоотношения с коммуникантами; 4) гендерный фактор: они чаще и активнее бытуют в мужской среде, где более приняты «солёные» словечки с яркой оценкой; 5) прозвища чаще всего функционируют в замкнутых коллективах, особенно если тому способствует профессия, например, в узкопрофессиональной среде (в швейном цехе, производственной бригаде и пр.); распространены в среде социально деклассированных элементов, в околокриминальной сфере; 6) проживание в городской или сельской местности; прозвища активнее в сельской среде, где они более частотны и устойчивы, распространены среди всех социальных групп населения» [111. С. 32–33].

Итак, современные прозвищные номинации представляют собой чрезвычайно сложную систему, которая в первую очередь интересует современных исследователей с точки зрения речевой коммуникации «для выявления отношений между коммуникантами, для уточнения обозначения человека в коллективе и определения отношения к нему близких, друзей, коллег, соседей» [111. С. 4].

Общеизвестно, что прозвищные онимы возникают изначально в неофициальной, обиходной речи, так как представляют некое удобство для адресанта и адресата коммуникации в именовании человека, того или иного предмета или процесса реальной действительности. Неформальная сфера общения может предполагать реализацию различных ситуаций с разноплановыми отношениями между коммуникантами. Поэтому в данной сфере различают бытовой субъязык (семейный, школьный, студенческий и др.), субъязык профессионально закрытых социумов (представителей шоу-бизнеса, спортсменов, политиков, военных и др.), субъязык деклассированных элементов (воров, проституток, нищих и др.) и других социально обособленных групп, для которых не существует каких-либо ограничений, принятых в официальной среде общения.

Лингвисты отмечают, что, прежде всего, прозвища начинают функционировать в семейной сфере при близком и непосредственном контакте коммуникантов, где доминирует бытовой субъязык [76. С. 120–122; 111. С. 4].

Семейные прозвища очень разнородны по своему составу, но всегда скрыты от посторонних людей, то есть не членов определённой семьи, поэтому иногда исследователи «прибегают» к другому термину, который чётче показывает специфику этих прозвищных номинаций – внутрисемейные прозвища [76. С. 120]. В любом случае, как полагает И.А. Королёва, семейные прозвищные наименования чрезвычайно активны в интимной сфере, почти всегда они «ярко экспрессивны, чувственны» [111. С. 4].

Другим не менее значимым сообществом, где функционируют прозвища и доминирует бытовой субъязык, являются разнообразные коллективы, которые

объединяют людей посредством дружеских или неприятельских отношений. З.П. Никулина замечает, что при тёплых приятельских отношениях, например в кругу друзей, используются «положительные» прозвища, а вот при недоброжелательных отношениях или же в ситуации их разрыва весьма часто используются «обидные» прозвища [158. С. 87].

В первую очередь, подобные коллективы создаются в процессе обучения индивидуумов в общеобразовательных и специализированных школах, техникумах, вузах, кружках и различных секциях (спортивных, музыкальных, художественных и т.д.) и других учебных заведениях. Учащиеся, как правило, способны замечать какие-либо характерные свойства или черты характера людей, особенности их внешности, привычки, поскольку находятся рядом друг с другом большое количество времени, поэтому они способны дать ту или иную оценку посредством прозвища. Это могут быть не только прозвища школьников и студентов, а также прозвища учителей, преподавателей и других сотрудников учебных заведений. Подобные прозвищные номинации будут рассмотрены в исследовательской части данной работы.

Прозвищные образования возникают также и в процессе трудовой деятельности человека, но они в большинстве случаев используются лишь в неформальном общении. Нужно отметить, что в таких сообществах прозвищными номинациями выделяются не только какие-либо свойства характера человека, его вкусы или пристрастия, а также профессиональные качества, которые выделяют коллеги определённого трудового коллектива. Исследуя факторы, влияющие на выбор прозвища, З.П. Никулина отмечает, что прозвищные образования употребляются для личного именованя в симметричных ситуациях общения, «участники которых имеют одинаковые социальные признаки: примерно одинаковый возраст, равное социальное положение в обществе, равное образование» [158. С. 75].

В этой группе стоит выделить особо прозвищные именованя политических, государственных и общественных деятелей, крупных предпринимателей, представителей шоу-бизнеса (певцов, продюсеров и др.), так называемых известных в России людей. Эти номинации потеряли одну из отличительных черт прозвищ – употребление в строго ограниченном коллективе. Выше уже говорилось о том, что именно эти прозвищные именованя массово вошли в общенародный язык посредством средств массовой информации и стали употребляться не только представителями какой-либо одной группы, связанной определёнными трудовыми отношениями.

Функционирующие прозвища (на арго – *погоняло*, *кликуха*, *кличуха*, *псевдо*, *пседо*) в криминальной или околокриминальной сферах, где бытует субъязык деклассированных элементов, носят несколько другой характер. В такой среде это, прежде всего, «маска, сокрытие своего подлинного лица от правоохранительных органов. Преступник до того привыкает к прозвищу, что не только откликается на него, но и сам представляется данным именем» [66. С. 4]. И.А. Королёва отмечает, что влияние клички как наименования человека в преступном мире так сильно, что реальные имена и фамилии остаются вытесненными из их жизни [111. С. 5].

Помимо описанных выше групп И.А. Королёва выделяет и прозвища, которые бытуют только в сельской местности. У подобных прозвищных образований есть своя специфика: жители определённой деревни или села «хорошо знают не только друг друга, но и бывших односельчан, своих предков и предков соседа, чтут

предания и традиции... индивидуальные именованья точны, образны и весьма стабильны» [111. С. 4].

Таким образом, прозвища функционируют в различных социальных группах, где может действовать бытовой субъязык, субъязык профессионально закрытых социумов, субъязык деклассированных элементов или территориальные диалекты. В каждом из этих социумов прозвищные номинации проявляют себя по-разному, имеют свою специфику.

Итак, одним из важных аспектов исследования прозвищных именованний является социолингвистический аспект. Прозвища всегда зависят от социальной ситуации общения. Они определяются интересами и особенностями речи замкнутой социальной группы. Прозвищные именованья способны отражать положение индивидуума в социуме, а также и его общественную оценку членами этого социума. Они употребляются лишь в сфере межличностного общения в неофициальной, обиходно-бытовой речи, отражают определённую гамму чувств в социальной группе, говорят о взаимоотношениях в коллективе. Прозвищные именованья способны выражать не только «тёплые» и дружеские отношения, но и неприязнь партнёров по коммуникации.

Таким образом, мы рассмотрели основные теоретические вопросы, связанные с такой категорией антропонимики, как прозвище.

Для русской антропонимической системы официальной лично-именной формулой является трехкомпонентный антропоним, состоящий из фамилии, имени и отчества. В общении между людьми широкое распространение получили различные типы однокомпонентных и двухкомпонентных антропонимов. Особняком в этом ряду стоят прозвища. Специфику данного вида антропонима следует рассматривать как в диахроническом (историческом), так и синхроническом аспектах.

Предложив различные концепции появления и функционирования прозвищ в древнерусском языке (возникновение прозвищ в результате изменения функций дохристианских имён; бытование их рядом с мирскими именами с древнейших времён; появление дополнительных именованний лица в качестве прозвищ после XV века), учёные пришли к выводу, что противопоставление канонических личных имён русским мирским постепенно привело к сдвигу значения в термине «прозвище». В итоге всех лексико-семантических преобразований, которые происходили со словом «прозвище», а именно сужение его значения до современного понимания, с XVIII века прозвище стало употребляться в значении дополнительного, второстепенного именованья лица, часто данного в насмешку. Использование лексемы «прозвище» как антропонимического термина в настоящее время следует считать общепринятым. Под ним понимается вид антропонима, который является факультативным именованьем, содержащим индивидуальную эмоционально-экспрессивную окраску, характеризующимся семантической наполненностью и действующим в рамках определённой социальной группы.

Учёные единодушны во мнении о нерешенности проблемы типологии современных русских прозвищ, так как отсутствует единое понимание этой антропонимической категории и не определены критерии выделения прозвищ из массы антропонимов. Но очевидно то, что прозвища обладают определённой семантической наполненностью. Они индивидуальны по своему образованию и возникают в результате самых разных отступлений от принятых норм именованья.

Русские индивидуальные прозвища неоднородны по собственно антропонимическому значению и способу характеристики именуемого, по лексико-семантическим и структурно-грамматическим признакам, степени экспрессивной выразительности. А также прозвищные образования, указывающие на физические, эмоциональные, духовные и социальные особенности лица, являются материалом к реконструкции фрагментов языковой картины мира, связанных с образом человека в языке. Целый комплекс ономастических моментов может заключать в себе информацию, которая отражает субъективные представления человека о мире и о самом себе. Важно отметить, что прозвища рассматриваются как база для языковой игры, эффект которой достигается созданием ассоциативного параллелизма восприятия официального и неофициального антропонимов. Многие прозвищные номинации могут иметь одновременно несколько мотиваций. При длительном употреблении прозвище может менять мотивацию либо приобретать новые мотивы, один из которых может стать ведущим, а остальные несколько затухают. Прозвища обуславливаются не только лингвистически, но и социально: при номинации учитывается положение денотата в социальном поле, поэтому прозвища отражают интеллектуальный уровень той группы, где они существуют, обладают двусторонностью номинации, характеризуя не только носителя, но и номинатора. Прозвища отражают реальный статус индивидуума в таком ограниченном социуме и его социальную оценку.

Прозвищные онимы возникают изначально в неофициальной, обиходной речи, так как представляют некое удобство для адресанта и адресата коммуникации в именовании человека, того или иного предмета или процесса реальной действительности. Неформальная сфера общения может предполагать реализацию различных ситуаций с разноплановыми отношениями между коммуникантами. Поэтому в данной сфере различают бытовой субъязык (семейный, школьный, студенческий и др.), субъязык профессионально закрытых социумов (представителей шоу-бизнеса, спортсменов, политиков, военных и др.), субъязык деклассированных элементов (воров, проституток, нищих и др.) и других социально обособленных групп, для которых не существует каких-либо ограничений, принятых в официальной среде общения. Таким образом, прозвища возникают в семье, в трудовых и учебных коллективах, в криминальной и околоскриминальной среде, а также в сельской местности. Исследователи рассматривают прозвища как одну из особенностей речи носителей социального и профессионального жаргона. Современные прозвища функционально привязаны к определенным коммуникативным ситуациям, прежде всего к неформальному и межличностному типу общения со сниженной, фамильярной тональностью. Предпочтение тем или иным языковым средствам подразумевает актуализацию разговорного языка, жаргонов, арго, просторечия.

Реальные прозвищные именовании всегда бытовали в определённых коллективах. Одним из таких коллективов является студенческая группа. Собранный нами материал можно классифицировать:

с точки зрения характера номинации, или в структурно-семантическом (способ образования и характер производящего слова / основы прозвища), то есть в лингвистическом аспекте;

с точки зрения принципа номинации, или мотивировки данного прозвищного наименования (почему так названо), то есть в экстралингвистическом аспекте.

В своих работах исследователи уже не раз обращались к анализу прозвищ с точки зрения структуры. Структурный подход в изучении прозвищ представляет собой одно из лингвистических направлений в исследовании материала. Структурный анализ входит в комплекс приёмов исследования ономастического материала [255. С. 207–208]. Рассматривая прозвища с точки зрения грамматической структуры слова, мы основываемся на общепризнанной классификации [75. С. 108] и выделяем **однокомпонентные** (или простые) прозвища, то есть слово, и **многокомпонентные** (или составные) прозвища, то есть словосочетание.

Итак, собранный нами фактический материал можно распределить следующим образом. К однокомпонентным или простым прозвищам относятся номинации, выраженные именем существительным в единственном числе **Свинья, Панда, Жираф**, именем прилагательным **Чёрный**, числительным **Шесть**.

Следующую группу прозвищ с точки зрения структуры представляют собой многокомпонентные или составные прозвища, выраженные словосочетаниями. Эти онимы образуются с помощью определённых синтаксических моделей, формула которых «слово + соединённая с ним подчинительной связью форма другого слова» [25. С. 600].

Укажем наиболее типичные модели:

1) $N + Adj$ (в препозиции): **Маленькая красавица, Старший брат, Свиное копыто;**

2) $N+Adj+Adj$: **Маленькая енотовидная кошка, Особенный бедный студент;**

3) $N_2+Adj+N$: **Принцессы лунный цвет;**

4) $N+N_1$: **Господин черепаха; Миллион Чан.**

Прозвища русских студентов с точки зрения структуры: $N+N_1$ **Ева Гала.**

Таким образом, в анализируемом нами материале наблюдается большое количество **многокомпонентных** (или составных) прозвищ китайских студентов. У русских студентов нами зафиксировано только одно **многокомпонентное** прозвище.

Индивидуальные прозвищные номинации могут быть образованы на базе имён собственных и имён нарицательных.

Рассмотрим прозвищные номинации русских и китайских студентов, образованные от имён собственных. Прозвища русских студентов могут образовываться *от фамилии* носителя:

Шелудько – *Шелудько* Александра; «*Это её фамилия. Её друзья считают, что она весёлая и смешная*».

Малыш – *Малыш* Елена.

Прозвищные номинации могут образовываться на базе фамилии при помощи различных суффиксов, например, -чик-: **Сафрончик** – *Сафронова* Дарья.

Прозвища китайских студентов тоже могут образовываться от их фамилий. При этом возможно созвучие с другим словом, зачастую с именем нарицательным: **Свинья (猪 Zhu)** – Чжу Цин (её фамилия Чжу при произношении напоминает китайское слово «свинья»).

При образовании прозвищ китайских студентов зачастую возможна контаминация какого-либо имени нарицательного и фамилии носителя:

Шесть шесть Гу (古六六 Gu Liu liu) – Гу Чэнь (её фамилия «Гу», с ней вместе в комнате живут шесть человек, из которых она самая молодая).

Миллион Чан (常百万 Chan Bai wan) – Чан Цзиньцзюнь (его фамилия Чан, говорят, что у его семьи есть миллион юаней).

Прозвищные номинации русских студентов могут образовываться на базе личного имени носителя. К примеру, **Димон** – Жидеев *Дмитрий*.

Прозвища китайских студентов тоже могут восходить к их личному имени. Здесь стоит сказать о созвучии личных имён с какими-либо другими именами нарицательными. Проиллюстрируем это с помощью примеров:

Шесть (六 Liu) – Гу Тяньсяо (его русское имя «Кирилл», «-рилл» похоже на произношение китайского слово «шесть»).

Новолуние (月牙 Yue Ya) – Чжан Юе (её имя «Юе» произносится со словом «луна» одинаково, ещё её глаза изогнутые как серп луны).

Наставник (夫子 Fu Zi) – Ян Фан (его русское имя «Яков», буква «в» произносится с китайским словом «наставник» одинаково).

Мышь (耗子 Hao Zi) – Чжао Хао (его имя «Хао» со словом «мышь» являются омонимами).

Прозвищные номинации могут образовываться от фамилии и личного имени носителя: **Ф два (F 2)** – Фань Фан (первая буква её фамилии и имени «Ф»).

Итак, прозвища китайских и русских студентов могут образоваться на базе имён собственных, которые принадлежат носителю прозвища, то есть прозвищные номинации зачастую восходят к фамилиям и личным именам. При этом в среде русских студентов в качестве прозвища используется фамилия без изменения, либо прозвища образуются от фамилий путём усечения производящей основы и суффиксации. При образовании прозвищ китайских студентов зачастую возможна контаминация какого-либо имени нарицательного и фамилии носителя, а также возможно созвучие фамилии носителя прозвища и имени нарицательного. Прозвища могут образовываться и от личных имён. При этом в китайской среде может наблюдаться некое созвучие личного имени и какого-либо имени нарицательного.

В анализируемом нами материале встретилось прозвищное именование, образованное от ника, который взял носитель в онлайн-игре: **Рихтер** – Манаенков Дмитрий.

Прозвищные номинации могут образовываться от имён собственных, которые, в свою очередь, не принадлежат носителям. Такие прозвища характерны лишь для русских студентов: **Ева Гала** – Каменщикова Евгения (Ева от имени Евгения; Ева Гала – супруга художника Сальвадора Дали).

Среди прозвищ китайских студентов отмечено прозвище, образованное от топонима – названия географического объекта: **Маленькая Дунбэй (小东北 Xiao Dong bei)** – Хань Цзиньфэн (Она приехала из провинции Дунбэй).

Прозвищные номинации могут восходить не только к именам собственным, но и к именам нарицательным, при этом они зачастую реализуют семантику апеллятива.

Подобные прозвищные номинации можно разделить на семантические группы:

1. Цвет: **Чёрный**.
2. Название животных: **Панда, Свинья, Горилла, Жираф, Пингвин, Кошка, Маленькая енотовидная кошка, Носорог, Мышь, Коала, Сова, Крокодил**.

3. Название вещи: **Мяч, Большая пушка, Пневматическое ружьё, Тарелка, Пэн** (с англ. ручка).

4. Название блюд или напитков: **Свиное копыто, Молоко, Чёрный кофе.**

5. Любимое слово, которое произносит человек: **Таванам, Шал.**

Таким образом, большинство прозвищ, созданных на базе имён нарицательных, входят в лексико-семантическую группу «Названия животных». Данные прозвища зачастую образуются путём метафорического переноса, то есть переноса по сходству, когда сравнивается какое-либо животное и человек. При этом в основе номинации весьма часто лежит какой-то один признак, по которому сравнивает номинатор.

Прозвищные номинации, как известно, характеризуют их носителя по каким-либо качествам, свойствам. Данные неофициальные именованья создаются на базе имён нарицательных, которые формируют то или иное представление о личности. В этой группе вслед за А.С. Щербак выделяем *визуальные* (внешний облик человека), *ментальные* (особенности характера личности) и *ситуативные* (реальные жизненные ситуации, послужившие для возникновения номинации) *прозвища* [301]. Рассмотрим эти группы прозвищ более подробно.

Когда новый человек «входит» в какой-либо замкнутый коллектив, в первую очередь его участники обращают внимание на его внешний вид: рост, объём, отдельные части тела (волосы, лоб, глаза, лицо, губы, зубы и т.п.), и если данные параметры каким-либо образом отклоняются от стандарта, который традиционно складывается у любого этноса за долгий период его культурно-исторического развития, то сразу же при обозначении лица возникают прозвища, несущие какую-либо оценку.

Собранные нами визуальные прозвищные номинации можно разбить на лексико-семантические группы. Прежде всего, мы обратимся к прозвищам китайских студентов. Здесь выделяются группы со следующими семами:

Полный

Четыре круга (四个圈 Si Ge quan) – Чжао Хэхуа; она полная девушка и у неё большой живот.

Иногда номинатор в прозвище может фиксировать не один визуальный признак, а несколько. К примеру, **Высокий толстяк** (高胖子 Gao Pang zi) – Гао Цзе; он очень высокий и полный человек.

Худой

Африканский беженец (非洲难民 Fei Zhou nan min) – Ян Бин; он очень худой, у него очень чёрная кожа.

Высокий

Жираф (长颈鹿 Chang Jing lu) – Гэн Мин; она самая высокая студентка в группе;

Горилла (大猩猩 Da Xing xing) – Дин Хун; он очень высокий и похож на гориллу.

Красивый

Маленькая красавица (小美女 Xiao Mei nv) – Ли Хуншань; она маленькая красивая девушка.

Некрасивый

Чудовище (妖怪 Yao Guai) – Цин Янань; она не очень красивая девушка, «чуть-чуть похоже на чудовище».

Цвет кожи

Чёрный (黑 Hei) – Лю Чживэй; у него чёрная кожа и он очень сильный мальчик;

Чёрный кофе (黑咖啡 Hei Ka fei) – Лин Чяньчянь; у неё черная кожа и она очень любит пить кофе.

Молоко (牛奶 Niu Nai) – Ян И; у него белая кожа как молоко.

Части тела

а) большой живот: *Большой живот* (大肚皮 Da Du pi) – Ван Вэнь; она всегда много ест, её живот всегда большой;

б) большая голова: *Большая голова* (大头 Da Tou) – Цзя Сяоди;

в) наличие татуировок на теле: *Татуировка на теле* (纹身 Wen Shen) – Лю Шэнчжэ; у него есть татуировка на теле и руках.

Среди прозвищ русских студентов встретилось прозвище, образованное по принципу энантиосемии – противоположности значений одного и того же слова [198. С. 29]: **Амбал** – Хурамаев Александр; «Когда пришёл в клуб, кто-то, посмеявшись над его щуплостью, сказал: «Смотрите, амбал пришёл». Ср. амбалом обычно называют большого человека.

Таким образом, в прозвищах, дающихся по какому-либо визуальному детальному отличию одного человека от ряда ему подобных, всегда заметно отклонение от нормы, которая исторически определяется культурными традициями русского народа. «Аномальная» черта внешности [12. С. 83], замеченная носителем языка, несёт за собой негативную характеристику лица, данную в шутку или в насмешку, и как следствие воплощается в его прозвище.

Следующую группу прозвищ студентов представляют ментальные прозвища, то есть восходящие к особенностям характера индивидуума. Данные номинации создаются на базе оценки личности человека, в них содержится указание на различные, чаще отрицательные черты личности, которые не приемлет коллективная память народа. Сюда входят прозвища со следующими семами.

Имеет физическую силу

Геркулес (大力 Da Li) – Ян Кай; он сильный человек: когда он играет в волейбол, он кидает мяч очень далеко.

Силич (大力 Da Li) – Ван Дали; его имя похоже на китайское слово «сила», и на самом деле у него большая сила.

Имеет твёрдый характер

Старший брат (大哥 Da Ge) – Чжао Фэй; у неё характер как у мальчика; она не грязнет в мелочах.

Ненстоящий мальчик (假小子 Jia Xiao zi) – Сюй Шаньшань; по характеру она похожа на мальчика.

Имеет чувство юмора

Мультфильм – Гордеев Павел (шутить любит, всех смешит).

Таким образом, при анализе прозвищ, восходящих к внешнему виду и к особенностям характера человека, можно утверждать, что количество последних малочисленно. Думается, что выделить визуально личность, найти бросающийся в глаза недостаток во внешности или отметить какую-либо аномальную часть тела гораздо проще, чем узнать её внутреннюю сущность. Создавая ментальные и визуальные прозвища, номинаторы стремятся использовать апел-

лятивную лексику, которая эмоционально окрашена, чтобы выделить и обозначить то или иное лицо из массы других.

Одну из групп прозвищ студентов образуют прозвища, данные по манере поведения, различным привычкам, любимым занятиям (хобби), разным случаям и событиям из жизни человека (ситуативные прозвища). Здесь можно выделить следующие лексико-семантические группы.

Способ передвижения

а) ходит медленно: *Господин черепаха* (龟先生 Gui Xian sheng) – Дин Пэн; он ходит медленно как черепаха;

б) бегаёт вразвалку: *Пингвин* (企鹅 Qi E) – Мэн Лина; она бегаёт вразвалку как пингвин.

Способ мыслить: *Грубый ребёнок* (笨笨 Ben Ben) – Чжан Чжонюань; он медленно думает.

Различные привычки

а) любит спать

Особенный бедный студент (特困生 Te Kun sheng) – Ван Июньцян; у слова «бедный» в китайском языке есть значение «очень хотеть спать», этот студент всегда хочет спать на уроке, поэтому его так называют.

Большая пушка (大炮 Da Pao) – Ли Цян; он всегда спит на уроке и сильно храпит.

Маленькая свинья (小猪 Xiao Zhu) – Ло Чжисян; он любит спать и очень ленив;

б) любит выпускать газы: *Пневматическое ружьё* (气枪 Qi Qiang) – Сунь Хэйпин; этот человек любит выпускать газы, поэтому все называют его так;

в) любит разговаривать: **Ла-Ла** – Сачков Александр (болтливый);

г) любит говорить определённое слово:

Да, да сестра (Да да 姐 Da Da jie) – Ли Сяоцунь; она всегда говорит «да, да» после слов преподавателя на уроке;

Шал – Сорокин Алексей (его любимое слово);

Таванам – Еремеев Игорь (его любимое слово);

д) боится собак: *Кошка* (猫 Mao) – Сунь Чжицян;

е) любит гадать, изучает особенности гадания: *Волхв* (算命先生 Suan Ming xian sheng) – Пань Юечжан;

ж) тратит деньги: *Принцессы лунный цвет* (月光公主 Yue Guang gong zhu) – Чжан Динь; «лунный цвет» и китайское слово «юе гуан» омонимичны; слово «юе гуан» имеет и другой смысл в китайском языке – расходовать до последней копейки каждый месяц, эта девушка всегда так делает;

з) носит определённую одежду: *Коала* (考拉 Kao La) – Ян Сюнь; носит одежду серого цвета;

и) любит играть в компьютер ночью: *Сова* (夜猫子 Ye Mao zi) – Ли Фэй;

к) любит писать: *Пэн* – Гулич Александр (от англ. ручка);

л) любит драться: *Утюг* – Данилов Роман; любит подраться и сметает всех и всё вокруг, как утюг.

Различные жизненные ситуации:

Второгодник (留级生 Liu Ji sheng) – Ма Чжиго; он был второгодником два раза;

Миллион Чан (常百万 Chang Bai wan) – Чан Цзиньцзюнь; говорит, что у него есть миллион юаней.

Футбол – Синеев Владимир; «*пьяного жена пинала, как мячик*».

А у реки – Сагунев Роман; «*выпив, всегда поет эту песню*».

Таким образом, в группу ситуативных прозвищ входят прозвища, которые их носители получают по каким-либо случаям или событиям, произошедшим в их жизни, манере поведения, привычкам, увлечениям и т. п. Это индивидуализирующие названия-характеристики, чаще всего выразительно-образные. В них имеется отсылка к эпизодам личной жизни человека, привлекающим внимание участников замкнутых коллективов.

Многочисленные отклонения от нормы поведения человека в обществе позволяют номинаторам обратить на них внимание и на базе различных ассоциаций подобрать апеллятивы или онимы, которые превращаются в прозвища. В таких прозвищах отмечены, прежде всего, какие-либо отрицательные черты в поведении личности, что находит воплощение в их прозвищах.

Итак, современные прозвища – это сложный и уникальный мир, занимающий весьма значимое ономастическое пространство в языковой картине мира индивидуума и широко бытующий в неформальной сфере коммуникации.

В структуре антропонимического поля прозвища относят к периферийной зоне. Эта периферия поддерживается наибольшей близостью к именам нарицательным.

Мы исследовали функционирование прозвищ в студенческой среде. Мы определили статус такой антропонимической категории, как прозвище, рассмотрели отличие прозвищ от других разрядов антропонимической лексики (фамилии и личного имени), а также обратились к аспектам изучения прозвищных номинаций (структурный, семантический, лингвокультурологический, социальный и др.).

Таким образом, прозвищные номинации студентов с точки зрения структуры бывают однокомпонентными (или простыми), то есть состоят из одного слова, причём зачастую они выражены именами существительными в единственном числе, и многокомпонентными (или составными), то есть словосочетания, которые реализуются по различным моделям. Чаще всего составные прозвища выражены моделью N + Adj, где имя прилагательное находится в препозиции. Стоит отметить, что среди многокомпонентных прозвищ преобладают прозвищные номинации китайских студентов, для русской студенческой аудитории характерно употребление однокомпонентных прозвищ.

Прозвища студентов могут образовываться как от имён собственных, так и от имён нарицательных. Прозвища русских студентов зачастую восходят к их фамилиям и личным именам. При этом в среде русских студентов в качестве прозвища используется фамилия без изменения, либо они образуются от фамилий путём усечения производящей основы и суффиксации. При образовании прозвищ китайских студентов возможна контаминация какого-либо имени нарицательного и фамилии носителя, а также возможно созвучие фамилии носителя прозвища и имени нарицательного. Прозвища могут образовываться и от личных имён. При

этом в китайской среде может наблюдаться некое созвучие личного имени и какого-либо имени нарицательного.

Прозвищные номинации могут восходить не только к именам собственным, но и к именам нарицательным, при этом они, как правило, реализуют семантику апеллиатива. Большинство прозвищ, созданных на базе имён нарицательных, входят в лексико-семантическую группу «Названия животных». Данные прозвища чаще всего образуются путём метафорического переноса, то есть переноса по сходству, когда сравнивается какое-либо животное и человек. При этом в основе номинации обычно лежит какой-либо один признак, по которому сравнивает номинатор.

С точки зрения принципа мотивации выделяем визуальные (внешний облик человека), ментальные (особенности характера личности) и ситуативные (реальные жизненные ситуации, послужившие для возникновения номинации) прозвища. Визуальные прозвища студенты получают в основном за их объём тела (полный / худой), рост, красоту, цвет кожи (в прозвищных номинациях китайских студентов подчёркивается тёмный цвет кожи), а также за «аномальные» части тела. В ментальных прозвищах отражается физическая сила, твёрдость характера, чувство юмора студентов. Ситуативные прозвища позволяют выделить человека из ряда ему подобных, они надолго запоминаются в коллективе, имеют массовое распространение. Подобные номинации, основанные на эпизодах жизни человека, порой бывают чрезмерно экспрессивными. Случаи и события из жизни человека в стереотипном мышлении, которое складывается благодаря различным культурным традициям народа, считаются нестандартными, отклоняющимися от определённой нормы, закреплённой в культурной памяти этноса. Именно поэтому подобные ситуативные прозвища, возникающие путём превращения апеллиатива в прозвище или путём нахождения различного рода ассоциаций, «приклеиваются» к их носителям весьма надолго, а порой и на всю их жизнь.

Факт, что прозвища являются вторым именем. Происхождение их мотивировано, а сами они представляют собой систему, не менее сложную, чем система имён. Прозвища зачастую прямо и непосредственно характеризуют человека, при этом они отягощены различными коннотациями, поэтому неформальны, личностны.

Функционирование цветообозначений в русском и китайском языках*

«Способность различать цвета составляет существенную часть возможностей зрительного восприятия человека, цвет связан с восприятием окружающего мира, – пишет Вернадский В.И. – Естественен и лингвистический интерес к проблеме цветообозначений: во-первых, экстралингвистические позиции цвета, существующие в природе, отражаются и в языковой системе; во-вторых, цветообозначения представляют собой сравнительно компактную и легко выделяемую лексическую группу, в которой отражается объективное разнообразие цветовой гаммы. Однако цвет в разных языках отражается по-разному» [46. С. 3].

Нам предстоит выявить, в чём заключаются различия и сходства в восприятии цветообозначений носителями русского и китайского языков.

* © Се Вэнькай

Актуальность работы обусловлена выбранным аспектом исследования. Этнопсихолингвистический анализ языкового материала позволяет не только описать языковые особенности выбранной лексики, но и понять особенности национального сознания русских и китайцев.

Для начала необходимо:

- 1) проанализировать научную литературу по проблемам этнопсихолингвистики,
- 2) собрать языковой материал для анализа через анкетирование и этнопсихолингвистический эксперимент с целью выявить, каковы значения цветов в сознании носителей китайского и русского языков,
- 3) выявить сходства и различия восприятия цветообозначений русскими и китайцами,
- 4) объяснить причины сходства и различий восприятия цветообозначений в связи с влиянием различных факторов.

В процессе анализа языкового материала мы ввели следующие рабочие термины:

1. Индивидуальный фактор – это личное восприятие, которое зависит от хобби и характера носителей, характеризуется особенностями личности, чем можно объяснить некоторые необычные ассоциации.

2. Общественный фактор – совокупность типичных ассоциаций, обусловленных явлениями общественной жизни.

3. Естественный, или природный, фактор, т.е. естественные свойства предметов.

4. Национально-культурный фактор – отражение культуры в языке. Для определения специфики цветообозначений национально-культурный фактор является самым главным в нашем анализе, так как только его присутствие в ассоциациях позволяет определить, имеет ли данный цвет специфическое значение в русском и китайском языках, т.е. **специфический цвет** имеет какое-то особенное значение в каком-то языке.

Мы исследуем ответы информантов, полученные в процессе анкетирования (всего проанализировано 100 анкет – 50 китайских и 50 русских студентов); цветообозначения в толковых словарях русского языка; цветообозначения в китайско-русских словарях; цветообозначения в русской и китайской литературе.

Условные обозначения, используемые в работе:

СВИ: Сходство восприятия по индивидуальному фактору.

СВО: Сходство восприятия по общественному фактору.

СВЕ: Сходство восприятия по естественному фактору.

СВК: Сходство восприятия по национально-культурному фактору.

РВИ: Различие восприятия по индивидуальному фактору.

РВО: Различие восприятия по общественному фактору.

РВЕ: Различие восприятия по естественному фактору.

РВК: Различие восприятия по национально-культурному фактору.

А.П. Василевич считает, что наиболее распространена в литературе следующая точка зрения на последовательность этапов развития цветовой лексики [282. С. 9].

Вначале цвет передается опосредованно путем указания на цвет соответствующих распространенных предметов или объектов природы: «как молоко», «как снег» (белый), «как сажа» (черный), «как кровь» (красный) и т.д.

Затем появляются абстрактные слова специально для обозначения цвета (белый, черный, красный). В большинстве развитых языков в этой функции выступают прилагательные. Некоторые из них становятся названиями основных категорий, на которые делится цветовое пространство в данной культурно-языковой общности людей.

Далее возникают слова, которые выполняют функцию названия цвета, но образованы от названий соответствующих предметов: «как кровь» > «красный, как кровь» > «кровавый»; «как небо» > «голубой, как небо» > «небесный» и т.д. Поначалу этот процесс идет достаточно медленно: между появлением в языке самого названия предмета и последующим использованием его как основы для названия цвета проходило от 100 до 500 лет (например, в английском языке к XV в. таких слов было не более десятка-двух: трава, снег, орех, зола, мак, молоко, сапфир, вишня, яблоко, облако и т.п.). Указанный процесс проходил весьма неравномерно в разных языках, и потому наряду с «естественным» цветоименованием по предмету языки все время «заимствовали» готовые модели друг друга [282. С. 10].

Узнавание процесса развития цветовой лексики помогает нам найти источники ассоциаций респондентов.

А.П. Василевич также отмечает, что бывают и такие случаи, когда заимствованное слово приходит как синоним для уже имеющегося в языке слова. Иногда заимствованное слово может вытеснить «свое» слово из основного фонда (например, лошадь, собака вместо конь, пес). В других случаях победителем выходит исконное слово, а заимствование после некоторого непродолжительного периода употребления уходит из языка [282. С. 11].

В нашей работе выполнен анализ большого количества заимствованных слов, особенно в ассоциациях к цветам, поэтому нам нужна данная теория.

А.П. Василевич в работе «Цветоименования как пример национально-культурных особенностей языкового сообщества» [282. С. 20] пишет, что к числу центральных проблем этнопсихолингвистики относят проблему соотношения языка и мышления и, более конкретно, проблему влияния языка на познавательную деятельность его носителей, включая категоризацию действительности. Все исследования в данной области основаны на сопоставлении разных языков, особенно представляющих кардинально различные культуры. Но «излюбленным» материалом служат так называемые примитивные культуры. Предполагается, что жизнь соответствующих племен и народов в известной мере напоминает жизнь наших далеких предков и, следовательно, языки этих народов должны содержать типические черты, свойственные языкам первобытных людей. Начальный период изучения проблемы характеризуется представлением о первобытном мышлении как явлении крайне неопределенном, которое можно лишь частично воссоздать, исследуя структуру языков современных народов, находящихся на низком уровне культурного развития.

Многие исследователи указывали, что языки «примитивных» народов богаты словами со специфическим значением и бедны словами с родовым значением. Австралийские аборигены имеют отдельные названия почти для каждой мельчайшей детали человеческого тела: так, например, у них существует много отдельных слов, обозначающих верхнюю часть руки, ее переднюю часть, правую руку, левую руку и т.д., но нет слова «рука»; в языке туземцев Тасмании нет слова для понятия «дерево», но есть специальные названия для каждой разновидности эвкалипта и акации и т.д. [282. С. 20]

Мы выбрали наиболее известные слова, обозначающие цвет, – 12 основных цветоименований (семь названий цветов радуги, три ахроматических – серый, белый и черный, а также розовый и коричневый).

Мы проанализировали 10 цветов, кроме голубого и коричневого, по материалам ассоциативного эксперимента, а также по данным толковых словарей русского языка и художественных текстов.

Формирование цветообозначений связано с самим восприятием человеком окружающего мира, с разными свойствами предметов: цвет лица, кожи, цвет волос или цвет неба, земли, растений [261. С. 118].

Такое сложное значение у каждого цвета. Хорошее знание значения каждого цвета может помочь нашему анализу результатов ассоциативного эксперимента, и мы анализируем причины сходств и различий восприятия цветообозначений в связи с влиянием различных факторов при помощи значения цветов.

В нашем исследовании представлены сходства и различия в восприятии цветообозначений носителями русского и китайского языков.

Мы провели анкетирование и этнопсихолингвистический эксперимент с целью выявить, каковы значения цветов в сознании носителей китайского и русского языков. Всего было опрошено 100 человек, среди них 50 китайских студентов и 50 русских студентов. Всем респондентам было задано несколько вопросов. В анкетах респонденты должны назвать по одной ассоциации к каждому слову: чёрный, красный, фиолетовый, жёлтый, серый, синий, зелёный, розовый, оранжевый, голубой и коричневый.

Из результатов эксперимента следует, что существуют многочисленные различия и сходства в восприятии цветообозначений носителями русского и китайского языков. Данные различия и сходства должны стать предметом этнопсихолингвистического анализа.

По нашему мнению, имеется 4 фактора, объясняющих существование различий и сходств в восприятии цветообозначений носителями русского и китайского языков. Мы ввели термины: индивидуальный, естественный, общественный и национально-культурный фактор.

Индивидуальный фактор проявляется в личных ассоциациях, которые люди придумывают сами, например красный – телефон, оранжевый – мороженое. По индивидуальному фактору ассоциации к цветам обычно зависят от хобби и характера носителей, характеризуются особенностями личности, могут объяснить некоторые странные восприятия, например, синий – человек, розовый – тапочка. Сходство восприятия по индивидуальному фактору далее сокращённо будем называть СВИ, а различие восприятия по индивидуальному фактору – РВИ.

Совокупность особенностей общего восприятия в зависимости от явлений общественной жизни называется общественным фактором, например, жёлтый – Билайн, розовый – Hello Kitty. Общественным фактором не обязательно называется наличие данных ассоциаций у большинства носителей языка, главное, что ассоциации могут объясняться общественными причинами, не связанными с культурой. Сходство восприятия по общественному фактору далее сокращённо назовем СВО, а различие восприятия по общественному фактору – РВО.

Естественный фактор, иными словами природный, проявляется в том, что ассоциации связаны с естественными свойствами, предметами, явлениями. Например, синий – небо, море; зелёный – лес, трава. Объяснить сходства и различия восприятия цветообозначений по естественному фактору сложно, но это можно

сделать через сопоставления пропорций (анализ частотности ассоциаций). Сходство восприятия по естественному фактору далее сокращенно назовем СВЕ, а различие восприятия по естественному фактору – РВЕ.

Цвет, культура, язык всегда тесно взаимосвязаны друг с другом. Национально-культурный фактор является самым главным, интересным и сложным в нашем анализе и имеет существенное различие, поскольку каждая нация имеет свою собственную культуру, и между культурой Китая и России существует большая дистанция. Национально-культурный фактор всегда связан с культурой, например, жёлтый – дракон (ассоциации кит.); серый – волк (ассоциации рус.). Почему? Объяснить их только можно исходя из культурных особенностей двух стран. Сходство восприятия по культурному фактору далее сокращённо назовём СВК, а различие восприятия по национально-культурному фактору – РВК.

Определив факторы, мы можем заниматься изучением цветообозначений в русской и китайской культуре и определением национально-культурной специфики.

Из результатов эксперимента следует, что существуют многочисленные различия и сходства в восприятии цветообозначений носителями русского и китайского языков.

Белый

У белого цвета у русских и китайских информантов нет сходных ассоциаций по индивидуальному фактору и по общественному фактору. По естественному фактору общие ассоциации: снег, облако, небо и рис. Облако и небо всем известны, что касается риса и снега, то здесь необходим анализ. Мы уже сказали, что объяснить сходства по естественному фактору редко можно через сопоставление пропорции, т.е. через анализ частотности ассоциаций. 42% русских респондентов считают, что белый представляет собой снег, а только около 10% китайских респондентов считают так же. Ведь в Китае зимой снег бывает редко, особенно на юге Китая, в среднем два или три раза в год, а то не идёт совсем. Обычно это небольшой снег, который через два дня тает. Метели на юге Китая никогда не бывает. Однако китайцы любят снег, наверное, из-за того, что редко видят, для них снег – это желание. Россия находится севернее Китая, поэтому российская погода более холодная, чем китайская, зима в России длиннее, чем в Китае, и снег идёт раньше и чаще, нередко бывает метель, кажется, снег – символ России. Зимой Россия представляет собой снежную страну, а снег тает обычно в конце марта, т.е. русские живут со снегом почти полгода, для них снег является привычкой, поэтому в абсолютном большинстве русские считают, что белый – это снег.

В Китае рис является самой основной пищей, каждое блюдо принято есть с рисом, хотя ещё едят пампушки и лапшу, но рис едят чаще всего. Для русских рис не обязательное блюдо, в России из основной пищи люди едят хлеб, макароны, картофель и т.д. Это тоже связано с климатом, кстати, фактор погоды всегда относится к естественному фактору. Хотя Россия владеет крупнейшей территорией мира, но только на 20% территории можно заниматься сельским хозяйством. В Китае сельское хозяйство является первым производством, заниматься рисоводством гораздо легче, чем в России, особенно на юге Китая, где рис созревает 3 раза в год и каждый день люди едят рис: на завтрак, обед и ужин. И неудивительно, что в качестве ассоциации к белому китайцы написали рис больше, чем русские.

Белый – это свадьба. Вначале мы посчитали, что это будет различие между двумя странами. Ведь по китайской традиции свадьба должна быть красного цвета. Традиция относится к национально-культурному фактору, хотя традиция может устареть. В современном Китае невеста тоже одевается в свадебный наряд, как в Европе, и увидеть себя в самом красивом свадебном наряде является мечтой китайских девушек.

Нас интересуют различные ассоциации по общественному естественному и национально-культурному фактору. Белая Олимпиада – это Зимние олимпийские игры, между прочим, у русских принято считать, что зима представляет собой белый, а лето – зелёный, таким образом, зелёной Олимпиадой называется летняя Олимпиада. Почему ассоциация «мех» относится к РВЕ? Дело в том, что эта ассоциация связана с фактором климата. Из-за сурового климата в России русские любят одеваться в шубы и меха. Особенно женщина, если хочет показать благородный темперамент, обычно выбирает белый мех. Что касается ассоциации «белая ворона», то это специфическая русская ассоциация. Ворона, конечно, чёрная, белая ворона обозначает «особенный», ненормальный человек, человек не такой, как все, вообще это имеет плохой смысл. Китайские ассоциации совсем разные, даже существует противоречие с самими собой, например, некоторые думают, что белый – это свадьба, а иные считают, что белый – это похороны. На самом деле в китайской культуре белый цвет должен символизировать похороны. Ведь на китайских похоронах посетителям надо носить белые шапки, а родственникам необходимо одеваться в специальные белые одежды для похорон. В деревнях ещё поднимают белые бумажные флаги, разбрасывают белые специальные бумажные деньги. Это китайская традиция похорон.

В китайском языке названия многих вещей являются сочетанием слов со словом «белый» – bai, эти вещи обычно представляют собой белый цвет или бесцветны. Например, белая бумага – bai zhi, белая рубашка – bai cheng shan, белая вода – bai kai shui. Такие названия просто привычка, а белый мусор обозначает белое загрязнение. Что касается ассоциации «белая экипировка», то это длинная история. Здесь речь идет не о настоящей экипировке, а о так называемой экипировке в компьютерной Интернет-игре. В последнее время Интернет распространяется и развивается очень быстро, компьютерные игры уже стали очень популярным развлечением в Китае: мужчины и женщины, даже дети и старики – все любят играть в компьютерные игры и тратят на них много времени. В игре обычно белая экипировка является простой экипировкой, зелёная экипировка лучше белой, затем идет синяя, но самая хорошая экипировка – это фиолетовая и оранжевая. В китайском языке у слов «красный» и «синий» существует также специфическое жаргонное значение из лексикона геймеров – людей, увлеченных компьютерными играми, – красное лекарство (для крови) и синее лекарство (для волшебства).

Следовательно, у белого цвета существуют большие различия в ассоциациях русских и китайцев. Он очень специфичен как в китайском, так и в русском языке.

Чёрный

Джемпер, футболка, компьютер, телефон и чулки – эти ассоциации одинаковы у русских и китайцев, но почему китайские ассоциации входят в СВИ, а русские входят в СВО? Было проведено анкетирование среди 30 русских (15 студентов и 15 студенток) респондентов, которым был задан вопрос: «Какой

цвет вам больше всего нравится?». Ответы информантов распределились следующим образом: 11 студентов – чёрный, 1 студент – зелёный, 1 – красный и 2 – синий, а девушки: 6 – красный, 5 – чёрный, 3 – фиолетовый, 1 – розовый и 1 – белый. Почти 50% студентов выбрали чёрный. Таким образом, мы пришли к выводу, что русской молодёжи больше всего нравится чёрный цвет. Так, чёрный цвет уже стал социальным феноменом, значит, для русских на эти ассоциации влияет общество. Чёрные волосы сейчас тоже очень популярны в России, многие люди красят волосы в чёрный, иные русские с черными волосами намного красивее.

О чёрном дне русские и китайцы думают по-разному, у русских чёрный день – это 13 день месяца или пятница, а у китайских – четверг. Причина связана с восприятием цифр. Русским не нравится цифра 13, а в китайском языке цифра 4 имеет произношение «si», тождественно с произношением слова «смерть», а четверг – это четвертый день в неделе, поэтому китайцы не любят цифру 4 и четверг.

Чёрный плащ – это известный американский мультсериал «*Darkwing Duck*», этот мультсериал тоже известен всем, но название в разных языках звучит по-разному. В переводе на китайский язык этот мультсериал называется «Старшая утка» («Tang lao ya»). Следовательно, названия иностранных объектов при переводе на разные языки будут различаться, что влияет на различное восприятие цветообозначений. Такая ситуация тоже относится к РВО.

Если кому-то нравятся спортивные марки, то он должен знать, что чёрный обозначает adidas, оранжевый обозначает Nike, синий обозначает Reebok. На наш взгляд, такие ассоциации возникают не только у китайцев, но и везде, эти фирменные магазины обычно открываются очень близко друг к другу в Китае, чтобы была конкуренция.

В китайском языке многие вещи принято называть сочетаниями со словом «чёрный» (hei), поскольку они обычно представляют собой чёрный цвет или у них имеется какой-то чёрный признак. Например, доска – hei ban, африканец – hei ren (чёрный человек), мафия – hei she hui (чёрное общество). У ассоциации «африканец» и «чёрное общество» также есть своё национально-культурное значение. В китайской культуре белый обозначает положительное качество, а чёрный цвет – это символ зла. В китайском языке перед некоторыми словами используется слово «чёрный» – hei, чтобы с национально-культурной точки зрения придать смысл «злой», «жадный», «хаотический», «несправедливый» и т.п. Слово «африканец» (чёрный человек) обозначает не настоящего африканца, а жадных людей, хитрых бизнесменов, всегда совершающих обман и ведущих несправедливый бизнес. Китайская молодёжь часто использует предложения «Какое у тебя чёрное сердце!» (hei xin!), «Как чёрен!» (zhen hei!), чтобы ругать жадных людей и хитрых бизнесменов. Итак, можно эти слова тоже являются жаргоном.

«Чёрное общество» (hei she hui) тоже является не названием настоящего общества, а знаком организации триады, т.е. формы тайных преступных организаций в Китае и китайской диаспоре. В китайском языке, если что-то касается триады, перед словами добавляют слова «чёрный», например «чёрное золото» (hei jin – деньги, зарабатываемые триадой), «чёрный путь» (hei dao – жизнь триады).

Несомненно, чёрный цвет представляет собой специфический цвет и в русском языке, и в китайском.

Красный

Вообще это положительный цвет, и в русских восприятиях, и в китайских восприятиях. Красный огонь – это словосочетание часто используется в песнях и стихах двух стран. Красный – один из наиболее спорных цветов. Цвет чувствуется так жарко, горячо, используется в стихах и песнях, выражает пафос, энтузиазм и подобные сильные чувства. Относительно этого у китайцев утвердились такие ассоциации, как «красное солнце», смысл тот же «горячо» и «жарко». Что касается ассоциации «красный флаг», то всем известно, что китайский флаг имеет красный фон с 5 жёлтыми звездами, у российского флага 3 главных цвета: белый, синий, красный. Но самое главное, что у двух стран был одинаковый путь политики – коммунизм. Кажется, красный цвет был символом власти, революции, это был символ двух стран. Тем не менее, в восприятии красного цвета у нас все же наблюдается существенная разница.

Во время нового года в Китае все должно быть красным – «красный конверт» (дают детям деньги), «красное двестишье». По китайской традиции у нового года есть 15 дней, и в 15-й день каждая семья вешает красный фонарь, что обозначает воссоединение и счастье. Этот день называется «финальным праздником». На новый год вешают перец на дверь, что тоже имеет такой смысл. В России никто не вешает перец на дверь во время нового года, а фонарь? Это даже смешно. Ведь в Древней Руси, если где-то висел красный фонарь, то это означало, что там женщины лёгкого поведения ждут клиента, поэтому с красным цветом у русских была ассоциация «краснофонарное заведение». В Китае тоже такие места существуют, там не висят красные фонари, но тоже называются «красным местом». По китайской традиции на свадьбу все должно быть красным, «красная дама» – «hong niang» (сваха), «красная линия» – «hong xian» (для того чтобы соединять любовь между невестой и женихом), на стёкла машин должны наклеивать слово «囍» – «xi» (счастье), которое состоит из двух слов «喜» – произношение тоже «xi» (смысл «счастье»). Однако слово «囍» – это квазислово, оно создано людьми и используется только в свадьбах. По мнению китайцев, счастье + счастье = красный цвет.

Ассоциация «красный парус» от русского известного романа «Алые паруса», написанного Александром Грином. Одна девушка видела во сне своей царевича, и один человек сказал, что он придет к ней на корабле с алым парусом, девушка каждый день ждала у моря. В этой сказке был хороший конец. В конце концов, один молодой капитан приготовил алый парус, и они влюбились. Следовательно, красный цвет в восприятии русских тоже отличный цвет, обозначает счастье.

Ассоциация «красный нос» тоже относится к РВК. Русский поэт Николай Алексеевич Некрасов написал поэму «Мороз, Красный нос». «Мороз, Красный нос» – это старая фольклорная рифма, ведь в русской традиции есть дед мороз, он всегда с красным носом от холода.

МТС – одна из наиболее известных компаний коммуникаций. Её официальный цвет – красный. Другие известные компании тоже влияют на восприятие цветов. Например, в России красный – МТС, жёлтый – Билайн; в Китае синий – China Mobile, красный – такси (хотя сейчас такси уже имеют разные цвета, но раньше все такси были красными, красное такси – уже закрепилось в нашем восприятии).

Rocket – одна из наиболее известных команд из NBA (национальная баскетбольная ассоциация в США), известный китайский баскетболист Яо Мин играет за эту команду, её символ – красный цвет. В Китае сейчас самый популярный спорт – это баскетбол, в Китае самое большое количество болельщиков. По средам, субботам, воскресеньям соревнования команды Rocket показывают по программе CCTV5. Конечно, другие команды тоже известны в Китае. Например, команда Leaker – жёлтый, звезда игрок Коби Бин Брайант известен всем. Таким образом, мы делаем вывод: известные группы или люди могут повлиять на ассоциации цветообозначений носителей двух языков.

Мак в представлении русского человека произрастает якобы из крови убитых, в частности воинов. Отсюда маки (красные) ассоциируются с памятью о погибших. Об этом свидетельствует одна из песен о героях, погибших в Великой Отечественной войне:

Маки, маки, красные маки,
Горькая память земли,
Неужели вам снятся атаки,
Тех, кто с этих холмов не пришли.

Но нельзя смешивать данное символическое значение слова мак с его античным символическим значением, ср. у А. Пушкина:

Друзья! Вам сердце оставлю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей.

В этом стихотворении мак – символ сна, блаженного покоя, отдыха. «На ложе маков...», т.е. на ложе блаженных снов и невинных мыслей. Ведь в античной культуре мак – символ сна, отдыха и покоя. Ассоциация мака со сном, может быть, объясняется снотворно-успокаивающим действием семян этого растения [261. С. 117].

Конечно, красный цвет представляет собой специфический цвет как в русском, так и в китайском языке.

Жёлтый

У жёлтого цвета различия небольшие. Но мы уже сказали, что при анализе СВЕ нужно учитывать частотность ассоциаций. Ассоциация «лимон» по количеству имеет большую разницу (9 – у русских и 1 – у китайцев). Это связано с привычкой в быту. Русские больше используют лимон в быту. Допустим, мы скажем, дайте мне чашку чая, пожалуйста! Китаец будет давать простую горячую воду, а русский будет давать чай с лимоном. Дело в том, что русские никогда не пьют простую горячую воду, они любят пить чёрный чай, обычно с лимоном; а у китайцев принято пить простую горячую воду, чай с лимоном тоже бывает, но очень редко. Итак, ассоциация «лимон» должна относиться к СВЕ.

По мнению китайцев, жёлтый цвет вообще представляет собой благородный цвет. Ведь жёлтый – это цвет золота, и в Древнем Китае только император мог одеваться в жёлтый халат (в китайском языке этот халат называется «халат дракона» – «лун пао», на халате нарисован большой жёлтый дракон). Китайцы считают, что император является аватаром дракона, является сыном бога, поэтому он может иметь самую большую власть. Но в современном Китае жёлтый цвет

уже не является благородным цветом, слово даже приобретает противоположное значение. В Китае молодёжь на жаргоне говорит «очень жёлтый», это не обозначает «очень благородный», а обозначает «хулиган». «Жёлтая книга» и «жёлтый фильм» в китайском языке имеет один смысл – порно, что можно объяснить двумя причинами. Во-первых, это связано с одним европейским порнографическим журналом «Yellow book», который вошёл в Китай в 1894 г. Он печатался на жёлтой бумаге. Между тем, Китай только вышел из феодального общества, поэтому люди очень интересовались этим журналом. Во-вторых, у китайцев жёлтая кожа, они являются жёлтыми людьми, в порнофильмах показывают только жёлтый цвет. Таким образом, в китайском языке жёлтый цвет обозначает «порно». Интересно, что в китайском языке жёлтый цвет имеет значение двух крайностей, совмещает в себе самое низкое значение и самое благородное, но сейчас значение «порно» используется чаще.

Что касается ассоциации «жёлтый тюльпан», то в России есть известная песня «Жёлтые тюльпаны». В песне жёлтый тюльпан обозначает безнадежную любовь. Когда цветы одного вида отличаются цветом, язык их тоже символичен. Например, тюльпаны бывают нескольких цветов, разный цвет имеет разное значение: красный тюльпан – «я тебя люблю», жёлтый тюльпан – «безнадежную любовь», белый тюльпан – «любовь ушла», чёрный тюльпан – «сентиментальная любовь», фиолетовый тюльпан – «вечная любовь» [47]. Ассоциация «жёлтая хризантема» в Китае обозначает долговечность и счастье. Китайцам очень нравится жёлтая хризантема, со времён династии Сун было торжественное хризантемное собрание каждый год в сентябре.

Восприятие жёлтого цвета имеет большие различия, связанные с культурой двух стран, таким образом, данный цвет очень специфичен для России и для Китая.

Зелёный

Зелёный цвет представляет собой естественный цвет природы, поэтому сходны ассоциации двух наций – «лес», «трава» и «лист», как у синего цвета ассоциации только «море» и «небо». Здесь тоже есть особенности. Обратите внимание на ассоциацию «трава», её частотность 12 (рус.) и 22 (кит.). Мы считаем, что это явление оформилось тоже из-за климата. Из-за холодной погоды в России трава растёт вообще с конца апреля, в октябре уже снег идёт; а в Китае до апреля уже везде трава: и на горах, и на полях.

В русском языке слово «зелёный» ещё вызывает ассоциации «доллар» [283], «лето» и «молодёжь». Здесь ассоциации «лето» и «молодёжь» легко понять: летом все растения растут, это подобно человеку в молодом возрасте. Что касается ассоциации «доллар», то можно сказать, зелёный – универсальный, то есть то, чем без препятствия и везде можно пользоваться (Единая валюта), смысл как зелёный коридор. У зеленого цвета есть еще интересное значение – «шапка». Китайские мужчины не любят зелёные шапки, в магазине их продавать невозможно, ведь это самое серьёзное оскорбление для мужчины. Когда у жены есть любовник и она изменила мужу, в таком случае её мужа назовут «человек в зелёной шапке».

Кроме того, ещё много слов сочетаются с прилагательным «зелёный», по значению близко к слову «натуральный», например «зелёные продукты», «зелёный завод» и т.д.

Итак, мы приходим к выводу, что у зелёного цвета только в китайском языке есть национально-культурное значение.

Синий

Сходство синего цвета больше выражается в естественной стороне (небо, море). Почему большинство русских считают, что синий – это море, а большинство китайцев считают, что синий – небо? В городе Владивостоке был проведен опрос. Люди, живущие в приморском городе, конечно, больше видят море. Что касается ассоциации «джинсы», то всем известно, что они являются самыми популярными брюками среди молодёжи как в Китае, так и в России. Сходства индивидуального восприятия и сходства восприятия по национально-культурному факту не выявлены.

Мы полагаем, что русским больше нравится синий цвет, чем китайцам, это мнение представлено в результате анализа данных эксперимента. У русских множественные индивидуальные ассоциации к синему цвету (книга, чайник, дым, человек), а у китайцев нет ни одной индивидуальной ассоциации. Значит, русские в жизни любят использовать слово «синий». Предполагаем, что ассоциация «синий дым» может относиться к РВИ и к РВЕ, это восприятие по естественному фактору в том случае, если воспринимается природный цвет дыма – синеватый или сизый. Китайские ассоциации «экипировка», «лекарство для волшебства» были объяснены при анализе ассоциации к слову «красный».

Розовый

Розовый цвет в любой культуре означает романтичность, доброту, любовь, страстность. Детям, особенно девушкам, розовый цвет очень нравится, и поэтому кукла розовая, помада розовая. В русском языке слово «роза» имеет корень слова «розовый», означает романтичность. В китайском языке словосочетание «розовое сердце» (feng se de xin) означает чистую любовь. Тем не менее, существует большая разница восприятия розового цвета носителями двух языков.

Ассоциаций к розовому цвету у китайцев намного больше, чем у русских. В китайском языке множественные ассоциации к розовому цвету: сердцевидный торт, Hello Kitty, девушка и т.д. Эти ассоциации вообще представляют собой милые симпатичные предметы. Ассоциация «медсестра» – в больницах Китая медсестры одеты в розовые халаты. Ассоциация «персик» – климат России не подходит для роста персика, в России весной люди не могут видеть цветение персика, и поэтому упоминание персика или цветов персика исключено в русских стихах. А в Китае весной везде и повсюду распускаются цветы персика, как будто розовое море, поэтому у многих китайцев возникает подобная ассоциация.

Итак, мы пришли к выводу, что розовый цвет не представляет собой специфический цвет в русском и китайском языке, но в китайском языке ассоциации к розовому цвету больше касаются девушки.

Фиолетовый

Одним из наиболее таинственных цветов считается фиолетовый. Он объединяет покой и равновесие синего с энергией и агрессией красного. Этот цвет усиливает чувства. Среди людей, которые любят фиолетовый цвет, много артистов, поэтов. Таким образом, в современном обществе самым популярным, самым модным цветом является фиолетовый цвет. Молодые люди любят одеваться в фиолетовые джинсы, пальто и т.п.

Если розовый цвет в китайском языке обозначает милую симпатичную девушку, то фиолетовый цвет символизирует взрослую красивую девушку с та-

индивидуальном запахом. Ассоциации «секс», «романтизм», «таинственность», «чулки» – все касаются девушки. Мы полагаем, что фиолетовый цвет в китайском языке обозначает созревающую любовь.

Ассоциация «фиолетовый тюльпан» опять же касается языка цветов, фиолетовый тюльпан обозначает вечную любовь. Ассоциация «лаванда» имеет значение «ожидание любви» [47].

По причине того, что слова «фиолетовый» в древнерусском языке не было, оно было заимствовано позже из европейских языков [34]. Следовательно, фиолетовый цвет имеет мало особенностей восприятия у русских. Только ассоциация «слива» выражает разные значения. По мнению Макса Фасмера, первоначально слово «слива» обозначало окраску (ср. лат. *līvos* «синеватый», *līveō*, *-ēre* «иметь синеватый цвет») [273]. Иначе говоря, в русском языке слово «слива» должно обозначать синий цвет, но в мире существует много видов сливы, а на российской территории посажены сливы фиолетовые, поэтому фиолетовый цвет русскими ассоциируется со сливой, а по-китайски такая слива называется как английское слово «Black Prune» – «hei bu lin».

В китайском языке слово «слива» (Li) появилось 2500 лет назад. В Древнем Китае врачами китайская слива воспринималась как лекарство, так как во многих китайских древних монографиях описана слива, например, «Канон о внутреннем императора Хуан ди, трактат о внутреннем» (период Чжаньго 475–221 гг. до н.э.), монография «Бэнь цао ган му» (автор Личжень 1518–1593), только там описаны слива красная или слива зелёная, совсем не была описана фиолетовая слива.

Итак, мы пришли к выводу, что фиолетовый цвет не представляет собой специфический цвет в русском языке, но является специфическим цветом в китайском.

Оранжевый

Слова «оранжевый» тоже в древнерусском языке и в древнем китайском не было, его заимствовали позже из европейских языков [273]. Следовательно, у оранжевого цвета мало ассоциаций, и никакие ассоциации не касаются культуры. Кроме индивидуальных ассоциаций присутствует ассоциация «Голландия», так как всем известно, что оранжевый цвет является символическим цветом Голландии. В данном случае нас интересуют ассоциации «апельсин» и «мандарин».

Существует несколько версий происхождения слова «апельсин». Одни предполагают, что оно произошло от слова «orange» – «золотой», другие – от персидско-арабского слова «paerang» – «горечь вкуса».

Португальские мореплаватели, к примеру, называли его «китайским яблоком». В Россию апельсины попали из Голландии, «яблоко» по-голландски – *appel*, «китайский» – *sien*: а-пель-син.

Кстати, слово «оранжерея» также произошло от слова «апельсин» – «оранже». В XVI в. в Средней Европе было очень модно разводить апельсиновые деревья в специальных крытых павильонах [273].

Слово «мандарин» в китайском языке имеет и другое значение – чиновник. В португальском языке это название было поддержано близким по звучанию исконно романским глаголом *mandar* «приказывать» (с его корнем связано, например, русское слово «командир»). В результате китайских чиновников стали называть мандаринами во многих европейских языках. Почти сразу же это слово

стало употребляться и как прилагательное, обозначающее литературный китайский язык. Почему это произошло? Сначала посмотрим, чему в китайском языке соответствовало португальское слово «mandrim». Это иероглиф «官» (guān), имеющий значение «чиновник, официальное лицо». Он входил в название гуаньхуа (官話, guānhuà), обозначавшее официальный китайский язык. Гуаньхуа можно перевести как «официальная речь» или «речь чиновников». Когда это название перевели на европейские языки, возникло выражение Mandarin Chinese. Современное китайское название для литературного языка – путунхуа (普通話, «общая речь») [273].

В русский язык слово «мандарин» попало из французского. Оно встречается, например, в книге А.И. Гончарова «Фрегат Паллада»: «мандарины, род мелких, но очень сладких и пахучих апельсинов». В XIX в. мандарины часто также называли корольками. Возможно, это название связано с встречающимися в литературе названиями мандарина: английским king orange или французским roi de Siam [273].

Перейдем к ассоциации «Украина» и «солнце».

Ассоциация «оранжевое солнце» – это цвет заката и цвет вечернего солнца, поэтому она относится к СВЕ.

Ассоциацию «Украина», наверное, написал украинец или русский, которого интересует политика. В Украине 2004 г. произошла «оранжевая революция», все участники которой были украшены оранжевыми лентами, являющимися символом солидарности с движением В.А. Ющенко на Украине. Следует сказать, что эта революция сильно повлияла на Россию, её политику, международные отношения, поэтому сохранилась в сознании русских, что проявляется в ассоциациях.

Оранжевый цвет не представляет собой специфический цвет в русском языке, но является специфическим цветом в китайском.

Серый

Стоит упомянуть серый цвет. Что он означает? «Это среднее между светом и тьмой. Это не территория, где можно жить, а граница, ничейная полоса. Серый цвет обычно предпочитают скрытные люди, не умеющие наладить хорошие контакты с окружающими, тихие дети» [311. С. 90].

Из результатов эксперимента ясно, что у информантов такие неприятные ассоциации к серому цвету: скука, дождь, пасмурная погода, туча и т.д.

Отмечено, что «преобладание серого цвета в интерьере городов создает напряжение, своего рода агрессию равнодушия» [Там же]. Например, ассоциации «свитер», «кофта», «чулки». Ассоциация «серое пространство» проистекло из одной китайской очень грустной одноименной песни. Серая память, конечно, обозначает какое-то грустное воспоминание. Ассоциация «серый волк» – это устойчивое выражение из русских народных сказок и песен. Из других ассоциаций ясно, что серый цвет не представляет собой специфический цвет в китайском языке, но является специфическим цветом в русском.

Цвет – сложное явление, имеет свои национальные особенности в зависимости от истории, культуры, традиций, природы и т.д. По нашему мнению, действуют четыре фактора, объясняющих существование различий и сходств в восприятии цветообозначений носителями русского и китайского языков. Мы ввели следующие термины: индивидуальный, естественный, общественный, национально-культурный фактор. По данным факторам в аспекте этнопсихологии

вистики мы проанализировали 10 цветов, после анализа анкетирования и этнолингвистического эксперимента пришли к выводу: 1) белый, чёрный и красный цвета представляют собой специфические цвета как в китайском, так и в русском языке, у этих цветов существуют большие различия в ассоциациях русских и китайцев; 2) жёлтый и зелёный только в китайском языке имеют культурные значения, например, зелёная шапка – у человека неверная жена, жёлтый дракон – знак китайского императора; 3) серый цвет только в русском языке имеет культурное значение серый волк – устойчивое выражение из русских народных сказок; 4) синий цвет является природным цветом и в китайском, и в русском языке – это цвет неба и моря; 5) розовый и фиолетовый не представляют собой специфические цвета ни в китайском, ни в русском языке, однако в китайском языке их ассоциации больше касаются девушки; б) оранжевый цвет является специфическим цветом в китайском языке, оранжевый мандарин в китайском языке имеет и другое значение – чиновник. В России слово «оранжевый» хотя и заимствовано из французского языка, теперь активно используется в русском языке, например, оранжевая революция, оранжевое кафе. Можно сказать, что оранжевый цвет постепенно становится специфическим цветом и в русском языке.

Почему в нашем исследовании отсутствует описание голубого и коричневого цвета? Во-первых, результаты ассоциативного эксперимента в отношении коричневого и голубого цветов не получились, поэтому у нас нет материала для исследования ассоциаций к этим цветам. Вначале мы попытались в анкете задать респондентам вопросы об отношении к голубому и коричневому цвету. Однако китайским респондентам не нравится, когда в анкетах одновременно присутствует голубой и синий, так как их ассоциации к синему цвету совпадают с ассоциациями к голубому цвету. Большинство участников не дали никакого ответа в вопросах относительно коричневого цвета. Во-вторых, все наши респонденты являются студентами, т.е. в социоллингвистическом аспекте у них симметричные социальные роли и почти одинаковый социальный статус. Если бы у наших респондентов были разные характеристики личности, т.е. разный возраст, разная профессия или разный уровень образования, то можно было бы получить другой результат.

Функционирование фразеологизмов, характеризующих человека, в русском и китайском языках*

Фразеология (от греч. *phrasis* – выражение, *logos* – учение) – раздел лингвистики, в котором изучаются семантические, морфолого-синтаксические и стилистические особенности фразеологизмов [132. С. 3].

В.В. Виноградов писал: «Фразеология – это величайшая сокровищница и непреходящая ценность любого языка. В ней, как и в зеркале, отражаются история и многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его нравственные ценности, религиозные воззрения и верования. Фразеология отражает мир чувств, образов, оценок того или иного народа, она самым непосредственным образом связана с культурой речепроизводства. Кроме того, фразеология – неистощимый источник познания языка как развивающейся и изменяющейся системы. В ней заключены и современные языковые

* © Т.В. Ковалёва, Фэн Хаочжэнь

образования, и реликты древнейших эпох – слова, формы, конструкции. Поэтому для тех, кто интересуется историей и культурой своего народа, фразеология – одна из самых увлекательных и занимательных сфер языка» [184. С. 131].

Фразеологизмом называется лексически неделимое сочетание слов, обладающее целостным, обобщенным значением, как правило, экспрессивно окрашенное [252. С. 5]. Фразеологический оборот выполняет номинативную функцию (назывную) в языке и одновременно характеризует предмет (положительно или отрицательно). В отличие от слова, структура фразеологизма сложная, она вбирает в себя как минимум два компонента, но может включать три, четыре и больше. Например, валять дурака, кот наплакал, жить как кошка с собакой, переливать из пустого в порожнее.

Н.В. Баско в учебном пособии «Русские фразеологизмы – легко и интересно» отмечает: «Главное отличие фразеологического оборота от слова заключается в особенностях его семантики. Слово в языке может иметь прямое и переносное, образное, значение. В отличие от слова, значение фразеологизма всегда переносное, метафорическое, образное. Оно идиоматично, скрыто. Носители языка знают, понимают этот «скрытый» смысл фразеологизмов, а для иностранцев он всегда лингвистическая загадка, секрет. Именно поэтому фразеологизмы являются наиболее сложной в семантическом плане группой языковых единиц для иностранных учащихся» [20. С. 8].

Правильное и уместное использование фразеологизмов придаёт речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность. Фразеологизмы украшают как устную речь, так и литературные произведения. Неуместное или неправильное использование этих выражений делает речь не только скудной, но и стилистически неграмотной.

Ещё в дореволюционное время в России стали собирать материалы по русской фразеологии и издавать сборники иносказаний, крылатых слов и выражений. Можно сказать, что косвенно история изучения фразеологии русского языка начинается именно с того времени, когда фразеологические единицы русского языка стали включаться в словари и получать в них толкование [184. С. 132].

Сколько фразеологизмов в русском языке? Что каждый из них значит? Каковы особенности каждого фразеологизма? Правильно ли мы употребляем их в речи? Что уже известно о происхождении некоторых из них?

За два последних десятилетия написано значительное число статей по фразеологии русского языка, защищены диссертации, изданы монографии. Намечены самые различные аспекты их изучения, причем как приверженцами традиционных методов исследования языка, так и сторонниками новых направлений в современном языкознании. Предложены различные схемы классификации фразеологизмов.

У русистов нет единого мнения о том, что такое фразеологизм, или фразеологическая единица языка, нет, следовательно, и единства взглядов на то, каков состав таких единиц в языке.

Списки фразеологизмов русского языка, предлагаемые различными учеными, настолько отличаются друг от друга, что можно говорить о различных, часто прямо противоположных, даже исключаящих друг друга взглядах на фразеологизм.

В состав фразеологизмов русского языка одни ученые относят все устойчивые сочетания слов, другие – ограничивают перечень фразеологизмов

русского языка только определенной группой устойчивых словосочетаний. У одних ученых во фразеологию языка попадают пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, афоризмы, у других – не попадают. Сплошь и рядом в состав фразеологизмов русского языка включаются различные описательные и аналитические обороты речи, сложные союзы, сложные предлоги, составные термины и т.д. Отдельные ученые называют фразеологизмами словосочетания типа горбатый нос, толстый журнал и т.п., а также отдельные слова, например: чепуха, сумбур и т.п.

В качестве критериев определения фразеологизма в русском языке называют устойчивость, целостность значения, возможность структурных вариантов или новообразований, воспроизводимость, непереводаемость на другие языки. В целом фразеологизм характеризуют как сочетание слов с переносным значением, как устойчивое словосочетание с идиоматическим значением, как устойчивую фразу в фразеологизме находят метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональную окраску и т.д. Слова и словосочетания, специфичные для речи разных групп населения, по классовому или профессиональному признаку, для литературного направления или отдельного автора, можно назвать фразеологией [252. С. 6].

В.В. Виноградов писал: «Для мещанских слоев дореволюционной России характерно обилие уменьшительных («выпить кружечку пивка», «закусить бутербродиком с колбаской»), народных этимологий (спинжак, полуклиника, крылос), эвфемизмов (типа: в интересном положении, под мухой), особых фразеологических идиоматизмов (типа: покрыть лачком, на большой палец, почем зря), особых «формул вежливости» (извините за выражение) и вводных слов (вот и главное между прочим) и т.п.» [184. С. 131].

Для аристократических жаргонов XIX в. типично было «пересыпание» речи иностранщиной, сначала французской, позднее – английской.

Для речи медиков типичны такие наречия, как кпереди, кзади, такие обороты, как лечь под нож, проделать психоз, банальная форма, летальный исход.

Шахматист никогда не скажет «съел королеву коньком», а «взял ферзя конем»; моряк – вместо «приехал на пароходе» скажет «пришёл на судне»; охотник-гончатник скажет «скололся», а не «потерял след»; «висит на хвоте по зрячему», а не «гонит на близком расстоянии видимого зайца» и т.п.

Можно изучать фразеологию романтизма, сентиментализма, натурализма, фразеологию Гоголя, Герцена, Чехова.

Поскольку при таком изучении не только описывается наличие тех или иных фактов, но ставится вопрос о выборе и использовании лексики, то тем самым изучение этого отходит в область стилистики [Там же]. Фразеологические единицы русского языка по своему происхождению разнообразны. Они делятся на исконно русские и заимствованные. Исконно русскую фразеологию составляют фразеологизмы общеславянские, восточнославянские. Среди заимствованных фразеологизмов выделяют две группы: заимствования из славянских и неславянских [233. С. 171].

Большая часть фразеологизмов возникла в самом русском языке, они исконно русские: в чем мать родила, гол как сокол, тертый калач, повесить нос, на одну колодку, брать за живое и многие другие.

Исконно русские фразеологизмы генетически могут быть связаны с профессиональной речью: тянуть канитель (ткачество), снять стружку (музыкальное искусство), дать задний ход, спустить на тормозах (транспорт),

встретить в штыки, тихой сапой (военное дело) и т.п. Национально-культурная специфика фразеологических оборотов представляет собой наиболее своеобразную часть выразительных средств языка. Во фразеологизмах нередко отражаются особенности культуры данного народа, его истории, народные представления о тех или иных предметах и явлениях, национально обусловленные стереотипы восприятия окружающего мира. Это хорошо видно на примере фразеологизмов, в основе которых лежит сравнение. Так, для русского языкового сознания эталоном крепкого здоровья человека является бык: здоров, как бык, эталоном глупости – баран: глуп, как баран. В других национальных культурах эти эталоны могут быть иными: например, для англичан «мерилом» физического здоровья человека выступает здоровье лошади: *as strong as a horse*.

Национально своеобразными могут быть фразеологизмы, формирующиеся на основе различных верований, народных обычаев и обрядов [230. С. 238–239].

Некоторое количество исконно русских фразеологизмов возникло в диалектной или жаргонной речи и стало достоянием общенародного языка. Например: дым коромыслом, пиковое положение и др.

Значительный пласт составляют фразеологизмы, вошедшие в общее употребление из Библии. Когда, отзываясь о чересчур строгом экзамене, мы говорим: избиение младенцев, то используем выражение, первоначально имевшее буквальный смысл.

В современном языке немало фразеологизмов, заимствованных из европейских языков (фразеологические кальки и полукальки). Фразеологические кальки представляют собой иноязычные обороты, которые переводятся дословно, поэтому их смысл складывается из суммы значений каждого элемента. Нередко такие выражения употребляются без перевода. Например: *blue stocking* – синий чулок (англ.) [233. С. 172].

Фразеология русского языка, как и лексика, представляет собой стройную систему. Она обладает автономностью, поскольку фразеологизмы принципиально отличаются, с одной стороны, от отдельных слов, с другой – от свободных словосочетаний, в то же время они входят в более сложную систему общенационального языка, находясь в определенных отношениях с разными его уровнями.

И.Б. Голуб считает, что фразеологизмы имеют ряд характерных особенностей:

1. Фразеологизмы всегда сложны по составу, они образуются соединением нескольких компонентов, имеющих, как правило, отдельное удаление, но не сохраняющих при этом значение самостоятельных слов: ломать голову, кровь с молоком.

2. Фразеологизмы семантически неделимы, они имеют нерасчлненное значение, которое можно выразить одним словом: кот наплакал – мало. Есть и такие, которые приравниваются к целому описательному выражению: нажимать на все педали – прилагать все усилия для достижения или выполнения чего-либо.

3. Фразеологизмы в отличие от свободных словосочетаний характеризует постоянство состава. Тот или иной фразеологизм нельзя заменить близким по значению словом, в то время как свободные словосочетания легко допускают такую замену, например: вместо *кот наплакал* нельзя сказать *кошка наплакала*. Однако некоторые фразеологизмы имеют варианты: от всего сердца – от всей души.

4. Фразеологизмы отличает воспроизводимость. В отличие от свободных словосочетаний, которые строятся нами непосредственно в речи, фразеологизмы употребляются в готовом виде, такими, какими они закрепились в языке, какими их удерживает наша память.

5. Большинству фразеологизмов свойственна непроницаемость структуры: в их состав нельзя произвольно включать какие-либо элементы.

6. Фразеологизмам присуща устойчивость грамматической формы их компонентов: каждый член фразеологического сочетания воспроизводится в определённой грамматической форме, которую нельзя произвольно изменять. Например: нельзя сказать *бить баклушу*.

Для большинства фразеологизмов характерен строго закреплённый в фразеологизмах порядок слов: ни свет ни заря, кровь с молоком и др. [188. С. 110].

Также следует сказать, что в каждом национальном языке – своя оригинальная фразеология. Фразеологизмы составляют специфику каждого языка. Перевод фразеологизмов одного языка на другой затруднен, т.к. дословно они, как правило, не переводятся. Поэтому переводчики подбирают подходящие по смыслу эквиваленты. Сравните, например: английский фразеологизм: *have a drop in one's eyes* – «иметь капельку в одном глазу», эквивалент в русском «быть под мухой»; *skeleton in the cupboard* – «семейная тайна», дословный перевод которого «скелет в буфете» [225. С. 45].

Жуков В.П. отмечает, что культурно-национальная специфика фразеологизмов проявляется в том, какие образы принимает отвлечённый смысл, лежащий в основе фразеологизма. По-русски, например, значение «никогда» может быть передано фразеологизмами «когда рак на горе свистнет» или «после дождика в четверг», по-английски – «когда полетят свиньи». Тем не менее, фразеологизмы часто заимствуются или калькируются, т.е. создаются по моделям другого языка, особенно много таких фразеологических калек пришло из латинского языка [85. С. 206].

Разные исследователи предлагают различные классификации фразеологизмов, но более полную классификацию фразеологических оборотов представил Н.М. Шанский в книге «Фразеология русского языка». Ученый классифицировал фразеологизмы с точки зрения их семантической слитности, состава, структуры, происхождения, экспрессивно-стилистических свойств. В своей работе мы остановились на данной классификации, определив ее как точную, доступную, полную. Данная классификация является сегодня общепринятой.

А. Семантическая классификация. Под семантической слитностью Н.М. Шанский понимает «соотношение, существующее между общим значением фразеологизма и «частными» значениями его компонентов». С точки зрения семантической слитности автор выделяет четыре группы фразеологических оборотов: фразеологические сращения; фразеологические единства; фразеологические сочетания; фразеологические выражения.

Фразеологические сращения и единства представляют собой семантически неделимые образования, значения которых соответствуют какому-либо слову или сочетанию. Фразеологические сочетания и выражения представляют собой семантически членимые образования, значение которых равно значению составляющих их слов.

Фразеологическое сращение – «это семантически неделимый фразеологический оборот, в котором его целостное значение совершенно несоот-

носителем со значениями его компонентов». Во фразеологических сращениях слов с их самостоятельными значениями не встречается, поэтому значение фразеологизма не вытекает из значений отдельных компонентов. Например: «бить баклуши» – бездельничать, «очертя голову» – безрассудно, «и никаких гвоздей» – хватит, ничего больше. Наивысшая степень семантической слитности обусловлена следующими факторами: 1) наличие во фразеологическом сращении устаревших и потому непонятных слов: «попасть впросак, точить балясы, бить баклуши»; 2) наличие грамматических архаизмов: «спустя рукава, сломя голову»; 3) отсутствие живой синтаксической связи между его компонентами, наличие синтаксической неупорядоченности и нерасчлененности: «как пить дать, шутка сказать, была не была, себе на уме».

Фразеологическое сращение имеет немотивированное значение, образностью не обладает: «собаку съел, железная дорога».

Фразеологическое единство – «это семантически неделимый и целостный фразеологический оборот, значение которого мотивировано значениями составляющих его слов». Неразложимое значение фразеологического единства возникает в результате слияния значений составляющих его слов в единое обобщенно-переносное: «закинуть удочку, тянуть ляжку, зарыть талант в землю, семь пятниц на неделе, первый блин комом».

Фразеологические единства допускают вставку других слов: «тянуть (служебную) ляжку». Фразеологическое единство семантически мотивировано, обладает образностью: «уйти в свою скорлупу, кровь с молоком, держать камень за пазухой, довести до белого каления».

Фразеологическое сочетание – «это фразеологический оборот, в котором есть слова как со свободным значением, так и с фразеологически связанным. Фразеологические сочетания образуются из слов со свободным и фразеологически связанным значением». Например: «утлый челн, кромешный ад, скалить зубы, трескучий мороз, насупить брови».

Фразеологическое выражение – это устойчивый в своем составе и употреблении фразеологический оборот, который не только является семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободным значением.

Фразеологические выражения воспроизводятся как готовые единицы с постоянным значением и составом: любви все возрасты покорны, волков бояться – в лес не ходить, всерьез и надолго.

Б. Классификация фразеологических оборотов по составу. Учитывая характер состава фразеологизмов (специфические особенности образующих их слов), Н.М. Шанский выделил две группы фразеологических оборотов: фразеологические обороты, образованные из слов свободного употребления, принадлежащих к активной лексике современного русского языка: «как снег на голову, через час по чайной ложке, подруга жизни, бросить взгляд, тоска зеленая, стоять грудью, взять за горло»; фразеологические обороты с лексико-семантическими особенностями, то есть такие, в которых есть слова связанного употребления, слова устаревшие или с диалектным значением: мурашки бегут, оторопь нашла, притча во языцех, в объятиях Морфея, вверх тормашками, души не чают, чреват последствиями, как кур во щи, разбить вдребезги.

В. Классификация фразеологических оборотов по структуре. В качестве воспроизводимых языковых единиц фразеологические обороты всегда выступают как структурное целое составного характера, состоящее из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в разных

синтаксических отношениях. Н.М. Шанский разделил фразеологизмы по структуре на две группы: соответствующие предложению (номинативные – фразеологизмы, называющие то или иное явление действительности: «кот наплакал, руки не доходят, куры не клюют, куда глаза глядят, след простыл», выступающие в функции какого-либо члена предложения); коммуникативные – фразеологизмы, передающие целые предложения: «счастливые часов не наблюдают, голод не тетка, бабушка надвое сказала, на сердитых воду возят, голова идет кругом, нашла коса на камень, не в свои сани не садись, кашу маслом не испортишь», употребляющиеся или самостоятельно, или в качестве части структурно более сложного предложения, соответствующие сочетанию слов.

Н.М. Шанский выделяет следующие типичные группы сочетаний:

1. «Имя прилагательное + имя существительное»

Имя существительное и имя прилагательное могут быть семантически равноправны и оба являются смыслообразующими компонентами: «золотой фонд, битый час, белая ночь, сиамские близнецы, задним числом». Смыслообразующим компонентом выступает имя существительное, имя прилагательное употребляется как незначимый член, имеющий экспрессивный характер: «голова садовая, шут гороховый, вавилонское столпотворение, тоска зеленая».

2. «Имя существительное + форма родительного падежа имени существительного»

Такие фразеологические обороты по значению и синтаксическим функциям эквивалентны имени существительному: «секрет полишинеля, яблоко раздора, точка зрения, дар слов, пальма первенства». Слова в подобных оборотах семантически равноправны.

3. «Имя существительное + предложно-падежная форма имени существительного»

Данные фразеологизмы в лексико-грамматическом отношении соотносительны с именем существительным, во всех зависимые компоненты неизменяемы, а опорные образуют различные падежные формы, имеют строгий порядок расположения компонентов: «борьба за жизнь, бег на месте, дело в шляпе – чешск. *ruka je v rukave*, калиф на час, искусство для искусства».

4. «Предлог + имя прилагательное + имя существительное»

По лексико-грамматическому значению и синтаксическому употреблению в предложении данные фразеологизмы эквивалентны наречию, составляющие их слова семантически равноправны, порядок расположения компонентов закреплён: «у разбитого корыта, на седьмом небе, со спокойной совестью, по старой памяти, с незапамятных времен».

5. «Предложно-падежная форма имени существительного + форма родительного падежа имени существительного»

Данные обороты могут быть наречными или атрибутивными, в них закреплён порядок расположения компонентов фразеологизма: «во веки веков, до глубины души, в костюме Адама, в объятиях Морфея, во цвете лет, на вес золота».

6. «Предложно-падежная форма имени существительного + предложно-падежная форма имени существительного»

Фразеологизмы этой группы по лексико-грамматическому значению и синтаксическим функциям эквивалентны наречию, в них имена существительные тавтологически повторяются, образующие их слова семантически равноправны,

порядок расположения компонентов закрепен: «от зари до зари, от корки до корки, из года в год, с корабля на бал, от мала до велика».

7. «Глагол + имя существительное»

Фразеологизмы данной группы в основном являются глагольно--предикативными и в предложении выступают в роли сказуемого, порядок расположения компонентов и их семантическое соотношение могут быть разными: «закинуть удочку, пустить корни, заливаться смехом, хранить молчание, наострить уши».

8. «Глагол + наречие»

Фразеологические обороты являются глагольными и в предложении выступают в функции сказуемого, компоненты семантически всегда равноправны, порядок расположения компонентов может быть прямым и обратным: «видеть насквозь, попасть впросак, разбиться вдребезги, пропасть даром».

9. «Деепричастие + имя существительное»

Фразеологизмы такого типа эквивалентны наречию, в предложении выступают в функции обстоятельства, порядок компонентов закрепен: «очертя голову, скрепя сердце, сложа руки, спусть рукава».

10. «Конструкции с сочинительными союзами»

Компоненты фразеологизма представляют собой однородные члены предложения, выраженные словами одной и той же части речи, порядок расположения компонентов закрепен: «целиком и полностью, без руля и без ветрил, тут и там, вкривь и вкось, охи да вздохи».

11. «Конструкции с подчинительными союзами»

По лексико-грамматическому значению такие фразеологизмы являются наречными, в которых порядок расположения компонентов закрепен, в начале всегда стоит союз: как снег на голову, хоть кол на голове теши, хоть трава не расти, как две капли воды, как корове седло.

12. «Конструкции с отрицанием не»

По лексико-грамматическому значению такие фразеологизмы являются глагольными или наречными, выполняют в предложении функцию сказуемого или обстоятельства, компоненты семантически равноправны с закрепленным порядком расположения: «не щадя живота, не солоно хлебавши, не робкого десятка, не в своей тарелке, не от мира сего».

Г. Классификация фразеологических оборотов по их происхождению.

Н.М. Шанский выделяет четыре группы фразеологизмов по их происхождению: исконно русские фразеологизмы; заимствованные фразеологизмы; фразеологические кальки; фразеологические полукальки.

Д. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств.

Н.М. Шанский выделяет следующие группы фразеологических оборотов: *межстилевые* (известные и употребляемые во всех стилях языка»; не содержат какой-либо оценки: от всего сердца, сдержанное слово, тайное голосование, под открытым небом, время от времени); *разговорно-бытовые* («это устойчивые сочетания слов, преимущественно или исключительно употребляемые в устной речи». Они имеют образный характер и отличаются экспрессивно-стилистической окраской: наострить лыжи, набить карман, гнуть спину, о двух головах, заморить червячка, свинью подложить, как сельди в бочке, стрелять из пушек по воробьям); *книжные* («это устойчивые сочетания слов, преимущественно или исключительно употребляемые в письменной речи»; отличаются сферой употребления (письменная речь) и

«повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжной, торжественной, патетической, поэтической и др.): вести начало, игра судьбы, стереть с лица земли, в мгновение ока, житейское море); *архаизмы и историзмы* (фразеологические историзмы – «это фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с исчезновением соответствующего явления действительности»). Например: частный пристав, требовать удовлетворения, держать стол, суконное рыло, боярский сын [292. С. 160–162].

Фразеологические архаизмы – «это фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с вытеснением их другими устойчивыми сочетаниями или отдельными словами, оказавшимися более подходящими для выражения соответствующих понятий». Например: биться об заклад – держать пари, блуждающие звезды – планеты, камень горячий – сера, обладать собой – владеть собой, сырная неделя – масленица.

Возникновение фразеологизма обусловлено тем, что в процессе речи нередко возникает необходимость определенное значение, выраженное одним словом или развернутым словосочетанием, передать через конкретный образ, через живое, наглядное представление о ком-либо или о чем-либо. Найденный образ строится на базе свободного словосочетания, с помощью которого одновременно оформляется звуковая оболочка фразеологизма. Так образуются фразеологизмы, совпадающие по своему компонентному составу со свободным словосочетанием.

Фразеология – это лексически неделимая, воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более ударных компонентов, устойчивая в своём составе, структуре и целостная по своему значению (бить баклуши, закадычный друг, кот наплакал, во всю ивановскую и др.). Дифференциальными признаками фразеологизмов считаются: 1) лексическое значение, присущее всему обороту в целом; 2) компонентный состав, отличающийся своей устойчивостью; 3) наличие в их структуре грамматических категорий [188. С. 117–123].

Лексическое значение фразеологизма – один из его определяющих признаков. Выделение различных типов толкования лексического значения фразеологизмов дает возможность более объективно подойти, во-первых, к определению лексического значения каждого конкретного фразеологизма в отдельности, во-вторых, приблизиться к пониманию качественной природы самого лексического значения фразеологизма, по всей вероятности иной, чем природа лексического значения слова.

Фразеологические единицы русского языка, будучи эквивалентными слову, соотносятся с различными частями речи. Это может служить основанием для выделения лексико-грамматических разрядов фразеологизмов. В зависимости от того, какой компонент фразеологизма грамматически господствует в обороте, а также от его синтаксической функции в предложении принято различать следующие их основные типы: субстантивные (предметные) (белая ворона); адъективные (гол как сокол); глагольные (строить глазки); адвербиальные фразеологизмы (сложь руки) [235. С. 290].

Намечаются следующие типы толкования лексического значения фразеологизмов:

1) лексическое значение именных фразеологизмов толкуется именным описательным оборотом, например: гусь лапчатый, ахиллесова пята;

2) лексическое значение глагольных фразеологизмов толкуется инфинитивным описательным оборотом, например: ходить вокруг да около, лодыря гонять;

3) лексическое значение адъективных фразеологизмов толкуется по-разному:

а) описательным оборотом с прилагательным или причастием в полной форме, например: не ахти какой;

б) описательным оборотом с прилагательным или причастием в краткой форме, подчеркивающей предикативную функцию такого фразеологизма, например: боек на язык, на ходу подметки рвет;

в) описательным наречным оборотом, например: положи руку на сердце, во всю глотку;

г) глагольным описательным оборотом, чаще всего с предшествующим ему неопределенно-личным местоимением, например: руки опускаются, конь не валялся;

Междометные фразеологизмы настолько разнообразны, что единой формулы толкования для них не может быть. Например: вот так штука! Упаси бог, не приведи господи [235. С. 168].

В стилистическом отношении фразеологизмы отличаются от слов. Основная масса слов стилистически нейтральная, чего нельзя сказать о фразеологизмах, основное значение которых – выражение разного рода оценок и отношения говорящего к высказываемому, что является существенным элементом фразеологического оборота. Со стилистической точки зрения фразеологические единицы языка неоднородны. Одни из них имеют разговорную или просторечную эмоционально-экспрессивную окраску и поэтому не употребляются в сугубо книжных стилях. Другие имеют оттенок книжности, относятся к высокой лексике, часто входят в состав поэтизмов.

В качестве языковой игры встречаются намеренное разрушение фразеологического оборота, замена одного из компонентов в целях придания иного, часто иронического смысла: смеется тот, кто стреляет первым.

Ненамеренное разрушение фразеологического оборота является стилистической ошибкой: полетел вверх ромашками. Изменяя форму фразеологического выражения, заменяя один компонент другим, говорящий искажает смысл всего оборота. Особенно часто это происходит с фразеологизмами, которые содержат такие компоненты, которые архаичны и поэтому не понятны современному носителю языка. В этом случае говорящий «исправляет» фразеологизм, тем самым разрушая его, искажая и форму, и смысл: вместо оборота *крепя сердце* появляется «скрипя сердцем», вместо *утолить жажду* – «удалить жажду», вместо *глас вопиющего в пустыне* – бессмысленное «глаз, вопиющий в пустыне» и т.п.

Фразеологизмы русского языка могут быть расчленены на три основных стилистических пласта. Большая часть из них относится к разговорной речи. Область применения – бытовое общение, устная форма диалогической речи: *и так и сяк, ни рыба ни мясо, не видеть белого света* и др. Среди разговорных фразеологизмов выделяются *просторечные*. Они употребляются преимущественно в обиходно-бытовой речи и имеют грубовато-сниженный стилистический оттенок: *вынь да положи, шишка на ровном месте, крутить хвостом* и др.

Книжные фразеологизмы свойственны по преимуществу письменной речи и обычно придают ей оттенок приподнятости и торжественности, они присущи в основном общественно-публицистической, официально-деловой и беллетристической речи: положить живот, плоть и кровь, смежить очи и др.

Межстилевые фразеологизмы не имеют какой-либо стилистической окраски и активно употребляются в разных стилях устной и письменной речи. Это сравнительно небольшой разряд фразеологических единиц: одним словом, в два счета, в поте лица, с часу на час.

По большей части стилистически нейтральные фразеологизмы включают компоненты, соотносительные со словами некоторого содержания. Поэтому соответствующие обороты, как правило, не могут быть противопоставлены сводным словосочетаниям эквивалентного состава и вследствие этого лишены обобщенно-метафорического значения.

Стилистически нейтральные фразеологизмы способны вступать в синонимические отношения со стилистически окрашенными оборотами: в два счета (нейтр.) – живой рукой (разг.).

Основные сферы использования фразеологических выражений – устно-разговорная речь, публицистика, тексты художественных произведений. Для таких «строгих» стилей, как научный и официально-деловой, фразеологизмы менее характерны ввиду своей экспрессивно-стилистической окрашенности. Однако здесь вполне обычны стилистически нейтральные устойчивые сочетания слов типа точка зрения, на основании вышесказанного, подвести черту, вывести решение и т.д.

Особого внимания заслуживает стилистическая характеристика фразеологических средств с эмоционально-экспрессивной точки зрения. Вся фразеология делится на две группы: нейтральную, не обладающую коннотативными значениями, и экспрессивно-окрашенную.

Нейтральных фразеологизмов немного: компостировать билет, железная дорога, открытое собрание, повестка дня, новый год, друг друга и т.д. Они входят в состав общеупотребительной фразеологии, функционально не закрепленной. Кроме того, специальные фразеологизмы (научные, официально-деловые), имеющие четкую функциональную прикрепленность, также лишены дополнительных коннотативных значений: знаки препинания, адамово яблоко, вирусный грипп, магнитная стрелка, трудовой стаж, выслуга лет, очная ставка [235. С. 119].

Эмоционально-экспрессивная оценка фразеологизмов не связана с употреблением фразеологизмов в определенных стилях речи и не имеет отношения к общей стилистической и историко-временной характеристике фразеологизмов. Объясняется это ограничением тем, что почти совсем нет данных, которые позволили бы говорить о той или иной преимущественной эмоционально-экспрессивной характеристике каждого фразеологизма и устанавливать для него какие бы то ни было нормы в этом отношении. Тем не менее, некоторые фразеологизмы сопровождаются в словаре пометами шутол., ирон., пренебр., неодобр., бран. и др. Постановка таких помет означает лишь попытку практически подойти к решению вопроса об эмоционально-экспрессивной окрашенности фразеологизмов. Не всегда книжные фразеологизмы обладают экспрессией торжественности или приподнятости. Они могут быть и стилистически нейтральными.

С точки зрения актуальности применения фразеологизмы, как и слова, могут быть употребительными, устаревающими и устарелыми. Степень употребительности зависит от стилистической окраски фразеологизма: стилистически нейтральные и разговорно-просторечные фразеологизмы обычно используются активно; напротив, книжные обороты не в такой мере свойственны словопотреблению наших дней и часто относятся к пассивному запасу языка. Устаревающие или устарелые обороты утрачивают внутреннюю форму и не редко содержат различного рода архаичные элементы, которые поддерживают (не создают!) идиоматичность фразеологизмов: *быльем поросло, омочить кулаком, как кур во щи, скажи на милость, язви его в душу*.

Фразеологические единицы анализируемой семантики вступают в отношения **синонимии и антонимии**. При выявлении синонимичности в исследуемой группе мы опирались на определение В.П. Жукова: «под фразеологическими синонимами понимаются фразеологизмы с предельно близким значением, как правило, соотносительные с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью, но отличающиеся друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, а иногда тем и другим одновременно» [85. С. 190].

Фразеологизмы, обладающие близким или тождественным значением, вступают в стилистические отношения: одним миром мазаны; два сапога пара, одного поля ягоды; несть числа – хоть пруд пруди, что песку морского, как собак нерезаных. Подобно лексическим единицам, такие фразеологизмы образуют синонимические ряды, в которые могут входить и соответствующие лексические синонимы одного ряда: ср.: оставить с носом – оставить в дураках, обвести вокруг пальца, отвести глаза, втереть очки, взять на пушку и обмануть – одурачить, провести, обойти, надуть, объегорить, оболванить. Богатство фразеологических, как и лексических, синонимов создает огромные выразительные возможности русского языка.

Фразеологические синонимы могут отличаться друг от друга стилистической окраской: камня на камне не оставить – книжное; учинить расправу – общеупотребительное, разделить под орех – разговорное, задать перцу – разговорное; за тридевять земель – общеупотребительное, у черта на куличках – просторечное. Они могут не иметь семантических различий: стреляный воробей, тертый калач, а могут отличаться оттенками в значениях: за тридевять земель, куда Макар телят не гонял; первый означает – очень далеко, второй – в самые отдаленные, глухие места, куда ссылают в наказание.

Фразеологические синонимы, как и лексические, могут отличаться степенью интенсивности действия, проявления признака: лить слёзы – обливаться слезами, утопать в слезах, выплакать все глаза (каждый последующий синоним называет более интенсивное действие по сравнению с предыдущим).

У отдельных фразеологических синонимов могут повторяться некоторые компоненты (если в основе фразеологизмов лежат разные образы, мы вправе называть их синонимами): игра не стоит свеч – овчинка выделки не стоит, задать баню – задать перцу, повесить голову – повесить нос, гонять собак – гонять лодыря.

От фразеологических синонимов следует отличать фразеологические варианты, структурные различия которых не нарушают семантического тождества фразеологизмов: не ударить в грязь лицом – не удариться в грязь

лицом, закинуть удочку – забросить удочку, в первом случае фразеологические варианты отличаются грамматическими компонентами.

Не синонимизируются и фразеологизмы, сходные в значениях, но отличающиеся сочетаемостью и поэтому употребляемые в разных контекстах. Так, фразеологизмы *с три короба и куры не клюют*, хотя и означают «очень много», но в речи используются по-разному: первый сочетается со словами наговорить, наблюдать, наобещать, второй – только со словом деньги [231. С. 118].

Антонимические отношения во фразеологии развиты меньше, чем синонимические.

В особую группу выделяются антонимические фразеологизмы, частично совпадающие по составу, но имеющие компоненты, противопоставленные по значению: с тяжелым сердцем – с легким сердцем, поворачиваться лицом – поворачиваться спиной. Компоненты, придающие таким фразеологизмам противоположное значение, часто являются лексическими антонимами, но могут получить противоположное значение только в составе фразеологизмов [133. С. 118].

Антонимическую парадигму образует пара фразеологизмов, противоположных по значению и соотносительных по общности лица, предмета, признака, действия и др.

Фразеологические антонимы обладают интегральными признаками, объединяющими их в парадигму, и дифференциальными признаками, к которым относятся: а) семантическая характеристика ФЕ – антонимов-семы содержательного характера, внутренняя форма, оценка и экспрессивно-эмоциональные стилистические коннотации; стилевая характеристика; функциональная характеристика; б) структура ФЕ антонимов; в) их синтагматические связи [232. С. 363].

В первой главе были рассмотрены теоретические основы фразеологии (характерные особенности, лексические значения, стилистическая окрашенность, классификация). Эти данные позволяют перейти к сравнению, сопоставлению русских оборотов с фразеологическими оборотами китайского языка.

Приступая к сопоставительному анализу собранных нами ФЕ, необходимо кратко рассмотреть основные моменты, составляющие трудности перевода фразеологизмов.

Практически в любом языке отмечено несколько уровней фразеологизмов, причем не все они общеизвестны и зафиксированы словарями. Некоторые из них используются только определенными группами носителей языка и отсутствуют в словарях. Именно поэтому первостепенная задача переводчика – уметь распознать ФЕ в тексте, отличать устойчивое сочетание от переменного.

Следует также иметь в виду, что фразеологизмам свойственны явления синонимии, омонимии, антонимии. Поэтому умение анализировать речевые функции является еще одним условием адекватного перевода фразеологизмов на иностранные языки. Иногда авторы используют ФЕ сразу в нескольких значениях для создания образных или эмоциональных ассоциаций или юмористического эффекта.

Еще одной неизбежной трудностью являются национально-культурные отличия между близкими по смыслу ФЕ в разных языках. Зачастую, совпадая по смыслу, ФЕ имеют разную стилистическую окрашенность. Сложность для

перевода составляют многочисленные поговорки, фразеологизмы китайского языка, основанные на использовании имен исторических, легендарных и литературных персонажей. Во время последовательного и тем более синхронного перевода необходимо быстро подобрать русский аналог, не использующий конкретных имен.

С наибольшими трудностями приходится сталкиваться переводчику при работе с ФЕ, основанными на современных реалиях. Лишь некоторые из них быстро становятся популярными и проникают в международные словари (ангелы ада, поле чудес).

Наконец, следует упомянуть и различного рода исторические выражения, или крылатые фразы. Трудность заключается в том, что иногда они имеют несколько соответствий как в языке оригинала, так и в языке перевода. При переводе текстов культурно-исторической тематики применяют калькирование наряду с объяснением в возможно более кратком виде.

Самая многочисленная группа – безэквивалентные фразеологизмы. Для их передачи на другой язык используются нефразеологические способы перевода. Описательный перевод ФЕ сводится, по сути, к переводу не самого фразеологизма, а его толкованию, как это часто бывает вообще с единицами, не имеющими эквивалентов в ПЯ. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования – все средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание ФЕ, все с тем же неизменным стремлением к фразеологизации. Такой перевод трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений), что и заставляет переводчиков обращаться к нему только в случае крайней необходимости.

Для точного перевода необходимо учитывать следующие факторы:

1) оптимальным переводческим решением, несомненно, является поиск идентичной ФЕ;

2) при отсутствии непосредственных соответствий фразеологизм, употребленный в языке оригинала, можно перевести с помощью аналогичной фразеологической единицы, хотя он и будет построен на иной словесно-образной основе. Следует также учитывать, что стилистическая или эмоциональная окраска не всегда совпадают. В этом случае взаимозамена невозможна;

3) если в языке перевода нет фразеологизмов, в большем или меньшем объеме эквивалентных исходной фразеологической единице, нужно искать соответствующие по значению и окраске слова;

4) При переводе ФЕ с одного языка на другой рекомендуется пользоваться наиболее полными толковыми фразеологическими двуязычными словарями, изданными в России.

В качестве исследуемого материала нами было отобрано 25 русских фразеологических единиц с тематикой, характеризующей человека. Данная тематическая группа образует две подгруппы: с отрицательной оценкой человека и положительной.

Положительная оценка: Ума палата (рус.). Стреляный воробей (рус.). Душа нараспашку (рус.). Большое сердце (рус.). Сам чёрт не брат (рус.).

Отрицательная оценка: Белая ворона (рус.). Голова садовая (рус.). Делать из мухи слона (рус.). Жить чужим умом (рус.). Змея подкодная (рус.). Крокодиловы слёзы (рус.). Наступить на хвост (рус.). Пуп земли (рус.). Подложить свинью (рус.). Себе на уме (рус.). Собака на сене (рус.). Без милосердия (рус.). Язык без костей (рус.). Перекладывать на плечи (рус.).

Носиться как с писаной торбой (рус.). Нос не дорос (рус.). Лезть не в своё дело (рус.).

Нейтральная оценка: Пуп земли (рус.). Как рыба об лёд (рус.). За словом в карман не лезет (рус.). Бить в одну точку (рус.).

Целью сопоставления является выявление закономерностей различия фразеологических систем и нахождение переводческих соответствий. Исследовательская работа проводилась в двух направлениях: 1) сопоставление русской ФЕ с синонимичной китайской ФЕ; 2) выявление наличия синонимов и антонимов внутри русской ФЕ и китайской ФЕ. Также была обозначена стилистическая окрашенность фразеологизма.

1. Белая ворона (рус.). Человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей.

Синонимы (рус.): нет.

Антонимы (рус.): нет.

鹤立鸡群 Аист в куриной стае (кит.). Человек, резко выделяющийся либо своей внешностью, либо своей одарённостью.

白乌鸦 Синонимы (кит.): белая ворона (пословица).

默默无闻 Антонимы (кит.): человек, ничем не отличается от других людей.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

2. Бить в одну точку (рус.). Направлять все свои действия, усилия на что-либо, добиваясь поставленной цели.

Синонимы (рус.): бить в цель.

Антонимы (рус.): нет.

滴水穿石 Капля по капле и камень долбит (кит.). См: бить в одну точку.

铁杵磨成针 Синонимы (кит.): железный пест станет иголкой.

半途而废 Антонимы (кит.): прекратить делать что-нибудь.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

3. Большое сердце (рус.). Кто-либо способен горячо и сильно чувствовать, быть отзывчивым, добрым.

Синонимы (рус.): золотое сердце, широкая душа, человек большого сердца.

Антонимы (рус.): черная душа.

赤子之心. Сердце грудника (кит.). Добрый человек.

天真无邪 Синонимы (кит.): наивный, невинный человек.

蛇蝎心肠 Антонимы (кит.): змеиное сердце.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

4. Голова садовая (рус.). Глупый, бестолковый человек.

Синонимы (рус.): пустая голова.

Антонимы (рус.): ума палата.

掩耳盗铃 Красть колокольчик, заткнув собственные уши (кит.). Глупый человек.

自欺欺人 Синонимы (кит.): сама себя обманывает.

冰雪聪明 Антонимы (кит.): снежно-ледовой ум.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

5. Делать из мухи слона (рус.). Сильно преувеличивать что-либо, придавать чему-либо незначительному большое значение.

Синонимы (рус.): много шума из ничего, буря в стакане.

Антонимы (рус.): нет.

大炮打苍蝇 Бить муху орудием (кит.). Сильно преувеличивать что-либо.

Синонимы (кит.): нет.

Антонимы (кит.): нет.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

6. Душа нараспашку (рус.). Чистосердечный, прямодушный, откровенный.

Синонимы (рус.): с открытой душой.

Антонимы (рус.): себе на уме.

直肠子 Прямая кишка (кит.). Прямодушный, откровенный. О человеке.

Синонимы (кит.): нет.

拐弯抹角 Антонимы (кит.): не прямо высказать свою мысль.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

7. Жить чужим умом (рус.). Придерживаться чужих взглядов, убеждений; быть не самостоятельным в своих действиях, поступках и т.п.

Синонимы (рус.): нет.

Антонимы (рус.): себе на уме.

矮子看戏 Карлик смотрит драму (кит. пословица). Нет своего собственного утверждения.

Синонимы (кит.): нет.

标新立异 Антонимы (кит.): инициативный; смело творить новое.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

8. Змея подкодная (рус.). Злобный, коварный, опасный человек.

Синонимы (рус.): волк в овечьей шкуре.

Антонимы (рус.): широкая душа.

蛇蝎心肠 Змеиное сердце (кит.). Коварный, опасный как змея.

杀人不见血 Синонимы (кит.): убивать человека без следов крови.

赤子之心 Антонимы (кит.): сердце грудника.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

9. За словом в карман не лезет (рус.). Находчив в беседе, разговоре, споре.

Синонимы (рус.): боек на язык.

Антонимы (рус.): будто в рот воды набрал.

巧舌如簧 Язык хорошо подвешен (кит.) – находчив в беседе, разговоре, споре.

Синонимы (кит.): нет

Антонимы (кит.): нет

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

10. Крокодиловы слёзы (рус.). Лицемерная, притворна жалость, сострадание, неискреннее сожаление.

Синонимы (рус.): надеть маску.

Антонимы (рус.): от чистого сердца.

猫哭耗子 Кот заплакал из-за смерти мыши (кит.). Неискреннее сожаление.

假心假意 Синонимы (кит.): фальшивое сердце.

诚心诚意 Антонимы (кит.): честный, открытый.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

11. Как рыба об лёд (рус.). Тщетно, безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения.

Синонимы (рус.): носить воду решетом.

Антонимы (рус.): нет.

竹篮打水 Добиться воды через бамбуковую корзину (кит.). См.: как рыба об лёд.

Синонимы: нет.

Антонимы (кит.): нет.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

12. Лезть не в своё дело (рус.). Вмешиваться в чужие дела.

Синонимы (рус.): совать нос в чужие дела.

Антонимы (рус.): нет.

狗拿耗子 Собака ловит мышь (кит.). Вмешиваться в чужие дела.

Синонимы: нет.

漠不关心 Антонимы (кит.): равнодушный.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

13. Нос не дорос (рус.). Кто-либо ещё слишком молод, чтобы делать что-либо.

Синонимы (рус.): молоко на губах не обсохло.

Антонимы (рус.): тертый калач.

初生牛犊不怕虎 Новорожденная корова не боится тигра (кит.). Молодой, неопытный.

Синонимы (кит.): нет.

胆小怕事 Антонимы (кит.): робкий человек, бояться хлопот.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

14. Носиться как с писаной торбой (рус.). Слишком заботиться о чём-либо, о ком-либо, много думать об этом.

Синонимы (рус.): нет

Антонимы (рус.): нет

杞人忧天 Некто из княжества Ци беспокоился, как бы небо не свалилось на землю (кит.). См.: носиться как с писаной торбой.

Синонимы (кит.): нет.

无忧无虑 Антонимы (кит.): ни о чем не заботиться.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

15. Наступить на хвост (рус.). Обижать, задевать, кого-либо; ущемлять чьи-либо интересы.

Синонимы (рус.): наступить на мозоль.

Антонимы (рус.): нет.

无恶不作 Делать всякое зло (кит.). Злой человек.

作恶多端 Синонимы (кит.): творить неисчислимые злодеяния.

Антонимы (кит.): нет.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

16. Пуп земли (рус.). Центр, средоточие самого важного. О ком-либо или о чём-либо.

Синонимы (рус.): центр тяжести.

Антонимы (рус.): нет.

目中无人 Смотреть свысока на людей (кит.). Заносчивый.

狗眼看人低 Синонимы (кит.): в глазах собаки нет высокого человека.

Антонимы (кит.): нет.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

17. Перекидывать на плечи (рус.). Освобождая себя или кого-либо; обременять этим другого.

Синонимы (рус.): на произвол судьбы.

Антонимы (рус.): тащить воз на себе.

推三阻四 Отказаться от трёх и четырёх (кит.). Безответственность.

Синонимы (кит.): нет.

Антонимы (кит.): нет.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

18. Подложить свинью (рус.). Подстраивать втихомолку какую-либо неприятность, гадость и т.п.

Синонимы (рус.): подвести под монастырь.

Антонимы (рус.): нет.

口蜜腹剑 На устах мёд, а за пазухой нож (кит.). Коварный человек.

笑里藏刀 Синонимы (кит.): в смехе спрятался нож.

心直口快 Антонимы (кит.): прямо высказать то, что думать.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

19. Сам чёрт не брат (рус.). Всё нипочем, всё очень легко, ничего не стоит.

Синонимы (рус.): море по колено.

Антонимы (рус.): нет.

饿狼嘴里抢骨头 Грабить мясо из голодного волчьего рта (кит.). Смелый, ничего не боится.

Синонимы (кит.): нет.

Антонимы (кит.): нет.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

20. Себе на уме (рус.). Скрытен, хитер, не обнаруживает своих мыслей, намерений.

Синонимы (рус.): сирота казанская.

Антонимы (рус.): душа нараспашку.

笑里藏刀 Нож спрятался в смехе (кит.). Коварный, хитрый человек.

佛口蛇心 Синонимы (кит.): в людях ангел, а дома чёрт.

Антонимы (кит.): нет.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

21. Собака на сене (рус.). Не пользуется сам чем-либо и другим не даёт пользоваться.

Синонимы (рус.): нет.

Антонимы (рус.): широкая натура.

一毛不拔 Даже жалеет свой один волос (кит.). Жадный человек.

爱钱如命 Синонимы (кит.): в людях ангел, а дома чёрт.

一掷千金 Антонимы (кит.): не жалеть денег, тратить столько, сколько хочешь.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

22. Стреляный воробей (рус.). Очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть; бывалый человек.

Синонимы (рус.): тёртый калач.

Антонимы (рус.): нос не дорос.

老马识途 Старый конь знает путь (кит.). Опытный человек.

Синонимы (кит.): нет.

乳臭未干 Антонимы (кит.): человек, еще пахнувший вкусом молока.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

23. Ума палата (рус.). Кто-либо очень умен.

Синонимы (рус.): ловить на лету. Семи пядей во лбу.

Антонимы (рус.): без царя в голове.

冰雪聪明 Снежно-ледовой ум (кит.). Кто-либо очень умен.

巧舌如簧 Синонимы (кит.): язык хорошо подвешен.

愚昧无知 Антонимы (кит.): глупый, не грамотный.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

24. Язык без костей (рус.). Кто-либо очень болтлив, любит поговорить, болтает много всякого вздора.

Синонимы (рус.): нет.

Антонимы (рус.): держать язык за зубами.

长舌头 Длинный язык (кит.). Болтун.

Синонимы (кит.): нет.

Антонимы (кит.): нет.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

25. Без милосердия (рус.). Жестоко, без снисхождения.

Синонимы (рус.): без следов крови.

Антонимы (рус.): широкая душа.

冷血动物 Животные с холодной кровью.

Синонимы (кит.): нет.

牵肠挂肚 Антонимы (кит.): заботливый человек.

Стилистическая окраска – эмоционально-экспрессивная.

Анализируя описанный материал, можно отметить следующие особенности русских и китайских фразеологизмов:

– большинству русских фразеологизмов соответствуют китайские синонимичные конструкции, но если в русском языке это определяется как собственно фразеологизм, то в китайском языке аналогичное изречение может трактоваться как пословица или поговорка;

– среди русских фразеологизмов распространено явление синонимии (из вышеперечисленных 25 русских фразеологизмов 19 имеют синонимы);

– среди китайских фразеологизмов соотношение следующее: из 25 описанных фразеологизмов только 10 имеют синонимы;

– среди русских фразеологизмов явление антонимии представлено следующими показателями: из 25 описанных 16 имеют антонимы, 9 не имеют;

– среди китайских фразеологизмов соотношение следующее: из 25 описанных фразеологизмов только 17 имеют антонимы;

– с точки зрения стилистической характеристики все описанные фразеологизмы имеют эмоционально-экспрессивную окрашенность. Это позволяет говорить о том, что основные сферы использования данных выражений: устно-разговорная речь, публицистика, тексты художественных произведений, где есть место выражению чувств и эмоций.

«С позиций деятельностного подхода эксперимент в психолингвистике – это деятельность исследователя, которая, задавая условия деятельности испытуемого, предполагает выявить особенности его речемыслительной деятельности. При проведении эксперимента исследователь пытается найти причинно-следственные связи между изучаемыми объектами, явлениями и процессами» [24. С. 663].

Проводя лингвистический эксперимент, исследователь получает от участников эксперимента языковой материал, необходимый ему для изучения, уточнения, анализа той или иной предметной области речевой деятельности.

Из основных методов психолингвистики мы выбрали *эксперимент* (в виде анкетирования) и *сравнение*.

Сведения об участниках эксперимента: в эксперименте приняли участие 30 человек в возрасте от 20 до 22 лет. Участники эксперимента – китайские (15 чел.) и русские (15 чел.) студенты 3 курса ВГУЭС.

Цель эксперимента: определить частотность использования фразеологизмов в речи.

Участникам эксперимента была предложена таблица, содержащая 25 фразеологизмов (русским студентам – фразеологизмы русского языка, китайским студентам – аналогичные фразеологизмы китайского языка).

Было предложено ответить на вопрос: «используете ли Вы данные фразеологизмы в своей речи?». Варианты ответа: «**часто**», «**иногда**», «**редко**».

Анализ анкет наглядно показывает, что частотность использования фразеологизмов русскими и китайскими студентами имеет существенную **разницу**. Сравните: **жить чужим умом** (русские студенты используют часто – 6%, иногда – 13%, редко – 81%; китайские студенты используют данный фразеологизм редко).

Но есть случаи использования некоторых фразеологизмов китайскими и русскими студентами, которые **отчасти совпадают**. Сравните: **себе на уме** (русские студенты – 67 – 33 – 0; китайские студенты – 60 – 30 – 7).

Фразеологизмы, используемые часто русскими студентами: лезть не в свое дело; себе на уме; ума палата.

Фразеологизмы, используемые иногда русскими студентами: белая ворона; душа нараспашку; подложить свинью.

Фразеологизмы, используемые редко русскими студентами: бить в одну точку; жить чужим умом; сам черт не брат.

Фразеологизмы, используемые часто китайскими студентами: крокодиловы слезы; пуп земли; змея подколотная.

Фразеологизмы, используемые иногда китайскими студентами: белая ворона; бить в одну точку; носиться как с писаной торбой.

Фразеологизмы, используемые редко китайскими студентами: подложить свинью; за словом в карман не лезет; сам черт не брат.

Приведенные данные показывают существенное различие в использовании ФЕ русскоговорящими и китайскоговорящими студентами. Объяснить данный факт можно тем, что фразеологизмы любого языка отражают характер образного мышления народа, они тесно связаны с культурой, историей и традициями.

Итак, сформулируем следующие выводы.

Фразеология – это наука о сложных по составу языковых единицах, имеющих устойчивый характер. Существуют основные типы фразеологизмов, все они имеют свои особенности. На сегодняшний день в лингвистике имеют место различные точки зрения на то, что такое фразеологизм, или фразеологическая единица языка, следовательно, нет единства взглядов на то, каков состав таких единиц в языке. Списки фразеологизмов русского языка, предлагаемые различными учеными, настолько отличаются друг от друга, что можно говорить о различных, часто прямо противоположных, даже исключаящих друг друга взглядах на фразеологизм.

В каждом национальном языке – своя особенная фразеология, поэтому дословный перевод затруднен. Переводчики в случае отсутствия синонимического варианта в другом языке подбирают подходящие по смыслу эквиваленты.

Мы отметили высокий процент наличия синонимичных связей (25 синонимов в китайском языке).

Внутри отдельно взятой национальной ФЕ явления синонимии более развиты, чем явления антонимии.

Стилистическая характеристика описанного материала имеет свою особенность – экспрессивно-эмоциональную окраску. Можно предположить, что сферы использования этих фразеологических выражений: устно-разговорная речь, публицистика, тексты художественных произведений.

Психолингвистический эксперимент показал, что использование фразеологизмов в ситуациях повседневного общения русскими и китайскими студентами имеет существенную разницу. Можно предположить, что выбор конкретных фразеологизмов зависит от истории, культуры и традиции народа, а также отражает характер образного мышления нации.

Научно-исследовательская часть работы имеет практическое значение для студентов, так как достаточно подробно рассматривает явления синонимии – антонимии внутри китайского и русского фразеологизма, а затем проводит параллели между русской и китайской ФЕ.

Функционирование двусторонних номинаций в русском и китайском языках*

Общеизвестно, что человек и общество являются продуктами длительного развития истории, они накапливают в себе коллективный опыт предшественников, а связующим звеном между поколениями и хранилищем коллективного опыта выступает язык. Весьма часто в устной речи люди при характеристике внешних и внутренних качеств друг друга употребляют слова, обозначающие названия животных и неодушевлённых предметов, которые их окружают. Их значения могут быть похожи в различных языках, а могут и не быть.

Необходимо проанализировать и сравнить употребление зооморфизмов и названий неодушевлённых предметов как вида двусторонних номинаций в русском и китайском языках в устной речи.

Для начала рассмотрим понятие двустороннего имени, его структуру и специфику; проанализируем функционирование двусторонних номинаций в речи; рассмотрим зооморфизмы и названия неодушевлённых предметов (растений, предметов быта, продуктов и др.) как вид двусторонних номинаций; опишем функционирование двусторонних имён в русском и китайском языках с помощью анкетирования носителей указанных языков; сопоставим факты двух языков, выявим их сходства и различия употребления двусторонних номинаций в устной речи.

Среди имен, которые Д.Б. Гудков рассматривает в своей монографии «Прецедентное имя и проблемы прецедентности», выделяется группа таких, которые условно учёный называет **двусторонними именами (ДИ)**. К ним исследователь относит имена, способные в одних ситуациях выступать как общие, а в других – как индивидуальные [69. С. 74].

Порой слова существуют в различных языках как двусторонняя единица, обладающая как обыденным, так и мифологическим значением. В зависимости от контекста употребления данного имени актуализируется та или иная из его сторон, а само оно может выступать как общее или индивидуальное имя.

Таким образом, ДИ представляют собой специфические языковые единицы, на которые уже обращали внимание лингвисты [124. С. 246; 12. С. 64; 191. С. 175; 122. С. 140; 241. С. 146; 160. С. 190; 244. С. 9; 242. С. 177 и др.]. Исследуя специфику подобных наименований, Д.Б. Гудков рассматривает структуру данных номинаций. При этом учёный пытается ответить на вопросы: представляют ли ДИ новый член в классификации имён и в какой степени специфика ДИ определяется их значением, а в какой – употреблением? [69. С. 75].

В результате учёный приходит к выводу, что ДИ – это не два знака-омонима, а один, который может одновременно выступать как член первичной семиологической системы (знак 1-го уровня) или как член вторичной семиологической системы (знак 2-го уровня). Автор указывает, что знак первого уровня имеет обыденное значение, а знак второго уровня – мифологическое [69. С. 76]. Обыденное значение лексемы включает в себя реальный набор характеристик означаемого, общий для всех народов. Мифологическое значение – условный набор, детерминированный, то есть обусловленный определёнными мифопоэтическими представлениями и стереотипами сознания, опирающийся на ре-

* © М.Ю. Криницкая, Лю Юе

альные черты, которые абсолютизируются и развиваются по собственным законам; реальный феномен оказывается достаточно отдален от мифологического значения, указывающего на него имени. Через обыденное значение говорящий способен передавать мифологическое обыденное значение. При этом первое продолжает существовать, оно не исключается, но оказывается прозрачным.

Иными словами, национальная детерминированность мифологического значения ДИ является характерной особенностью данных имён.

Общеизвестно, что говорящий с помощью слов не только называет различные предметы и явления или процессы, но и выражает определённое отношение к ним [297. С. 163]. В связи с этим В.В. Виноградов в статье «Основные типы лексических значений слова» выделил особый тип значения слова, «существование которого обусловлено синтаксически» [49. С. 184]. Такими синтаксически обусловленными значениями обладают имена существительные с переносным оценочным значением.

Слова с переносным и вторичным значением рассматривал и Е. Курилович. Анализируя функционирование слова «осёл» (I – животное, II – глупый или упрямый человек), он указывал, что II значение является «метафорой с аффективным оттенком, опирающейся на существование в языке термина нейтрального (с аффективной точки зрения), имеющего чисто коммуникативное содержание» [124. С. 246]. В.В. Виноградов называет подобного рода слова «предикативно-характеризующими», так как их реализация возможна лишь в особых синтаксических условиях: предикативном или полупредикативном употреблении (в функции сказуемого, обращения, приложения, обособленного определения). Учёный приводит пример слова «петух», которое реализует в контекстах «*Вот так петух! Другого такого петуха не найти! Этот петух всегда всем испортит настроение!*» предикативно-характеризующее значение «забияка» [49. С. 184].

Подобного рода процесс Н.Д. Арутюнова называет процессом моносемизации, когда наблюдается тенденция к отрыву от денотата и сохранению в его значении лишь одного семантического компонента. Она полагает, что данное явление хорошо видно на примере метафорического употребления, где имя меняет не только значение, но и синтаксическую функцию: идентифицирующая роль заменяется предикативной, при этом многопризнаковое значение вытесняется однопризнаковым. Ср.: *Моя шляпа на вешалке; Заяц спрятался в лесной чаще* и *Этот человек – шляпа* (то есть растяпа, разиня); *Твой приятель – заяц* (то есть трус, труслив) [7. С. 337]. Н.Д. Арутюнова утверждает, что такие слова-предикаты, или предикатные существительные, имеют не только предикативное, но и референтное, и идентифицирующее значение. Однако, как отмечает исследователь, «использование предикатных существительных в целях единичной референции требует местоименных детерминативов, берущих на себя индексальную роль». Например, если в предложении «*Эта свинья оставила после себя ужасную грязь*» исключить указательное местоимение, то его прочтение может быть неправильным с семантической точки зрения. Так, в предложении «*Свинья оставила после себя ужасную грязь*» слово «свинья» понимается как «животное», а не как «нечистоплотный человек». Н.Д. Арутюнова замечает, что употребление указательных и притяжательных местоимений при предикативных именах, выполняющих идентифицирующую функцию, вполне регулярное для русского языка явление [Там же. С. 349].

Следует сказать, что нередко в предикативно-характеризующем значении употребляются имена существительные, используемые для оценки отрица-

тельных (реже положительных) качеств человека. Н.Д. Арутюнова считает, что ненормативное (негативное) явление, будучи отклонением от среднестатистического стандарта, озадачивает, и тем самым восприятие мира, прежде всего, фиксирует такие аномальные явления. Исследователь пишет: «Фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств весьма эффективно служит целям идентификации объектов, их выделению из класса подобных. Обозначая человека, делают выбор не из бесконечного множества его нормативных свойств, а из малого числа индивидуальных признаков; при этом выбирается наиболее различительный – то, чем человека отметила Природа» [12. С. 83]. Такова, видимо, природа человека – подмечать, прежде всего, негативное, то, что мешает нормальной жизнедеятельности, и, давая всему этому определение в виде словесного знака, избавляться от самого явления или признака [81. С. 111].

Именно в таком контексте часто применяются (в переносном значении) названия животных – **зооморфизмы**. Вслед за О.А. Рыжкиной и С. Чакыроглу зооморфизмами мы называем лексико-семантические названия животных (включая названия птиц и насекомых), проецируемые на человека, характеризующие и оценивающие его под разными углами зрения [201. С. 18]. Данные единицы сохраняют в своём значении нередко только один качественно-оценочный признак, то есть стремятся к моносемности: **курица** (глупая женщина), **медведь** (неуклюжий человек), **слон** (большой человек), **лиса** (хитрец), **обезьяна** (гримасник, кривляка), **кобра** (злая и коварная женщина), **осёл** (глупый человек) и т.д.

Выделяя группу ДИ, стоит сразу же сказать о том, что большая часть подобных номинаций образуется посредством метафорического переноса, то есть переноса по сходству. В результате источником нового значения слова является сравнение. Именно метафорический перенос формирует группу слов с предикативно-характеризующим лексическим значением (по В.В. Виноградову). Данные лексемы отражены в Русском семантическом словаре в разделе «Названия лиц» [197. С. 82–149]. К примеру, «*Хорошо поёт, собака, заслушаешься!*» [Там же. С. 117]; «*Эта ворона проворонила своё счастье*» [Там же. С. 104]; «*Этот грубиян просто неотёсанный медведь*» [Там же. С. 105]!

По мнению Г.Н. Складневской, перенос «животное → человек» относится к числу регулярных метафорических переносов: «С помощью зооморфизмов язык изобретает самые разнообразные характеристики человека, в подавляющем большинстве случаев пейоративные (т.е. отрицательные): внешности (*байбак*), психологические (*змея*), нравственные (*скотина*), социальные (*букашка*)» [221. С. 90].

Общеизвестно, что метафора выполняет функцию характеристики и функцию номинации индивидов и классов объектов. Но всё же для метафоры исходной является функция характеристики. В тот момент, когда метафора начинает занимать позицию предиката, она постепенно утрачивает предметное значение и «вместе с тем большую часть входящих в него семантических компонентов» [6. С. 234]. Таким образом, смысл метафоры ограничивается указанием на один или немногие признаки.

Н.Д. Арутюнова указывает, что один из компонентов метафоры «может принадлежать фонду общих представлений носителей языка о данной категории объектов, включая мифологические, культурные и эмоционально-оценочные коннотации» [там же]. Таким образом, некое взаимодействие с двумя различными классами денотатов способно создавать основной признак метафоры – её

семантическую двойственность. При этом метафора включает два компонента: значение, свойственное для актуального субъекта, и образ её вспомогательного субъекта. Кроме того, совокупность второстепенных для «вспомогательного субъекта метафоры признаков даёт ключ к сущности актуального субъекта» [там же]. Довольно часто в основе подобных метафорических номинаций лежат зооморфизмы. Сказанное можно представить в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Образование зооморфизмов

Слово в прямом значении	→	Слово в переносном значении с предикативно-характеризующим лексическим значением
Гусь (птица)	→	гусь (перен. значение, ловкач и мошенник) [197. С. 110] Хорош гусь!
Медведь (животное)		медведь (перен. значение, неуклюжий, неловкий человек) [197. С. 105]

Таким образом, группу ДИ представляют имена, характеризующие их носителя по каким-либо качествам, свойствам. Данные ДИ создаются на базе имён нарицательных, которые формируют то или иное представление о личности. Таким образом, речь идёт не о реальном животном или неодушевлённом предмете из множества, не о собирательном образе, а имеются в виду конкретный *Медведь*, главной характеристикой которого является неуклюжесть, конкретная *Свинья* (нечистоплотность) и т.д.

Рассмотрев в структуру и понятие ДИ, обратимся к анализу их функционирования в речи и выявлению случаев, когда данные единицы выступают в том или ином из своих значений.

Легко заметить, что мифологическое значение ДИ актуализуется тогда, когда данные имена выступают в качестве второй составляющей метафоры или сравнения, то есть служат не для номинации, а для предикации, употребляются интенционально (коннотативно).

Анализируя функционирование ДИ в речи, Д.Б. Гудков выделяет особенности употребления рассматриваемых единиц:

когда ДИ употребляются для номинации (экстенционально), они выступают, как правило, в своем обыденном значении;

когда ДИ употребляются для предикации (интенционально), на первый план выходит их мифологическое значение [69. С. 78].

Таким образом, можно сделать вывод, что ДИ не нарушают дихотомию общих и индивидуальных имён и являются собой не третий член классификации, а специфические единицы, которые могут быть отнесены к первым или ко вторым в зависимости от ситуации употребления. Вслед за Д.Б. Гудковым стоит выделять ДИ в отдельную группу [69. С. 79]. Основным критерием такого выделения, согласно точке зрения исследователя, является регулярность актуализации мифологического значения этих имён и их употребления не для номинации, а для предикации. Под регулярностью в данном случае понимается спо-

способность ДИ в определенных типизированных повторяющихся условиях практически всегда функционировать указанным образом в названном выше значении. Более того, Д.Б. Гудков пишет: «Самые разные общие имена способны функционировать в качестве предиката в семантической структуре предложения, но далеко не все из них обладают мифологическим значением. Не для всех подобное употребление является регулярным» [69. С. 79].

Таким образом, ДИ имеют мифологическое значение, которое актуализуется тогда, когда данные имена выступают в качестве второй составляющей метафоры или сравнения. ДИ могут употребляться для номинации или предикации.

Выше уже упоминалось, что национальная детерминированность мифологического значения ДИ является их характерной особенностью. Достаточно ярко это выявляется при анализе зооморфизмов. Ср: «*Ты ведешь себя как заяц! Не ешь как свинья! Какой он медведь!*» В данном случае говорящий имеет в виду не реальный образ некоего зайца, свиньи, медведя, а конкретного зайца, главной характеристикой которого является трусость, конкретную свинью (нечистоплотность), конкретного медведя (неуклюжесть).

Исследователи уже отмечали, что употребление подобных ДИ оказывается различно в различных языках [201. С. 18; 173. С. 80; 261. С. 98; 40. С. 75; 1. С. 82 и др.]. Зооморфизмы разных языков, ориентированные на одно и то же реально существующее животное, могут представлять его (и реально представляют его) эталоном разных качеств и свойств. Содержание зооморфизмов в каждом данном языке может отличаться от содержания аналогичных зооморфизмов в любом другом [69. С. 76]. Например, *жаба* в русском языке означает «отвратительный человек», в чешском же эпитет *zabka* вполне применим по отношению к милой девушке; *свинья* для русского, прежде всего, значит «нечистоплотный человек», для японца же – «толстый человек»; *заяц* – «трус» для русского и «быстро что-либо делающий человек» для американца.

Нужно отметить, что в предикативно-характеризующем значении употребляются не только зооморфизмы, но и названия неодушевленных предметов: **дуб** (глупый человек), **чайник** (малоопытный человек), **юла** (вертлявый, суетливый человек), **валенок** (глуповатый человек крестьянского происхождения), **лапша** (вялый, нерасторопный человек), **бревно** (бесчувственный человек) и т.д. Данные номинации функционируют в разговорной речи в русском языке. В китайском языке мы можем выделить следующие номинации, часто встречающиеся в устной речи: **бамбук** (несгибаемый человек, имеющий стойкий характер), **лотос** («чистый» человек), **башмак** (женщина лёгкого поведения), **свеча** (учитель), **лапша** (худой человек), **бревно** (глупый, тупой человек) и др. В двух последних примерах в китайском и русском языках (лапша, бревно) мы видим чёткое расхождение в семантике данных ДИ.

Похожую картину можно наблюдать, если перейти от зооморфизмов к ДИ, обозначающим этнические стереотипы. Анализируя подробно такое ДИ, как *француз*, предположим, что русский человек вполне может сказать: *легок, как француз; галантен, как француз, изящен, как француз* и т.п. Однако подобные обороты невозможны в речи немца. С другой стороны, для русской речи вряд ли можно признать нормальными выражения *скуп, как француз; алчен, как француз; эгоистичен, как француз*, являющиеся вполне приемлемыми для немца (независимо от личного отношения того или иного конкретного русского или немца к французам).

Таким образом, структура и оценка представления, стоящего за мифологическим значением ДИ, существенно отличаются в различных культурах, что закрепляется в языках носителей этих культур. Иными словами, *француз* различен для русского и немца, а *свинья* является *свиньей* и одинакова для всех, знакомых с этим животным. *Свинья* для русского существенно отличается от *свиньи* для японца, как и *бревно* для русского и китайца.

Как отмечает Д.Б. Гудков, это происходит потому, что при структурировании представления в той или иной культуре из всего множества черт, присущих данному национальному характеру, выделяются и фиксируются лишь определенные, остальные отбрасываются как несущественные. Это находит свое отражение в языке и закрепляется в мифологическом значении ДИ. Происходит уже знакомая нам минимизация. Редукция сложного и диалектического понятия, которое приводится к определенному ограниченному набору характеристик, получающемуся в результате действия, существующего в каждой культуре алгоритма минимизации того или иного элемента культуры [69. С. 76].

Достаточно ярко указанные особенности ДИ проявляются при межкультурной коммуникации. Имя, указывающее на тот или иной элемент действительности, может обладать идентичным применением в различных языках, но его вторичное применение в каждом из языков может существенно отличаться от подобного применения в других. Непонимание указанных различий может стать причиной межкультурного непонимания.

Двусторонние номинации в представлении носителей русского и китайского языков. Рассмотрим функционирование ДИ, а именно зооморфизмов и названий неодушевленных предметов (предметов быта, растений, продуктов, абстрактных понятий, чисел), в русском и китайском языках.

Зооморфизмы в любом языке являются прямым отображением этнокультурных условий, в которых формировался лексический фонд этого языка. Зооморфизмы, как и другие образно-выразительные единицы, придают речи особую яркость, красочность. Это достигается тем, что в их построении удачно использованы самые разнообразные средства образной выразительности: переносное, метафорическое значение, сравнение, гиперболы, аллитерация и т.д. Зооморфизмы выражают оценку состояния лица, оценку действий и манеры поведения лица, некоторые черты внешнего облика человека получают свою эмоциональную оценку. Такую же оценку нередко получают и названия неодушевленных предметов в разговорной речи.

При сопоставлении языков и культур можно выделить ДИ актуальные или неактуальные для определённого языка. Китайский лингвист У Гоуа подобные именованья называет коннотативными и денотативными [261. С. 167]. К первым относятся реалии, обозначающие объекты и получившие в определённом языке особые дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре. А к последним можно отнести реалии, обозначающие объекты действительности.

Стоит сказать, что не все предложенные нами в анкетировании (60 слов) номинации являются ДИ, то есть именованьями, которые, согласно точке зрения У Гоуа, называются коннотативными.

Для носителей русского языка к таким ДИ относят:

1) зооморфизмы (корова, лошадь, собака, кошка, свинья, курица, утка, заяц, медведь, волк, лиса, тигр, лев, лебедь, голубь, воробей, ворона, черепаха,

осёл, орёл, обезьяна, олень, слон, змея, муха, пчела, мышь, коза, павлин) – всего 29 слов;

2) названия неодушевлённых предметов (бревно, валенок, дуб, дубина, заноза, лопух, мешок, мимоза, молот, одуванчик, пень, сундук, сухарь, тень, тряпка, тюфяк, чайник, швабра, шкаф, шляпа, юла) – всего 21 слово.

Для носителей китайского языка к ДИ относят:

1) зооморфизмы (корова (牛), лошадь (马), собака (狗), кошка (猫), свинья (猪), курица (鸡), утка (鸭子), заяц (兔子), медведь (熊), волк (狼), лиса (狐狸), тигр (老虎), голубь (鸽子), ворона (乌鸦), черепаха (乌龟), осёл (驴), обезьяна (猴子), слон (大象), муха (苍蝇), пчела (蜜蜂), мышь (老鼠), павлин (孔雀)) – всего 22 слова;

2) названия неодушевлённых предметов (250, бамбук (竹子), башмак (鞋子), бревно (木头), дубина (棍子), лампочка (电灯泡), лапша (面条), лотос (荷花), молот (棒槌), свеча (蜡烛), тень (影子), тряпка (破布), шляпа (帽子)) – всего 13 слов.

Рассмотрим употребление в устной речи носителями русского и китайского языков обозначенных нами в анкетах зооморфизмов и названий неодушевлённых предметов.

Для определения степени функционирования ДИ в речи было проведено исследование. Мы предложили заполнить анкеты «Функционирование зооморфизмов в русском и китайском языках». Опрос проводился в основном в студенческой аудитории. В ассоциативном эксперименте участвовали русскоязычные и китайскоязычные информанты в возрасте 20–30 лет различных профессий, то есть люди с законченным и незаконченным высшим образованием. Всего проанализировано 60 анкет, 30 из которых заполнены носителями русского языка. В результате исследования нами выявлены группы ДИ, где наблюдается либо полное или частичное совпадение, либо различие в значениях ДИ в русском и китайском языках. Рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента и распределим зооморфизмы по указанным выше группам.

1. Полное совпадение наблюдается в следующих словах

Голубь (鸽子, gēzi) – в сознании русского и китайца данное ДИ ассоциируется с мирным человеком.

Лиса (狐狸, húli) – носители русского и китайского языков таким ДИ называют хитрого и коварного человека: «*Опять эта лиса ко мне подъезжает с уговорами*» [161. С. 336].

Дельфин (海豚, hǎitún) – русские и китайцы указали, что данное ДИ может характеризовать умного и доброго человека.

Змея (蛇, shé) – данная номинация ассоциируется со злым и коварным человеком в русском и китайском языке: «*Не человек – змея!* (о злом и язвительном человеке)» [Там же. С. 236].

Тигр (虎, hǔ) – данным ДИ и русские, и китайцы называют свирепого, лютого, злого и грозного человека: «*Наброситься на кого-нибудь как тигр* (яростно)» [Там же. С. 826]. Хотя отмечается и второе значение: «храбрый, отважный, воинственный».

Лев (狮子, shīzi) – данная номинация с точки зрения носителя русского языка характеризует человека сильного и властного, а с точки зрения носителя китайского языка – сильного, властного и лютого. Толковый словарь русского языка содержит следующее сравнение в словарной статье «лев»: «*Сражается как лев кто-нибудь (храбро)*» [Там же. С. 328], другими словами, с помощью данного зооморфизма в русском языке можно обозначить и храброго человека.

На формирование данного значения в китайском языке влияют религиозные представления. Как известно, лев в буддизме символизирует властность и грозность. До сих пор по обеим сторонам у входа в буддийские храмы расположены каменные львы, символизирующие справедливость и власть.

Стоит отметить, что ДИ «Тигр» и «Лев» отмечены определением «царственный».

2. Частичное совпадение можно увидеть в таких словах

Собака (狗, gǒu) – данная номинация ассоциируется у носителей русского и китайского языков с «верным и преданным человеком». Хотя в русском языке отмечается ещё одно значение – «злой, грубый человек» [161. С. 765]. Более того, в Толком словаре русского языка отмечено ещё одно значение: «Знаток, ловкий в каком-нибудь деле человек (прост.). *Он у нас плясать собака. Хорошо поет, собака, заслушаешься*» [Там же. С. 765]. Таким образом, в данном случае необходимо подчеркнуть многозначность культурных коннотаций: в одном слове содержатся сразу две противоположные окраски (положительная и отрицательная).

Лебедь (天鵝, tiāné) – обозначая этим словом лицо, носители русского и китайского языка полагают, что это красивый, прекрасный и изящный человек, хотя существуют и дополнительные значения: для русских – «верный», для китайцев – «высокомерный» человек.

Воробей (麻雀, máquè) – русские и китайцы ассоциируют это ДИ с человеком маленького роста, хотя китайцы дополнительно замечают, что так можно называть и шумного человека. В Толковом словаре русского языка указано, что данным переносным значением можно именовать опытного, бывалого человека: «*Старый или стреляный воробей*» [Там же. С. 96].

Черепаха (乌龟, wūguī) – для русских, прежде всего, это медлительный человек. Ср. «*Тащиться (ползти) как черепаха (очень медленно)*» [Там же. С. 913]. В китайском языке тоже зафиксировано это значение, однако китайцы выделяют ещё и другие: «старый, трусливый».

Осёл (驴, lǘ) – для русского и китайца, в первую очередь, таким ДИ можно назвать упёртого и упрямого человека, хотя русские выделяют дополнительное значение – глупый и тупой человек. Данное значение отмечает также Толковый словарь русского языка: «*Этому ослу ничего не докажешь*» [Там же. С. 474]. Носители китайского языка при выделении ДИ «осёл» приводят фразеологизм «*黔驴技穷*» (qiánlǘjìqióng), обозначающий человека, который истратил свои способности и силы. Здесь сознание носителей китайского языка обращено к китайской народной сказке, где главный герой (осёл) делал одни и те же действия.

Слон (大象, dàxiàng) – данное ДИ в русском языке характеризует большого (огромного, толстого), шумного и неповоротливого человека. В Толковом словаре русского языка отмечено следующее: «*Слон в посудной лавке* (о большом, нескладном человеке, оказавшемся в тесноте, среди ломких и хрупких вещей)» [Там же. С. 757]. В китайском языке тоже отмечается, что слон – это громадный и неловкий человек, но и в то же время сильный.

Муха (苍蝇, cāngying), в первую очередь, носители русского и китайского языка отмечают, что данное ДИ характеризует назойливого и надоедливого человека, хотя в китайском языке так обозначают и грязного человека. Толковый словарь русского языка фиксирует такое сравнение: «*Как сонная муха кто-нибудь* (вял и сонлив; разг. неодобр.)» [Там же. С. 380].

Пчела (蜜蜂, mìfēng) – и для китайцев, и для русских, в первую очередь, трудолюбивый человек, хотя русские информанты отметили и дополнительное значение – опасный человек.

Павлин (孔雀, kǒngquè) – для русского человека за этим ДИ закрепился образ самовлюбленного, важного, хвастливого, гордого, но красивого человека. В китайском языке мы находим подобное: высокомерный, заносчивый, но красивый.

Заяц (兔子, tùzi) – русские и китайские информанты считают, что данным ДИ именуют трусливого человека. Ср. «*труслив как заяц*» [161. С. 231]. Хотя китайцы могут так называть милого, нежного, послушного и умного человека.

Медведь (熊, xióng) – так говорят русские о неуклюжем, неповоротливом человеке (данное переносное значение зафиксировано в Толковом словаре русского языка [Там же. С. 356]), а также о сильном и свирепом. В сознании носителя китайского языка это ДИ ассоциируется с крепким и ленивым человеком. Более того, так называют человека, который при ходьбе носки ног ставит вовнутрь. Кроме того, в китайском языке для подобного обозначения используется иероглиф “八” (bā), то есть данное явление ещё выражается и графически. Таким образом, для китайцев образ медведя всегда был связан с представлением о неуклюжести, тупости и грубости. Китайская поговорка *Медведь кукурузу обрывает* означает напрасный труд. Говорят, что когда медведь собирает кукурузу, он обрывает один початок, роняя другой. Эта поговорка показывает, что медведь – зверь неуклюжий.

Волк (狼, láng) – русские респонденты отметили, что таким ДИ можно назвать злого (злостного, злобного), одинокого и голодного («*Голоден как волк*» [Там же. С. 93]) человека. Для китайцев – это, в первую очередь, злой человек, в анкетах отмечено: «зверский».

3. Различие в семантике наблюдается у следующих ДИ

Корова (牛, niú) – данным словом носители русского языка именуют «большого человека». Более того, этим ДИ чаще всего называют толстую неуклюжую женщину: «*Этакая корова*» [6. С. 304]. Китайцы же называют так «трудолюбивого и безропотного человека».

Лошадь (马, mǎ) – русские информанты считают, что таким ДИ можно назвать «трудолюбивого, работающего, работоспособного и выносливого человека». А в Толковом словаре русского языка отмечено, что таким словом в переносном значении можно назвать «крупного и нескладного человека»: «*Ну и лошадь эта баба*» [161. С. 342]. Для носителя китайского языка данное ДИ ассоциируется с «быстрым и верным человеком».

Кошка (猫, māo) – данное ДИ в сознании носителей русского языка ассоциируется с «свободолюбивым и эгоистичным человеком». Кроме того, в Толковом словаре русского языка замечено, что так могут называть того, кто может приспособиться к лишениям, выжить в любых условиях: «*Живуч как кошка*» [Там же. С. 765]. Для китайцев – это «милый и загадочный человек».

Свинья (猪, zhū) – русские говорят так о том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неопрятном, неряшливом, неаккуратном: «*Ну и свинья же ты!*» [Там же. С. 727]. Китайцы же отметили иные значения данного ДИ – это «ленивый, тупой, толстый и ненасытный человек».

Курица (鸡, jī) – с помощью данного ДИ русские называют «глупого, тупого и суетливого человека», в сознании же китайца – это «трудолюбивый и встающий рано человек».

Ворона (乌鸦, wūyā) – носители русского языка отмечают, что этим ДИ называют любопытного, рассеянного, говорливого и крикливого человека. Первые два значения отмечены в Толковом словаре русского языка: зевака и ротозей [Там же. С. 96]. В китайском языке данная номинация в качестве двусторонней отсутствует.

Орёл (鷹, yīng) – русские говорят так о гордом, смелом, сильном человеке [161. С. 471], а китайцы – о мудром.

Обезьяна (猴子, hóuzi) – в Толковом словаре русского языка отмечено, что так говорят о человеке, склонном к подражанию другим, гримаснике, кривляке [Там же. С. 437]. Носители русского и китайского языка тоже ассоциируют данное ДИ с таким человеком: весёлый, смешной, клоун, непоседа, озорной. Хотя надо отметить, что китайские информанты выделяют и дополнительное значение данного ДИ: так можно говорить об умном человеке.

Олень (鹿, lù) – русские этим словом называют глупого, тупого человека, китайцы – нежного и прекрасного.

Мышь (老鼠, lǎoshǔ) – ДИ «мышь» в русском языке называют тихого и незаметного человека (ср. «как *мышь* сидит кто-нибудь») – очень тихо себя ведёт [Там же. С. 381], а в китайском языке – хитрого, трусливого и воруящего.

Коза (山羊, shānyáng) – носители русского языка отметили, что так называют упрямого, вредного и глупого человека, а носители китайского языка – нежного и мягкого.

Утка (鸭子, yāzi) – носители русского языка указали, что данным ДИ можно обозначить глупого, тупого, говорливого (разговорчивого) человека, носители китайского языка отметили, что так называют неловкого человека, а также человека, у которого есть «сплюснутый рот».

Таким образом, данные ассоциативного эксперимента показали, что взятые нами для анализа значения зооморфизмов, функционирующих в устной речи носителей русского и китайского языков, распределились следующим образом:

- 1) полное совпадение – 20%;
- 2) частичное совпадение – 40%;
- 3) различие в семантике ДИ – 40%.

Подобное распределение, как нам кажется, обусловлено культурными, географическими и другими факторами. Разница культур двух стран влияет и на то, что русские и китайцы имеют разные понятия о животных. Например, словом «корова» русские именуют большого человека, а китайцы называют трудолюбивого и безропотного человека. Словом «пчела» русские и китайцы называют трудолюбивого человека, а также в русском языке отмечается дополнительное значение – «опасный человек». Порой значения некоторых слов полностью совпадают в русском и китайском языках. К примеру, «лисой» в русском и китайском языках называют хитрого и коварного человека.

Любое животное обладает своим собственным видовым и даже индивидуальным характером, в чём-то схожим с характером того или иного человека. При этом особенности животного и его название могут переноситься на человека, приписывая ему разные черты в соответствии с традициями национальной культуры, религией и самосознанием народа. Исследователи полагают, что на начальной стадии развития человечества, когда человек ещё не окончательно отделился от животного мира, животные имели исключительно важное значение в его жизни. В течение длительного времени они служили определённой моделью жизни человеческого общества и природы в целом [261. С. 109].

Таким образом, мифологические значения ДИ существенно отличаются в различных культурах. При этом часто в качестве ДИ используются зооморфизмы, в которых, как в зеркале, отражаются представления различных народов о том или ином животном. Иначе говоря, как полагает У Гоуа, всякий язык «является зеркалом определённой национальной культуры» [Там же. С. 28].

Стоит добавить, что употребление ДИ может затруднять общение между людьми различных национальностей.

В предикативно-характеризующем значении употребляются не только названия животных, но и **названия неодушевленных предметов** (предметов быта, растений, продуктов, абстрактных понятий, чисел). Исследователи полагают, что культурная коннотация этих слов обычно основывается на некотором стереотипном для данного национально-культурного коллектива образно-ассоциативном комплексе [68. С. 95].

С целью определить степень функционирования номинаций неодушевленных предметов в качестве ДИ в речи было проведено анкетирование. Ассоциативный эксперимент проводился в основном в студенческой аудитории. В анкетировании участвовали русскоязычные и китайскоязычные информанты в возрасте 20–30 лет различных профессий, то есть люди с законченным и незаконченным высшим образованием. Были предложены анкеты «Функционирование названий неодушевленных предметов в русском и китайском языках» носителям русского и китайского языков. Всего проанализировано 60 анкет, половина из которых заполнена носителями русского языка. Здесь мы также выделяем три группы ДИ, где наблюдается либо полное или частичное совпадение, либо различие в значениях ДИ в обоих языках. Рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента и распределим названия неодушевленных предметов в предикативно-характеризующем значении по указанным выше группам.

1. Полное совпадение обнаружено нами только в одном ДИ

Бревно (木头, mùtóu) – носители русского и китайского языков таким ДИ называют тупого, негибкого, неподвижного человека. В Толковом словаре русского языка есть информация, что так говорят о тупом, неотёсанном человеке (разг., бран.) «*Ты этакое бревно!*» [161. С. 59].

2. Частичное совпадение наблюдается в следующих лексемах.

Бамбук (竹子, zhúzi) – русские информанты отметили, что таким ДИ можно называть тупого, глупого человека. В китайском языке тоже есть такое значение, пословица «*У человека пустая голова*» это подтверждает. Также носители китайского языка считают, что это высокий, худой или негниблемый человек. При анализе данной лексемы стоит отметить и точку зрения китайского исследователя У Гохуа. Он полагает, «что бамбук не является у русских, как у китайцев, символом негниблемости, стойкости характера» [Там же. С. 8].

Лампочка (电灯泡, diàndēngpào) – русские респонденты отметили, что это лысый человек, а также человек, имеющий странную форму головы. Китайцы же называют так «лишнего человека». Но в китайском языке тоже есть такое значение, как и в русском, – «лысый человек».

Лотос (荷花, héhuā) – для русских и китайцев, в первую очередь, таким ДИ можно назвать красивого человека. Китайцы выделяют дополнительное значение «чистый человек». Китайцы так говорят: «*Лотос растет на грязном месте, но сам очень чистый*». Более того, китайский исследователь У Гохуа полагает, что слово «*хэхуа*» в отличие от русского слова *лотос* «включает в своё семантическое поле эмоциональные ассоциации, связанные с чистотой, чудесным рождением, духовным просветлением и состраданием» [Там же. С. 80, 173].

Пень (木桩, mùzhūāng) – данным словом носители русского и китайского языков именуют «глупого, тупого человека». В Толковом словаре русского языка написано, что это тупой бесчувственный человек (разг., неодобр.). Например, «*разве этот пень может что-нибудь понять*» [Там же. С. 512]. Для китайцев это и низкий, и толстый человек.

Дуб (橡树, xiàngshù) – так говорят русские о глупом и тупом человеке. Толковый словарь русского языка фиксирует это значение, а также выделяет ещё одно: «нечуткий человек» [161. С. 183]. Китайцы так называют неумного, а также высокого и большого человека.

Дубина (棍子, gùnzi) – русские респонденты думают, что это глупый человек. В Толковом словаре зафиксировано такое значение, но с пометами «прост.», «бран.» [Там же. С. 181]. Для китайцев – это, прежде всего, тощий, а также неумный человек.

Ланша (面条, miàntiáo) – для русских это худой человек (особенно худая девушка). Второе значение – вялый, слабый человек. Для китайцев это худой, трусливый человек.

Тень (影子, yǐngzi) – русские студенты полагают, что это незаметный человек. В Толковом словаре русского языка написано: «*Этот человек – его тень* (перен.: неотступно следует за ним)» [Там же. С. 794]. Для китайцев «тень» – это человек, который является зависимым от мнения другого человека, то есть он не имеет собственного мнения, он как тень следует за другим человеком. В китайском языке для обозначения подобного человека используется суффикс, который обозначает насекомое (虫, chóng). В данном случае это слово имеет отрицательную эмоциональную окраску, в китайском языке может приобретать и положительную окраску в значении «близкий друг».

3. Различие в значениях ДИ наблюдается в следующих словах.

250 (二百五, èr bǎi wǔ) – русские студенты думают, что это толстый человек. Ещё они считают, что такой человек «стоит слишком дешево». У китайцев есть очень яркое значение. Если называют кого-то «250», значит он глупый человек. В русском языке тоже есть выражение, в котором используются числительные «два» и «пять», – «два по пять». Ср. «*Я в этом два по пять*», то есть «я не опытный человек в этом деле».

Валенок (靴子, xiézi) – русские считают, что это глупый человек. А китайцы думают, что это «тёплый» человек, кроме этого, китайцы часто говорят так о человеке с длинным лицом.

Баишмак (鞋子, xiézi) – с помощью данного ДИ называют глупого, тупого человека. Для носителя китайского языка данное ДИ ассоциируется с «распущенной женщиной».

Вафля (威化饼干, wēihuàbǐnggān) – в русском языке данная номинация в качестве двусторонней отсутствует. Китайцы иногда говорят так о пустозвоне.

Заноза (肉刺, ròucì) – данная номинация, с точки зрения носителя русского языка, характеризует человека надоедливого и назойливого. В Толковом словаре русского языка отмечено, что так называют задиристого, придиричивого человека (разг.) [Там же. С. 213]. Китайцы считают, что такой человек приносит боль и является придиричивым.

Лопух (牛蒡, niúbàng) – русские думают, что это глупый человек и тот, кого легко обмануть. В Толковом словаре русского языка отмечено, что таким словом в переносном значении можно говорить о глупом человеке, простачке (прост.). К примеру, «*Ну и лопух же ты!*» [Там же. С. 333]. В китайском языке данная номинация в качестве двусторонней отсутствует.

Мешок (口袋, kǒudài) – Толковый словарь русского языка указывает, что так говорят о неповоротливом, неуклюжем человеке (разг.) [Там же. С. 355]. Результаты анкет показали, что русские так говорят о толстом человеке, а китайцы – о богатом.

Мимоза (含羞草, hánxiūcǎo) – русские так говорят о красивом человеке. В Толковом словаре русского языка отмечено, что так говорят о недотроге [161. С. 356]. Китайцы так говорят о застенчивом человеке.

Молот (棒槌, bàngchuí) – русские так говорят о сильном, настойчивом человеке. Для китайцев это опрометчивый, глупый человек.

Одуванчик (蒲公英, púgōngyīng) – русские респонденты считают, что таким ДИ можно назвать «милого человека». Кроме того, русские считают, что так можно сказать о человеке с причёской «афро». В Толковом словаре русского языка отмечено, что так говорят о тихом и слабом, обычно старом человеке: «*Старушка божий одуванчик*» [Там же. С. 447]. Китайцы считают, что это свободный человек, а также человек, у которого «причёска как одуванчик».

Пузырь (气泡, qìpào) – русские говорят о полном человеке. Китайцы говорят так о мечтательном человеке.

Свеча (蜡烛, làzhú) – носители русского языка таким ДИ называют «яркого» человека. В китайском языке часто используется такое сравнение «*Учитель как свеча*», а также так можно называть отзывчивого человека.

Сундук (箱子, xiāngzi) – русские говорят так о богатом, жадном человеке. В китайском языке данная номинация в качестве двусторонней отсутствует.

Сухарь (面包干, miànbāogān) – русские так говорят о бесчувственном, чёрством человеке. В Толковом словаре русского языка отмечено, что это сухой, неотзывчивый, эгоистичный человек (разг.) [Там же. С. 781]. Китайцы думают, что это худой человек и человек, у которого сухая кожа.

Тряпка (破布, pòbù) – русские информанты считают, что это бесчувственный человек или тот, кто не имеет своего мнения. В Толковом словаре русского языка отмечено, что так говорят о бесхарактерном, слабовольном человеке (разг., пренебр.): «*Не мужчина, а тряпка*» [Там же. С. 815]. Для китайцев – это бездарный человек или «дешёвая женщина».

Тюфяк (垫子, diànzi) – русские так говорят о слабом и ленивом человеке. Толковый словарь русского языка отмечает, что так можно сказать о вялом, безвольном, медлительном человеке (прост.) [Там же. С. 819]. Китайцы часто называют так мягкого человека и человека, который служит народу.

Чайник (茶壶, cháhú) – русские так говорят о тупом, неумном человеке. Толковый словарь русского языка отмечает, что так можно сказать о неумелом, малоопытном человеке, плохо знающем своё дело, а также вообще о глупом, неумном человеке (прост.) [Там же. С. 877]. Китайцы так говорят о бездельнике и болтливом человеке (особенно о сплетнице).

Швабра (拖把, tuōbǎ) – русские респонденты считают, что это длинный и худой человек (особенно девушка). Для китайцев это неаккуратный человек, а также человек с длинными волосами.

Шкаф (柜子, guǐzi) – русские так говорят о большом толстом и высоком человеке. Для китайцев нет яркого значения. Они только думают, что это человек, который имеет много одежды.

Шляпа (帽子, màozi) – русские говорят так о простом человеке (простаке). В Толковом словаре русского языка содержится информация, что так говорят о вялом, безынициативном человеке, растяпе (разг., презер.) [Там же. С. 898]. Для китайцев это человек, который имеет высокое положение в обществе. Но в китайском языке есть также выражение «*зелёная шляпа*» – «мужчина, которому изменяет жена или девушка. В русском языке такого мужчину называют «рогоносец».

Юла (陀螺, tuóluó) – русские так говорят об энергичном, подвижном, активном человеке. В Толковом словаре русского языка отмечено, что это вертлявый, суетливый человек (обычно ребёнок) (разг.) «*Эта юла минуты на месте не посидит*» [161. С. 915]. Китайцы считают, что это дипломатичный человек.

Таким образом, данные ассоциативного эксперимента показали, что взятые нами для исследования названия неодушевлённых предметов (предметов быта, растений, продуктов, абстрактных понятий, чисел) в предикативно-характеризующем значении, функционирующие в устной речи носителей русского и китайского языков, распределились следующим образом:

- 1) полное совпадение – 3%;
- 2) частичное совпадение – 27%;
- 3) различие в семантике ДИ – 70%.

Данные ассоциативного эксперимента позволяют заметить, что значения названий неодушевлённых предметов (для обозначения человека) в русском и китайском языках не совпадают, в большем количестве случаев наблюдается различие в семантике. Полагаем, что данное явление следует связать с тем, что каждый язык обладает своеобразным способом восприятия и отражения мира, создавая свою языковую картину мира.

Культурно-исторический фон и социально-культурное наполнение слов-реалий русского и китайского языков формируют разные понятия названий неодушевлённых предметов. Например, словом «пузырь» русские именуют толстого, полного человека, а китайцы называют так мечтательного человека. Словом «лампочка» носители русского и китайского языка называют лысого человека. Более того, отмечаются и дополнительные значения: «лишний человек» (в китайском языке) и «человек, имеющий странную форму головы» (в русском языке). Только одно слово имеет значение, которое полностью совпадает в русском и китайском языках, – «бревно», им называют глупого, тупого и негибкого человека.

Итак, мы попытались сопоставить русские номинативные единицы (названия неодушевлённых предметов) с китайскими, что позволило продемонстрировать особенности национально-культурной семантики русских номинативных единиц в зеркале китайской культуры.

На основании проведенного исследования сделаем следующие выводы.

Были рассмотрены некоторые теоретические вопросы, касающиеся природы двусторонних номинаций как фрагментов языковой действительности. Рассмотрев понятие и структуру ДИ, можно прийти к выводу, что ДИ – это специфические языковые единицы, обладающие обыденными и мифологическим значениями. При этом они имеют предикативно-характеризующее значение. Часто в этом случае употребляются названия домашних и диких животных – зооморфизмы, которые выступают в качестве второй составляющей метафоры или сравнения.

Также нами рассмотрены двусторонние номинации в представлении носителей русского и китайского языков. Общеизвестно, что природа и человек – это понятия неразделимые, и каждый народ воспринимает природу и окружающую действительность по-своему. Это восприятие имеет не только общечеловеческие, но и национальные оттенки. В образах домашних и диких животных, растений, предметов быта и др., как в зеркале, отражается сам человек. Например, словом «лошадь» носитель русского языка называет тру-

долюбивого, работающего, работоспособного человека, а носитель китайского языка – быстрого и верного; словом «мешок» русские именуют толстого человека, а китайцы – богатого.

Таким образом, сопоставление с животными и неодушевлёнными предметами даёт большой ряд изобразительных эффектов, которые характеризуются общеупотребительностью, определённой частотностью использования, воспроизводимостью, а также чётко и выразительно отображают внешние и внутренние качества людей. Характеристики человека посредством зооморфизмов закрепляются и хранятся в народной памяти, обладают большим объёмом национально-культурной информации. При этом чаще всего (но не всегда) подобные двусторонние номинации отражают негативные (отрицательные) качества человека.

Чёткие и постоянные оценочные коннотации несут метафорические переносы типа «животное → человек», «неодушевлённый предмет → человек». Цель этих переносов – приписать человеку некоторые признаки, которые почти всегда имеют оценочный смысл. Сами названия животных и неодушевлённых предметов оценки не содержат, но, если они относятся к человеку, почти всегда приобретают оценочные смыслы, приписывая человеку этические, психологические или социальные свойства, поведенческие характеристики.

Русская и китайская культуры имеют разные истоки и основы формирования (в частности, географические условия), что и обуславливает значительные расхождения. В основе этого явления лежит ассоциативность слов данного языка, определяемая культурно-историческими факторами. Ассоциации лежат в основе появления производных, вторичных значений слов при многозначности, в основе внутренней формы слова, его мотивированности.

Стоит заметить и то, что национально-культурная самобытность ярко отражается в устойчивых сравнениях. Приведём примеры русских единиц – сравнений, совпадающих с китайскими и буквально, и семантически: *Лежать как бревно* (лежать неподвижно, обычно в состоянии лени, расслабленности); *Голодный как волк* (об очень голодном человеке); *Быть как мокрая курица* (быть инертным, безынициативным, проявлять нерасторопность или беспомощность). Приведём примеры русских единиц, не имеющих «китайских соответствий» и обладающих национально-культурной спецификой: *Смотреть как волк* (смотреть на кого-либо исподлобья, недоброжелательно и зло); *Каркать как ворона* (назойливо выражать свои опасения по поводу чего-либо, предвещать недоброе); *Кроткий как голубь* (очень смирный, тихий, неспособный кого-либо обидеть); *Трусливый как заяц* (очень трусливый человек); *Коварный как змея* (об очень коварном человеке); *Реветь как корова* (плакать громко, в голос) и др. Эти факты свидетельствуют о том, что сочетаемость слов тесно связана с культурой народа изучаемого языка. Разные культуры устанавливают в своём языке своеобразные сочетания слов. Когда свойственные для одного народа явления и предметы отражаются в сочетаниях данного языка, они оказываются непонятными или бессмысленными для других народов.

Проведённое исследование позволило на примере двусторонних имён наглядно продемонстрировать неразрывную связь языка и общества, языка и культуры.

Функционирование официальных и неофициальных топонимов города Владивостока в речи носителей русского и китайского языков*

Ономастика – наука об именах собственных всех типов, о закономерностях их развития и функционирования. Лингвистическая в своей основе ономастика включает исторический, географический, этнографический, культурологический, социологический, литературоведческий компоненты, помогающие выявлять специфику именуемых объектов и традиции, связанные с их именами, что выводит ономастику за рамки собственно лингвистики и делает автономной дисциплиной, использующей преимущественно лингвистические методы, тесно связанной с комплексом гуманитарных наук, а также наук о Земле и Вселенной [255. С. 298].

Имена собственные живо реагируют на происходящие в природе и обществе изменения, поэтому имена собственные могут служить хронологизаторами текстов, а также исторических и археологических памятников. В силу особой консервативности имен собственных они переживают эпоху, в которую были созданы, сохраняя свидетельства более древнего состояния языка, и содержат большую языковую и внеязыковую информацию, получить которую можно только лингвистическим и методами.

Топонимика – раздел ономастики, изучающий географические названия (топонимы), закономерности их возникновения, развития, функционирования. Совокупность топонимов (той или иной области) называется топонимией [224. С. 122].

Топоним – это имя собственное, относящееся к любому объекту на земле, природному или созданному человеком. В зависимости от характера именуемых объектов выделяются: названия водных объектов – *гидронимы* (*Черное море*, река *Сухона*, ручей *Колодезь*); названия объектов сухопутной поверхности земли – *оронимы* (гора *Эльбрус*, *Боровицкий холм*, *Воробьевы горы*); названия подземных объектов – *спелеонимы* (*Красная пещера*); названия мелких объектов – *микротопонимы* (скала *Парус*, ручей *Трех Туристов*, *Марьино пожня*, *Сенькин покос*); названия населенных мест – *ойконимы* (город *Псков*, деревня *Опалиха*); названия внутригородских объектов – *урбанонимы* (проспект *Вернадского*, улица *Волхонка*, *Бобров переулок*, магазин «*Три толстяка*», кафе «*Столешники*», оно же «*У дяди Гиляя*») [247].

Топонимию любого города можно разделить на официальную и неофициальную. Официальные названия фиксируются в документах городского масштаба, а также в почтовых отправлениях.

Неофициальная топонимия существует в основном в устной речи жителей и представлена либо «прозвищными» названиями разных объектов (в том числе утраченных или переименованных – в речи старожилов), которые так или иначе этими названиями характеризуются, либо словообразовательными параллелями к официальным названиям.

О.М. Киселева выделяет следующие виды неофициальных топонимов [99].

1. Топонимы-«прозвища» – это неофициальные названия объектов (преимущественно районов города), которые отражают внутренние отличительные

* © Е.Ю. Гончарук, Лю Сяоян

признаки объекта через метафорическое их осмысление, так называемые топонимы-«прозвища»: *Гнилой угол** – район за Луговой, где были болота, луга, откуда на город наплывал туман. *Швейка* – место возле швейной фабрики «Заря»; *БАМ* – район новостроек, расположенный далеко от центра; *Миллионка** – «места, примыкающие к Семеновскому покосу, где стихийно возникли трущобы. (*этим значком отмечены старые названия). Здесь селились самые бедные слои населения. Путаные кривые «улочки»-проходы таили массу опасностей. Так, во Владивостоке появилась своя «миллионка» – универсальное название самых жутких трущоб всех дореволюционных российских городов; *Коврижка* – «небольшой островок с круглыми берегами, напоминающий коврижку домашней выпечки. Именно такая форма островка подсказала фольклорное название – «Коврижка». Официальное его название – о. Скребцова.

2. Топонимы-варианты – это стяженные варианты от официальных названий: *Голубинка* – Голубиная падь; *Корейка* – Корейская слободка; *Куперовка* – Куперова падь.

Такой способ номинации в разговорной речи Е.Н. Земская называет компрессивным, или универбацией.

К полуофициальным названиям районов следует отнести и названия-переносы с соответствующих названий объектов, но не являющихся административными. Это чаще названия микрорайонов: Мингородок (Минный городок); Моргородок (Морской городок); Первая речка; Тихая (Тихая бухта).

Неофициальными являются также составные названия улиц, в которых опущено одно из слов. Например: ул. Фокина (ул. Адмирала Фокина); ул. Корнилова (ул. Адмирала Корнилова); ул. Нахимова (ул. Адмирала Нахимова); ул. Приходько (ул. Героя Советского Союза Приходько); ул. Терешковой (ул. Валентины Терешковой).

Некоторые исследователи считают употребление в разговорной речи подобных эллиптированных форм типа «живу на Лумумбе (на ул. П. Лумумбы)» своеобразной метонимией, подобно употреблению типа «читать Чехова (произведения Чехова)»; «любить Пушкина (стихи Пушкина)».

Кроме того, среди владивостокских названий улиц есть такие, как ул. 40 лет ВЛКСМ, ул. 50 лет ВЛКСМ, пр-т 100-летия Владивостоку. А.В. Суперанская пишет, что такого типа названия «неуклюжи, нетопонимичны, они трудны в речевой практике, где непременно подвергаются различного рода упрощениям». Действительно, в живой речи они трансформировались в «40 лет», «50 лет», «Столетие» и т.п.

Таким образом, неофициальные названия возникают в разговорной речи жителей, в результате метафорического и метонимического переноса, а также в результате сокращения названий определенных мест.

Неофициальные топонимы функционируют в разговорной речи. Рассмотрим подробнее понятие и особенности разговорной речи.

Разговорная речь – это разновидность литературного языка, реализующая преимущественно в устной форме в ситуации неподготовленного, непринужденного общения при непосредственном взаимодействии партнеров коммуникации. Основная сфера реализации разговорной речи – повседневная обиходная коммуникация, протекающая в неофициальной обстановке. Таким образом, одним из ведущих коммуникативных параметров, определяющих условия реализации разговорной речи, является параметр «неофициальность общения»; по этому параметру она противопоставлена книжно-письменному кодифицированному литературному языку, обслуживающему сферу официального общения.

Носителями разговорной речи являются люди, владеющие литературным языком, т.е. по параметру «носитель языка» данная разновидность противопоставлена, прежде всего, диалектам и просторечию [52].

Соотношение понятий разговорный – литературный, разговорный – кодифицированный, разговорный – письменный, разговорный – диалектный, разговорный – просторечный наполняется различным содержанием в разных национальных языках и в значительной степени определяется особенностями их исторического развития. Например, в силу большей активности диалектов на немецкой почве местные особенности в немецкой разговорной речи выражены сильнее, чем в русской. Неоднороден также языковой статус разговорной речи и ее место в системе оппозиций стандарт/субстандарт, язык/речь, язык /стиль. Таким образом, место разговорной речи в системе общенационального языка специфично [87].

Русская разговорная речь и ее место в системе литературного языка в современной русистике определяются по-разному. Некоторые исследователи рассматривают ее как устную разновидность в составе литературного языка (О.А. Лаптева, Б.М. Гаспаров) или как особый стиль (О.Б. Сиротинина). Группа ученых Института русского языка РАН под руководством Е.А. Земской разработала теоретическую концепцию, согласно которой русская разговорная речь (РР), являясь некодифицированной разновидностью литературного языка, противопоставлена кодифицированному литературному языку (КЛЯ) в целом и отличается от него как с точки зрения экстралингвистической (условиями употребления), так и с точки зрения собственно языковой (специфическими системно-структурными свойствами). Таким образом, КЛЯ и РР представляют собой две подсистемы внутри литературного языка, реализация которых определяется коммуникативными условиями: КЛЯ обслуживает сферу официального общения (личного и публичного), РР – сферу неофициального неподготовленного личного общения. Произошедшие за последние годы социально-политические перемены оказали определенное влияние на русскую языковую ситуацию: не столь жестким стало бинарное членение коммуникативного пространства на официальное и неофициальное, границы функциональных сфер оказались более проницаемыми, что привело, с одной стороны, к широкому вторжению разговорных элементов в устную публичную речь, в язык средств массовой коммуникации, а с другой – к активизации употребления иноязычных слов, элементов официально-деловой и специальной речи в повседневном бытовом общении. Таким образом, можно говорить о социально обусловленных изменениях, коснувшихся самих условий реализации разных типов речи (официальное/неофициальное, личное/публичное, подготовленное/неподготовленное общение и др.). Это касается также и такого определяющего параметра, как установка говорящего на тот или иной тип коммуникации. Изменившиеся условия реализации повлияли на характер языковых процессов в разных коммуникативных сферах, но тем не менее не отменили самого членения литературного языка на КЛЯ и РР.

Многие языковые особенности разговорной речи определяются ее тесной спаянностью с ситуацией. Являясь полноправной составной частью коммуникативного акта, ситуация «вплавляется» в речь, что является одной из причин высокой эллиптичности разговорных высказываний. Коммуникативный акт в разговорной речи характеризуется тесным.

Ассоциативный эксперимент является одним из основных методов психолингвистики. Дадим определение термину «психолингвистика».

Словарь О.С. Ахмановой дает следующее определение: «Психолингвистика (англ. psycholinguistics) – 1) отрасль языкознания, изучающая процесс речи с точки зрения содержания, коммуникативной ценности, адекватности речевого акта данному коммуникативному намерению, т.е. природу и свойства кодирования и декодирования сообщения, передаваемого посредством естественного языка; 2) отрасль языкознания, изучающая особенности содержательной стороны языка в связи с мышлением и общественной жизнью говорящего коллектива как необходимое условие проникновения в природу лингвистических единиц и закономерностей их функционирования» [14. С. 374].

Ассоциативный эксперимент – метод исследования сложных речевых реакций, детально разработанный в экспериментальной психологии Траушольдтом (Trau-scholdt, 1881), Крепелином (Kraepelin), Ашаффенбургом (Aschaffenburg, 1898) и Врешнером (Wreshner, 1907) и введенный как диагностический метод в клинику Юнгом (C.G. Jung, 1910). Метод ассоциативного эксперимента заключается в следующем: предлагая испытуемому какое-либо слово, просят его ответить первым словом, пришедшим ему в голову, измеряя при этом скорость его ответа. Опыт показал, что испытуемый никогда не отвечает «случайным» словом, но что его «слово-реакция» связано со «словом-раздражителем» определенными законами (законы ассоциации). Под влиянием ассоциативного метода появилось направление ассоциационизм – направление в психологии, господствовавшее в середине XIX в., его представители утверждали, что психическая жизнь представляет собой сумму отдельных «элементов» (ощущений, представлений, переживаний), связанных (ассоциированных) между собой. Так, по ассоциационизму процессы памяти, воображения, мышления и т.п. – не что иное, как результат сочетания отдельных представлений, согласно законам ассоциации по смежности и по сходству.

Ассоциация – это связь между некими объектами или явлениями, основанная на личном, субъективном опыте. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой принадлежит индивид, но всегда является также сугубо личным, укорененным в прошлом опыте отдельного человека [278. С. 201].

Применение ассоциативного эксперимента позволяет создавать экспериментальные ситуации, заключающиеся в предъявлении испытуемым различных заданий и вызывающие их вербальные реакции, имеющие неосознанный стереотипный характер.

Объектом исследования в ассоциативном эксперименте являются системы слов, а предметом – психологические закономерности их проявления. Ассоциативный эксперимент позволяет на основе формальной обработки данных сделать вывод относительно закономерностей «семантического родства слов (точнее субъективного переживания испытуемым степени их семантического родства)». Ассоциативная техника отражает как когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, так и индивидуальные особенности испытуемых, их личностные смыслы. Последующая статистическая обработка устраняет влияние индивидуальных особенностей, выделяя аспекты, общие для всей группы испытуемых. Дополнительным преимуществом ассоциативного эксперимента выступают его простота, удобство применения, возможность работать с большой группой испытуемых одновременно, выделять некоторые неосознаваемые компоненты значения.

Общая схема ассоциативного эксперимента представляет собой предъявление испытуемому слова-стимула, на которое он отвечает первыми пришед-

шими на ум словами. По характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула: множество ассоциаций, даваемых на слово, содержат ряд признаков, аналогичных содержащимся в данном слове.

Таким образом, ассоциативный эксперимент позволяет получить ассоциативные нормы для изучаемого социального объекта, определить набор основных понятий, ставших его символами в сознании людей. На основании частотного и последующего логико-дедуктивного и кластерного анализа выделяются смысловые блоки в восприятии объекта и реконструированного семантического содержания образа в коллективном сознании. В итоге исследуемый имидж объекта предстает как сложное образование, функционирующее в коллективном сознании как система образов и представлений, взаимосвязанных между собой.

Анализ материалов ассоциативных опытов позволяет не только установить состав семантических групп, входящих в семантическую систему тестируемого объекта, но и некоторые особенности их взаимосвязи. Это дает возможность сделать вывод об особенностях восприятия объекта в массовом сознании. Полученные слова-ассоциации и их классификация могут быть использованы для разработки инструментария на следующих этапах исследования.

Итак, мы рассмотрели такие понятия, как ономастика, топонимы, официальные и неофициальные топонимы, особенности разговорной речи, а также ассоциативный эксперимент.

Официальные и неофициальные топонимы – это наименование места. Официальные названия фиксируются в документах городского масштаба, а также в почтовых отправлениях.

Неофициальная топонимия существует в основном в устной речи жителей и представлена «прозвищными» названиями разных объектов.

Неофициальные топонимы функционируют в разговорной речи. Разговорная речь – это разновидность литературного языка, реализующаяся преимущественно в устной форме в ситуации неподготовленного, непринужденного общения при непосредственном взаимодействии партнеров коммуникации.

Одна из задач нашей работы – проведение ассоциативного эксперимента с целью выявления ассоциаций носителей русского и китайского языков на официальные и неофициальные топонимы г. Владивостока. Нас, прежде всего, интересует метод свободного ассоциативного эксперимента, когда от испытуемого требуется как можно быстрее ответить первым, пришедшим в голову словом (реакцией) в ответ на предъявленное слово-стимул. Свободный ассоциативный эксперимент является относительно простым из всех ассоциативных экспериментов и в то же время весьма эффективным исследовательским инструментом. При проведении ассоциативного эксперимента регистрируется тип реакции, частота однотипных ассоциаций, величина латентных периодов (время, прошедшее между словом-стимулом и ответом испытуемого, поведенческие и физиологические реакции и т.д.).

Для выполнения поставленной задачи нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 60 человек. 30 русских студентов, среди которых 10 юношей, 20 девушек в возрасте от 18 до 21 года. 30 китайских студентов, обучающихся во ВГУЭС на 4 курсе, 12 девушек и 18 юношей в возрасте от 20 до 22 лет.

Цель эксперимента: получить ассоциации, возникающие при предъявлении слов-стимулов; выяснить, знакомы ли китайским студентам официальные и неофициальные топонимы г. Владивостока.

Словами-стимулами послужили официальные топонимы г. Владивостока. Названия улиц и площадей: Луговая, Спортивная, Семёновская, Фуникулёр, Вторая речка, Баляева, Набережная, а также их неофициальные названия: Спортивка, Фуник, Баляйка, Вторяк, Набка. Слова-стимулы были отобраны исходя из тех мест, которые возможно посещают или могли посещать как русские, так и иностранные студенты в период пребывания во Владивостоке.

Результаты анализа анкет таковы.

Официальный топоним «Луговая» у русских студентов вызвал следующие ассоциации: 13% – пробки; 10% – луг; 10% – площадь; 6% – базар; 3% – автобусная остановка; 3% – трамвайная остановка; 3% – остановка общественного транспорта; 3% – капуста; 3% – трамвай; 3% – далеко; 3% – край города; 3% – «Центробувь»; 3% – хорошая одежда; 3% – дешевые кроссовки; 3% – грязь; 3% – улица; 3% – лужайка; 3% – зеленый цвет.

Среди китайцев этот топоним вызвал следующие ассоциации: 10% – луг; 10% – фрукты; 23% – овощи; 6% – трамвай; 6% – Пушкин; 6% – улица; 6% – мясо; 6% – переход; 6% – капуста; 6% – дерево; 6% – продукты; 6% – деликатесы; 6% – грязная; 3% – далеко.

Количественные данные позволяют сделать вывод о том, что ассоциация на слово-стимул «Луговая» 10% русских и китайцев «луг», что является однокоренным словом слова-стимула. И в русских, и в китайских ассоциациях встречаются названия транспорта (трамвай), продукты (мясо, капуста, овощи, фрукты, деликатесы), характеристика места по расстоянию (далеко), характеристика места по качеству (грязная, грязь), определение места (улица). Индивидуальными для русских явились ассоциации – пробки, «Центробувь», хорошая одежда, дешевые кроссовки, край города, зеленый цвет. Для китайских респондентов индивидуальными ассоциациями стали: Пушкин, переход, дерево. Исходя из данных эксперимента можно сделать вывод, что китайским студентам известен топоним Луговая, поскольку возникающие ассоциации соответствуют этому месту в городе, ведь Луговая – это транспортная развязка, большой рынок, воздушный переход.

Официальный топоним «Спортивная» у русских студентов вызвал следующие ассоциации: 36% – рынок, 13% – одежда, 13% – далеко, 6% – остановка, 6% – сумка, 6% – весело, 6% – секция, 6% – дом, 6% – вкусная еда, 6% – хорошая столовая, 6% – рыночная остановка, 6% – базар, 6% – китайцы, 6% – спорт, 6% – улица, 6% – продукты, 3% – Nike.

Среди китайцев мы получили следующие ассоциации: 16% – рынок, 13% – одежда, 13% – обувь, 16% – китайцы, 16% – Nike, 3% – гимнастические туфли, 3% – торговый центр, 3% – улица, 3% – Чемпион, 3% – зал, 3% – продать.

Исходя из количественных результатов можно сделать вывод о том, что для большинства русских и китайцев Спортивная – это рынок, что свидетельствует о том, что китайские студенты знают это место и знают его название, поскольку на этой улице действительно находится один из крупнейших рынков г. Владивостока. Также общей для русских и для китайцев оказалась ассоциация «китайцы», поскольку на этом рынке работает большое количество китайцев.

На неофициальное название этого места «Спортивка» у русских возникли следующие ассоциации: 43% – рынок, 10% – Спортивная, 10% – кроссовки, 6% –

вещи дешевые, 3% – ремонт телефонов, 3% – много народу, 3% – базар, 3% – машина, 3% – лапша, 3% – китайская кухня.

Среди китайцев этот топоним вызвал следующие ассоциации: 30% – спорт, 13% – одежда, 6% – китайцы, 6% – спортсмены, 3% – обувь, 3% – мальчик, 3% – топонимы, 3% – Зелёный остров, 3% – чемпион, 3% – трамвай, 3% – площадь.

Таким образом, большинство русских в неофициальном топониме «Спортивка» узнали площадь Спортивную, поскольку ассоциацией на это стало слово «рынок», что совпадает с ассоциацией на официальное название этого места. Остальные ассоциации русских респондентов также свидетельствуют о знании этого места, поскольку все они входят в тематическую группу рынок: кроссовки, дешевые вещи, лапша, китайская кухня, базар, много народу, ремонт телефонов. Большинство китайских студентов на неофициальный топоним «Спортивка» отреагировали однокоренным словом – «спорт», также встретились ассоциации, связанные со спортом – спортсмены, чемпион. Это демонстрирует то, что 39% опрошенных не узнали в неофициальном топониме названия одного из самых крупных китайских рынков г. Владивостока. 28% все же распознали это место и представили ассоциации, связанные с ним: одежда, обувь, трамвай, площадь.

Следующим в анкете стал официальный топоним Семеновская. У русских студентов данный топоним вызвал следующие ассоциации: 26% – центр, 23% – Clever House, 13% – площадь, 10% – остановка, 6% – торговый центр, 6% – автобус, 6% – автобусы, 3% – деревня, 3% – в честь меня назвали.

Среди китайцев мы получили следующие ассоциации: 30% – Clever House, 20% – центр, 13% – остановка, 6% – Subway, 6% – море, 6% – люди, 3% – автовокзал, 3% – одежда, 3% – улица, 3% – товарный, 3% – супермаркет, 3% – магазин, 3% – кошки, 3% – Семёнов, 3% – семья, 3% – часы.

Исходя из количественных результатов можно сделать вывод о том, что для большинства русских и китайцев Семеновская – это центр и Clever House. Эта площадь является одной из центральных транспортных развязок, на ней находится большой торговый центр Clever House. Студенты знают это место, поскольку часто посещают его, поэтому им известно его название.

Официальный топоним Фуникулёр у русских студентов вызвал следующие ассоциации: 23% – ДВГТУ, 13% – вид на город, 10% – вагончик на тропе, 6% – трамвайчик, 6% – спуск, 3% – лестница, 3% – вид на бухту Золотой Рог, 3% – единственный в России, 3% – 5 рублей, 3% – пиво, 3% – дорога к центру, 3% – кожное высыпание, 3% – покататься.

У китайских респондентов следующие ассоциации: 20% – площадка, 13% – странный автобус, 13% – ДВГТУ, 10% – трамвай, 3% – самолёт, 3% – море, 3% – 8 рублей, 3% – отдых, 3% – чай, 3% – Subway, 3% – короткий, 3% – гора, 3% – широкий, 3% – часы.

В данном случае ассоциации большинства русских и китайцев совпадают. Фуникулер – это, прежде всего, ДВГТУ, площадка и вид на город. Данные ассоциации демонстрируют, узнавание данного места, поскольку рядом с Фуникулером находится Дальневосточный государственный технический университет, а также одна из видовых площадок города, с которой открывается прекрасный вид на бухту Золотой Рог.

На неофициальное название этого места «Фуник» у русских возникли следующие ассоциации: 13% – Фуникулёр, 6% – водка, 6% – 6 рублей проезд, 6% – спуск, 6% – смотровая площадка, 3% – покататься можно, 3% – Фуник, 3% –

смех, 3% – свинья из мультика, 3% – вагон, 3% – смешно, 3% – Фунтик, 3% – район, 3% – Золотой Рог, 3% – подорожал, 3% – отдых.

Среди китайцев мы получили следующие ассоциации: 16% – Фуникулёр, 10% – гора, 6% – ДВГГУ, 3% – физик, 3% – Владивосток, 3% – ресторан, 3% – деньги, 3% – пейзаж, 3% – вода, 3% – студенты, 3% – центр.

Таким образом, в неофициальном названии «Фуник» и русские и китайские студенты узнали Фуникулер, об этом свидетельствует то, что самой частотной ассоциацией на это слово стал Фуникулер. Также представлены ассоциации, связанные с этим местом: 6 рублей проезд, гора, спуск, смотровая площадка, покататься можно, пейзаж, вода, студенты. Однако 6% русских сравнили данный топоним с героем мультфильма поросенком Фунтиком, еще 6% опрошенных это слово показало смешным.

Официальный топоним «Вторая речка» у русских студентов вызвал следующие ассоциации: 43% – вокзал/автовокзал, 10% – рынок, 10% – район, 6% – мост, 6% – дом, 6% – Максим, 6% – кинотеатр «Иллюзион», 3% – автобусы, 3% – школа, 3% – длинная и прямая, 3% – остановка, 3% – речка под номером 2, 3% – автостанция.

Среди китайцев мы получили следующие ассоциации: 20% – река, 13% – автостанция, 10% – магазин, 10% – покупки, 3% – квартиры, 3% – иностранцы, 3% – День рыбы, 3% – билет, 3% – жить, 3% – сигареты, 3% – Вторяк, 3% – лыжи, 3% – киоск, 3% – рынок.

Исходя из количественных результатов можно сделать вывод о том, что на топоним «Вторая речка» одними из самых частотных ассоциаций у русских и китайцев стали автовокзал/автостанция, покупки, рынок, поскольку в этом районе находится автовокзал, а также крупный рынок. Однако 20% китайцев представили ассоциацию река, данная ассоциация связана со словом «речка» в названии района. Но этот факт не мешает нам утверждать, что данный топоним известен китайцам, поскольку среди ассоциаций мы все-таки встретили слова, связанные с этим местом.

На неофициальное название Второй речки – «Вторяк» у русских возникли следующие ассоциации: 16% – речка, 16% – вокзал, 13% – рынок, 6% – Иллюзион, 3% – памятник вертолету, 3% – наркоман, 3% – универсам, 3% – второй сорт, 3% – А это где? 3% – Первак, 3% – чайный пакетик, 3% – остановка, 3% – домой, 3% – кинотеатр «Нептун», 3% – Проспект 100-летия Владивостоку, 3% – повтор.

Среди китайцев мы получили следующие ассоциации: 6% – Первая речка, 6% – корабль, 6% – второй, 6% – вторник, 6% – станция автобусов, 6% – подарок, 3% – День рыбы, 3% – речка, 3% – вокзал, 3% – рынок, 3% – лыжи, 3% – война.

У китайцев слово «вторяк» 15% вызвало ассоциации, которые демонстрируют связь со Второй речкой: рынок, станция автобусов, вокзал, речка. 6% представили антоним – Первая речка, это свидетельствует о том, что знают это место поскольку в ассоциации они использовали слово «речка». Вторая половина ассоциаций связана со словом «второй» или представляет собой личные ассоциации (война, лыжи, подарок). Большинство русских узнало это место и представило ассоциации, связанные с этим местом: речка, рынок, Иллюзион, вокзал, универсам и др. 9% русских представили ассоциации, связанные со словом «второй»: второй сорт, повтор, чайный пакетик. Таким образом, русским и китайцам знакомо такое название, поскольку мы получили ассоциации, связанные с этим местом.

Официальный топоним Набережная у русских студентов вызвал следующие ассоциации: 36% – море, 10% – пиво, 6% – берег, 6% – фонтан, 3% –

красивая, 3% – песок, 3% – дощатая штука, 3% – близко к морю, 3% – милиция, 3% – район, 3% – вода, 3% – радиация, 3% – Клевер Хаус, 3% – место для прогулок, 3% – пляж, 3% – маяк, 3% – сахарная вата, 3% – парусник «Надежда», 3% – Арбат, 3% – праздник, 3% – «Стекло», 3% – отдых.

Среди китайцев мы получили следующие ассоциации: 16% – море, 10% – Гум, 10% – порт, 6% – ДВГТУ, 6% – берег, 3% – вокзал, 3% – школа, 3% – красивая, 3% – набка, 3% – пароход.

Исходя из количественных результатов, можно сделать вывод о том, что для большинства русских и китайцев Набережная – это море и все, что с ним связано: песок, берег, красивая, порт. Набережная – это место для отдыха около моря, оно известно русским и китайцам.

На неофициальное название этого места Набка у русских возникли следующие ассоциации: 16% – пиво, 16% – Набережная, 3% – шапка, 3% – кафешки, 3% – прикол, 3% – место развлечений, 3% – природа, 3% – бабка, 3% – фонтан, 3% – вата, 3% – море, 3% – не понятно, 3% – катамаран, 3% – Амурский залив, 3% – прогулки, 3% – пляж, 3% – обыватели, 3% – полно людей.

Среди китайцев мы получили следующие ассоциации: 6% – рыба, 6% – Гум, 6% – корабль, 3% – юбка, 3% – набор, 3% – небо, 3% – Набережная, 3% – вокзал, 3% – банк, 3% – девушка.

Исходя из количественных результатов, можно сделать вывод о том, что неофициальное название Набережной – Набка: для 6% китайских студентов это рыба и корабль, здесь имеется связь с морем, поэтому можно утверждать, что китайские студенты знают, что Набка – это Набережная. Для 32% русских студентов это Набережная и пиво. Таким образом, китайским студентам известно как официальное, так и неофициальное название этого места.

Официальный топоним «Баляева» у русских студентов вызвал следующие ассоциации: 13% – далеко, 13% – автобусная остановка, 10% – рынок, 6% – «Паллада», 6% – «Дальрыбвтуз», 6% – автобус 7т, 3% – улица, 3% – там еще не был, 3% – кинотеатр «Варяг», 3% – трамвайное кольцо, 3% – магазины, 3% – белый цвет, 3% – магазин «Adidas», 3% – окраина, 3% – опасный район.

Среди китайцев мы получили следующие ассоциации: 6% – проспект, 6% – улица, 3% – жить, 3% – универсам, 3% – рынок, 3% – балясы, 3% – река.

Исходя из количественных результатов можно сделать вывод о том, что русские хорошо знают это место, поскольку представили ассоциации, связанные с ним: далеко, автобус 7т, рынок, Дальрыбвтуз и др. Только 9% китайцев представили ассоциации, на основании которых мы можем сделать вывод о том, что им известно это место: рынок, улица. Остальные продемонстрировали незнания этого места: река, балясы, жить. Таким образом, китайцам в меньшей степени известно это место, чем русским.

На неофициальное название этого места «Баляйка» у русских возникли следующие ассоциации: 13% – далеко, 10% – остановка, 10% – Бачурин, 6% – район, 6% – Баляева, 3% – улица, 3% – белка, 3% – пробки, 3% – собака, 3% – автобус 7т, 3% – развязка дорожная, 3% – бабайка, 3% – балалайка, 3% – магазин дискаунтер, 3% – не знаю.

Среди китайцев мы получили следующие ассоциации: 6% – песок, 6% – Баляева, 6% – улица, 3% – инструмент, 3% – гулять.

Исходя из количественных результатов можно сделать вывод о том, что только русские в слове «Баляйка» узнают официальный топоним Баляева, поскольку большинство представило ассоциации, связанные с этим местом: далеко, остановка, Бачурин, Баляева. 6% китайцев определили это слово, как Баляева, что

демонстрирует знание официального и неофициального топонима этого места. Таким образом, русским студентам известно как официальное, так и неофициальное название площади Баляева. Китайским студентам оно также известно, но в меньшей степени, чем, например, площади Спортивная.

Результаты проведенного эксперимента показали, что китайские студенты распознают как официальные, так и неофициальные названия топонимов г. Владивостока. В большей степени им известны такие топонимы, как Луговая, Спортивная, Семеновская, Вторая речка, Фуникулер. В меньшей степени известен район площади Баляева. Луговая, Спортивная, Семеновская – часто посещаемые китайскими студентами места, поскольку в этих районах находятся крупные рынки и магазины. Вторая речка известна, поскольку там находится автовокзал, с которого отправляется автобус в КНР. Фуникулер находится рядом с университетом ВГУЭС, поэтому у студентов есть возможность посещать это место. До площади Баляева от университета автобусы не ходят, поэтому у студентов нет возможности быстро попасть туда, следовательно, это место ими не часто посещается. Гораздо большему проценту русских студентов известны официальные и неофициальные топонимы г. Владивостока. Стоит отметить, что в неофициальных названиях топонимов 20% опрошенных русских студентов не узнавали официальное название – это студенты из других городов Приморского края, приехавшие учиться во Владивосток. В данном случае они должны узнавать город так же, как и китайские студенты, но процесс изучения города и его официальных и неофициальных топонимов происходит значительно быстрее в силу того, что они являются носителями русского языка. Большинство опрошенных – студенты второго курса, поэтому они недостаточно изучили город, а тем более его неофициальные топонимы. Среди их ассоциаций встречаются следующие, не связанные с топонимом: Вторяк – повтор, домой, второй сорт; Баляйка – балалайка, бабайка, белка, собака; Набка – шапка, бабка. Это свидетельствует о том, что первыми узнаются официальные названия, поскольку их можно найти на карте. Для того чтобы изучить неофициальные названия этих мест, необходимо прожить в городе не один год и регулярно общаться с жителями города, поскольку все неофициальные названия возникают и функционируют в разговорной речи.

Мы разделили полученные результаты на тематические группы.

Первым словом-стимулом в анкете стал официальный топоним «Луговая». В анкете была опущена часть топонима «площадь», для того чтобы получить более достоверные результаты о том, что респондентам известен данный топоним. Слово «площадь» указывает на место, нашей же целью было получить результат без указания на это место.

В ассоциациях русских можно выделить следующие группы:

1. Транспорт – автобусная остановка, трамвайная остановка, остановка общественного транспорта, трамвай, пробки. В данной группе представлены слова, относящиеся к тематической группе «транспорт». Такие ассоциации возникли, потому что площадь Луговая является одной из самых крупных транспортных развязок г. Владивостока, вследствие чего движение там всегда затруднено, с этим связана ассоциация – пробки.

2. Луг – луг, лужайка, зеленый цвет. Данные слова являются дериватами слова «луговая – луговой – относящийся к лугу». Данные ассоциации относятся к лексическому значению прилагательного «луговая», а не к топониму.

3. Торговля – базар, капуста, хорошая одежда, дешевые кроссовки, «Центробувь». Данные ассоциации включены в группу торговля, поскольку на площади Луговой располагается большая торговая зона, на которой находится продуктовый рынок (капуста, базар), а также магазины и торговый центр, где можно купить одежду и обувь («Центробувь», дешевые кроссовки, хорошая одежда).

4. Название места – площадь, улица. Данная группа представлена словами, которые обозначают Луговую, как топоним г. Владивостока.

5. Расположение места – далеко, край города. В данной группе представлены ассоциации, которые указывают на то, что площадь Луговая, находится далеко от Центра города и от ВГУЭС.

6. Характеристика – грязь, цирк. Ассоциация «грязь» возникла в результате того, что площадь Луговая является транспортным узлом и крупным местом торговли, в результате чего там всегда много людей, очень шумно и грязно. Ассоциация «цирк», по нашему мнению, также связана с большим количеством людей и транспорта.

Ассоциации китайских студентов можно разделить на следующие группы:

1. Продукты – овощи, фрукты, мясо, капуста, деликатесы, продукты. Данная группа ассоциаций связана с тем, что на площади Луговой находится один из самых крупных продуктовых рынков г. Владивостока, именно его студенты чаще всего посещают с целью покупки продуктов.

2. Транспорт – трамвай. Данная ассоциация относится к группе транспорт, поскольку площадь Луговая является трамвайной остановкой.

3. Луг – луг. Данная ассоциация относится к лексическому значению прилагательного «луговая», а не к топониму.

4. Расположение места – далеко. Площадь Луговая находится далеко от ВГУЭС.

5. Характеристика – грязная. Данная ассоциация связана с тем, что на площади Луговой много транспорта и людей, поэтому там грязно.

6. Название места – улица. Данная группа представлена словом, обозначающим Луговую, как топоним г. Владивостока.

7. Личная ассоциация – Пушкин. Данная ассоциация не связана с топонимом «Луговая».

Таким образом, группы ассоциаций русских и китайцев совпадают. Отличие состоит лишь в количестве ассоциаций, представленных в группе. Самыми большими для русских являются группы: торговля и транспорт, а для китайцев самая большая группа – продукты.

Следующим словом-стимулом в анкете стал топоним площадь Спортивная. В полученных ассоциациях у русских мы выделили следующие группы:

1. Рынок – китайский рынок, продукты, китайцы, базар, рыночная остановка, вкусная еда, Nike. В данной группе представлены ассоциации, которые связаны с располагающимся на территории площади Спортивная китайским продуктовым и вещевым рынком.

2. Спорт – спорт, секция (спортивная). Данная группа представляет ассоциации, относящиеся к прилагательному «спортивная», а не к топониму.

3. Название места – улица, остановка. Данная ассоциация указывает на топоним улица Спортивная.

4. Расположение места – далеко. Ассоциация указывает на то, что это место далеко от университета.

5. Личные ассоциации: дом – возможно отвечающий проживает в указанном месте; там весело – это интересное место, в котором много людей; сумка – связано, возможно, с тем, что после посещения этого места приходится носить тяжелые сумки с приобретенными товарами.

В ассоциациях китайских респондентов мы выделили следующие группы:

1. Рынок – китайский рынок, Nike, продукты, торговый центр, одежда, обувь, китайцы, продать. Ассоциации в данной группе связаны с крупным продуктовым и вещевым китайским рынком, расположенным в этом месте.

2. Спорт – спорт, зал (спортивный), бегать. Данная группа представляет ассоциации, относящиеся к прилагательному «спортивная», а не к топониму «площадь Спортивная».

3. Название места – улица. Данная ассоциация указывает на топоним улица Спортивная.

Таким образом, как у русских, так и у китайских респондентов самой большой ассоциативной группой на топоним «Спортивная» стала группа «рынок». У китайцев отсутствуют ассоциации, связанные с расположением места, характеристикой данного места, а также личные ассоциации.

Проанализировав полученные ассоциации на топоним «Семеновская», мы выделили следующие группы среди ассоциаций русских респондентов:

1. Автобусная остановка – остановка, автобус № 23, автобусы. Данные ассоциации связаны с тем, что площадь Семеновская является одной из крупных транспортных развязок.

2. Торговый центр – Clever House, торговый центр. Данные ассоциации возникают, потому что на площади Семеновской находится один самых крупных торговых центров «Clever House».

3. Расположение – центр. Данная ассоциация возникает, потому что площадь Семеновская находится недалеко от Центральной площади.

4. Название места – площадь. Данная ассоциация указывает на топоним «площадь Семеновская».

5. Личные ассоциации: в честь меня назвали – имя респондента Семен, поэтому он видит в данном топониме свое имя, при этом формулировка ответа указывает на то, что ему известно, что Семеновская, это один из топонимов г. Владивостока; деревня – данная ассоциация связана, возможно, с тем, что в названии площади видно русское имя Семен, которое для современного человека является чем-то устаревшим, редким для города.

Среди китайских ассоциаций можно выделить следующие группы:

1. Торговый центр – Clever House, одежда, товары, супермаркет, магазин, часы. Ассоциации связаны с расположенным в этом месте торговым центром «Clever House», который популярен среди китайских студентов, поскольку там есть супермаркет, где они часто покупают продукты. Ассоциация «часы» также связана с этим торговым центром, поскольку на нем расположен большой экран, на котором показывают время.

2. Расположение – центр. Ассоциация связана с расположением площади Семеновская, она находится недалеко от Центральной площади.

3. Автобусная остановка – остановка, люди. Площадь Семеновская является последней остановкой множества автобусов, поэтому и людей там много.

4. Ассоциации, связанные с прилагательным «семеновская» – семья, Семенов. Данные ассоциации относятся к лексеме «семеновская», в которой респонденты попытались выделить корень.

5. К личным ассоциациям относятся – кошки, умный дом. Мы можем объяснить появление ассоциации «кошки» присутствием в этом месте кошек. Ассоциацию «умный дом» объяснить сложно, может быть она относится к торговому центру.

Таким образом, группы ассоциаций у китайских и у русских респондентов совпадают. Самой большой группой стала группа, связанная с торговым центром «Clever House». У русских отсутствует группа ассоциаций, связанная с прилагательным «семеновская».

Следующий топоним – район Фуникулера. Мы выделили следующие группы среди ассоциаций русских респондентов:

1. Транспорт – вагончик на тропе, единственный в России, трамвайчик, 5 рублей, спуск, покататься можно. Данная группа ассоциаций связана с фуникулером как одним из видов транспорта г. Владивостока.

2. Видовая площадка – вид на город (хороший, красивый), вид на бухту Золотой Рог. Данная группа относится к расположенной в этом месте видовой площадке, с которой открывается прекрасный вид на город и на бухту Золотой Рог.

3. Университет – ДВГТУ. В этом районе расположен один из корпусов Дальневосточного государственного технического университета.

4. Личные ассоциации: пиво – видовая площадка, возможно, является местом отдыха для данного респондента, где он может выпить пива; кожное высыпание – слово «фуникулер», возможно, показалось респонденту похожим на медицинский термин, обозначающий название болезни.

Среди ассоциаций китайских студентов можно выделить:

1. Транспорт – странный автобус, трамвай, 8 рублей. Данные ассоциации связаны с фуникулером как одним из видов транспорта в г. Владивостоке.

2. Видовая площадка – море, отдых, гора, площадка. Эта группа относится к расположенной в этом районе видовой площадке.

3. Университет – ДВГТУ. Ассоциация возникает из-за расположенного в этом месте корпуса Дальневосточного технического университета, известного студентам.

4. Личные ассоциации: самолет – эта ассоциация, возможно, относится к фуникулеру, для респондента он похож на самолет; чай – эта ассоциация может быть связана с китайским рестораном, который называется «Чайный дом»; Subway – появление этой ассоциации объяснить трудно, поскольку в этом месте нет кафе с таким названием, оно расположено на площади Семеновская, поэтому, возможно, респондент не различает эти топонимы.

Итак, ассоциативные группы у русских и китайских полностью совпадают. Самой большой группой для русских и для китайцев стала группа, связанная с фуникулером как одним из видов транспорта г. Владивостока. Это свидетельствует о том, что русские и китайцы пользуются этим видом транспорта.

Следующие ассоциативные группы относятся к топониму Вторая речка:

1. Автовокзал – автовокзал, автостанция, остановка, автобусы. Данная группа ассоциаций связана с тем, что в этом районе находится автовокзал.

2. Названия объектов – «Максим», «Иллюзион», рынок, мост. Данные ассоциации связаны с названиями объектов, расположенных в этом месте: торговый центр «Максим», кинотеатр «Иллюзион», один из крупных рынков г. Владивостока, а также большой мост.

3. Личные ассоциации: дом – респондент проживает в этом районе; школа – респондент учился в школе в этом районе, речка под номером два – ассоциация связана со словосочетанием Вторая речка.

Ассоциации китайцев мы разделили на следующие группы:

1. Торговля – магазин, покупки, рынок, киоск. В данной группе представлены ассоциации, связанные с тем, что в районе Второй речки находится один из самых крупных рынков и множество магазинов.

2. Автовокзал – автостанция, билет. Эти ассоциации связаны с находящимся в этом районе автовокзалом, с которого отправляются автобусы в КНР, также там продают билеты на автобус.

3. Относящийся к слову «речка» – река. Данная группа, представлена ассоциацией река. Эта ассоциация возникает на слово «речка», которое входит в название района Вторая речка.

4. Личные ассоциации: сигареты – ассоциация связана с покупкой сигарет в этом месте, день рыбы – данную ассоциацию объяснить трудно, возможно она связана со словом «речка», там водится рыба; квартиры – в этом районе есть жилые дома, возможно, ассоциация связана с этим.

Выделив группы среди русских и китайских ассоциаций на топоним Вторая речка, можно сделать вывод о том, что для китайцев самая большая группа связана с находящимися в этом районе магазинами и рынком. У русских самая большая группа связана с автовокзалом, среди китайских ассоциаций также есть эта группа, но она представлена всего двумя словами.

Среди ассоциаций русских респондентов на топоним площадь Баляева можно выделить следующие группы:

1. Транспорт – автобус 7т, трамвайное кольцо, автобусная остановка. Данные ассоциации связаны с транспортом, который следует в это место.

2. Расположение – далеко, окраина. Ассоциации указывают на то, что этот район находится далеко от центра города.

3. Название объектов – «Паллада», Дальрыбвтуз, кинотеатр «Варяг», магазины, рынок. Данная ассоциативная группа связана с объектами, которые находятся в этом месте: ночной клуб «Паллада», университет Дальрыбвтуз, кинотеатр «Варяг», а также рынок и магазины, которых в этом районе также много.

4. Личные ассоциации: белый цвет – возможно слово «Баляево» для данного респондента похоже на слово «белый»; опасный район – данная ассоциация передает характеристику этого места, для респондента этот район опасен; там еще не был – респондент знает это место, но сам туда еще не ездил.

Ассоциации китайских респондентов мы разделили на следующие группы:

1. Название места – проспект, улица. Представленные ассоциации указывают на то, что китайским респондентам известно, что это название улицы.

2. Название объектов – универсам, рынок. Данные ассоциации связаны с торговыми точками и рынком, расположенными в этом районе.

3. Личные ассоциации: балясы – возникновение и значение данной ассоциации объяснить трудно, респондент создал дериват к слову «Баляево»; река – респондент полагает, что слово-стимул это название реки, следовательно, ему неизвестен этот топоним.

В ассоциациях русских и китайских респондентов представлены названия объектов, расположенных в районе площади Баляева. Данная группа у китайских респондентов представлена только двумя ассоциациями, в то время как у рус-

ских эта группа содержит пять ассоциаций. Мы получили гораздо больше ассоциаций от русских респондентов, чем от китайцев, это указывает на то, что большинству китайцев неизвестен этот топоним и это место.

Следующим в ряду топонимов стал топоним «Набережная». Полученные ассоциации русских опрашиваемых мы разделили на группы:

1. Море – море, около моря, пляж, песок, берег, близко к морю, вода, маяк. Приведенные ассоциации связаны с местом расположения Набережной.

2. Место для отдыха – отдых, место для прогулок, фонтан, праздник. Набережная является одним из самых популярных мест отдыха в г. Владивостоке. Там часто проводятся городские праздники.

3. Личные ассоциации: сахарная вата – связана с тем, что на набережной можно купить это лакомство; красивая – респондент дает положительную характеристику этому месту; «Стекло» – данная ассоциация, по нашему мнению, связана с расположенным на Набережной ночным клубом «Окно», который сейчас называется «Рассалила».

Ассоциации китайских респондентов можно разделить на следующие группы:

1. Море – порт, море, берег, пароход. Представленные ассоциации связаны с местом расположения Набережной (около моря).

2. Наименование объектов – ГУМ, ДВГТУ, вокзал. Данные объекты находятся не на Набережной, но около нее, следовательно, для респондентов Набережная относится к центру города, поскольку данные объекты находятся в центре города.

3. Личные ассоциации: красивая – респондент дает положительную характеристику этому месту.

Среди ассоциаций русских и китайских респондентов общей является группа ассоциаций, связанных с морем. Среди ассоциаций китайских респондентов отсутствует группа, связанная с отдыхом в этом месте.

Таким образом, разделив полученные ассоциации на группы, мы увидели что, ассоциативные группы китайских и русских респондентов практически совпадают. Ассоциативные группы русских респондентов содержат большее количество ассоциаций, у русских также возникает большее количество личных ассоциаций, чем у китайцев.

Следующим в ряду топонимов стали неофициальные названия представленных выше топонимов. Ассоциации на неофициальный топоним площади Спортивная (Спортивка) мы разделили на следующие группы. У русских респондентов:

1. Торговля: базар, ремонт телефонов, много народу, вещи дешевые, кроссовки. Данные ассоциации включены в группу торговля. Данная группа ассоциаций связана с тем, что на площади Спортивной находится один из самых крупных рынков г. Владивостока, где можно не только купить одежду, но и получить дополнительные услуги, например отремонтировать телефон. Ассоциация «много народу» также связана с торговлей, ведь там всегда много людей.

2. Китайская еда: лапша, китайская кухня. Данная группа ассоциаций также связана с находящимся на Спортивной рынком, кроме торговых точек там расположено и множество китайских кафе, где можно попробовать китайскую еду.

3. Личная ассоциация: машина – данная ассоциация связана с тем, что в районе площади Спортивной движение автотранспорта часто затруднено в связи с большим количеством транспорта.

Ассоциации китайских студентов можно разделить на следующие группы:

1. Торговля: обувь, одежда, китайцы, площадь. Данная группа ассоциаций связана с китайским рынком, располагающимся на этом месте.

2. Спорт: спорт, спортсмены. Данная группа представляет ассоциации, относящиеся к слову «спортивка», а не к топониму.

3. Транспорт – трамвай. Данная ассоциация относится к группе транспорт, поскольку площадь Спортивная является трамвайной остановкой.

4. Личные ассоциации: Зелёный остров, мальчик. Ассоциация «Зеленый остров», возможно, связана с тем, что площадь Спортивная находится по пути на площадь Окатовую, где располагается торговый центр «Зеленый остров». Ассоциацию «мальчик» объяснить трудно.

Таким образом, группы ассоциаций русских и китайцев совпадают только в группе торговля, связанной с расположенным в этом месте рынком. У русских отсутствуют ассоциации, связанные с транспортом и спортом. Ассоциации на официальное и неофициальное название этого места совпадают, мы можем сделать вывод о том, что и русским и китайцам известно неофициальное название площади Спортивной.

Следующие группы ассоциаций связаны с неофициальным топонимом «Балаяйка».

Среди русских ассоциаций мы выделили следующие группы:

1. Транспорт: автобус 7т, остановка, пробки, развязка дорожная. Данные ассоциации связаны с транспортом, который следует в это место, а также с тем, что площадь Баляева является одной из транспортных развязок.

2. Улица: Баляева, улица, район. В данной группе представлены ассоциации, которые указывают на то, что слово «Балаяйка» – это топоним.

3. Расположение: далеко. Данная ассоциация указывает на то, что это место находится далеко от центра.

4. Личные ассоциации: балалайка, белка, бабайка – ассоциации связаны с формой слова, респонденты подбирают рифму, как при игре в буриме. Бачурин – это название торгового центра, расположенного в этом районе. Собака – слово «Балаяйка», возможно, напоминает кличку собаки.

Ассоциации китайских респондентов мы разделили на следующие группы:

1. Улица: Баляева, улица. В данной группе представлены ассоциации, которые указывают на то, что слово «Балаяйка» – это топоним.

2. Личные ассоциации: песок, инструмент – возникновение данных ассоциаций объяснить трудно. Гулять – студенты, скорее всего, гуляли там или хотят там побывать.

Таким образом, среди ассоциаций русских и китайских респондентов общей является группа ассоциаций, связанных определением этого слова как топонима. Следовательно, неофициальное название этого места известно и китайским, и русским студентам. Среди китайских ассоциаций отсутствует группа, связанная с транспортом и расположением этого места.

Следующим в ряду топонимов стал неофициальный топоним Вторяк. Полученные ассоциации русских респондентов мы разделили на следующие группы:

1. Названия объектов: памятник вертолету, универсам, рынок, «Иллюзион», кинотеатр «Нептун». Данные ассоциации связаны с названиями объектов, расположенных в этом месте.

2. Транспорт: остановка, Проспект 100-летия Владивостоку, вокзал, домой. Данная группа ассоциаций связана с тем, что в этом районе находится автовокзал. Отсюда студенты могут уехать домой.

3. Относящийся к слову «речка» – река. Данная группа представлена ассоциацией река. Эта ассоциация возникает на слово «речка», которое входит в название района Вторая речка.

4. Личные ассоциации: наркоман – это может быть человек второго сорта. Второй сорт – ассоциация к слову «вторяк, второй». Чайный пакетик – чайный пакетик, который используют второй раз, называют «вторяк». Первак – антоним к слову «вторяк».

Ассоциации китайских респондентов мы разделили на следующие группы:

1. Относящийся к слову «речка» – река. Данная группа представлена ассоциацией река, которая возникает на слово «речка, входящее в название района Вторая речка.

2. Автовокзал: станция автобусов, вокзал. Эти ассоциации связаны с находящимся в этом районе автовокзалом, с которого отправляются автобусы в КНР.

3. Относящийся к слову «вторяк»: второй, вторник. Данные ассоциации относятся к слову «вторяк» со значением «второй».

4. Личные ассоциации: корабль, день рыбы, их объяснить трудно.

Выделив ассоциативные группы среди русских и китайских ассоциаций на топоним «Вторяк», можно сделать вывод о том, что для китайцев самая большая группа связана с ассоциациями к слову «вторяк» как к слову со значением «второй». У русских самая большая группа связана с транспортом, среди китайских ассоциаций также есть эта группа, но она представлена всего двумя словами. Также у китайцев отсутствуют ассоциации, связанные с объектами, находящимися в этом районе. Но наличие ассоциаций «автовокзал», «река» говорит о знании данного неофициального топонима.

Последним в анкете стал топоним «Набка», являющийся неофициальным вариантом топонима «Набережная».

Среди русских ассоциаций мы можем выделить следующие группы:

1. Море – Амурский залив, пляж, море, природа, катамаран. В данной группе представлены ассоциации, связанные с морем, поскольку Набка (Набережная) находится около моря.

2. Отдых – кафешки, место развлечений, прогулки, полно людей. Данная группа содержит ассоциации, связанные с Набкой (Набережной) как местом отдыха и развлечений.

3. Личные ассоциации: шапка, бабка – данные ассоциации являются рифмой к слову «Набка», фонтан – эта ассоциация связана с объектом (фонтаном), находящимся на Набережной; обыватели – Набка (Набережная) является одним из самых популярных мест отдыха горожан, поэтому там всегда много простых людей (обывателей).

Среди ассоциаций китайских респондентов мы выделили следующие группы:

1. Море – рыба, корабль. Набка (Набережная) – это место около моря, поэтому в данной группе представлены ассоциации, связанные с морем.

2. Название места – Набережная. Данная ассоциация демонстрирует то, что китайским респондентам известно официальное название этого места.

3. Личные ассоциации: юбка – рифма к слову «набка», набор – ассоциация, связанная со словом «набка» по форме; небо – данная ассоциация является реакцией на слово «море», поскольку Набережная находится около моря.

В данной части нашей работы мы разделили полученные результаты эксперимента на тематические группы и увидели, что у русских и китайских респондентов встречаются одинаковые группы ассоциаций, что свидетельствует о том, что китайским студентам известны как официальные, так и неофициальные топонимы г. Владивостока. Ассоциаций, связанных с официальными топонимами, гораздо больше, поэтому групп ассоциаций больше, чем у неофициальных топонимов. Также следует отметить, что среди реакций, полученных в результате эксперимента у китайских студентов, меньше личных ассоциаций, чем у русских. Среди ассоциаций, полученных у китайских студентов на топонимы Баляева и Баляйка, мы выделили всего две группы, это свидетельствует о том, что данный топоним в меньшей степени известен китайским студентам, чем, например, Спортивная и Спортивка.

Проведенный нами эксперимент показал, что китайские студенты распознают как официальные, так и неофициальные названия топонимов г. Владивостока. В ситуации русскоязычного общения студенты используют официальные названия. Рассмотрим несколько примеров.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Встречаемся в девять часов на Семеновской?

(Б) молчание

(А) Там Clever House//

(Б) Понятно//

В данном диалоге студент никак не отреагировал на топоним «Семеновская», но когда преподаватель уточнил место, упомянув находящийся там торговый центр Clever House, студенту стало понятно.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Что вы делали вчера, Эдик?

(Б) Я был на Луговая//*

В данном примере студент в своем ответе использует топоним «Луговая», при этом он делает грамматическую ошибку, не используя предложный падеж.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(Б) А это далеко?

(А) Дальше, чем Вторая речка // Знаете, где это?

(Б) Да/ понятно //

В приведенном диалоге студент продемонстрировал, что ему известен топоним «Вторая речка». Он положительно ответил на вопрос преподавателя о том, известно ли ему это место.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(Б) А Спортивная далеко?

(А) От университета – да, от Луговой – нет//

(Б) Понятно//(улыбается)

В приведенном примере студент продемонстрировал, что ему известен топоним «Спортивная», но неизвестно, где именно он находится. После уточ-

* Здесь и далее грамматические ошибки китайских студентов оставлены преднамеренно.

нения преподавателем места с помощью топонима «Луговая», студенту все стало понятно.

(А) преподаватель, (Б) студент, 20 лет

(А) Света, где вы любите гулять?

(Б) Набережная //

В данном диалоге студент в ответе использует топоним «Набережная».

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Вы когда-нибудь ходили на Фуникулер?

(Б) Фу-фу...фуникуль...

(А) Это где ДВГТУ //

(Б) А/ да, конечно //

В данном диалоге студенту неизвестен топоним «Фуникулер», поскольку он пытается повторить его, но не может. После уточнения преподавателем, что это место находится рядом с ДВГТУ, студент понимает, о чем спрашивает его преподаватель.

Таким образом, из приведенных диалогов видно, что китайские студенты знают, понимают, используют и распознают в речи официальные топонимы. Названия некоторых мест им кажутся неизвестными, но если уточнить это место с помощью объекта, находящегося рядом, студенты понимают, где это находится.

Однако в ситуации общения на китайском языке студенты используют китайские названия топонимов г. Владивостока.

(А) и (Б) китайские студенты

(А) Куда ты едешь?

(Б) Я еду на **Луговую**, чтобы купить овощи.

(А)你要去哪啊?ni yao qi na a?

(Б)我要去中国市场买菜啊 wo yao qu zhong guo **shi chang** mai cai a

В данном диалоге студент в ответе использует топоним «Луговая», который по-китайски звучит как *shi chang*

(А)Ты видел Лену?

(Б) Она поехала в ДВГТУ на **Фуникулёр**

(А)你看见 Лена 了么?ni kan jian Лена le me?

(Б)她去有缆车的那个学校了 ta qu you **lan che** de na ge xue xiao le.

В данном диалоге студент в ответе использует топоним «Фуникулёр», который по-китайски звучит как *lan che*

(А) Максим, что ты делал сегодня?

(Б)Я купил овощи на **Второй речке**.

(А)你今天干嘛了?ni jin tian gan ma le?

(Б)我在二道河子买的菜 wo zai **er dao he zi** mai de cai

В данном диалоге студент (Б) использует в своем ответе топоним «Вторая речка», который по-китайски звучит как *er dao he zi*.

(А) Какая красивая юбка!

(Б) Я купила на **Спортивной**.

(А)多么漂亮的裙子啊! duo me piaoliang de qun zi a

(Б)我在体育市场买的 wo zai **ti yu shi chang** mai de

В данном диалоге студент в ответе использует топоним «Спортивная», по-китайски *tí yú shì chāng*.

(А) Где остановка **Семеновская**?

(Б) Около *Clever House*

(А) 谢苗诺夫站在哪啊? *xiè miào nuò fū zhàn zài nǎ a*

(Б) 在 *Clever House* 附近 *zài Clever House fù jìn*.

В данном диалоге студент (А) в вопросе использует официальный топоним «Семеновская», который по-китайски звучит как *xiè miào nuò fū*.

В результате исследования замечено, что топоним «Набережная» в китайском языке не имеет аналога и в ситуации общения на китайском языке произносится по-русски.

(А) Знаешь ли ты, где находится школа №1?

(Б) Школа №1 находится на **Набережной**.

(А) 你知道第一小学在哪么? *nǐ zhī dào dì yī xiǎo xué zài nǎ me?*

(Б) 在 *Набережной* 街道啊 *zài Nábèrèjǐn de jiēdào*

(А) Где у тебя была практика?

(Б) У меня была практика на **Набережной**.

(А) 你在哪实习的? *nǐ zài nǎ shíxí de*.

(Б) 我曾经在 *Набережной* 实习 *wǒ céng jīng zài Nábèrèjǐn de shíxí*

В данных диалогах студенты называют топоним «Набережная» по-русски. Студенты не знают, как сказать это по-китайски, поэтому используют русское слово.

Таким образом, в ситуации общения на китайском языке студенты используют только официальные китайские названия топонимов г. Владивостока. Аналога в китайском языке не имеет топоним «Набережная».

Носителями русского языка в повседневном общении могут использоваться как официальные, так и неофициальные топонимы. Выбор варианта зависит от ситуации общения.

(А) *пассажир, обращается к водителю автобуса*

(А) Вы на Семёновскую идёте?

В данном случае говорящий использует официальный топоним «Семеновская», поскольку ситуация общения официальная.

(А) женщина, около 45 лет; (Б) девушка, около 25 лет

(А) Где будем выходить?

(Б) давай на Спортивке//

(А) (обращаясь к водителю) На Спортивной остановите//

В данном диалоге говорящий (Б) использует неофициальный топоним «Спортивка», поскольку ситуация общения неофициальная. Говорящий (А), обращаясь к водителю, использует топоним «Спортивная», поскольку ситуация общения официальная.

(А) девушка, 25 лет; (Б) девушка, 23 года

(А) А где сестра сейчас живет?

(Б) На Сельской// Это выше Баляйки//

В приведенном примере говорящий (Б) в ответе использует неофициальный топоним «Баляйка», поскольку ситуация общения неофициальная.

(А) девушка, 25 лет; (Б) молодой человек, 26 лет

По телефону

(А) Ты уже на месте?

(Б) Нет// только Вторяк проехал//

В данном диалоге говорящий (Б) использует неофициальный топоним «Вторяк», поскольку ситуация общения неофициальная.

(А) девушка (около 25 лет) обращается к водителю автобуса

(А) На Фуникулере остановите//

В данной ситуации говорящий использует официальный топоним «Фуникулер».

(А) девушка, 25 лет; (Б) девушка, 25 лет

(А) Так долго ехать//

(Б) Если на Фунике, то быстро//

В данном примере говорящий (Б) использует неофициальное название «Фуник», поскольку ситуация неофициальная.

Однако не всегда в неофициальной ситуации общения используются неофициальные топонимы.

(А) девушка, 27 лет; (Б) молодой человек, 27 лет

По телефону

(А) Ты далеко?

(Б) На мосту// На Второй речке//

В данном диалоге отвечающий использует официальный топоним, несмотря на то, что ситуация общения неофициальная.

(А) девушка, 23 года; (Б) девушка, 22 года

(А) Где вы вчера были?

(Б) Вечером на Набережной//

В приведенном диалоге говорящий использует официальный топоним «Набережная», несмотря на то, что ситуация общения неофициальная.

Таким образом, носители русского языка в своей речи используют как официальные, так и неофициальные топонимы. В официальной ситуации общения используются официальные топонимы, в неофициальной ситуации могут функционировать официальный и неофициальный варианты.

В работе мы рассмотрели такие понятия, как ономастика, топонимы, официальные и неофициальные топонимы. Ономастика – это наука об именах собственных. Топонимы – это названия места. Топонимы бывают официальные и неофициальные. Официальные топонимы – это официальное название места, закрепленное в документах, неофициальные топонимы появляются и функционируют в разговорной речи. Разговорная речь – это разновидность литературного языка, реализующаяся преимущественно в устной форме в ситуации неподготовленного общения.

Основным методом в нашей работе стал метод ассоциативного эксперимента. Ассоциативный эксперимент – это метод изучения речевых реакций на предъявляемое слово-стимул. Словами-стимулами послужили 7 официальных и 5 неофициальных топонимов г. Владивостока. Нами было опрошено 30 русских и 30 китайских респондентов.

Результаты проведенного эксперимента показали, что китайские студенты распознают как официальные, так и неофициальные названия топонимов г. Владивостока, поскольку ассоциации русских и китайцев похожи. По количеству ассоциаций китайских студентов мы сделали вывод, что в большей степени

им известны следующие топонимы: Луговая, Спортивная, Семеновская, Вторая речка, Фуникулер. В меньшей степени известен район площади Баляева. Луговая, Спортивная, Семеновская – часто посещаемые китайскими студентами места, поскольку в этих районах находятся крупные рынки и магазины. Вторая речка известна, поскольку там находится автовокзал, с которого отправляется автобус в КНР. Фуникулер находится рядом с университетом ВГУЭС, поэтому студенты имеют возможность посещать это место. До площади Баляева от университета не ходят автобусы, поэтому у студентов нет возможности быстро попасть туда, следовательно, это место ими редко посещается. Гораздо большему проценту русских студентов известны официальные и неофициальные топонимы г. Владивостока.

Проанализировав примеры из разговорной речи носителей русского языка, мы сделали вывод о том, что в речи носителей функционируют как официальные, так и неофициальные топонимы. В ситуации русскоязычного общения китайские студенты используют официальные топонимы. В ситуации общения на китайском языке студенты используют официальные топонимы г. Владивостока. Официальные топонимы имеют аналоги в китайском языке, кроме топонима Набережная. В ситуации общения на китайском языке этот топоним произносится по-русски.

Неофициальные топонимы в аспекте соотношения языка и культуры*

Каждый человек постоянно встречается с географическими названиями. «Невозможно представить себе жизнь современного общества без географических названий, – пишет известный исследователь в области топонимики Э.М. Мурзаев. – Они повсеместно и всегда сопровождают наше мышление с раннего детства. Всё на земле имеет свой адрес, и этот адрес начинается с места рождения человека. Родное село, улица, на которой он живёт, город, страна – всё имеет свои имена» [152. С. 8].

Все географические названия можно разделить на два вида: официальные и неофициальные. Тема настоящего исследования «Неофициальные топонимы в аспекте соотношения языка и культуры».

Ономастические (ономастика – раздел лингвистики, изучающий любые собственные имена [224. С. 96]) исследования помогают выявлять пути перемещения и места бывшего расселения различных народов, языковые и культурные контакты, более древнее состояние языков и соотношение их диалектов. Исследование имён собственных представляет огромную важность благодаря специфическим закономерностям их передачи и сохранения. Вследствие своей социальной функции – служить простым индивидуализирующим указанием на определенный предмет – имя собственное способно сохранять свою основную значимость при полном затемнении его этимологического значения, то есть при полной невозможности связать его с какими-либо другими словами того же языка. Особую роль в данном случае играют названия географических объектов.

Нам необходимо для исследования

1) раскрыть суть понятия «топоним», рассмотреть виды топонимов;

* © М.Ю. Криницкая, Сьюй Банчжэнь

2) проанализировать и систематизировать различные аспекты изучения топонимов;

3) рассмотреть функционирование неофициальных топонимов в разговорной речи;

4) описать структурно-семантические модели неофициальных топонимов с различных точек зрения: структуры образования, характера производящей основы и способа образования, а также с точки зрения принципа номинации, в том числе культурологической специфики семантики исследуемых номинаций.

Свои имена имеют различные географические объекты: леса, луга, поля, болота, сёла, деревни, города, а также их части. Эти имена собственные называются топонимами. Топоним – (географическое название, географическое имя) – разряд топонимов (собственных имён). Собственное имя природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле, который четко зафиксирован в данном регионе (город, деревня, обработанный участок земли, территория как часть государства, коммуникация и т.п.). Например: *Белое море, река Двина, Чудское озеро, город Вологда, город Норильск, Дмитровская гряда, Эльбрус, остров Врангеля, колодец Ветра, площадь Разгуляй, поле Косая полоса, Монастырский лес, Владимирский тракт* [224. С. 127].

Топонимию любого города можно разделить на официальную и неофициальную. Официальные названия пишутся в документах городского масштаба, в географических справочниках, словарях, на географических картах, а также в почтовых отправлениях. Неофициальная топонимия существует в основном в устной речи жителей города или района и представлена либо прозвищными именованиями разных географических объектов, которые так или иначе этими названиями характеризуются, либо словообразовательными параллелями к официальным названиям.

Мы будем анализировать неофициальные топонимы, которые уже упоминались исследователями как топонимы-прозвища, а также неофициальные топонимы, представляющие собой словообразовательные варианты официальных названий.

Топоним-прозвище – неосновное, неофициальное, обычно иносказательное название геогр. объекта, сосуществующее с основным. Например: в США: *The last Frontier* ‘Последняя граница’ (Аляска), *Golden State* ‘Золотой штат’ (Калифорния), *Sunshine State* ‘Солнечный штат’ (Флорида); *Poverty Row* ‘улица нищеты’, *Devil’s Half Acre* ‘пол-акра земли дьявола’ (городские трущобы Нью-Йорка), *High Hat Avenue* ‘улица цилиндров’, *Quality Row* ‘улица людей первого сорта’ (аристократические улицы и кварталы).

Топоним-прозвище чаще употребляется в разговорном просторечьи, однако прозвища штатов используются также журналистами в прессе, вошли в специальные словари; в нашей стране в городских микрорайонах также известны топонимы-прозвища. Из широко известных можно назвать, например, *Второе Баку* (о нефтеносной территории Башкирии и прилегающих районах) [224. С. 131].

Среди топонимов выделяются различные классы, такие, как названия городов, названия внутригородских объектов, названия улиц, названия площадей, названия путей сообщения, географические названия водных объектов (морей, озёр, рек, болот, заболоченных мест), названия поднятых форм рельефа (гор, хребтов, вершин, холмов), названия населённых мест; названия небольших объектов (угодий, сенокосов, топей, лесосек, пастбищ, колодцев, ключей и т.д.),

обычно известные лишь ограниченному кругу людей, проживающих в определённом районе, названия дорог, проездов и т. п.

В топонимах (особенно в названиях водных объектов) устойчиво сохраняются архаизмы и диалектизмы, они часто восходят к языкам-субстратам народов, живших на данной территории в прошлом.

Практическая транскрипция топонимов, устанавливающая их исходное и единообразное написание и передачу на другие языки, важна для создания географических карт.

Среди стилистически дифференцированных вариантов топонимов наиболее многочисленными являются топонимы-коллоквиализмы, топонимы-поэтизмы, топонимические перифразы.

Интерес к сбору и описанию топонимического материала возникает у лингвистов постоянно, на протяжении всего XX столетия. В связи с тем, что топонимы являются фактами языка, они исследуются лингвистами с разных сторон: анализируются их фонетические, словообразовательные и грамматические особенности, изучается связь топонимов с другими разрядами ономастической лексики (антропонимами – названиями человека, зоонимами – названиями животных и др.), их роль в речевой коммуникации, топонимические наименования рассматриваются как часть языковой и концептуальной картины мира.

В первую очередь названия географических объектов интересуют исследователей с точки зрения их происхождения. Поэтому в их изучении наиболее важным является **лексико-семантический** и **словообразовательный аспекты**. Используя данный подход к рассмотрению языкового материала, исследователи делят всю топонимическую лексику на лексико-семантические группы [145, 228, 157, 268, 146, 243, 244 и др.].

Значительное место в ономастических исследованиях занимают **структурно-грамматические** описания этих единиц. Например, Е.Ф. Данилина выделяет следующие типы: 1) однословные единицы, среди которых могут быть имена существительные, прилагательные, числительные, наречия и другие части речи; 2) словосочетания; 3) предложения [75. С. 108].

Немаловажно также остановиться на **орфографических особенностях** топонимов, поскольку их письменная передача вызывает немало трудностей. Анализируя топонимы г. Владивостока, М.О. Киселёва указывает, что в некоторых публикациях можно встретить географические названия, имеющие несколько вариантов написания, отличающихся от рекомендуемых правилами [187], например: а) написание топонимов, включающих служебные слова: *п-ов Дефриз // де Фриз // Де-Фриз/*; б) написание топонимов, включающих числительные: *ул. Первое Мая // ул. Первого мая // ул. 1-го Мая*; в) написание топонимов с начальными компонентами Ново-, Старо-, Северо-, Западно- и др., например: *ул. Нижне-Портовая // ул. Нижнепортовая, ул. Верхнепортовая; ул. Ново-Ивановская // Новоивановская*; г) написание топонимов, включающих приложения, тоже имеет варианты: *Садгород // Сад-Город*; д) написание топонимов с кавычками *озеро «Юность»* (вместо *озеро Юность*); *площадь «Луговая»* (вместо *площадь Луговая*); *остановка «Авангард»* (вместо *остановка Авангард*) и т.п.; е) написание топонимов, включающих номенклатурные термины: *район Зеленый угол // Зеленый Угол; остановка «Сахарный ключ» // «Сахарный Ключ»* и т.п. М.О. Киселёва считает, что вопрос до конца пока не решен и топонимы с указанными компонентами до сих пор не имеют единого написания. Их написание закрепляется традицией употребления этих единиц в текстах [98. С. 54].

Наибольшую актуальность приобретает в современной лингвистике рассмотрение взаимодействия языка и культуры. Появляются работы, в которых явления лексики и грамматики связываются с культурными особенностями нации, использующей тот или иной язык. Такого рода исследования не только описывают формальные закономерности развития конкретного языка, но и объясняют эти правила с помощью культурных особенностей народа [59, 302, 70, 113, 97, 244 и др.]. Учёные полагают, что имена собственные наиболее ярко отражают национально-языковую картину мира, так как они рассматриваются исследователями как «опознавательные этикетки» или как слова с перегруженной семантикой, которая включает всю энциклопедическую информацию [80. С. 131], и «сохраняют исторические реалии» [248. С. 9]. Таким образом, топонимы представляется возможным рассмотреть в рамках *лингвокультурологического аспекта*, который Например, Е.Я. Бадеева, анализируя прозвища американских штатов в языковой картине мира, полагает, что данные названия способны реконструировать «целые пласты культуры и истории страны», также они передают специфику национально-культурного менталитета американской нации. Исследователь указывает, что прозвища штатов отражают патриотизм, передающийся в метафорах, посредством которых становится видно, что Америка для американца – это дом и семья, и прагматизм, который носит «рекламный характер», в прошлом привлекающий переселенцев на освоение новых территорий, а в настоящем – туристов для посещения тех или иных американских штатов [17. С. 59] позволяет проанализировать систему человеческих ценностей.

Стоит сказать, что неофициальные топонимы обуславливаются не только лингвистически, но и **социально**: при номинации учитывается положение человека в социальном поле, поэтому неофициальные топонимы отражают интеллектуальный уровень той группы, где они существуют, обладают двусторонностью номинации, характеризуют не только географический объект, но и человека, который так его называет. Исследователи рассматривают неофициальные топонимы как одну из особенностей речи носителей социального и профессионального жаргона [94. С. 282; 207. С. 163; 165. С. 63].

Неофициальная микротопонимия (микротопоним – собственное имя природного физико-географического микрообъекта, созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления [224. С. 83]) неоднородна по своему составу. В неё входят разговорные наименования, относящиеся к разным языковым сферам, социальным и возрастным группам. Система назывных единиц, созданных и употребляемых в разных группах городского населения, может иметь специфические особенности.

Такие географические номинации, возникающие в обиходной разговорной речи, способствуют не только передаче информации. Подобное индивидуальное словотворчество – один из наиболее распространённых способов, реализующих желание говорящего пошутить, «поиграть» с формой речи, чтобы усилить её выразительность или создать комический эффект [205. С. 15]. Причём говорящий сам часто и объясняет, как, зачем и для чего он создаёт неофициальные именованные географических объектов – совершенно новые лексемы. Среди говорящих есть две основные группы людей: 1) лица, равнодушные к форме речи, и 2) лица, остро её чувствующие. Общеизвестно, что разговорная речь как языковая формация, обслуживающая сферу непринуждённого общения, позволяет любому действовать в пределах её вкусов, наклонностей, способностей. Таким образом, «одни пользуются готовыми стереотипами и формулами, другие свободно творят новые на-

звания, каламбурят, острят» [192. С. 277], так как «для разговорности важнее всего отразить внеязыковую сущность именно непосредственного взаимодействия, то есть возбудить и удержать внимание и заинтересованность собеседников, вовлечь их в коммуникацию» [87. С. 277].

Следует учитывать тот факт, что неофициальные топонимы социально обусловлены. Этой точки зрения придерживается А.В. Суперанская. Она пишет: «В речи каждого члена языкового коллектива активизируются (для каждого человека свои) имена собственные... Для шофёра к общей лексике относятся названия улиц и площадей, по которым он едет, названия зданий, предприятий, садов и т.д. Он даже часто искажает и упрощает их» [248. С. 6].

Функционирование топонимов в живой речи (как в устной, так и в письменной) способствует появлению самых различных вариантов их употребления, оказывающихся в определённой оппозиции по отношению к норме. Но официальные названия, как бы строго они ни документировались, не могут остановить естественный процесс топонимизации, в особенности внесистемных названий, противоречащих проверенной временем системе топонимов. «При наименованиях и переименованиях возникающие громоздкие названия мест осложняют их употребление, что нередко приводит к произвольным сокращениям названий» [152. С. 155]. Образуется пара: официальное название, зафиксированное в документах городского масштаба (в словарях и справочниках), а также в почтовых отправлениях, и практически бытующее, существующее в основном в устной речи носителей языка. Такие неофициально бытующие номинации появляются в речи носителей региона посредством использования правил речевой экономии, действия которой приводят к образованию неофициальных названий географических объектов.

Анализируя неофициальные топонимы г. Владивостока, М.О. Киселёва классифицирует их следующим образом.

Топонимы-«прозвища». Это неофициальные названия объектов (преимущественно районов города), которые отражают внутренние отличительные признаки объекта через метафорическое осмысление их: *Гнилой угол* – район за Луговой, где были болота, луга, откуда на город наплывал туман. Его новое, тоже неофициальное название – Зеленый угол; *Швейка* – место возле швейной фабрики «Заря»; *БАМ* – район новостроек, расположенный далеко от центра; *Коврижка* – небольшой островок с круглыми берегами, напоминающий коврижку домашней выпечки. Именно такая форма островка подсказала фольклорное название – «Коврижка». Официальное его название – остров Скребцова. К неофициальным топонимам относится и такое название, как *Рудяковка* (жилые дома для дальзаводчан были построены по инициативе их директора В.П. Рудяка).

Топонимы-варианты. Чаше всего это стяженные варианты от официальных названий: *Голубинка* – Голубиная падь; *Корейка* – Корейская слободка; *Куперовка* – Куперова падь. Такой способ номинации в разговорной речи Е.Н. Земская называет компрессивным, или универбацией [87. С. 130].

К полуофициальным названиям районов следует отнести и названия-переносы с соответствующих названий объектов, но не являющихся административными. Это чаще названия микрорайонов: *Мингородок* (Минный городок); *Моргородок* (Морской городок); *Тихая* (бухта Тихая); *Чуркин* (мыс Чуркина).

Неофициальными являются также составные названия улиц, в которых опущено одно из слов. Например: *ул. Фокина* (ул. Адмирала Фокина);

ул. *Корнилова* (ул. Адмирала Корнилова); ул. *Нахимова* (ул. Адмирала Нахимова); ул. *Патриса*, ул. *Лумумбы* (ул. Патриса Лумумбы).

Некоторые исследователи считают употребление в разговорной речи подобных форм типа «*живу на Лумумбе (на ул. П. Лумумбы)*» своеобразной метонимией, подобно употреблению типа «читать Чехова (произведения Чехова)»; «любить Пушкина (стихи Пушкина)» [196. С. 430].

По поводу составных названий улиц (типа ул. Адмирала Фокина) А.В. Суперанская пишет, что такие названия неудобны по двум причинам. «Во-первых, не вполне ясно, входят ли слова типа «маршала», «архитектора» и т.п. в состав названий или они играют при них роль своеобразного «привеска», разъясняющего, кто был хозяин той или иной фамилии. Если входят, то слова «Архитектора», «Маршала», «Генерала» и т.п. должны писаться с прописной буквы и в алфавитных указателях должны соответственно стоять буквы «а», «м», «г». Если не входят, то указанные слова следует писать с малой буквы и названия ставить в алфавит по начальным элементам соответствующих фамилий, т.е. на Шапошникова, Ермилова, Власова. В таком случае непонятно, для чего эти слова все же пишутся. Ведь их можно просто обозначить на мемориальных досках» [249. С. 80–81].

Кроме того, среди названий улиц есть такие, как ул. 40 лет ВЛКСМ, ул. 50 лет ВЛКСМ, пр-т 100-летия Владивостоку. А.В. Суперанская пишет, что такого типа названия «неуклюжи, нетопонимичны, они трудны в речевой практике, где непременно подвергаются различного рода упрощениям» [249. С. 160]. Действительно, в живой речи они трансформировались в «40 лет», «50 лет», «Столетие» и т.п.

В неофициальной урбанонимии (урбаноним – вид топонима, собственное имя любого внутригородского объекта [224. С. 139]) наименования, включающие в свой состав формы родительного падежа, часто заменяются прилагательными с суффиксом -ск-. Особенно, если название улицы отфамильного происхождения с суффиксом -ск-. Например, ул. *Кировская* (Кирова); ул. *Володарская* (Володарского); ул. *Достоевская* (Достоевского). Такие неофициальные варианты наименований опираются на модель образования прилагательных с суффиксом -ск- в официальной урбанонимии: ул. *Московская*, ул. *Советская*. Реже, но встречается и обратное: ул. *Калинина* (Калининская). Подобная вариативность встречается и в наименованиях остановок (*остановка «Дальзаводская» // «Дальзавод», остановка «Гайдамаковская» // «Гайдамак»* и т.п.).

В устной речи используются обозначения типа: «Иду на Герцена, в гости», «Где живете? – на Толстого»; «Где находится эта аптека? – на Красного Знамени», т.е. без включения номенклатурного термина.

Сокращения встречаются и в названиях остановок, которые образованы по названиям улиц или других объектов, рядом с которыми они расположены: *остановка «Заря»* («Фабрика Заря»); *остановка «Гоголя»* (остановка «Улица Гоголя»); *остановка «Некрасовская»* (остановка «Улица Некрасовская») и т.п. Номенклатурный термин в данном случае теряет свое значение и входит в название остановки, поэтому должен включаться в полное название и писаться с прописной буквы.

Таким образом, неофициальные топонимы являются периферийными разрядами названий по отношению к официальным. Они функционируют, как правило, в замкнутом коллективе, могут даваться географическим объектам, которые наиболее часто употребляются в устной и письменной речи членов того или иного социума.

Неофициальные наименования физико-географических объектов можно разделить на подтипы по разновидности топонима: неофициальные названия населённых пунктов; неофициальные названия любых внутригородских топонимических объектов, куда включаются: 1) неофициальное название части территории города, в том числе района, квартала, парка; 2) неофициальное название городской площади, рынка; 3) неофициальное название церкви, монастыря; 4) неофициальное название линейного объекта в городе (проспекта, улицы, линии, переулка, набережной и т. п.); 5) неофициальные названия жилых зданий и учреждений, предприятий; 6) неофициальные названия внутригородских объектов (памятников, мостов). Такие неофициальные именованья самими людьми осознаются как «народные» имена.

Разноаспектное изучение неофициальных топонимов в современной лингвистике (лексико-семантический, словообразовательный, структурно-грамматический, орфографический, лингвокультурологический, социальный и др. аспекты) позволяет выявить то, что русские неофициальные топонимические номинации неоднородны по собственно топонимическому значению и способу характеристики именуемого объекта, по лексико-семантическим и структурно-грамматическим признакам, степени экспрессивной выразительности.

Топонимы являются неотъемлемой частью фоновых знаний носителей данного языка и культуры. У Гохуа утверждает, что в топонимах, как в зеркале, отражается история данного народа, история заселения и освоения данной территории [261. С. 130].

Более того, интересно рассмотреть и топонимы в неофициальной речи, поскольку они характеризуют не только сами географические объекты, но и людей, которые называют их, иначе говоря, данные единицы отражают интеллектуальный уровень той группы, где они существуют. Исследователи рассматривают неофициальные топонимы как одну из особенностей речи носителей социального и профессионального жаргона [248, 207, 165, 192 и др.].

Обратимся к анализу неофициальных топонимов, бытующих в Приморском крае и в г. Владивостоке.

Для определения степени функционирования неофициальных топонимов в разговорной речи было проведено исследование. Мы предложили заполнить анкеты «Функционирование неофициальных топонимов в речи» носителям русского языка. Опрос проводился в январе – феврале 2011 года в основном среди студентов и преподавателей Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС). Всего проанализировано 25 анкет. Результаты эксперимента представлены в диаграмме (рис. 1.).

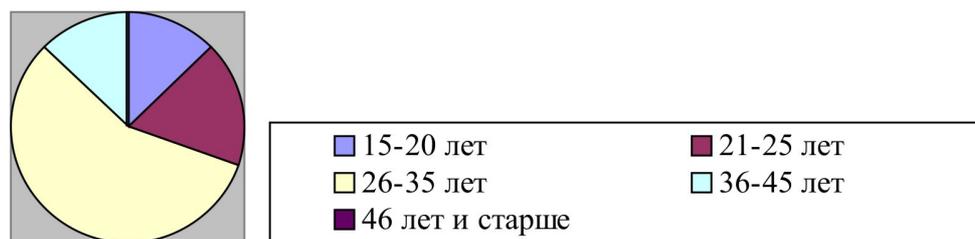

Рис. 1. Употребление неофициальных топонимов в речи

Таким образом, чаще всего неофициальные топонимы функционируют в речи людей, возраст которых 26–35 лет (57%), менее они популярны в группах

людей в возрасте 15–25 лет и 36–45 лет. Эксперимент, который был нами проведён, показал, что люди в возрасте 46 лет и старше не употребляют неофициальные названия географических объектов в речи, хотя многие неофициальные именованья, бытующие во Владивостоке, им знакомы и они в процессе общения могут понять собеседника.

В данном разделе рассматриваются неофициальные топонимы с точки зрения их структурно-семантических моделей, то есть с точки зрения структуры, характера производящей основы и способа номинации. Под структурно-семантической моделью (топонимной) вслед за Н.В. Подольской понимается «определённое закономерное расположение элементов топонима, тип его морфологической структуры, специфика мотивировки» [224. С. 135]. Таким образом, структурно-семантическая модель каждого неофициального топонима включает как способ номинации (как образован неофициальный топоним), так и характер номинации (почему так назван географический объект). Первое предполагает определение формы неофициального топонима, второе – его содержательной структуры и мотивирующего признака.

Городские географические объекты, окружающие человека, почти всегда имеют официальные названия, которые закреплены в нормативных документах, справочниках, различных атласах и т. п. Но для удобства общения люди именуют физико-географические объекты как-то иначе, дают им так называемые неофициальные названия, которые в нашем исследовании представлены как неофициальные топонимы. Они занимают особое место в топонимии определённых регионов и привлекают к себе внимание, что представляется естественным в силу стремления постичь закономерности и роль географических наименований. Данные названия употребляются в разговорной речи намного чаще тех, которые находят отражение в нормативных документах и справочниках. Использование неофициальных топонимов отражает в прямом смысле позицию номинатора: «его место в пространстве, тот «горизонт», который он видит перед собой, а также само по себе качество обозрения» [28. С. 72].

С точки зрения грамматической структуры неофициальные топонимы бывают *простыми* (одно слово) и *составными* (словосочетания). Собранный нами фактический материал представлен в основном простыми, выраженными

а) именем существительным: *Влад, Микраха, Голубинка, Железка, Змейка* и др.; всего 94%;

б) именем прилагательным: *Пятая, Смальцевская, Толстошеинский*; всего 6%.

Составные неофициальные топонимы выражены словосочетанием сущ. + прил. в препозиции: *Китайский рынок, Подводная лодка, Дунькин пуп* и др. Неофициальных топонимов, выраженных словосочетанием, гораздо меньше тех, которые выражены существительным или прилагательным.

При образовании неофициального топонима в качестве производящей основы избираются имена собственные или имена нарицательные.

Неофициальные топонимы образуются и на базе имён собственных, которые могут быть представлены как официальными названиями географических объектов, так и названиями, созданными на базе других имён собственных, не принадлежащих объекту номинации.

Неофициальные топонимы, созданные на базе официальных названий географических объектов, образуются посредством словообразовательных аффиксов, которым свойственна экспрессивность. В процессе общения люди, соз-

давая новое название улицы, переулку, какого-либо здания и т. д. или переименовая его, сознают, что данный вариант более понятен и удобен для обозначения того или иного объекта и нередко более эмоционально окрашен и выразителен.

1. Одним из способов образования неофициального топонима данной группы является усечение производящей основы официального названия физико-географического объекта: *Влад* – г. Владивосток, *Новосиб* – г. Новосибирск, *Питер* – г. Санкт-Петербург, *Сахалин* – ул. Сахалинская (г. Владивосток), *Гипер* – магазин «Гипермаркет» (г. Владивосток). Е.А. Земская полагает, что с помощью усечения основы создаются номинативные единицы, характерные для разговорной речи. «Их отличает краткость и нередко действующая установка на выразительность, экспрессивность» [196. С. 20].

Производящая основа официального названия географического объекта, оставшаяся после усечения топонимических суффиксов -н-, -ов-, -ск-, часто оформляется окончанием, и говорящий осознаёт это слово как реальное, и в речи оно выступает уже как эквивалент географического названия: *Хабара* – г. Хабаровск. В этом случае происходит некий возврат к исходному слову, восстановление внутренней формы.

2. Неофициальные топонимы, созданные на базе официального, могут образовываться путём усечения основы и суффиксации. Данные единицы могут образовываться при помощи суффикса -ах-, которые в разговорной речи отличаются окраской грубоватости, пренебрежительности, имеют фамильярно-разговорный характер: *Микраха* – Первый микрорайон (г. Хабаровск).

С помощью усечения основы одного из компонентов официального топонима и суффикса -ак- образовано неофициальное именование одного из районов г. Владивостока «Первая Речка» – *Первак*. Также встретилось именование, образованное с помощью суффикса -ик-: *Владик* – г. Владивосток.

Различные преобразования с топонимами в разговорной речи могут «порождать» и такие забавные неофициальные топонимы, как *Чуркистан* (так называют во Владивостоке район мыса Чуркина по аналогии с «Таджикистан», «Узбекистан» и т.п.).

3. Неофициальные топонимы, восходящие к официальным названиям объектов, могут образовываться путем суффиксальной универбации [196. С. 26]. Словосочетания, строящиеся по модели сущ. + прил. и имеющие характер номинации, легко могут быть «свёрнуты» в существительное на -к-. Этот суффикс является продуктивным в разговорной речи. Если официальный топоним представлен именем существительным и определяющим его прилагательным, то образование суффикса от прилагательного является единственно возможным вариантом именования. Это явление распространено в топонимии разных регионов. К примеру, в Москве бытуют следующие неофициальные топонимы: *Публичка* – Публичная библиотека, *Ленинка* – Ленинская библиотека, *Птичка* – Птичий рынок, *Рублёвка* – Рублёвское шоссе.

Немало неофициальных топонимов, образованных путем суффиксальной универбации, функционирует в речи жителей города Владивостока: *Сахалинка* – ул. Сахалинская, *Зелёнка* – район автомобильного рынка «Зелёный угол», *Железка* – дом культуры железнодорожников, *Тополинка* – Тополиная аллея, *Голубинка* – Голубиная падь.

Однако в топонимии происходит стяжение и одновременно суффиксация (суффикс -к-) не только словосочетаний, созданных по модели сущ. + прил.: *Военка* (ул. Военное шоссе), *Спортивка* (ул. Спортивная), *Рабочка* (ул. 3-я Рабочая),

Окатовка – ул. Окатовая, *Набка* – Набережная, *Молодёжка* (остановка транспорта Молодёжная), но и словосочетаний, созданных по модели сущ. + сущ. в род. пад. – *Баляйка* (ул. и площадь Баляева), *Голдобка* (мыс Голдобина), *Собонейка* (ул. Сабонеева), *Суханка* (ул. Суханова) и др.

4. Нередко неофициальное именование может просто сближаться по звучанию с каким-либо именем нарицательным, зачастую не мотивирующим официальное название. Человек, создавая таким способом неофициальный топоним, намеренно берёт вместо чистой основы топонима или мотивирующего слова близкое по звучанию слово – пароним. Это производное слово уже существует в системе языка, оно зачастую весьма образно, экспрессивно, оценочно. В результате сказанного выделяется группа неофициальных топонимов, образуемая посредством такого явления, как паронимическая аттракция [196. С. 206–209]. Таким образом, неофициальные топонимы образуются путём своеобразной словообразовательной метафоризации, хотя на самом деле в основе своей здесь наблюдается явление народной этимологии: *Морда* – ул. Мордовцева, *Стекляшка* – бухта Стеклянная, *Башка* – ул. Башидзе, *Пушка* – ул. Пушкинская, *Сушка* – ул. Суханова, *Чесотка* – ул. Часовитина, *Змейка* – р-н Змеинка. Подобные неофициальные топонимы оказываются настолько выразительными и оценочными, что определённо носят характер языковой игры.

5. Неофициальные топонимы образуются и путём префиксации: *Смальцевская* – ул. Мальцевская.

6. В собранном материале встретились неофициальные топонимы, образованные путём перевода официальных именовании или имён нарицательных на английский язык: *Бигстон* (от англ. big stone) – г. Большой Камень, *Уссурайскити* (от англ. city – город) – г. Уссурийск.

Неофициальные топонимы могут образовываться и от имени собственного, которое не принадлежит географическому объекту. В данном случае географические объекты сравниваются либо друг с другом, либо с каким-либо достаточно известным предметом материальной культуры. Данное наименование может быть сниженным или, наоборот, возвышенным. Е.А. Земская называет данный способ номинации «приёмом иронического возвеличивания или принижения» [87. С. 199].

1. Неофициальные топонимы этого типа создаются на базе топонимов, то есть хорошо известных географических названий, которые употребляются в переносном смысле как неофициальные топонимы: *Вегас* – район остановки транспорта Тихая (г. Владивосток). Данное именование образовано от названия города в США Лас-Вегас, который является одним из крупнейших мировых центров развлечений и игорного бизнеса. Именно в этом районе впервые во Владивостоке появились различные развлекательные центры.

Арбат – ул. Фокина (именование дано по аналогии с известной улицей в Москве).

2. Неофициальные топонимы могут восходить к фамилиям лиц. Они могут образовываться с помощью суффикса -ск-: *Толстошеинский* (Толстошеин (бывший вице-губернатор Приморского края) + -ск-) – продуктовый магазин во Владивостоке.

3. Неофициальные топонимы могут создаваться на базе названий художественных произведений: *Три поросёнка* – база отдыха и бухта во Владивостоке.

Неофициальные топонимы могут создаваться на базе имён нарицательных, которые формируют то или иное представление человека о географическом объекте. Данное представление основывается на стремлении человека «обжить» свою территорию, вписать себя в пространство и время. Всему окружающему человек стремится дать толкование. Подобные номинации необычайно живучи в разговорной речи. Такие именованья могут бытовать длительное время, пока существует какой-либо географический объект. Но предметы, которые окружают человека, могут изменяться или появляться новые, поэтому каждое новое поколение стремится обозначить их с помощью нового неофициального именованья.

Неофициальные топонимы характеризуют внешний вид географического объекта. Данные наименования связаны со свойствами и признаками объекта: его формой, величиной, которые послужили основой для их создания. В анализируемом материале встретились два неофициальных именованья *Машкин пуп*, *Дунькин пуп* – сопка на мысе Чуркин. Данные именованья возникли путём сходства части тела человека и формы географического объекта. Данное явление наблюдается часто. Это объясняется самой спецификой называемых реалий: очертания различных географических объектов легко возбуждают человеческую фантазию, что выражается в многообразии семантических моделей, связанных с метафорическим осмыслением признака формы.

В неофициальных именованьях могут быть отражены какие-либо события, связанные с объектом, либо его функция, назначение. Ситуативные неофициальные именованья являются образными наименованиями, бытующими в разговорной речи жителей города.

Стройка – р-н Красной речки (г. Хабаровск); в данном месте в последнее время ведутся строительные работы.

Китайский рынок – площадь Баляева, ул. Спортивная; в этих местах находятся рынки, где преимущественно продаются китайские товары.

(Подводная) Лодка – Корабельная набережная; здесь расположена мемориальная подводная лодка С-56.

Смотровушка – Видовая площадка (р-н Фуникулёра).

Центр – Площадь борцов за власть советов на Дальнем востоке; находится в центре города.

Итак, мы рассмотрели неофициальные топонимы с точки зрения их структурно-семантических моделей, то есть с точки зрения структуры, характера производящей основы и способа номинации.

Становится ясно, что неофициальные именованья возникают в том случае, когда они нужны человеку, которому стало трудно обходиться без обозначения заметных объектов в уже познанном пространстве окружающего мира. Ситуативные неофициальные топонимы могут указывать на назначение географического объекта (либо прямое, либо с помощью различных ассоциаций), его месторасположение, различные ассоциации человека, возникающие при упоминании об объекте, отношение человека к географическому объекту. Данные номинации весьма экспрессивны. В речи формируются разнообразными производные названия, создаваемые с установкой на языковую игру. Перед говорящими при этом могут стоять разные осознанные или неосознанные психологические задачи – избежать единообразия и скучности обыкновенной речи, пошутить, сострить, формируя тем самым ситуацию непринуждённого общения. Часто говорящий создаёт неофициальные топонимы.

мы, именуя географический объект по какой-либо черте, важной для него. Такие переосмысления часто бывают понятны только собеседнику или небольшому кругу лиц.

На основании проведенного исследования сделаем следующие выводы.

Мы раскрыли суть понятия «топоним» и рассмотрели виды топонимов. Топонимию любого города можно разделить на официальную и неофициальную. Неофициальная топонимия существует в основном в устной речи жителей и представлена либо прозвищными именованиями разных объектов, которые так или иначе этими названиями характеризуются, либо словообразовательными параллелями к официальным названиям.

Также мы проанализировали и систематизировали различные аспекты изучения топонимов (лексико-семантический, словообразовательный, структурно-грамматический, орфографический, лингвокультурологический, социальный). Неофициальные топонимы являются периферийными разрядами названий по отношению к официальным. Они функционируют, как правило, в замкнутом коллективе, могут даваться географическим объектам, которые наиболее часто употребляются в устной речи членов той или иной группы.

Во второй части нашего исследования мы рассмотрели неофициальные топонимы с точки зрения структуры, характера производящей основы и способа номинации.

С точки зрения грамматической структуры неофициальные топонимы бывают простыми (существительное, прилагательное) и составными (словосочетания типа сущ. + прил.).

С точки зрения характера производящей основы неофициальные топонимы образуются на базе официальных названий с помощью усечения основы исходного слова, усечения и суффиксации, преобразования словосочетания (сущ. + прил.) в существительное с суффиксом -к-, путём созвучия с паронимом, путём перевода официальных именований или имён нарицательных на английский язык.

Неофициальные топонимы могут образовываться и от имени собственного, которое не принадлежит географическому объекту. В данном случае географические объекты сравниваются либо друг с другом, либо с каким-либо достаточно известным предметом материальной культуры.

Неофициальные топонимы могут создаваться на базе имён нарицательных, которые формируют то или иное представление человека о географическом объекте. Здесь может сравниваться внешний вид географического объекта и предмета материальной культуры, а также неофициальные топонимы могут возникать благодаря ситуации, связанной с тем или иным географическим объектом.

Стоит сказать, что неофициальные топонимы обуславливаются не только лингвистически, но и социально: при номинации учитывается положение человека в социальном поле, поэтому неофициальные топонимы отражают интеллектуальный уровень той группы, где они существуют, обладают двусторонностью номинации, характеризуя не только географический объект, но и человека, который так его называет.

Функционирование производных предлогов в русском и китайском языках*

Актуальность исследования производных предлогов объясняется, во-первых, активными синтаксическими процессами в современном языке и возникшей в связи с этим проблемой образования, функционирования и описания новообразований среди служебных частей речи, к которым и относятся предлоги.

Известно, что язык стремится соответствовать процессам общества. Русский язык уже на протяжении двух столетий стремится к аналитизму, который особенно ярко проявляется на грамматическом уровне, а именно в употреблении предложно-падежных сочетаний. Современное же состояние русского языка характеризуется усилением в нем аналитических тенденций. Синтаксические изменения, происходящие в современном русском языке, касаются, прежде всего, словосочетаний, организованных по способу управления, что объясняется лингвистами динамичностью данной синтаксической связи. Именно в сочетаниях слов, возникших на основе управления, отмечается огромное богатство зависимых словоформ: именно в них наиболее очевидны разнообразные сдвиги в семантике и структуре словосочетаний, в результате чего появляется множество новых конструкций. Во всех этих процессах далеко не последнюю роль играют предлоги.

Во-вторых, это формирование прикладных направлений лингвистики, в частности формирование функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка, ориентированной на преподавание языка иностранцам. Именно в этой модели требуется не просто фиксирование, но и объяснение языковых фактов и факторов, не просто перечисление классов единиц, а выявление особенностей их функционирования, основной спецификой которого являются многофакторность языка и полифункциональность его единиц.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении закономерностей перехода полнозначных слов в разряд предлогов, в анализе семантических и синтаксических свойств производного предлога «в рамках».

В соответствии с указанной целью были поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть и проанализировать научную литературу, касающуюся вопроса образования производных предлогов;
- 2) провести отбор микротекстов, включающих исследуемое предложное новообразование;
- 3) провести анализ словарных дефиниций, исследуемого предлога в словарях русского языка, а также русско-китайских;
- 4) через лексико-грамматический анализ связанных производным предлогом «в рамках» словоформ попытаться описать его семантико-синтаксические свойства;
- 5) изучить особенности перевода данного производного предлога с русского языка на китайский.

Предлоги представляют собой активно развивающуюся группу, поэтому существуют некоторые проблемы в определении и описании их свойств.

* © В.В. Солейник, Гэ Нини

В.В. Виноградов в своей работе «Русский язык (грамматическое учение о слове)» пишет следующее: «Частицы речи, служащие для выражения пространственных, временных, причинных, целевых, притяжательных, ограничительных и других отношений между объектами или таких же отношений объектов к действиям, состояниям и качествам, называются предлогами» [50. С. 441].

Собственное значение предлога не может проявиться вне связи с падежной формой какого-нибудь названия лица или предмета. Предлоги могут рассматриваться как агглютинативные префиксы косвенного объекта. Однако в русском языке предлоги в большей своей части еще не вполне утратили лексическую отдельность и еще не стали простыми падежными префиксами, совсем лишенными способности непосредственно выражать обстоятельственные отношения.

Предлог не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении.

В современном русском языке различаются следующие типы предлогов.

1. Непроизводные, «первообразные» предлоги. Они большей частью односложны. Двусложность объясняется полногласием (перед, через) или появлением так называемого «беглого» о (ср. парные формы: без – безо; из – изо; над – надо; об – обо; от – ото; под – подо; пред – предо; трехсложная форма передо избегается, кроме сочетания передо мной).

2. Наречные предлоги. Они обычно совмещают функции двух категорий: наречия и предлога (а иногда и трёх, включая союз). Предлоги вместо, вопреки, кроме, среди, близ в литературном языке уже не употребляются в качестве наречий.

Различаются следующие группы наречных предлогов:

– предлоги, связанные с обстоятельными наречиями: близ, вдоль, кругом и др. Преобладающее большинство этих предлогов (кроме наперекор, вопреки, навстречу и вслед) сочетается с родительным падежом;

– предлоги, связанные с качественными наречиями. Они сочетаются с родительным (относительно, касательно) и с дательным падежами (подобно, сообразно, соразмерно, согласно, соответственно и др.).

3. Отыменные предлоги. Имена существительные переходят в предлоги или через посредство наречий, или минуя наречия: в деле, за счет, по линии.

4. Отглагольные предлоги. В предлоги переходят формы деепричастий, сохраняя при этом систему глагольного управления: благодаря, спустя, включая и др.

5. Сложные типы предложных словосочетаний. В русском языке наблюдается образование новых типов сложных отыменных или отглагольных наречных предлогов, которые представляют собой фразеологические единства или идиоматизмы. Если в них еще не стерлись лексические значения составных элементов, то приходится рассматривать их как сложные фразеологические единства; если же компоненты срослись в неразложимое целое, можно говорить о предложных идиоматизмах.

К числу таких сложно-составных предлогов следует отнести: независимо от, впредь до, в отношении к и др.

Таким образом, в морфологическом строе предлогов открывается характерное явление: «по мере того как первичные предлоги все более и более утрачивают свою лексическую индивидуальность, превращаясь из слов-морфем

в падежные префиксы и глагольные послелогии, возникают и распространяются новые аналитические, сложные типы предлогов» [50. С. 443].

Академическая «Русская грамматика» дает такое определение: «Предлог – это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются: говорить о поездке, забежать за ограду и т.д. Предлогами выражаются те же общие отношения, которые выражаются косвенными падежами существительных (кроме отношения субъектного): это всегда один из видов отношения определительного (по месту, времени, причине, условию, цели и др.) или объектного, либо это отношение необходимого информативного восполнения.

По своей формальной организации все предлоги делятся, с одной стороны, на первообразные и непервообразные, с другой – на простые и составные. Первообразные предлоги объединяются в небольшую и непополняющуюся группу простейших слов, не связанных живыми словообразовательными отношениями с какими-либо знаменательными словами. Почти все такие предлоги многозначны. Многие из них способны соединяться более чем с одной падежной формой имени. Непервообразные предлоги – это предлоги, имеющие живые словообразовательные отношения и лексико-семантические связи с знаменательными словами – существительными, наречиями и глаголами (деепричастиями). Все они немногочисленны, причем каждый такой предлог соединяется только с одним каким-нибудь падежом. Все непервообразные предлоги делятся на предлоги отымённые (ввиду, в качестве, во имя, по линии, под видом), наречные (близ, сверх, после, подле, согласно) и отглагольные (включая, исключая, не считая).

К простым предлогам относятся как первообразные, так и непервообразные предлоги, которые состоят из одного слова. К составным предлогам относятся те предлоги (всегда непервообразные), которые состоят из двух или трех слов: формы имени, деепричастия или наречия в сочетании с одним или двумя первообразными предлогами: впредь до, вдали от, в отличие от, согласно с, по отношению к, глядя по и др.

К первообразным простым предлогам относятся: без (безо) – с род. п., в (во) – с вин. и предл. п., для – с род. п. и др.

К группе первообразных предлогов относятся также парные предлоги – сращения: из-за – с род. п., из-под – с род. п., а также встречающиеся в художественной литературе обл. и устар. по-за и по-над (оба – с тв. п.) и др.

К непервообразным предлогам относятся такие предлоги и приобретающие свойства предлогов формы отдельных слов и сочетания, которые имеют мотивационные отношения с наречиями, существительными и деепричастиями.

1. Наречные предлоги по форме являются или простыми, или составными. Простые предлоги совпадают с наречием; составные предлоги представляют собой соединение наречия с первообразным предлогом.

Простые наречные предлоги: близ кого-чего-н., поперек кого-чего-н., со-размерно чему-н. и др.

Составные наречные предлоги: вблизи от кого-чего-н., наряду с кем-чем-н., сравнительно с кем-чем-н. и др.

Большинство наречных предлогов однозначно: они выражают определительные (обстоятельственные) отношения, соответствующие лексическим значениям тех наречий, с которыми они соотносятся.

2. Отыменные предлоги по форме представляют собою либо предложно-падежную форму имени, т.е. форму косвенного падежа отвлеченного существительного с первообразным предлогом или предлогом вне, либо такую предложно-падежную форму, сопровождаемую еще одним (вторым) первообразным предлогом, либо беспредложную форму род. или тв. п. Предлоги первой и второй групп – составные, предлоги третьей – простые.

Составные отыменные предлоги с одним первообразным: без помощи кого-чего-л., в рамках чего-н., не в пример кому-чему-н. и др.

Большинство этих предлогов однозначно: они выражают отношения, соответствующие лексическим значениям тех существительных, с которыми они соотносятся. Неоднозначны предлоги: в направлении, по поводу, по части, со стороны, на пути.

Составные отыменные предлоги с двумя первообразными предлогами: в зависимости от кого-чего-н., в соответствии с чем-н., по отношению к кому-чему-н. и др.

Почти все предлоги второй группы однозначны.

Простые отыменные предлоги: порядка чего-н., посредством чего-н., путем чего-н. и др.

Такие предлоги однозначны; выражаемые ими отношения соответствуют лексической семантике мотивирующих существительных.

3. Отглагольные предлоги по форме представляют собою деепричастия, в своем современном состоянии не связанные с парадигмой глагола и несущие в себе значение отношения. Такие предлоги могут быть простыми и составными; в последнем случае форма деепричастия соединяется с заключающим первообразным предлогом.

К простым отглагольным предлогам относятся: благодаря кому-чему-н., включая кого-что-н., не считая кого-чего-н. и др.

Все такие предлоги однозначны. Отношения, выражаемые ими, опираются на лексические значения соответствующих глаголов; исключение составляет предлог благодаря, имеющий в современном языке свое собственное отвлеченное значение причины, повода.

К составным отглагольным предлогам относятся: глядя по чему-н., смотря по чему-н., судя по кому-чему-н. и др.

Все такие предлоги однозначны. Выражаемые ими отношения опираются на лексические значения соответствующих глаголов.

Лексическим значением предлога как отдельно взятого слова является значение того или иного отношения. Это отношение может быть или максимально абстрактным, широким, или более конкретным и определенным, узким.

Значения непервообразных предлогов (за несколькими исключениями предлогов неоднозначных) всегда так или иначе соотнесены с лексическими значениями тех знаменательных слов, с которыми эти предлоги связаны. Например, предлоги возле, не доходя до или пройдя несут в себе значение пространственных отношений (непосредственной близости, приближенности, удаленности) [194. С. 382].

Но есть и другие подходы к определению понятия «предлог», например, М.В. Всеволодова в своей статье «Предлог как часть речи» исходит из характера

функционально-коммуникативной модели языка, поэтому ее определение не лексико-грамматическое, а формально-позиционное. «Предлог – это служебная часть речи со своим лексическим (возможно, ослабленным) значением, входящая на правах субморфемы в словоформу существительного или его субститута (но сама не являющаяся морфемой), определяющая падежную форму последнего (в том числе и именительный падеж) и вместе с окончанием образующая аналог фикса» [60. С. 12].

Для определения функций предлога она предлагает учитывать, с одной стороны, его семантические функции, а с другой – формально-синтаксические.

М.В. Всеволодова считает, что «семантическая функция предлога состоит в конкретизации роли вводимого им имени в денотативной структуре высказывания, ср.: на юге – локатив, к югу – директив-вектор, из муки – фабрикатив, под муку – дестинатив. Без участия предлога, как правило, ввести существительное в высказывание в том или ином значении нельзя, что не исключает полностью случаев синонимии беспредложных и предложных словоформ, ср.: открыл дверь ключом / с помощью ключа. Но условия дополнительной дистрибуции, то есть в первую очередь, формальные – для выбора словоформ ключом и с помощью ключа существуют» [Там же. С. 19].

М.В. Всеволодова пишет, что «формально-синтаксическая функция предлога (как и аналогичная функция флексии падежа как косвенного) – это введение имени существительного в синтаксическую структуру на правах словоформы, зависимой в логико-структурном отношении, то есть такой, к которой может быть поставлен вопрос от другой словоформы» [Там же. С. 20].

Е.С. Шереметьева в своих работах, посвященных изучению производных предлогов, не использует термин «производный предлог», а предлагает термин «отыменный релятив». Она аргументирует это так: «Любой предлог – это вид релятива, показателя семантико-синтаксического отношения, а каждое отношение характеризуется своими участниками» [299. С. 11].

Проанализировав весь вышеизложенный материал, мы пришли к выводу, что отсутствие единого термина для обозначения производных новообразований свидетельствует о недостаточно полной изученности данного языкового явления.

Ещё одним следствием неизученности предложно-падежных форм, функционирующих в роли предлогов (в том числе и «в рамках»), является то, что в лексикографии нет единого принципа их обозначения и толкования. И действительно, в толковых словарях русского языка в ряде случаев одно и то же слово сопровождается разными, исключаящими друг друга пометами. Нередко составителями словарей используется и «фигура умолчания»: помещая эти слова после соответствующего условного знака (◇) с пометой «в выражении», «в сочетании», они предоставляют самим читателям решать вопрос о том, к какой же части речи следует отнести данное слово.

Известно, что при усвоении русского литературного языка предлоги и система их употребления представляют большие трудности, в особенности для иностранцев. Составители русско-национальных словарей, являющихся одним из наиболее действенных средств ознакомления с языком и культурой русского народа, не получают достаточно надежной опоры для выяснения данного вопроса в тех материалах, которые содержатся в толковых словарях русского языка. Отставание в этой области находит самое разнообразное и противоречивое отражение в двуязычных словарях. Причина создавшегося положения кроется не

только в недочетах составительской работы; сами эти недочеты являются неизбежным следствием того, что ряд лексико-грамматических вопросов еще не нашел достаточно ясного и точного теоретического разрешения. К числу таких вопросов, нуждающихся в специальной интерпретации, и относится вопрос о производных предлогах более позднего происхождения. Однако их анализ только в лексикологическом аспекте не может охватить весь круг вопросов, связанных с изучением процесса опредложивания отдельных форм полнозначных слов: эти предлоги, так же как и все предлоги вообще, должны подробно изучаться во всех их типовых функциях не в словарном порядке, а как элементы грамматики.

«Русская грамматика, 1980» относит подобного рода предложные новообразования к составным именным предлогам с одним первообразным. Как сказано в «Русской грамматике», этот предлог выражает отношения, соответствующие лексическому значению того существительного, с которым оно соотносится [194. С. 708]. Поэтому мы обратились к Толковому словарю И.С. Ожегова, чтобы уточнить лексическое значение существительного «рамка», и выяснили следующее: «Рамка -и, ж. 1) небольшая рама для выставки, оправы чего-н.; 2) название многих технических приспособлений сходной формы или назначение; графическое изображение прямоугольника, внутри которого помещен какой-н. текст или рисунок; 3) то же, что рамочная антенна; 4) чаще мн., в том же знач. что ед., перен. то, что оттеняет, делает заметным что-н.; целое по отношению к составной части (книжн.). Н. Подробное описание страны и нравов эпохи послужило прекрасной рамкой для повести. Внести в рамку или в рамки повествования новый эпизод; 5) перен., только мн. пределы, границы чего-н. Н. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой её конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Сталин» [161. С. 1211–1212].

Обратившись к другим русскоязычным и двуязычным словарям, мы нашли в некоторых из них толкование нашего предложного новообразования. Например, Большой русско-китайский словарь З.И. Барановой дает такое определение: «В рамках чего, в знач. предлога с род. п. – в пределах, в границах чего-н., ограничивая (сь) чем-н. Н. Действовать в рамках закона» [19. С. 656].

Словарь эквивалентов слова Р.П. Рогожникова «В рамках – предлог с род. п. (книжн.) 1) употр. при указании на предел, границы, сферу действия. Н. Развивается сотрудничество в рамках программы «Интеркосмос». Её (В.Ф. Комиссаржевской) возможности были ограничены, но в рамках своих возможностей она достигала предельных высот; 2) употр. при указании на соответствие какого-л. мероприятия, события чему-л. в соответствии с чем-л. (в 1 знач.). Н. Закончилась встреча делегации, проводимая в рамках Международного года женщин. В рамках отборочного турнира футболисты сборной СССР выиграла трудный матч у команды Швейцарии» [186. С. 65].

Словарь структурных слов русского языка В.В. Морковкина. «В рамках – предлог с род. п. употр. при указании на явление, положение, установление, рамками к-рых ограничивается что-л., за пределы к-рых не выходит что-л. син. в границах, в пределах. Н. Действовать в рамках дозволенного. Поступок в рамках закона //отпредел» [151. С. 72].

Словарь служебных слов русского языка под редакцией Е.А. Стародумовой не дает толкования предложного новообразования «в рамках» [236].

Проанализировав различные словари, мы увидели, что в них нет четкого лексикографического описания, а в некоторых и упоминания изучаемой нами языковой единицы «в рамках». Следовательно, данная языковая единица находится сейчас в стадии своего развития: утраты ранее известных лексических значений и грамматических функций и приобретения новых, перехода из существительного с предлогом в производный предлог, так как выступает в словосочетании и предложении в несвойственной ей синтаксической функции, а именно выражает отношения между двумя компонентами.

Е.Т. Черкасова в работе «Переход полнозначных слов в предлоги» пишет: «Известно, что в частях речи протекают глубокие процессы постепенного отмирания старого качества и накопления нового, в результате чего становится возможным переход слова из одной части речи в другую» [286. С. 23].

В.В. Виноградов говорит о совпадении лексического и грамматического значений у служебных слов («частиц речи»). Речь, вероятно, идет не о тождестве этих двух различных понятий, а о «совпадении» лексического значения служебного слова с грамматическим значением того слова или сочетания слов предложения, при которых они находятся, и что имеет место «совпадение» лишь по содержанию, но не по выражению (форме) [50. С. 59].

«Сущность перехода отдельных форм полнозначных слов в разряд предлогов состоит в том, что они утрачивают грамматические признаки соответствующей части речи (имени существительного, имени прилагательного или глагольного слова) и приобретают грамматические признаки, присущие словам, принадлежащим к разряду предлогов.

Предлоги принадлежат к разряду неизменяемых неполнозначных слов. Основным признаком этих слов является категориальное значение отношения (релятивности). Поэтому естественно, что исходной предпосылкой для перехода в разряд предлогов, общей для всех классов полнозначных слов, формы которых вовлекаются в этот процесс, является развитие в них элемента релятивности» [286. С. 136].

Анализ собранных нами материалов в плане разграничения полнозначных слов и производных предлогов представлен нами ниже.

1. Случаи употребления существительного «рамка» с предлогом «в»

«Эта задача нашла успешное решение **в строгих рамках** современных требований» [148].

在当前需求的严格背景下这个任务得到了圆满的解决。

Определим в данном предложении синтаксическую функцию интересующего нас существительного, проследим его связи с другими словами в предложении:

Задача (субъект) нашла (предикат) – предикативный центр предложения.

Нашла (где?) в рамках (в предложении – обстоятельство) – словосочетание – глагольное, тип связи – падежное примыкание, слабое, отношения определительно-обстоятельственные. В этом словосочетании мы видим не совсем свойственное функционирование в предложении существительного – это функционирование в роли обстоятельства. И, таким образом, обстоятельственная функция данного существительного с предлогом приближает его к неизменяемой части речи.

В строгих (каких?) рамках – словосочетание – номинативное, тип связи – согласование, отношения атрибутивные. Это же словосочетание не оставляет

у нас сомнений в том, что слово *рамка* является существительным, так как оно имеет определяемое слово в той же грамматической форме (мн.ч., Пр. п.).

В рамках (чего?) требований – словосочетание – номинативное, тип связи – управление, сильное, отношения комплетивные.

Проанализировав последнее словосочетание и ряд аналогичных ему, мы увидели, что существительное «рамка» требует обязательного распространителя в определенной морфологической форме – родительном падеже. Эта особенность обусловлена высокой степенью отвлеченности лексического значения, присущей существительному «рамка». Распространители формируют содержание значения существительных – это отвлеченные и, следовательно, предикатные имена, называющие собственно деятельность (контроль, производство, исследование, защита и т.д.) или различные направления человеческой деятельности (литература, искусство, образование, энергетика, физика, химия и т.п.). Следовательно, можно говорить о функции категоризации у существительного «рамка». Эта же функция сохраняется у косвенных форм в случае их грамматикализации. Именно функция категоризации является основой для развития служебности у самих существительных.

2. Случаи употребления «в рамках» в качестве предложного новообразования

«Общее решение проблемы, очевидно, следует искать **в рамках** теории интегрального описания языка, в которой словарная и грамматическая информация взаимодействуют друг с другом» [279].

问题的解决方法，很显然，需要在关于词汇和语法信息的叙述理论中寻找。

В этом предложении «в рамках» выступает в качестве производного предлога, оформляет конструкцию Vf в рамках N₂. Левый компонент – это предикат действия, он имеет объектный актанта, или правый компонент нашей конструкции – в рамках теории. Правый компонент представляет собой существительное в родительном падеже, единственного числа, женского рода. С точки зрения семантики – это существительное со значением понятия.

Соединить такие системы в рамках единой технологии практически невозможно [63].

用这种技术实践合并这样的系统是不可能的。

В этом предложении «в рамках» выступает в качестве производного предлога, оформляет конструкцию N в рамках N₂. Левый компонент – это существительное «системы», правый компонент нашей конструкции «в рамках теории». Правый компонент представляет собой существительное в родительном падеже, единственного числа, женского рода. С точки зрения семантики это существительное со значением понятия.

Следовательно, производный предлог «в рамках» реализует свое значение в рамках конструкции, представленной левым и правым компонентами. Известно, что служебные слова значениями предметности, атрибутивности, процессуальности и т.д. не обладают. Но они, так же как и знаменательные слова, отражают объективную действительность, но не в основных её категориях, а в отношениях между предметами, явлениями, или служат показателями тех или иных категорий слов, при которых находятся, они вносят какие-то оттенки в значение полных слов, или становятся морфемами в знаменательных словах.

При наличии у полнзначных слов элементов релятивности лексические значения при переходе их в служебные не утрачиваются полностью, а подвергаются качественным преобразованиям в направлении развития и усиления в них релятивности.

Следовательно, производные (непервообразные), то есть такие, которые связаны по происхождению с другими частями речи: а) отымённые: ввиду, в виде, в течение, за счет, по поводу, вследствие; б) наречные: вблизи, вокруг, напротив, вдоль; ходить вокруг да около (наречие) – было поздно, около полуночи (предлог); в) отглагольные: благодаря, включая, исключая, начиная, спустя.

Производный предлог «в рамках» включает в себя группу отымённых предлогов, которые являются результатом перехода существительных в состав предлогов.

Проведём синтаксический анализ фактического материала:

«Меры дисциплинарной ответственности *применяются* только *в рамках* дисциплинарного *производства* в соответствии с Кодексом этики» [293]. *Применяются* (Где? Как? Каким образом?) *в рамках производства* – это словосочетание имеет структурную схему Vf *в рамках* N₂, тип словосочетания в зависимости от морфологического выражения главного компонента – глагольное, тип подчинительной связи – падежное примыкание, слабое, отношения объектно-обстоятельственные.

«Он уже был выпущен, но президент наложил вето, и мы сейчас активно работаем *в рамках* согласительной комиссии» [48]. *Работаем* (Где? Как? Каким образом?) *в рамках комиссии* – это словосочетание имеет структурную схему Vf *в рамках* N₂, тип словосочетания в зависимости от морфологического выражения главного компонента – глагольное, тип подчинительной связи – падежное примыкание, слабое, отношения объектно-обстоятельственные.

«Создание (описание) *в рамках* системы Leonardo собственной целевой библиотеки синтеза, куда должны быть включены описания только комбинационных примитивов из библиотеки БМК» [31]. *Создание (описание)* (Какое?) *в рамках системы Leonardo* – это словосочетание имеет структурную схему N *в рамках* N₂, тип словосочетания в зависимости от морфологического выражения главного компонента – номинативное, тип подчинительной связи – управление, слабое, отношение определительно-ограничительное.

«К примеру, в нём говорится, что ЦИК будет разрабатывать и проводить через парламент (иные федеральные законы *в рамках* комплексного совершенствования законодательства о выборах)» [203]. *Законы* (Какие?) *в рамках совершенствования* – это словосочетание имеет структурную схему N *в рамках* N₂, тип словосочетания в зависимости от морфологического выражения главного компонента – номинативное, тип подчинительной связи – управление, слабое, отношение определительно-ограничительное.

Мы проанализировали фактический материал и пришли к выводу, что производный предлог «в рамках», подобно другим предлогам, оформляет подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или предложении. Мы выявили, что данный предлог участвует в образовании двух структурных схем: Vf *в рамках* N₂ (глагольное словосочетание) и N *в рамках* N₂ (номинативное словосочетание). А также выражает отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются.

Семантико-синтаксические свойства производных предлогов основываются на лексике, которая, во-первых, лежит в основе самого производного предлога (базовое имя существительное – рамка), во-вторых, на той, которая включается в сферу действия производного предлога и тем самым входит в пределы образуемых данным производным предлогом конструкций [294. С. 172].

В производном предлоге «в рамках» базовое имя существительное выступает в измененном значении, но его исходная семантика не исчезла полностью, она продолжает жить и определяет лексическую наполняемость левого и правого компонента.

Наибольший интерес представляет левый компонент отношения. Именно в нем производный предлог обнаруживает свои особые свойства. Правый компонент предопределен как имя существительное в родительном падеже. Он представляет интерес с точки зрения лексики и семантики.

Рассмотрим левый компонент отношения с лексико-морфологической точки зрения.

Морфология: представлены глаголы (60) и существительные (50), но, как видно, глаголы преобладают.

При характеристике семантики левого компонента (предиката) мы использовали классификации О.Н. Селивестровой и Н.Д. Арутюновой.

Лексика: при характеристике учитывается морфологическая принадлежность слов.

Vf в рамках N₂

Лексический состав глаголов:

1) предикаты действия: применяться, заболтать, описываться, предприниматься, реализоваться, рассматривать, проводиться, сделать, развиваться, решаться, существовать, вестись, развиваться, случаться, демонстрироваться, следовать, искать, существовать, работать, состояться, представлять, действовать, раскрываться, развиваться, происходить, удерживаться, рассматривать, объединяться, перекрашиваться, действовать, обсуждаться, реализоваться, решаться, существовать, вести, предлагать, использовать, страховаться, просматриваться, загрузить, развиваться, осуществляться, заниматься, разрешаться, выпускаться, перераспределяться, игнорироваться, конкурировать, разрабатываться, уступить, позволять, планироваться, решать, удержаться;

2) предикаты процесса: проходить (программы), протекать (системы) [9. С. 106];

3) предикаты нахождения в пространстве: находиться, жить [213. С. 85].

Правый компонент – имя существительное в косвенном падеже (род. п.) – это реализация объектной валентности слова, занимающего позицию левого компонента (глагола или существительного).

Лексика правого компонента:

1) существительные с качественными характеристиками: возможность, впечатление, самозанятость, пожелание, усилие, совершенствование;

2) существительные со значением понятия: статья, очерк, язык, картина, теория, концепция;

3) существительные со значением явления: модернизация, борьба, движение, инвентаризация, предпринимательство, реформа;

4) существительные в бытовой сфере: свобода, работа, вопрос, практика, подразделение, занятие (урок);

5) существительные со значением места: города, форума, выставки.

Н в рамках N₂

Лексика левого компонента: существительное со значением процесса: управление, создание, соглашение, поражение, вступление, исследование, развитие.

Итак, семантический анализ нам показал, что семантический тип отношений в конструкциях с производным предлогом «в рамках» определяется тремя факторами: 1) структурой; 2) составом правого и левого компонента; 3) семантикой производящего имени в составе производного предлога. В нашем случае – это определительно-ограничительные или объектно-обстоятельственные отношения.

Прикладные направления лингвистики, а именно формирование функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка, ориентированной на преподавание языка иностранцам, ставит перед нами вопрос о способах наиболее точного перевода предложений с производным предлогом «в рамках».

При переводе с русского языка на китайский основная трудность состоит именно в том, что производный предлог «в рамках» является, как мы выяснили, новообразованием в русском языке и, соответственно, неточно, нечётко отражен в двуязычных (русско-китайских и китайско-русских) словарях. Например, Русско-китайский словарь З.И. Барановой: Рамка, ж. 1. 框子. 2. 边框 (обрамление). 3. 范围 мн. – рамки перен. (пределы). Н. Выйти за рамки темы. 超出题目范围. В рамках организации объединённых нации. 在联合国范围内. *держаться в рамках (приличия) 有礼貌;行为不越轨 [19. С. 401]. Русско-англо-китайский электронный словарь REC-5510V: Рама -ка, -ок. 1. 小框子. 2. -ки 界限, 范围. Н. Действовать в рамках закона. 在法律范围内采取行动 [199].

Именно поэтому мы хотим найти наиболее приемлемые и адекватные способы передачи средствами китайского языка смыслового содержания русских предложений с использованием производного предлога «в рамках».

Современный китайский язык характеризуется как язык с послелогом. Послелог – это знаменательные морфемы со значением места и времени, выполняющие служебную функцию, которые применяются для выражения пространственных отношений и стоят после соответственных знаменательных морфем.

В современном китайском языке позиция послелога приближается к позиции со значением уточнения места/времени. Например, позиция одного из типичнейших и наиболее часто встречающихся послелогов 里 li (от) (里边, 里头) со значением в/внутри может быть интерпретирована следующим образом: 【在】房间【里】有人 в комнате кто-то находится. Во «внутренности» номера (间的里头).

Главное слово в сочетании, определяемое существительное – в комнате, внутри есть кто-то – зависимое слово, которое можно отнести как к существительному (в номере каким именно образом), так и к глаголу (находится каким именно образом) [123. С. 235–236].

В китайском языке существуют следующие послелогии [250. С. 36] (табл. 2).

Послелогии китайского языка

Послелог	Значение	Пример
上 shang	на, в	街上 jie shang «на улице», 晚上 wan shan «вечером»
下 xia	под, снизу, ниже	地下 di xia «под землей», 手下 shou xia «под рукой»
前 qian	до, перед	饭前 fan qian «перед едой»
后 hou	за, после, через	背后 bei hou «за спиной», 午后 wu hou «после полудня»
里 li	внутри, в	城里 cheng li «внутри страны»
内 nei	внутри, в, в течение, в пределах	国内 guo nei «внутри страны», 三月间 san yue jian «в течение марта»
外 wai	вне, снаружи, кроме	国外 guo wai «вне страны»
旁 pang	у, около, возле	路旁 lu pang «у дороги»
中 zhong	среди, внутри, в	林中 ling zhong «в лесу», 会谈中 hui tan zhong «в ходе переговоров»
间 jian	между, среди	英美两国间 ying mei liang guo jian «между Англией и США»
际 ji	в, среди, во время	胜利之际 sheng li zhi ji «в момент победы»
时 shi	во время	访俄时 fang e shi «во время визита в Россию»

В современном китайском языке есть группа морфем : 在 zai, 把 ba, 被 bei и т.п., которые называют глаголами-предлогами или предлогами. Они представляют грамматическое явление, появившееся в китайском языке в начале нашей эры. Все они восходят к знаменательным глаголам: 在 zai «находиться в ... чем-либо, где-либо», 把 ba «держат в руке, схватить», 被 bei «нести на спине, быть пострадавшим», они больше знаменательные глаголы, используемые в функции предлогов, чем предлоги в точном смысле этого слова. Настоящих предлогов в китайском языке нет [64. С. 73–74].

Современный русский язык характеризуется как язык с предлогами.

Предлоги русского языка могут быть переданы при переводе на китайский язык разными лексико-грамматическими средствами. Один и тот же предлог в составе различных именных групп может переводиться либо разными предлогами (предложно-послеложными (рамочными) конструкциями), либо глаголами

при трансформации именных групп в глагольные, либо вообще опускаться при переводе [302. С. 151–152].

Приведём некоторые примеры:

1. При переводе данный предлог выражен глаголом:

«Британцы уверены, что теневой кабинет может существовать только в рамках их конституционной системы» [3].

大不列颠人相信影子内阁只能存在于他们的宪法体系中。

В рамках – глагол 存在 цунь цзай «существовать».

2. При переводе данный предлог выражен глаголом в форме причастия:

«На прошлой неделе состоялся «круглый стол», созданный в рамках проведения Дней сербской культуры в Москве» [211].

上周举行了与在莫斯科提出的塞尔维亚文化日有关的 «圆桌»。

В рамках – причастие 有关 ю гуань «созданный».

3. При переводе данный предлог выражен предложно-последовательной или, по-другому, рамочной конструкцией:

а) «В рамках будущей программы правительство Москвы планирует создать единую компьютерную информационную базу» [262].

在将来的规划中莫斯科政府计划建立完整的电脑信息基础。

В рамках – 在·中 цзай·чжун «среди, в»;

б) «Не поддавайтесь на провокацию. Действуйте исключительно в рамках закона» [53].

不要受挑衅行为的影响，要在法律规定范围内活动。

В рамках – 在·范围内 цзай·фаньвэйнэй «в рамках, в пределах».

4. При переводе данный предлог опускается:

«Это тоже всё возможно рассматривать как в рамках простых техник снижения негативных ощущений, так и через вышеупомянутые методы».

这些全部可以看为可以减少负面感觉的简单技术，也要通过上述的方法。

Выражение «*в рамках*» цзай·фань вэй нэй является устойчивым сочетанием в китайском языке. Обычно оно используется в начале предложения и выражает ограничительные отношения.

При выборе варианта перевода надо обратить внимание на смысл всего предложения, т.е. лексический состав компонентов конструкции. Например:

«Усилия администрации в ближневосточном урегулировании предпринимаются в рамках плана» [163].

行政力量使得东方地区的整顿开始按计划进行。

Русский производный предлог «в рамках» в данной случае переводится на китайский язык глаголом 开始进行 кай ши цзинь син «предприниматься».

Мы увидели, что в условиях смыслового перевода существуют разные способы передачи производного предлога «в рамках» с русского языка на китайский. При переводе данного предлога обычно используются рамочные конструкции, чаще всего «*в ... рамках*» цзай·фаньвэйнэй (в рамках, в пределах), а также синонимичные конструкции «*в ... в*» «*в ... в*», «*в ... в*». В китайском языке нет определённого представления о левом и правом компо-

нентах конструкции. Они могут быть любыми частями речи. Расположение этих компонентов зависит от смысла предложения.

Итак, прежде всего, мы рассмотрели и проанализировали научную литературу, провели отбор микротекстов (200 случаев употребления), разграничили омонимичные случаи использования существительного «рамка» с предлогом «в» и производного предлога «в рамках».

В результате нашей исследовательской работы мы пришли к следующим выводам:

1. Производные предлоги представляют собой активно развивающуюся группу лексики, и, в связи с этим обстоятельством, встаёт вопрос об отнесении к ним предложных новообразований, в частности языковой единицы «в рамках».

2. Языковая единица «в рамках» утрачивает свои грамматические признаки соответствующей части речи (имени существительного) и приобретает грамматические признаки, присущие словам, принадлежащим к разряду предлогов (неизменяемость). Она используется в качестве производного предлога только во множественном числе предложного падежа.

3. С точки зрения семантики переход полнозначного существительного «рамка» в производный предлог «в рамках» осуществляется путём преобразования переносного значения существительного «рамка» (предел, допустимая норма) в направлении развития и укрепления элемента релятивности, и происходит это в условиях необычных для данного полнозначного слова смысловых и синтаксических функций. Например: «Фотографические карточки **в рамках** из раковин окружили эту картину» – имя существительное (прямое значение слова «рамка») (Бунин); «Класс мелких и средних собственников национально ориентирован, требует порядка и требует свободы **в рамках** порядка» – предлог (переносное значение слова «рамка») [79].

4. В результате анализа словарных дефиниций производного предлога «в рамках» выявлено, что в толковых словарях нет описания, а в большинстве из них и упоминания об изучаемой нами языковой единице «в рамках» как о производном предлоге. Следовательно, данная языковая единица находится сейчас в стадии своего развития: утраты ранее известных лексических значений и грамматических функций и приобретения новых.

5. Проанализировав употребление производного предлога «в рамках» мы можем утверждать, что: 1) он выражает определительно-ограничительные или объектно-обстоятельственные отношения; 2) выступает как элемент конструкции (Vf в рамках N₂) и (N в рамках N₂) и формирует двунаправленное отношение; 3) участники отношения располагаются до и после производного предлога «в рамках», что позволяет говорить о левом и правом компонентах; 4) производный предлог привязан к правому компоненту, и именно на него направлена та интенция, которая исходит из семантики производного предлога, что полностью соответствует принципу подчинения.

«Однако, попытавшись выяснить, на какие накопления **в рамках** обязательной пенсионной системы хотя бы приблизительно смогут рассчитывать россияне, ГАЗЕТА сразу натолкнулась на непредвиденные препятствия» [306].

Левый компонент – отглагольное существительное «накопление», правый компонент – существительное «система» в родительном падеже. Производный предлог «в рамках» – элемент конструкции привязан к правому компоненту, связывает эти два компонента и выражает определительно-ограничительное отношение.

«В значительной мере эта деятельность проводилась **в рамках** студенческих научно-производственных практик» [4].

Левый компонент – глагол «проводиться», правый компонент – существительное «практика» в родительном падеже. Производный предлог «в рамках» – элемент конструкции привязан к правому компоненту, связывает эти два компонента и выражает отношения объектно-обстоятельственные.

Итак, производный предлог «в рамках» может переводиться с русского языка на китайский разными лексико-грамматическими средствами (глаголами, различными предложно-послеложными или, по-другому, рамочными конструкциями (《在…范围内》 цзай…фаньвэйнэй «в границах, в пределах», синонимичными конструкциями 《在…中》, 《在…内》, 《在…情况下》), а также просто опускаться). Смысл производных предлогов на естественном языке зависит не только от базового слова, но и от предложения или контекста. Поэтому при переводе с русского языка на китайский рекомендуем использовать подходящие по смыслу глаголы или рамочные конструкции.

Функционирование глаголов движения с переносным значением в русском и китайском языках*

Пространство окружает человека, он всегда его часть, поэтому, несмотря на всю свою изменчивость, пространство является универсальной категорией и формой нашего восприятия действительности. Однако важно заметить тот факт, что имеются национальные особенности в восприятии картины мира у представителей разных культур. На это указывают все исследования по данной проблематике. Люди, говорящие на разных языках, по-разному видят и оценивают действительность. Язык, как подчёркивает В.И. Постовалова, «представляет собой естественное следствие постоянного влияния духовного своеобразия нации» [179. С. 46]. В связи с этим весьма актуальны сопоставительные исследования, как отмечает Н.Л. Шамне, особенно на материале неблизкородственных языков [291. С. 3–5]. В нашем случае такими языками будут русский и китайский. Объектом исследования выступают глаголы движения с переносным значением.

Жизнь человека связана с постоянным перемещением в окружающем его пространстве, и поэтому мы часто сталкиваемся с необходимостью описать, выразить в тексте информацию о движении объекта/субъекта, а также перевести её на другой язык. Но так как представители разных языковых культур имеют различающиеся языковые представления об окружающем их мире, что уже отмечалось выше, то и способы выражения универсальных пространственных категорий будут различными в разных языках. Этим и определяется актуальность изучения проблемы выражения перемещения в пространстве и исследований в этой области.

В последнее время в связи с возросшим интересом лингвистов к функциональному описанию языка выявление особенностей функционирования ГД в контексте становится особенно актуальным.

Интерес к этой группе глаголов возникает и при изучении русского языка как иностранного, так как глаголы движения (ГД) вызывают большие затрудне-

* © Т.В. Ковалёва, Би Чуньсяо

ния в процессе овладения системой русского языка иностранцами. Причина в том, что в неславянских языках представлено своеобразное членение фрагмента функционально-семантического поля (ФСП) локативности со значением <перемещение в пространстве>. Поэтому полностью специфика русских ГД может быть выявлена только при сопоставлении их с соответствующими системами в других языках.

Под общим названием «глаголы движения» в русском языке, как и в большинстве славянских языков, обычно подразумевают замкнутую группу глаголов, обладающую некоторыми морфологическими и семантическими особенностями и представленную своеобразными соотносительными парами типа *идти – ходить, бежать – бегать* и т.д. Некоторые ученые включают в этот список 17 пар, другие – 14 пар. Мы исследовали 8 пар глаголов движения, имеющих, на наш взгляд, наиболее широкое распространение в речи.

Характерной приметой русских глаголов движения является противопоставление по значению однонаправленности – неоднаправленности.

Глаголы движения – 14 пар глаголов несовершенного вида, обозначающих перемещение: *идти – ходить, бежать – бегать, ехать – ездить, лететь – летать, плыть – плавать, тащить – таскать, катить – катать, нести – носить, вести – водить, везти – возить, ползти – ползать, лезть – лазить (и лазать), брести – бродить и гнать – гонять*. Выделение этих глаголов в особую группу объясняется как близостью их лексических значений, так и общими словообразовательными и грамматическими свойствами, отличающими их от остальных глаголов. Первые члены каждой из перечисленных пар (т. н. глаголы однонаправленного движения) обозначают действие, совершаемое в одном направлении и за один приём (без перерывов), вторые члены (глаголы неоднаправленного движения) обозначают действие, совершаемое в разных направлениях или регулярно повторяющееся, ср.: *Он идёт в лес* и *Он ходит по комнате, Он каждый день ходит в лес; Мы несём бревна* и *Мы носим брёвна в сарай, Она всегда носит тяжёлые сумки*. В формах прошедшего времени глаголы неоднаправленного движения могут обозначать действие, совершённое в двух направлениях – туда и обратно: *Он сегодня ходил в магазин*; в этих контекстах неоднаправленные глаголы могут обозначать ту же ситуацию, что и глаголы совершенного вида (ср. *Он сегодня сходил в магазин*), отличаясь от последних отсутствием обязательного указания на однократность действия [188. С. 212].

От глаголов однонаправленного движения регулярно образуются глаголы совершенного вида с приставкой по- начинательного значения (побежать) и с разнообразными приставками пространственных значений (вбежать, перебежать, подбежать). От глаголов неоднаправленного движения образуются префиксальные глаголы несов. вида с временными и количественно-временными значениями: *забегать, побегать, пробегать, набегать, сбегать*. Видообразование ГД характеризуется следующей особенностью: от префиксальных глаголов сов. вида, мотивированных глаголами *везти, вести, гнать, идти, лететь, нести*, глаголы несов. вида образуются по образцу соотношения однонаправленных и неоднаправленных ГД., ср.: *везти – возить* и *привезти – привозить; вести – водить* и *привести – приводить; гнать – гонять* и *пригнать – пригонять; идти – ходить* и *прийти – приходиться; лететь – летать* и *прилететь – прилетать; нести – носить* и *принести – приносить*. От остальных префиксальных ГД глаголы несов. вида образуются с помощью суффикса: *прибежать – прибегать, забрести – забредать,*

приехать – приезжать, укатить – укатывать, влезть – влезать, приплыть – приплыть, заползти – заползть, оттащить – оттащить [258. С. 67].

В китайском языке нет противопоставления направленности и ненаправленности ГД. При необходимости эти значения передаются либо при помощи контекста, либо путем образования сложных глагольных лексем. Большинство китайских и отечественных лингвистов выделяют в китайском языке особую конструкцию, состоящую из двух компонентов, первый из которых (всегда глагольный) обозначает действие, а конечный (глагольный или «качественный») – результат этого действия (то есть действие или качество, проявляющееся в результате первого действия). Глаголы направления движения часто используются в роли вторых компонентов результативной конструкции. Основная масса исследователей анализирует грамматические и лексические особенности употребления так называемых глаголов направления движения, выступающих в качестве второго компонента сложных китайских глаголов [193].

Сложные лексемы, одним из компонентов которых стал глагол направления движения, являются весьма продуктивным классом китайской глагольной лексики. В сложных глаголах находят выражение две составляющие ситуации перемещения: СПОСОБ и НАПРАВЛЕНИЕ.

Условно **направление движения в китайском языке** можно разделить на две группы: простое направление движения и сложное направление движения.

Простое направление движения состоит из 7 глаголов, обозначающих движение, ориентированное в пространстве: 进 – jìn – войти, 出 – chū – выйти, 上 – shàng – поднять(ся), 下 – xià – спустить(ся), 回 – huí – вернуться, 过 – guò – пройти (через), подойти, 起 – qǐ – подняться (оторваться от поверхности) + 2 глагола, обозначающих движение, ориентированное по отношению к говорящему (к нему или от него) 来 – lái – сюда, «движение к говорящему», 去 – qù – туда, «движение от говорящего». Эти 9 глаголов выступают либо как самостоятельные, либо как модификаторы, присоединяемые к другим глаголам и уточняющие направление движения. *Например*: 进来 – войти сюда, 进去 – войти туда.

Главное, что нужно понять, это где находится говорящий: если он обращается к собеседнику с целью, чтобы тот совершил движение по направлению к нему (говорящему), то используется 来, если по направлению от него (говорящего), то используется 去.

下雨了, 你们都进来吧 – xià yǔ le, nǐmen dōu jìn lái ba – Пошел дождь, заходите (в дом) – Говорящий в данном случае, возможно, смотрит в окно и говорит это своим детям, заигравшимся на улице. Если бы говорящий был также на улице, рядом с детьми, то мы бы использовали уже не 来, а 去.

Сложное направление движения состоит из 3-х частей: глагол + 7 глаголов, обозначающих движение, ориентированное в пространстве + 来/去. *Например*: 他跑进食堂来了 – tā pǎo jìn shítáng lái le – Он вбежал в столовую (跑 – глагол, означающий «бежать» + 进 – один из 7 глаголов, ориентированных в пространстве + 来). Постановка обстоятельства места и прямого дополнения такая же, как и в простом направлении движения. А вот 了 может ставиться только в конце предложения [246].

Ввиду того, что в китайском языке категория вида у глагола не представлена (как и значения кратности и направленности у ГД на лексическом уровне русскому глаголу совершенного и несовершенного вида, однонаправленному и неоднаправленному соответствует один китайский глагол: *mai* – купить, *покупать*; *jixi* – продолжать, *продолжать*; *zou* – идти, *ходить*; *gan* – гнать, *гонять*).

Многозначность слова – это свойство слова иметь два и более значения. У многозначного слова есть прямое и переносное значение. Прямое значение слова является основным, оно не обусловлено контекстом и, как правило, стилистически нейтрально: вода льется. Переносное значение вторично, зависит от контекста, стилистически окрашено: слова льются. Развитие многозначности обычно происходит на основе сходства или смежности обозначаемых данным словом предметов или явлений, поэтому различают метафорические и метонимические типы переносных значений слова. Многозначность слова используется в различных стилистических приемах, например в каламбуре, иронии.

В том случае, когда контекст не проясняет одно из значений многозначного слова и возникает двусмысленность, многозначность является стилистической ошибкой, так как затрудняет восприятие текста [235. С. 118].

Большинство русских слов имеют не одно, а несколько значений. Они называются многозначными или полисемантическими и противопоставлены словам однозначным. Способность лексических единиц иметь несколько значений называется многозначностью или полисемией. Многозначность слова обычно реализуется в речи: контекст (т.е. законченный в смысловом отношении отрезок речи) проясняет одно из конкретных значений многозначного слова.

Разные значения слова, как правило, связаны между собой и образуют сложное семантическое единство, которое называется *семантической структурой слова*. Связь значений многозначного слова наиболее наглядно отражает системный характер языка и, в частности, лексики.

Слово приобретает многозначность в процессе исторического развития языка, отражающего изменения в обществе и природе, познание их человеком. В итоге наше мышление обогащается новыми понятиями.

Объем словаря любого языка ограничен, поэтому развитие лексики происходит не только благодаря созданию новых слов, но и в результате увеличения числа значений у ранее известных, отмирания одних значений и возникновения новых. Это приводит не только к количественным, но и к качественным изменениям в лексике. В то же время было бы неверно считать, что развитие значений слов вызывается только внеязыковыми (экстралингвистическими) факторами. Многозначность обусловлена и чисто лингвистически: слова способны употребляться в *переносных значениях*. Названия могут переноситься с одного предмета на другой, если у этих предметов есть общие признаки. Ведь в лексическом значении слов отражаются не все дифференциальные признаки называемого предмета, а лишь те, которые обратили на себя внимание в момент номинации. Таким образом, у многих предметов есть общие связи, которые могут послужить основанием для ассоциативного сближения этих предметов и переноса названия с одного из них на другой.

Итак, многозначность слова – это способность слова иметь несколько значений. Сущность многозначности заключается в том, что какое-то название предмета, явления переходит, переносится также на другой предмет, другое явление, и тогда одно слово употребляется в качестве названия одновременно нескольких предметов, явлений [245. С. 266].

Лексическое значение слова, являясь элементом общезыковой системы, тем не менее, обладает достаточной самостоятельностью. Оно имеет собственно семантические, то есть присущие только ему, специфические свойства, например, разные способы номинации предметов, понятий, явлений, признаков по характеру соотнесения с действительностью (прямое – не прямое или переносное), по

степени мотивированности (непроизводное – производное), по способам и возможностям лексической сочетаемости (свободное – несвободное), по характеру выполняемых функций (номинативные – экспрессивно-синонимические).

По способу номинации, то есть по характеру связи значения слова с предметом объективной действительности, выделяются два типа лексических значений – прямое, или основное, и не прямое, или переносное. Прямое значение названо потому, что слово, обладающее им, прямо указывает на предмет (явление, действие, качество и так далее), то есть непосредственно соотнесено с понятием или отдельными его признаками. Основным (или главным) значением слова называют обычно то, которое менее всех остальных значений обусловлено свойствами его сочетаемости.

Прямое значение, выступающее в качестве основной, устойчивой номинации предмета в современный период языкового развития, называют также первичным.

Непрямым (или переносным) значением слова называется то, появление которого обусловлено возникновением сравнений, ассоциаций, объединяющих один предмет с другим. Переносное значение появляется в результате переноса прямого (основного) обозначения предмета на новый предмет. Переносные значения являются частными, их называют вторичными. Переносные значения, в свою очередь, могут быть подразделены на переносные с потухшей образностью (*нос корабля, крылья самолета*) и переносно-образные (*золотое сердце, каменное лицо*).

По степени семантической мотивированности выделяются два вида значений слова: непроизводное (немотивированное, первичное) и производное (то есть мотивированное первичным, исходным значением, являющееся вторичным). Если с этих позиций посмотреть на значение слова *накипь*, то все три его значения окажутся производными, мотивированными. Но последовательность и степень их мотивации неодинаковы: основное (прямое) значение мотивировано прямым, первичным значением слова *кипеть* – «*клокотать, пениться от образующегося при сильном нагревании пара*», а переносные значения являются производными от основного значения *накипь* и мотивированы вторичными переносными значениями исходного глагола *кипеть*.

По степени лексической сочетаемости выделяются значения свободные и несвободные. Если сочетаемость оказывается относительно широкой и независимой, то такие значения называются свободными. Например, к свободным относятся значения слов *голова, нос, глаз; стол, лепесток, родник; сказка, спор, удача* и многие другие. Однако «свобода» лексической сочетаемости подобных слов – понятие относительное, ибо она ограничена предметно-логическими отношениями слов в языке. Так, исходя из предметно-логических связей, нельзя соединять слово *рука* со словами типа *веселая, умная, глубокая* и так далее. И, тем не менее, значения этих (и многих других) слов с лексико-семантической точки зрения могут быть названы свободными.

В другую группу значений включаются значения слов, лексическая сочетаемость которых ограничена уже не только предметно-логическими отношениями, но и собственно языковыми. Подобные значения называются несвободными. Среди лексически несвободных выделяются две группы значений слов: фразеологически связанные и синтаксически обусловленные с разновидностью – конструктивно ограниченных (или обусловленных) [116. С. 55].

Фразеологически связанным значением называется такое, которое реализуется только в условиях определенных сочетаний данного слова с узко ограниченным, устойчивым кругом лексических единиц. Связи слов в этих сочетаниях обусловлены уже не предметно-логическими отношениями, а внутренними закономерностями лексической системы языка. Так, у слова *крошечный* значение «*полный, абсолютно беспросветный*» проявляется лишь при условии его сочетания со словами *ад* или *тьма*. Границы фразеологически связанных значений намного уже: круг слов, в сочетаниях с которыми реализуются эти значения, как правило, невелик, нередко сводится к одному сочетанию.

В результате длительного употребления только в составе узко ограниченных сочетаний одни из подобных слов утратили первичное прямое значение и перестали восприниматься как номинативные единицы. Для них фразеологически связанное значение стало в современном языке основным, хотя и непрямым, а переносным. Например, *попасть впросак* – «*оказаться в неприятном положении*», где *просак* (*устар.*) – «*прядильный станок*», случайное попадание в который было сопряжено с неприятностями. Сведения о первичном, прямом значении подобных слов могут быть получены только при помощи специальных этимологических исследований.

Синтаксически обусловленным называется такое переносное значение, которое появляется у слова при выполнении необычной для него функции в предложении. Так, прямое значение слова *ворона* – «*хищная птица семейства вороновых или врановых, средней величины, с черным или серым оперением*» – реализуется в том случае, когда слово используется в роли подлежащего или дополнения: *Ворон скорее следует отнести к полезным птицам, чем к вредным*. Переносное значение слова *ворона* – «*(разг.) нерасторопный, неловкий человек, ротозей, простофиля*» – развилось у слова в процессе его использования в явно не характерной для имени существительного функции – сказуемого. Это значение и является синтаксически обусловленным.

Разновидностью синтаксических значений являются так называемые конструктивно ограниченные (или обусловленные) значения. К ним относятся значения, которые реализуются только в условиях определенной синтаксической конструкции. Например, у слова *мираж* основным является терминологическое значение – «*оптическое явление*». В конструкции с существительным в родительном падеже (в функции определения) это слово приобретает переносное значение – «*обманчивый призрак, иллюзия, что-то созданное воображением*»: *мираж любви* [35. С. 220].

По характеру выполняемых назывных функций могут быть выделены два вида лексических значений слова: собственно номинативные и экспрессивно-синонимические.

В русском языке форма не имеет непосредственной связи со значением, и изменение лексической семантики может происходить без изменения словоформы. Это делает русский язык более открытым для развития переносных значений. Наблюдения показали, что метафоризация представляет собой один из главных способов для создания новых понятий в русском языке. Например: слово *челнок* – «*колодка с накрученной или укрепленной внутри нитью*» имеет теперь новое значение «*перекупщик, регулярно покупающий товары в одном месте и перевозящий их в другое место для продажи*».

Формирование нового значения превращает русское слово из однозначного в многозначное, и оно соответствует в китайском языке целому ряду слов с различным значением.

Ли Сяндун в своем исследовании «Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского языка» отмечает: «...под влиянием национальной культуры и традиций китайский язык в основном склонен к мотивированному, лаконичному и конкретному выражению лексического значения, не поощряется выражение значения в непривычной или непонятной для данного языка форме. Словообразование китайского языка осуществляется главным образом за счёт словосложения, новое понятие в китайском языке чаще всего получает свою форму выражения в виде неологизма на основе сложения двух или нескольких свободных морфем, уже имеющих в семиотической системе. Например, слово *zaijiuye* 'повторное трудоустройство' состоит из двух компонентов: *zai* 'снова' и *jiuye* 'трудоустройство'. Связь формы слова и его значения, понятность и однозначность – вот то, что является предпочтительным для инноваций в лексической системе китайского языка» [129].

В зависимости от того, на основании какого признака совершается перенос названия, различают три основных вида переносного значения: 1) метафора; 2) метонимия; 3) синекдоха.

Метафора (от греч. *metaphora* – перенос) – это перенос наименования по сходству, например: спелое яблоко – глазное яблоко (по форме); нос человека – нос корабля (по расположению); шоколадный батончик – шоколадный загар (по цвету); крыло птицы – крыло самолёта (по функции); завыл пёс – завыл ветер (по характеру звучания) и т.д.

Метонимия (то греч. *metonymia* – переименование) – это перенос наименования с одного предмета на другой на основании их смежности, например: закипает вода – закипает чайник; фарфоровое блюдо – вкусное блюдо; самородное золото – скифское золото и т.д. Разновидностью метонимии является синекдоха.

Синекдоха (от греч. *synekdoche* – соподраживание) – это перенос названия целого на его часть и наоборот, например: густая смородина – спелая смородина; красивый рот – лишний рот (о лишнем человеке в семье); большая голова – умная голова и т.д. Рассмотрим эти понятия более подробно [235. С. 56].

Метафора. Сходство предметов, получающих одно и то же название, может проявляться по-разному: они могут быть похожи по форме (кольцо₁ на руке – кольцо₂ дыма); по цвету (золотой₁ медальон – золотые₂ кудри); по функции (камин₁ – «комнатная печь» и камин₂ – «электрический прибор для обогрева помещения»). Сходство в расположении двух предметов по отношению к чему-либо (хвост₁ животного – хвост₂ кометы), в их оценке (ясный₁ день – ясный₂ стиль), в производимом ими впечатлении (черное₁ покрывало – черные₂ мысли) также нередко служит основанием для наименования одним словом разных явлений. Возможны сближения и по другим признакам: зеленая₁ клубника – зеленая₂ молодежь (объединяющий признак – «незрелость»); быстрый₁ бег – быстрый₂ ум (общий признак – «интенсивность»); тянутся₁ горы – тянутся₂ дни (ассоциативная связь – «протяженность во времени и пространстве»). Метафоризация значений часто происходит в результате переноса качеств, свойств, действий, неодушевленных предметов на одушевленные: железная леди, золотые руки, пустая голова, и наоборот: ласковые лучи, рев водопада, говор ручья. Нередко бывает так, что главное, исходное значение слова метафорически пере-

осмысляется на основе сближения предметов по разным признакам: седой₁ старик – седая₂ древность – седой₃ туман; черное₁ покрывало – черные₂ мысли – черная₃ неблагодарность – черная₄ суббота – черный₅ ящик (на самолете). Метафоры, расширяющие полисемантизм слов, принципиально отличаются от поэтических, индивидуально-авторских метафор. Первые носят языковой характер, они частотны, воспроизводимы, анонимны. Языковые метафоры, послужившие источником возникновения у слова нового значения, в большинстве своем не образны, поэтому их называют «сухими», «мертвыми»: колено трубы, нос лодки, хвост поезда. Но могут быть и такие переносы значения, при которых отчасти сохраняется образность: цветущая девушка, стальная воля. Однако выразительность подобных метафор значительно уступает экспрессии индивидуальных поэтических образов; ср. языковые метафоры: искра чувства, буря страстей и поэтические образы С. Есенина: чувственная вьюга; буйство глаз и половодье чувств; пожар голубей [245. С. 58].

Создание метафорического значения слова происходит в несколько этапов:

Логический: установление общего признака между двумя различными явлениями, предметами, существами и т.д.; возникновение в сознании ассоциации этих явлений на основе выделенного общего признака (семь);

Синтагматический: закрепление этой ассоциативной связи за счет регулярного совместного употребления слова с новым (переносным) значением в виде сравнения, сравнительной конструкции и т.д.

Парадигматический: свертывание образа, исключение из контекста основания для сравнения, а далее просто употребление слова с новым значением; в этом случае слово с метафорическим значением вступает уже в системные отношения с другими словами лексической системы (как синоним или антоним) [235. С. 97].

Перенос значения на основе сходства бывает следующих видов:

1) на основе сходства внешнего вида: а) форма (гранаты – фрукты, колокольчик – цветок); б) цветы (листочка – гриб); в) объем (гора – много) и т.д.

2) на основе сходства положений в пространстве: нос (лодки), нос (корабля); подошва (горы);

3) на основе сходства характеров (у людей с животными): заяц (о трусливом человеке), орел (об отважном, мужественном человеке);

4) на основе сходства функций (выполняемой работы): дворник (у автомашины); полотер (электрический);

5) на основе сходства признаков предметов и людей: тупой (человек), мягкий (характер);

б) олицетворение неодушевленных предметов, абстрактных понятий: воеет (буря), идут (часы), пришла (смерть) [62. С. 89].

Появление новых значений приводит к расширению семантического объема слов, а, следовательно, и к увеличению их выразительных возможностей, способствует развитию лексико-семантической системы языка в целом. Однако для русского языка характерно и сужение семантической структуры слова. Некоторые значения слов выходят из употребления.

Предпосылка возникновения переносного значения – употребление сравнения в художественной литературе и разговорной речи. Переносное значение более экспрессивно и может вытеснять основное значение слова [132. С. 124].

Информация, изложенная выше, послужила основой сопоставительного анализа выражений, имеющих в своём составе ГД с переносным значением в русском и китайском языках.

Научно-исследовательскую часть нашей работы мы условно разделили на два направления. Первое – сбор, лексико-семантический анализ выражений, имеющих в своём составе глаголы движения с переносным значением в русском языке. Выявление синонимичных выражений в китайском языке. Перед нами стояла цель – определить количественное соотношение данных выражений в двух языках, определить тип переносного значения. Второе – проведение психолингвистического эксперимента с целью определения доступности понимания и частотности использования вышеназванных выражений.

В качестве исследуемого материала было собрано 50 выражений с ГД в переносном значении. Источники – учебная литература и устная речь русскоговорящих студентов и преподавателей.

Каждая пара ГД рассматривалась как, имеющая прямое и переносное значения.

Главной задачей на данном этапе работы являлось выявление переносного значения описываемых выражений в рус. языке, а также сопоставление этого выражения с аналогичным китайским.

Указывая лексическое значение синонимичного выражение в китайском языке, мы писали: «то же, что и в русском языке», имея ввиду схожий общий смысл».

1. Идти – Ходить

Прямое значение: 1. Перемещаться, двигаться, ступая, делая шаги (в один и в одном направлении.) // Совершить движение в каком-л. направлении; перемещаться (о предметах). 2. Двигаться по воде; плыть (в один прием и в одном направлении). // передвигаться по воде стаей, массой (о рыбе, морских животных). // Плыть на каком-л. судне [252. С. 299].

Переносное значение: *Дождь идёт* (рус.) – природное явление, сопровождающееся осадками в виде дождя. 下雨 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Часы идут* (рус.) – ход, движение времени. 时间流逝 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Автобус идёт* (рус.) – движение транспортного средства. 公交车走了 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Ходить в море* (рус.) – работать на судне. 走船 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Ходить по лезвию ножа* (рус.) – рисковать. 铤而走险 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Идти на попятную* (рус.) – отказаться от своих слов (раскаяться в чём-либо). В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Ушла хорошая работа* (рус.) – не получить желанную работу. 错失好工作 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Ходить вокруг да около* (рус.) – говорить не прямо, а намёками, загадками. 拐弯抹角 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Идти как по маслу* (рус.) – жизнь, дела, события идут легко, без трудностей. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Дела идут в гору* (рус.) – развиваться успешно, благоприятно. 蒸蒸日上 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Идти под гору* (рус.) – ухудшаться, близиться

к концу. 日甚一日 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Идти впрок* (рус.) – быть полезным, выгодным. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Идти рука об руку* (рус.) – действовать вместе с кем-л., единодушно или в соответствии с чем-л. 携手并进 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Идти ко дну* (рус.) – терпеть неудачу. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Голова идёт кругом* (рус.) – терять способность думать, рассуждать от множества дел, забот. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Идти на пользу* (рус.) – быть полезным, дать положительные результаты. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Ходить на голове* (рус.) – хулиганить, баловаться, вести себя плохо. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Мы подходим друг другу* (рус.) – сходство характеров, привычек, мышления, интересов; симпатия. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора.

2. Ехать – Ездить

Прямое значение: 1. Двигаться, перемещаться по суше или по воде с помощью каких-либо средств передвижения (в один прием или в одном направлении); 2. Разг. двигаться, перемещаться (о средствах передвижения) [252. С. 72–173].

Переносное значение: *Ехать зайцем* (рус.) – ехать на транспорте без билета. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора.

3. Бежать – Бегать

Прямое значение: 1. Быстро передвигаться, сильными толчками ног отделяясь от земли. // поспешно, торопливо идти куда-н. (разг.); 2. Перен. быстро идти, нестись, двигаться (книжн.) [252. С. 30–31].

Переносное значение: *Дни бегут* / *Время бежит* (рус.) – быстрый ход времени как субъективное восприятие. 物换星移 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Молоко убежало* (рус.) – молоко при кипении вылилось из емкости. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Убежать от судьбы* (рус.) – изменить судьбу. 走出命运 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора.

4. Лететь – Летать

Прямое значение: 1. Передвигаться, перемещаться по воздуху с помощью крыльев // перемещаться по воздуху или в безвоздушном пространстве (о летательных аппаратах) // нестись по воздуху силой ветра (о различных предметах.) // распространяться по воздуху (о звуках) // перен. разг. Быстро пронесется мимо; 2. Перен. устремляться, уноситься мысленно куда-л., к кому-л. [252. С. 306].

Переносное значение: *Летать от счастья* (рус.) – человек, чувствующий себе в данный период времени счастливым. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Годы летят. Дни летят* (рус.) – быстрое, стремительное движение времени. 时光飞逝 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора.

Мысль вылетела (рус.) – потерять «нить рассуждения», забыть. 走神 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Машина летит* (рус.) – большая скорость движения. 飞车 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Ребёнок летит* (рус.) – ребёнок бежит очень быстро. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Телеграмма летит быстро* (рус.) – передача информации телеграфом происходит за короткое время. 节目飞快 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Вылететь с работы* (рус.) – быть уволенным с работы. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора.

5. Плыть – Плавать

Прямое значение: 1. Передвигаться по поверхности воды или в воде, держаться на ней или в ней // заниматься плаванием (о человеке) // служить для плавания быть годным к плаванию (о судах) // обладать свойством держаться на поверхности жидкости или газа; 2. Ездить, передвигаться по воде или в воде на специальных плавающих сооружениях; находиться в плавании // служить на судне [252. С. 500, 505].

Переносное значение: *Деньги плывут в руки* (рус.) – зарабатывать легко, много. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Студент плавает по экономике* (рус.) – студент, имеющий слабые знания по экономике. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Плыть по течению* (рус.) – действовать пассивно, подчиняясь обстоятельствам. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора.

6. Нести – Носить

Прямое значение: 1. Взяв, подняв, нагрузив на себя, перемещать вместе с собою куда-л. (неоднократно, в разное время и в разных направлениях) // разг. очень быстро бегать // перен. разг. находиться в хлопотах; 2. Перен. распространяться (о звуках, криках, молве и т. п.). Нести, переход. увлекать с собою силой своего движения // безудержно стремглав мчать, везти (обычно о лошадях) [252. С. 392, 400].

Переносное значение: *Носить звание* (рус.) – иметь звание. 佩戴封号 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Нести обязанности* (рус.) – принимать на себя ответственность. 承担责任 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Принести инфекцию* (рус.) – получить инфекцию вне дома, затем передать её близким. 传染 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Принести удачу / неудачу* (рус.) – человек (предмет), которого отождествляют с появлением радостных событий в жизни. 带来成功\不成功 (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Нужно вынести все неприятности* (рус.) – быть непреклонным, сильным, терпеливым в трудной ситуации. 忍气吞声 (кит.). Лексическое значение – то же, что

и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Носить очки* (рус.) – использовать очки (по причине плохого зрения или как защиту от солнца). *戴眼镜* (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Носить воду решетом* (рус.) – заниматься ненужным, бесполезным делом, бесцельно тратить время. *竹篮打水* (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Нести чепуху* (рус.) – говорить что-то неправильное, бессмысленное. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Унести ноги* (рус.) – избежать опасности. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора.

7. Везти – Возить

Прямое значение: 1. Перемещаться в определенном направлении кого-л. или чего-л. с помощью каких-л. средств передвижения // перевозить что-л. куда-л. // имея при себе что-л., перевозить с собою // взяв кого-л. с собою, поехать куда-л. вместе; 2. Перен. разг. выполнять одному большую, трудную или ответственную работу [252. С. 60, 78].

Переносное значение: *Не везёт в делах* (рус.) – нет удачи в делах. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Везти на себе* (дела) (рус.) – выполнять большой объем работы (своей и чужой). В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Сегодня мне везёт / не везёт* (рус.) – у меня удача (нет удачи). В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора.

8. Вести – Водить

Прямое значение: 1. Идти рядом с кем-л., сопровождая кого-л., направлять движение, помогать или заставлять идти // ходить с кем-л., объясняя, показывая что-л.; 2. Неоднократно ходить во главе, быть предводителем войска, отряда и т.п.; руководить движением кого-л. чего-л. [252. С. 64, 76].

Переносное значение: *Вести занятие* (рус.) – подача учебного материала, ограниченная временем. *上课* (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Водить за нос* (рус.) – обманывать. *牵着鼻子走* (кит.). Лексическое значение – то же, что и в русском языке. Вид переносного значения – метафора. *Отвести тень* (рус.) – скрыть, рассеять подозрения. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора. *Вывести из себя* (рус.) – разозлиться на кого-либо, на что-либо. В китайском языке нет такого выражения. Вид переносного значения – метафора.

Описание и сопоставление приведенных выше выражений, имеющих в своем составе глаголы движения с переносным значением, позволяют сделать следующие выводы:

1. Из пятидесяти описанных русских выражений, двадцать три не имеют аналогичных по значению в китайском языке.

2. Двадцать семь выражений имеют синонимы в китайском языке. Следует отметить, что дословный перевод весьма затруднен, а иногда невозможен. Поэтому при описании мы отмечали «лексическое значение то же, что и в русском языке», то есть совпадение общего смысла.

3. В большинстве случаев прямое значение глаголов не указывает (даже не подсказывает) на переносное значение. Китайским студентам, изучающим

русский язык, достаточно трудно понять смысл таких выражений, поскольку синонимичных выражений в Китае немного.

«С позиций деятельностного подхода эксперимент в психолингвистике – это деятельность исследователя, которая, задавая условия деятельности испытуемого, предполагает выявить особенности его речемыслительной деятельности. При проведении эксперимента исследователь пытается найти причинно-следственные связи между изучаемыми объектами, явлениями и процессами» [24. С. 98].

Проводя лингвистический эксперимент, исследователь получает от участников эксперимента языковой материал, необходимый ему для изучения, уточнения, анализа той или иной предметной области речевой деятельности.

В ходе работы над экспериментом мы наметили два этапа исследования. На первом этапе (А) мы поставили перед собой задачу определить процент доступности понимания русских выражений с «переносными» глаголами движения китайскими студентами-лингвистами 3 и 4 курсов. Второй этап исследования (Б) – выявление частотности использования вышеназванных выражений в родном языке русскими и китайскими студентами в ситуациях повседневного общения.

А. Доступность понимания

Сведения об участниках эксперимента: в эксперименте приняли участие 25 человек в возрасте от 20 до 22 лет. Участники эксперимента – китайские студенты 3 – 4 курсов (направление – лингвистика) ВГУЭС.

Участникам эксперимента была предложена таблица, содержащая 50 вышеназванных выражений. Было предложено ответить на вопрос: «понятно ли Вам это выражение?».

В ходе эксперимента получены следующие результаты.

Третий курс. 1. Дождь идёт – 94%. 2. Часы идут – 96%. 3. Занятия идут – 94%. 4. Автобус идёт – 98%. 5. Ходить в море – 82%. 6. Дни бегут – 84%. 7. Время бежит – 88%. 8. Молоко убежало – 40%. 9. Убежать от судьбы – 70%. 10. Летать от счастья – 76%. 11. Годы летят – 88%. 12. Дни летят – 86%. 13. Мысль вылетела – 70%. 14. Машина летит – 78%. 15. Ребёнок летит – 60%. 16. Деньги плывут в руки – 70%. 17. Студент плавает по экономике – 68%. 18. Ходить по лезвию ножа – 14%. 19. Телеграмма летит быстро – 64%. 20. Носить звание – 32%. 21. Нести обязанности – 68%. 22. Вести занятие – 74%. 23. Принести инфекцию – 36%. 24. Водить за нос – 52%. 25. Отвести тень – 36%. 26. Идти на попятную – 28%. 27. Принести удачу / неудачу – 82%. 28. Не везёт в делах – 60%. 29. Везти на себе все делах – 74%. 30. Вывести из себя – 70%. 31. Ушла хорошая работа – 84%. 32. Сегодня мне везёт – 76%. 33. Вылететь с работы – 58%. 34. Нужно вынести все неприятности – 68%. 35. Мы подходили друг другу – 76%. 36. Носить очки – 88%. 37. Ходить вокруг до около – 30%. 38. Ехать зайцем – 52%. 39. Идти как по маслу – 62%. 40. Идти в гору – 72%. 41. Идти под гору – 62%. 42. Идти впрок – 30%. 43. Идти рука об руку – 32%. 44. Идти ко дну – 28%. 45. Плыть по течению – 42%. 46. Голова идёт кругом – 52%. 47. Носить воду решетом – 22%. 48. Нести чепуху – 28%. 49. Идти на пользу – 42%. 50. Ходить на голове – 46%.

Четвёртый курс. 1. Дождь идёт – 100%. 2. Часы идут – 100%. 3. Занятия идут – 96%. 4. Автобус идёт – 100%. 5. Ходить в море – 84%. 6. Дни бегут – 96%. 7. Время бежит – 100%. 8. Молоко убежало – 68%. 9. Убежать от судьбы – 72%. 10. Летать от счастья – 72%. 11. Годы летят – 92%. 12. Дни летят – 100%. 13. Мысль вылетела – 84%. 14. Машина летит – 84%. 15. Ребёнок летит – 56%. 16. Деньги плывут в руки – 72%. 17. Студент плавает по экономике – 76%. 18. Ходить по лезвию ножа – 32%. 19. Телеграмма летит быстро – 68%.

20. Носить звание – 36%. 21. Нести обязанности – 72%. 22. Вести занятие – 76%. 23. Принести инфекцию – 52%. 24. Водить за нос – 20%. 25. Отвести тень – 72%. 26. Идти на попятную – 36%. 27. Принести удачу / неудачу – 92%. 28. Не везёт в делах – 76%. 29. Везти на себе все делах – 76%. 30. Вывести из себя – 80%. 31. Ушла хорошая работа – 84%. 32. Сегодня мне везёт – 88%. 33. Вылететь с работы – 64%. 34. Нужно вынести все неприятности – 80%. 35. Мы подошли друг другу – 56%. 36. Носить очки – 96%. 37. Ходить вокруг до около – 48%. 38. Ехать зайцем – 80%. 39. Идти как по маслу – 80%. 40. Идти в гору – 88%. 41. Идти под гору – 68%. 42. Идти впрок – 48%. 43. Идти рука об руку – 44%. 44. Идти ко дну – 64%. 45. Плыть по течению – 60%. 46. Голова идёт кругом – 68%. 47. Носить воду решетом – 32%. 48. Нести чепуху – 60%. 49. Идти на пользу – 80%. 50. Ходить на голове – 68%.

Показатели доступности понимания китайскими студентами-лингвистами выражений с ГД изменились следующим образом: на 3 курсе средний процент доступности составлял – 61,88%; на 4 курсе этот показатель увеличился и составил 73,57%.

Б. Частотность использования

Сведения об участниках эксперимента: в эксперименте приняли участие русские студенты (группа БМН-ЭУ-10-01 – 25 человек) и китайские студенты (группы БМН-08-01 и БКД-08-05 – 25 человек).

Участникам эксперимента было предложено ответить на вопрос анкеты: «Насколько часто Вы используете выражения с глаголами движения в переносном значении в родном языке?». Варианты ответа: «часто», «иногда», «редко / никогда». В анкете были приведены примеры таких выражений (на русском и китайском языках). Следует отметить тот факт, что при проведении анкетирования в группе русских студентов дополнительных разъяснений смысла выше-названных выражений не потребовалось.

В группах китайских студентов были даны подробные объяснения этих выражений на китайском языке.

Вариант анкеты для русских студентов. Насколько часто Вы используете выражение с глаголами движения с переносным значением в родном языке (Например: 1. Водить за нос. 2. Ходить по лезвию ножа. 3. Деньги плывут в руки. 4. Нести чепуху. 5. Не везёт в делах и т.д.).

Результаты анкетирования: «часто» – 68%, «иногда» – 32%, «редко / никогда» – 0%.

Вариант анкеты для китайских студентов. 请问，在母语中，您是否经常使用带转义的运动动词（例如：1、飞车 2、走神 3、佩戴封号 4、牵着鼻子走 5、竹篮打水等）。

Результаты анкетирования: «часто» – 28%, «иногда» – 60%, «редко / никогда» – 12%.

Проанализировав результаты эксперимента, мы пришли к выводу: русские намного чаще используют выражения с ГД в переносном значении, чем китайцы.

Подводя итог психолингвистическому эксперименту, мы определили приблизительный процент доступности понимания пар глаголов движения с переносным значением:

а) для русских студентов: идти – ходить – 70,7%; бежать – бегать – 84%; летать – лететь – 77,5%; плавать – плыть – 69,3%; ехать – ездить – 80%; носить – нести – 65%; водить – вести – 62%; возить – везти – 80%;

б) для китайских студентов: идти – ходить – 59%; бежать – бегать – 70,5%; летать – лететь – 72,5%; плавать – плыть – 60%; ехать – ездить – 52%; носить – нести – 53%; водить – вести – 58%; возить – везти – 70%.

В данной работе мы рассмотрели теоретические вопросы и определили понятие многозначности слова, его лексического значения. Подробно описали два типа лексического значения – прямое и переносное, а также виды переносных значений. Кратко рассмотрев вопрос образования глаголов движения в русском и китайском языках, мы выяснили особенности образования и функционирования данной группы глаголов в двух языках. В русском языке – наличие совершенного и несовершенного вида, обозначение направленности и кратности действия; в китайском языке – отсутствие категории вида и направленности действия, наличие особых глаголов (глаголы направления движения). Данные ключевые понятия помогли нам в сборе и описании исследуемого материала.

В работе представлены собранные выражения (50), имеющие в своём составе ГД с переносным значением. Описаны восемь пар ГД однонаправленного-неоднонаправленного движения. Мы рассматривали два синонимичных варианта лексического значения, то есть выражение с ГД, используемое в русском языке, и аналогичное в китайском языке. Одновременно мы указывали на способ образования переносного значения. Анализируя данный материал, можно сказать, что примерно 50% описанных выражений не имеют синонимов в китайском языке. На наш взгляд, это объясняется приверженностью китайского языка к точным, конкретным значениям. Мы установили, что основным типом переносного значения является метафора.

В процессе исследования собранного материала был проведён психолингвистический эксперимент в двух направлениях: доступность понимания; частотность использования выражений, имеющих в своём составе ГД с переносным значением. После обработки полученных результатов мы пришли к следующим выводам: доступность понимания вышеназванных выражений китайскими студентами-лингвистами четвёртого курса имеет более высокий процент по сравнению с ответами этих же студентов годичной давности; русскоязычные студенты используют выражения с ГД в своей речи гораздо чаще, чем китайскоговорящие студенты; из наиболее употребительных пар ГД лидирует «идти-ходить».

Таким образом, наша работа подтверждает актуальность исследований данного вопроса в лингвистике, особенно в сфере межкультурной коммуникации, и даёт возможность использовать полученный материал при изучении темы «глаголы движения».

Глава 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТОВ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Понятие языковой картины мира. Взаимодействие языка и культуры*

Язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому начиная с XIX в. (Я. Гримм, Р. Раек, В. Гумбольдт, А.А. Потебня) и по сей день проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании.

Первые попытки решения этой проблемы усматривают в трудах В. Гумбольдта, основные положения концепции которого можно свести к следующему: 1) материальная и духовная культура воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма (ВФ); 3) ВФ языка это выражение «народного духа», его культуры; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром.

Речь человека складывается из слов. Слова нужны, чтобы можно было общаться, без них общение «возможно, но оно и затруднительно, и бедно» [256. С. 8]. Слова связывают и объединяют людей через общение. Без общения нет общества, без общества нет человека социального, нет человека культурного, человека разумного. Все слова складываются в язык.

«Язык – совокупность всех слов народа и верное их сочетание для передачи мыслей своих» [74. С. 347].

«Язык – всякая система знаков, пригодная для того, чтобы служить средством общения между индивидами» [146. С. 736].

«Язык – стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных (членораздельных) звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире» [8. С. 410].

«Язык – исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [161. С. 516].

Таким образом, все определения представителей разных эпох, стран и школ сходятся в главном: язык – это средство общения, средство выражения мыслей. В языке находят свое отражение и формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как люди думают о мире и о своей жизни в этом мире.

Язык – это сложнейшее явление. Для того чтобы отразить сущность языка, его можно представить в виде нескольких образов (рис. 2).

Эту схему можно пояснить следующим образом: язык является средством общения между людьми; членом семьи языков народов, населяющих земной шар (например, Алтайская семья языков; Индийские семьи и т.д.); язык – система знаков, служащая средством общения между людьми; язык – стиль (например, язык романа, язык автора и т.д.); существует язык для описания информации и

* © О.Д. Дербенёва

программы и обработки их на компьютере (например, языки программирования – алгол, бейсик и др.); «в процессе общественно разделенного труда у людей появилась необходимость тесного общения, обозначения той трудовой ситуации, в которой они участвуют, что и привело к возникновению языка» [134. С. 22].

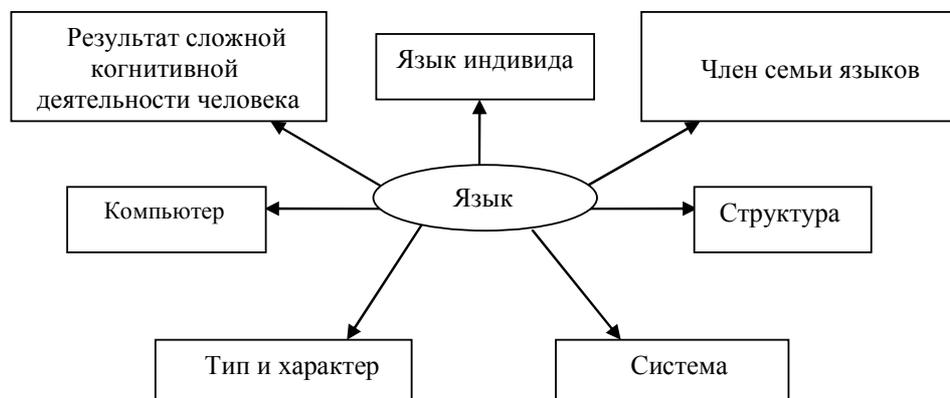

Рис. 2. Язык – сложнейшее явление

В конце XX века к этим семи образам прибавился еще один: «язык как продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов» [144. С. 7].

Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет решающую роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации. Как известно, в разных языках существуют специальные термины для обозначения объектов материальной культуры (например, еда, напитки). Наличие таких терминов связано с существованием особых обычаев, особенностями системы ценностей, характерной для данной культуры.

Слово «культура» в качестве исходного имеет латинское «colere», что означает «возделывание, воспитание, развитие, почитание, культ». С XVIII века под культурой начинают понимать все, что появилось благодаря деятельности человека, его целенаправленным размышлениям. Со второй половины XVIII века это слово стали употреблять в качестве научного термина. Термин «культура» многозначен.

Термин «культура» используется разными авторами в различном значении.

В Большом энциклопедическом словаре дается следующее определение термина: «Культура – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [182. С. 669].

Вежбицкая А. придерживается определения, данного Клиффордом Герцем: «Культура – исторически передаваемая модель значений, воплощенных в символах, система наследуемых представлений, выраженных в форме символов, при помощи которых люди общаются между собою и на основе которых фиксируются и развиваются их знания о жизни и жизненные установки» [43. С. 44]. Из данного определения следует, что те символы, при помощи которых

общаются люди, и есть язык. Иначе говоря, культура – это исторически передаваемая модель значений, воплощенных в языке. Язык является лучшим доказательством реальности «культуры».

«Язык и культура взаимодействуют, имеют много общего: 1) культура, равно как и язык, это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; 2) культура и язык существуют в диалоге между собой; 3) субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество; 4) нормативность – общая для языка и культуры черта; 5) историзм – одно из существенных свойств культуры и языка» [144. С. 59].

«Язык и культура взаимосвязаны: 1) в коммуникативных процессах; 2) в онтогенезе (формирование языковых способностей человека); 3) в филогенезе (формирование родового, общественного человека)» [Там же. С. 61].

Тем не менее, наблюдаются следующие различия: «1) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; 2) хотя культура знаковая система (подобно языку), но она не способна самоорганизовываться; 3) как уже отмечалось, язык и культура – это разные знаковые системы» [Там же. С. 61]. Язык – факт культуры, потому что «1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка» [Там же. С. 62]. Итак, язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания.

Язык – «зеркало» культуры, в нем отражается не только окружающий человека мир, не только условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира.

Отражение мира в языке – это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком «полный комплект культуры», в котором уже заложены черты национального характера, мировоззрение, мораль и т.д.

«Соотношение между реальным миром и языком можно представить следующим образом (рис. 3):

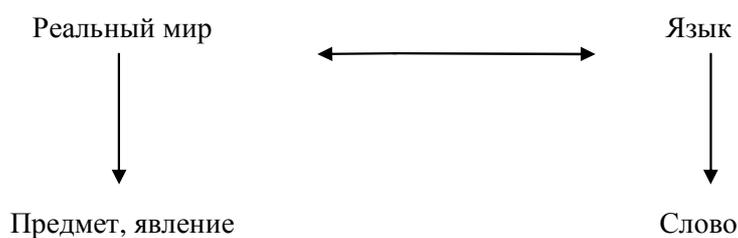

Рис. 3. Соотношение между реальным миром и языком

Однако между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка» [256. С. 39].

Наличие тесной связи и взаимозависимости между языком и его носителями очевидно. Язык – средство общения между людьми, и он неразрывно связан с жизнью и развитием того речевого коллектива, который им пользуется как средством общения. Между языком и реальным миром стоит человек. Именно человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире. Язык навязывает человеку определенное видение мира.

Язык как способ выразить мысль и передать ее от человека к человеку теснейшим образом связан с мышлением. Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением об этом предмете. Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно (образом жизни, обычаями, традициями), так и индивидуально (специфическим восприятием мира, свойственным данному конкретному индивидууму), то язык отражает действительность не прямо, а «через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку» [12. С. 40].

Из вышеизложенного можно прийти к выводу: язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать, а, следовательно, и существовать без двух других.

Язык, мышление и культура соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его (рис. 4).

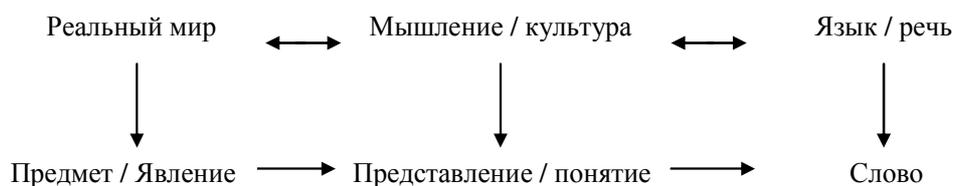

Рис. 4. Соотношение языка, мышления и культуры

Язык является также носителем культуры, он передает сокровища национальной культуры, которые хранятся в нем и передаются из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и культурный опыт предшествующих поколений.

«Язык – орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям, то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения» [256. С. 15].

Язык не существует вне культуры, он оказывается составной ее частью. Язык способствует тому, что культура может выступать как средством общения, так и средством разобщения людей.

На основе идеи о языке как орудии создания, развития и хранения культуры возникла такая наука, как лингвокультурология.

Понятие языковой картины мира является центральным при исследовании проблемы взаимодействия языка и культуры и строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии,

то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, с точки зрения когнитивной лингвистики концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним. М. Хайдеггер писал, что при слове «картина» мы думаем, прежде всего, об отображении чего-либо, «картина мира, сущностно понятная, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина». По мнению А.Н. Леонтьева, картина мира – это «смысловое поле», система значений. Тогда картина мира – это система образов [144. С. 64]. Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира).

Она задаёт нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и концептуализации мира. Таким образом, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. В терминологии А.Н. Леонтьева возникает как бы «пространство значений», т.е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, грамматике [Там же. С. 66]. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир.

Итак, понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи, что: 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира»); 2) каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистики. Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия [Там же. С. 64].

С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному».

С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов тоска, надрыв, авось, удаль, воля, неприкаянный, задушевность, совестно, обидно, неудобно), либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские

слова душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, разлука, обида, жалость, утро, собираться, добираться, как бы).

В последние годы в лингвистике развивается направление, соединяющее оба подхода; его целью является воссоздание русской языковой картины мира на основании комплексного (лингвистического, культурологического) анализа лингвоспецифических концептов русского языка в межкультурной перспективе (работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, А. Зализняка, И.Б. Левонтиной, Е.В. Рахилиной др.).

Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора, так как в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определённой национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличаются от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и культуры данного народа [144. С. 69].

Картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык выполняет требования познавательного процесса. Концептуальные картины мира могут быть различными у разных людей, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и т.д. Люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определённых условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке, – разные.

Следовательно, в концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное.

К середине 1980-х годов концепт и понятие все чаще употребляют в разных значениях. В современной лингвистике термин «концепт» трактуется с точки зрения разных направлений – лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Рассмотрим данный термин с точки зрения лингвокультурологии. В области современного гуманитарного знания едва ли не первым слово «концепт» вводит русский мыслитель С.А. Аскольдов (1870–1945). Как и средневековые номиналисты, он признает «индивидуальное представление заместителем всего родового объема». Однако, в отличие от них, он не отождествляет концепт с индивидуальным представлением, усматривая в нем «общность». С.А. Аскольдов считал, что концепт «есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [13. С. 275].

Согласно определению Ю.С. Степанова в лингвокультурологии *концепт* – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека [237. С. 43]. Концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений слов, но и на основе личного и народного культурно-исторического опыта, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта, тем шире возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта [130. С. 144]. По мнению Ю.С. Степанова, «концепт – это как бы сгусток культуры в разуме человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [237. С. 41]. Он также утверждает, что, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых

случаях даже влияет на нее, концепт влияет через посредство языка на ментальную сущность человека. Ю.С. Степанов называет концепт «пучком представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который и сопровождает слово». Вместе с В.Н. Телией он склонен считать, что концепты не только мыслятся, но и переживаются внутри людей. Методологически важными мы считаем рассуждения Ю.С. Степанова о структуре концепта. Концепт, по его мнению, включает в себя следующие компоненты: «1) основной, актуальный признак; 2) несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже неактуальными; 3) внутреннюю форму» [237. С. 44.]. Первый компонент – основной, актуальный признак концепта – значим, «известен» всем носителям того или иного языка, той или иной культуры. Выраженный вербально, он – средство коммуникации представителей определенной этнической общности, нации, народа, народности. В отличие от него, второй компонент – дополнительный, пассивный признак (или дополнительные, пассивные признаки) концепта – обнаруживает свою актуальность далеко не для всего этноса; он, если так можно выразиться, доступен для представителей определенной социальной группы, для конкретного микросоциума. И, наконец, третий компонент концепта – этимологический признак, или внутренняя форма.

В лингвокультурологии в определении концепта нет разногласий; лингвисты почти едины во мнении, считая, что «культурный концепт – единица коллективного знания/сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [56. С. 48].

В рамках когнитивной лингвистики под концептами понимаются «оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона, отраженные в человеческой психике» [98. С. 38].

Термин «концепт» уже достаточно длительное время используется учеными, работающими в русле когнитивной лингвистики (А. Вежбицка, Р. Лангакер, К. Годдард, Ю.С. Степанов, Р.М. Фрумкина, И.А. Мельчук и др.). Однако до сих пор нет единого определения этого термина. Относительно речевой деятельности исследователи, а именно Е.С. Кубрякова, ссылаясь на Р. Джекендоффа, предполагают существование в голове человека уровня представлений о мире, на котором языковой, сенсорный и моторный типы информации дополняют друг друга, образуя концептуальный уровень. Далее утверждается, что «существует мир, существует его проекция в мозг человека и, наконец, у этого отраженного мира, преломленного в виде единой концептуальной системы со всеми ее образами, представлениями и понятиями, существует мощная вербализованная часть» [118. С. 95].

Когнитивная лингвистика – наиболее распространенное (особенно в Европе) название направления лингвистических исследований в рамках когнитивной науки – базируется на представлении о том, что в основе языка как знаковой системы и деятельности лежит система знаний о мире, которая формируется в сознании человека в результате его познавательной деятельности. При этом сам язык выступает как когнитивный механизм, непосредственно участвующий в формировании этой системы – определенным образом организованных структур знания. Базовыми элементами такой системы считаются концепты – содержательные оперативные единицы знания [118. С. 100].

Концептуализация (понятийная классификация) – важнейший процесс познавательной деятельности человека, он заключается в осмыслении поступающей к нему информации, приводящей к образованию концептов в мозгу

(психике человека). Концепты возникают в результате концептуализации, то есть преломления в голове человека окружающего его мира, существующих в последнем объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними [185. С. 15]. Они рассматриваются, с одной стороны, как результат индивидуального процесса восприятия и осмысления предметов и явлений окружающей действительности, поскольку у каждого человека есть свой круг ассоциаций, оттенков значения и, в связи с этим, «свои особенности в потенциальных возможностях концепта» [130. С. 5]. Этим объясняется тот факт, что за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты. С другой стороны, «концепты отражают не только индивидуальный опыт, но и опыт поколений, возникая в результате взаимодействия таких факторов, как национальные традиции, фольклор, религия и идеология, образы искусства, системы ценностей определенного языкового коллектива» [10. С. 55]. Концепты отражают определенные культурно обусловленные представления человека о реальном мире, «благоприобретенные через посредство языка как орудия культуры» [43. С. 24]. В этом смысле справедливо утверждение Д.С. Лихачева о том, что «концепты являются результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека, а его потенция тем шире и богаче культурный опыт человека» [130. С. 4].

В 80-е годы данный термин находит применение в работах Р.И. Павилениса и его последователей, где концепт становится центральным понятием в изучении базисных подсистем человеческого знания. В рамках этого подхода концепт идентичен понятию «смысл» и служит для описания концептуальной системы носителя языка. В понимании Р.И. Павилениса концепты – «некие абстрактные сущности в духе «мыслей» Фреге как объективное содержание мыслительного процесса, которое передано от одного индивида к другому, как нечто общее для всех или большинства носителей естественного языка» [144. С. 102]. С начала 90-х годов «концепт» привлекает внимание все большего количества ученых и постепенно становится одной из центральных категорий лингвистики антропологического направления. В первую очередь, необходимо отметить научные труды Д.С. Лихачева и Ю.С. Степанова.

Самые важные концепты имеют языковое выражение. Понятие «концепт» широко используется в семантических исследованиях при описании семантической структуры языка, поскольку значения языковых единиц приравниваются к выражаемым в них концептам или концептуальным структурам. Однако представляется более перспективным направление в семантике, которое придерживается идеи о противопоставленности концептуального уровня семантическому (языковому), концепта – семантике языкового знака. Для нас существенным является определение значения слова как «концепта, связанного знаком», данное М.В. Никитиным [155. С. 6].

Традиционно логическое содержание концепта было пересмотрено, и концепт может быть отнесен к плану содержания языкового знака. Из этого следует, что помимо предметной отнесенности он включает в себя всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указание на место, занимаемое в лексической системе языка (его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи). В семантический состав концепта входит также вся парадигматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями. Еще одним компонентом семантики языкового концепта является когнитивная память слова – смысловые характеристики язы-

кового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка (Е.С. Яковлева, Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия). Наиболее существенным здесь оказывается культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики языковых единиц естественного языка и отражающий языковую картину мира его носителей. Однако существующая литература по этому вопросу показывает, что термин «концепт» трактуется неоднозначно и его становление еще, судя по всему, полностью не завершено.

Многие лингвисты рассматривают концепт как совокупность его «внешней», категориальной отнесенности и внутренней, смысловой структуры, имеющей строгую логическую организацию. В основе концепта лежит исходная, прототипическая модель основного значения слова (т.е. инвариант всех значений слова). В связи с этим можно говорить о ядерной, центральной и периферийной зонах концепта. Причем последняя способна к дивергенции, т.е. вызывает удаление новых производных значений от ядра [59. С. 57].

Внешняя и внутренняя стороны выходят на его базисный элемент. «Для внутренней структуры он служит основой прототипического значения всех словоупотреблений данного слова, для внешней – моделью категоризации всех его значений. Структура концепта может быть цепочечной, радиальной и смешанной» [Там же. С. 60].

Понятие «поле» в лингвистике становится одной из важнейших категорий, в которой системно рассматриваются однородные по своему содержанию единицы. В этой категории не только отражается иерархическая структура фрагментов лексико-семантической системы, но и взаимосвязанно представлены отношения частных языковых категорий (синонимия, антонимия).

В современной лингвистике понятие «поле» как метод исследования объекта и системы классификации единиц различных уровней языка в той или иной степени используется не только в лексикологии.

Метод поля, безусловно, имеет важное значение при комплексном изучении языка во взаимосвязи с культурой.

«Поле задается определённым смысловым содержанием, доминантой поля. В нём выделяют ядро (лексема-понятие или группа лексем-понятий), центр (классы основных понятий, классы слов с их синонимическими, антонимическими и другими отношениями) и периферию (система соседних полей – слова, имеющие слабые связи с ядром)» [Там же. С. 61].

В лингвокультурологическом поле существенно не только положение слова-понятия в парадигме, но и его синтагматические (сочетательные) свойства. Это отражает не только предметно-вещественные связи элементов такого поля, но и характер использования соответствующих предметов реальных, их применение как элементов материальной и духовной культур.

Таким образом, поле можно в общих чертах определить как иерархическую систему единиц, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры.

Преимущества полевого подхода к изучению объектов в области культуры объясняются общей природой поля как комплексной единицы. Явление внешнего мира (система культурологических ценностей) упорядочено в понятийной системе так, что незаметно никаких пробелов. Подобное смысловое членение, отмечал Г. Кандлер, может рассматриваться как языковая способность носителя языка, определяя его понимание, мышление и речь. Поле как метод основывается на ряде взаимозависимых друг от друга принципов, которые можно

свести к следующим взаимосвязанным пунктам: 1) принцип целостности; 2) принцип упорядоченности; 3) принцип полноты; 4) принцип произвольности границ.

Выдвинутые принципы наглядно демонстрируют предпочтение метода поля как исследовательской процедуры другим способам [59. С. 70]. В отечественном языкознании общая структура поля впервые нашла интерпретацию у Н.М. Мининой, которая обратила внимание на иерархию этой комплексной единицы.

Контур поля обрисовывается: его ядро – заглавное слово – и ближе или дальше отстающие от него члены поля, на периферию поля могут заходить в своих семантических вариантах также члены соседних полей. В то же время члены данного поля могут в своих вариантах входить в другие поля [147. С. 36].

Лингвокультурологическое поле по природе своей соединяет языковое и культурологическое содержание. Важнейшими структурно-семантическими составляющими такого поля являются: ядро поля и его инвариантный лингвокультурологический смысл; группа лингвокультурем как единиц – единства собственно языкового и внеязыкового содержания: центр и периферия; парадигматика лингвокультурем; синтагматика лингвокультурем [Там же. С. 45].

Кроме того, пристального внимания требуют парадигматические и синтагматические отношения лексем в поле. Парадигматические и синтагматические отношения лексем взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Синтагматика лингвокультурем регулирует функционирование единиц поля, применение концептов и употребление предметов в практике. Синтагматическое свойство единиц поля можно рассматривать в ситуации употребления знаков и использования мыслительных носителей. Это – сфера функционирования человека в ситуациях, определяемых данным полем и взаимодействием его с другими полями.

Итак, из вышесказанного описания языка и культуры мы узнаем о том, что человек живёт одновременно в трёх мирах – мире реальности, мире своего сознания и мире языка. Последний выступает как мир-посредник, реализуя в известной мере принцип дополнительности по отношению к реальному миру и активно участвуя в формировании мира сознания.

Говоря о мире языка, мы не можем не признавать его неразрывную связь с индивидуальностью как частью общества, называемой этносом. Реализуясь в речевых поступках конкретного индивида, языковой мир формируется, прежде всего, как феномен этнический. Как Л.Н. Морев в своей работе «Изолирующие языки материковой Восточной и Юго-Восточной Азии через призму иконичности» говорил: «У разных народностей степень переработки в мозгу информации неодинакова. В ходе освоения сознанием внешнего мира и обработки полученной информации происходят категоризация фактов и переаранжировка событий и явлений» [167. С. 118].

Строя концептуальное поле в русской языковой картине мира, мы разделили лексические единицы на несколько групп в соответствии с их парадигматическим и ассоциативным отношениями. Чтобы найти различия и сходства концепта «Смерть» в русской и китайской языковых картинах мира, нам необходимо строить такое же ассоциативно-семантическое поле на материале китайского языка. Кроме этого, мы считаем, что для того, чтобы объективно показать особенности китайской языковой картины мира, нам нужно строить концептуальное поле на аутентичных китайских текстах. Изучив статью Карапе-

тянц («Формальное построение семантических полей нормативного китайского языка»), мы узнали о том, что благодаря наличию большого числа копулятивных сочетаний парадигматические отношения семантической близости в китайском языке манифестируются в синтагматических отношениях соположенности [167. С. 66].

Известный китайский лингвист Jiang Sheng (姜胜) писал: «自然语言中绝大多数词汇单位在意义上不是一个点, 而是一个平面, 或者说是一个连通域 (connected domain)» (Для натуральных языков большинство лексических единиц по значению является не точкой, а полем либо одной связной областью) [311. С. 337]. Именно благодаря такой «连通域» (связной области) наше воспоминание и ассоциация отражаются в языке в процессе осознания. Кроме этого, русский лингвист М.Б. Рукодельникова полагает: «Лексико-семантическое поле представляет собой совокупность парадигматически связанных лексических единиц (слов или их отдельных значений), объединенных между собой наличием некоторого интегрального (общего) семантического признака, связывающего элементы поля, и различающихся по крайней мере одним частным (дифференциальным) семантическим признаком» [167. С. 140]. Таким образом, для выявления структуры поля необходимо описать систему парадигматических отношений между его элементами.

Интегральные и дифференциальные признаки, так же как и содержащие их слова, образуют определенные иерархические структуры. Наиболее общие категориальные семантические признаки имеют универсальную значимость и могут быть представлены по-разному во многих или во всех связках.

Таким образом, изучив теорию, мы выяснили, что язык – составная часть культуры и её орудие, посредством которого мы усваиваем культуру. Культура, как и язык, – форма сознания, отображающая мировоззрение человека. Таким образом, язык и культура взаимодействуют и взаимосвязываются в коммуникативных процессах, в онтогенезе и в филогенезе.

Центральным при исследовании проблемы взаимодействия языка и культуры является понятие языковой картины мира. Она задаёт нормы поведения человека в мире, определяет человеческое отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и концептуализации мира.

В современной лингвистике термин «концепт» трактуется с точки зрения разных направлений лингвистики – лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. С точки зрения лингвокультурологии учёный Ю.С. Степанов определил, что концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Он возникает в сознании человека не только на основе словарных значений слов, но и на основе личного и народного культурно-исторического опыта.

В рамках когнитивной лингвистики под концептами понимаются «оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона, отраженные в человеческой психике». Наше мышление невербально по своей природе, оно всегда существует в нашем мозге. Мы владеем словами не на уровне их значений, а на уровне передаваемых ими смыслов, т.е. концептов. Таким образом, концепт состоит из наших мыслей, а не образов.

Концептуальное поле состоит из ядерной зоны, центральной зоны и периферии. К ядру относится группа лексем-понятий, к центральной зоне – классы лексем-понятий с их синонимическими и антонимическими отношениями. К периферии – слова, имеющие слабые связи с ядром.

Концепт «Смерть» в русской и китайской языковых картинах мира*

Тема исследования в русской и китайской языковых картинах мира» обусловлена одной из главных тенденций в современной лингвистике – повышенным интересом к роли личности в процессах концептуального познания действительности и языкового мышления.

Концепт «Смерть» наряду с концептом «Жизнь» является одним из основных концептов в языковой картине мира многих народов.

Анализ русских пословиц о смерти из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» позволил нам выделить основные представления, отражающие понимание концепта «Смерть» в сознании русских.

Актуальность рассматриваемого концепта подтверждает и тот факт, что лексема «смерть», а также ее деривативы широко используются при обозначении явлений, которые не связаны с реалиями смерти напрямую.

В ядерную зону концепта «Смерть» включаем лексем «смерть», «умереть» и группу лексем, представляющих деривационные связи с лексемой «умереть» (рис. 5).

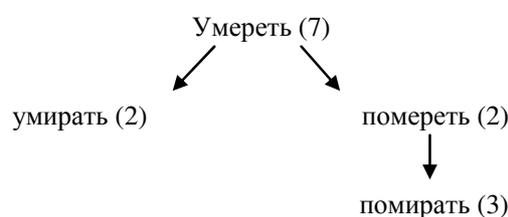

Рис. 5. Ядерная зона концепта «Смерть»

В центральную зону поля включаем лексико-грамматические группы и одиночные лексем, связанные с ядерной зоной парадигматическими и синтагматическими связями. К периферии относим лексико-семантические группы, лексем и словосочетания, связанные с ядром ассоциативными связями.

Исследование позволило выделить в структуре концепта «Смерть» на основе русских пословиц несколько составляющих: 1) отношение к смерти; 2) понимание конечности жизни; 3) неизбежность смерти; 4) стремление к жизни; 5) характеристика смерти с лучшей стороны; 6) смерть – это грех. Если деривационные связи являются общими для этих составляющих, то парадигматические, ассоциативные, синтагматические связи будут различаться и поэтому рассмотрены нами в составе этих частей целого концепта.

1. Отношение к смерти

Данное значение концепта, представленное в русских пословицах, встречается редко (19%).

Исследуя это значение, выделяем:

• парадигматические связи:

– лексико-семантическая группа существительных «Жизнь»: живот (1), жизнь (1).

* © О.Д. Дербенёва, Го Сяосюй

«Всякий живот боится смерти», «Живой смерти боится», «Живой смерти не ищет»;

• синтагматические связи:

– лексико-семантическая группа глаголов, проявляющих значение действия, – «Проявление чувства страха»: бояться (2), не + искать (1), ляжет (в могилу) (1), хочется (1).

«Всякий живот боится смерти», «Живой смерти боится», «Живой смерти не ищет», «Живой в могилу не ляжет», «Жить – мучиться, а умереть не хочется»;

– лексико-семантическая группа с доминантой «Страшно»: тошно (2), страшно (3).

«Умереть сегодня – страшно, а когда-нибудь – ничего», «Жить грустно, а умирать тошно».

2. Понимание конечности жизни

Вторая составляющая представлена более полно, чем первая. Данное значение встречается в 19,4% исследуемых пословиц. Исследуя это значение, мы выделяем:

• синтагматические связи:

– лексико-семантическая группа наречий со значением «Временность»: сегодня (2), завтра (2), всё равно (1), вдруг (1), раньше (1), позже (1), поближе (4).

«Живешь, живешь и вдруг умрешь», «Сегодня жив, а завтра – жил», «Сто лет проживешь – а все равно умирать», «Всем там быть: кому раньше, кому позже», «Сегодня венчался, а завтра скончался», «День да ночь – сутки прочь, а все к смерти поближе».

3. Неизбежность смерти

Эта составляющая встречается в 19,8% исследуемых пословиц. Анализируя данное значение, выделяем:

• синтагматические связи:

– лексико-семантическая группа глаголов со значением «Отсутствие действия»: замолчать (2), не + (слукавить (1), надыхаться (1), посторониться (1), глядеть (2), отомолиться (1), откреститься (1)).

«Перед смертью не слукавишь», «Перед смертью не надыхнешься», «От смерти не посторонись».

4. Стремление к жизни

Эта составляющая встречается в 22% изучаемых пословиц. Исследуя данное значение, выделяем:

• синтагматические связи:

– лексико-семантическая группа глаголов со значением «Испытывать плохое состояние души»: надокучить (1), терпеть (1), мучиться (1).

«Жизнь надокучила, а и к смерти не привыкнешь», «Лучше век терпеть, чем вдруг умереть», «Жить – мучиться, а умереть не хочется».

5. Характеристика смерти с лучшей стороны

Пословицы призывали не бояться смерти, смириться перед ее приходом и умереть достойно. При всем страхе перед смертью умение умереть достойно характеризовало человека с лучшей стороны. Эта составляющая встречается в 19,6% исследуемых пословиц. Анализируя данное значение, выделяем:

• синтагматические связи:

– словосочетания со значением «Предпочтение смерти греху»: меньше согрешает (1), бойся грехов (3).

«Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает», «Смерть по грехам страшна», «Не бойся смерти, бойся грехов!», «Бойся жить, а умирать не бойся!», «Жить страшнее, чем умереть».

6. Смерть – это грех

– одиночная лексема «грех» (3).

Исследование китайских пословиц позволило выделить нам основные компоненты концепта «Смерть» в сознании китайцев.

В ядерную зону концептуального поля «Смерть» включаем лексемы «смерть» и «умереть» / «умирать».

Исследование позволило выделить в структуре концепта «Смерть» на основе китайских пословиц составляющие: 1) неизбежность смерти; 2) характеристика смерти с лучшей стороны; 3) страх перед смертью. Первая составляющая представлена в изученных нами пословицах наиболее полно, встречается в 59% случаев.

1. 死亡的不可避免性 (неизбежность смерти)

Исследуя это значение, выделяем:

• парадигматические связи:

– лексико-семантическая группа существительных «对立面» («Противопоставление смерти»): 生命 (жизнь) (8), 长寿 (долголетие) (1), 复活 (воскресение) (1)

«早逝与长寿都是上天赐予的» («И ранняя смерть и долголетие предопределены свыше»), «没有不结束的生命» («Нет жизни, которая не кончалась бы»);

– глагол «出生» (родиться)

«有生必有死» («Кому суждено было родиться, тому суждено и умереть»);

• ассоциативные связи:

– лексема «命运» (судьба) (5).

2. 对死亡好方面的理解 (характеристика смерти с лучшей стороны)

• синтагматические связи:

– лексема «荣誉» (слава) (3)

«宁愿光荣的死, 也不屈辱的活着» («Лучше умереть со славой, чем жить опозоренным»);

– лексема «聪明的» (умный) (1)

«宁可明智的死, 也不愚蠢的活着» («Лучше умереть вместе с умным, чем жить вместе с глупым»);

– лексема «好的» (хороший) (5)

«宁愿好好地死, 也不赖活着» («Лучше хорошая смерть, чем плохая жизнь»);

3. 面对死亡的恐惧 (страх перед смертью)

• ассоциативные связи:

– лексико-грамматическая группа существительных с доминантой «恐惧» («Страх»): 恐惧 (страх) (2), 胆怯 (трусость) (2), 害怕 (боязнь) (1)

«胆怯无法避免死亡» («Трусость не избавит от смерти»).

С целью проанализировать концепт «Смерть», выявить специфику содержания концепта, сравнить понимание данного концепта у русских и китайцев был проведен ассоциативный эксперимент.

Исследование проводилось методом анкетирования, в котором испытуемым предлагалось написать свои ассоциации на лексему «смерть».

В ассоциативном эксперименте участвовали русскоязычные респонденты (64) в возрасте 16–30 лет и китайские респонденты (64) в возрасте 18–30 различных профессий: экономисты, дизайнеры, культурологи, преподаватели русского языка, бухгалтеры. Другими словами, люди с законченным и незаконченным высшим образованием. Также необходимо отметить, что среди китайских респондентов опрос проводился на китайском языке, так как мы считаем, что опрос на родном языке респондентов наиболее достоверный.

В результате проведенного эксперимента среди русских респондентов мы получили следующие данные:

Смерть: горе (1); несчастье (1); печаль (4); скорбь (1); боль (1); грусть (3); слёзы (4); плач (1); ужас (4); страх (6); кошмар (1); потери (5); утрата (1); расставание (1); разлука (1); встреча с бывшими родственниками (1); встретить смерть с улыбкой (1); вечный (1); конечный (6); бесконечный (1); одиночество (4); пустота (2); расставаться (1); уходить (2); встретиться (2); выходить (2); неизбежность (1); цикл (1); судьба (2); продолжать (1); прекратить (1); замереть (1); начать (3); улыбка (2); похороны (1); траур (1); гроб (4); кладбище (3); камень (1); чёрный балахон (1); умиротворение (1); переживание (1); тревога (1); спокойствие (3); покой (1); переход души (1); бог (1); рай (1); холод (1); освобождение (1); конец жизни (8); начало новой жизни (3); умирание (1); умирающий (1); смертный (1).

Среди китайских респондентов получены следующие реакции:

Смерть: печаль (2); боль (1); ужас (5); страх (2); бедствие (1); авария (1); землетрясение (2); труп (1); останки (2); кровь (2); чёрт (2); привидение (1); слёзы (2); молебен (1); расставание души с физической оболочкой (1); расставаться с любимыми и родственниками, а встретиться в раю (2); нежелание расстаться с кем-нибудь (2); смерти не отбыть (1); конец (3); начало (1); конец мира (2); конец жизни (3); начало новой жизни (3); похороны (2); гроб (3); могила (1); кладбище (1); пепел костей (1); пропасть (1); море (1); верёвка (1); зло (1); ангел (1); рай (1); ад (1); тёмный (1); чёрный (4); белый (3); тайна (1); неизвестность (1); сожалеть (1); освобождение (4); воскресение (3); спокойствие (4); быть в нерешительности (1); воевать (2); истребить (1); кричать (1); жертвовать жизнью для войны (1); вспомнить (1); умереть (1); умирать (1); замереть (1); смертный (2).

На основе данного эксперимента нами были проанализированы реакции русских и китайских респондентов. Все лексемы, полученные в результате ассоциативного эксперимента, были объединены в лексико-семантические группы, связанные с ядерной зоной различными видами связей, и таким образом выявлены компоненты ассоциативно-семантических полей.

Мы относим к ядерной зоне лексемы «смерть» и «умереть». Лексемы «умирать», «умирание», «умирающий», представляющие деривационные связи с лексемой «умереть», появились в ответах анкетирования. Лексема «смертный» входит в деривационные связи с лексемой «смерть».

В центральную зону поля включаем лексико-грамматические группы и одиночные лексемы, связанные с ядерной зоной парадигматическими и синтагматическими связями. К периферии относим лексико-семантические группы, лексемы и словосочетания, связанные с ядром ассоциативными связями.

Данные значения концепта «Смерть» представлены в анкетировании среди русских респондентов.

1. Отношение к смерти

• ассоциативные связи:

– лексико-семантическая группа существительных «Чувство страха»: ужас (4), страх (6), кошмар (1);

– лексико-семантическая группа существительных «Отношение к смерти»: умиротворение (1), переживание (1), тревога (1), спокойствие (3), покой (1).

Выделяются синонимы: переживание-тревога. Выделяются антонимы: переживание / тревога – спокойствие / покой / умиротворение;

– лексико-семантическая группа существительных «Проявление чувств»: горе (1), несчастье (1), печаль (4), скорбь (1), боль (1), грусть (3);

- лексико-семантическая группа существительных «Состояние души»: одиночество (4), пустота (2);
 - лексико-семантическая группа глаголов с доминантой «Дышать»: продохнуть (1), (тяжело) дышится (1), не хватает (воздуха) (1);
 - лексема «радость» (1);
 - лексема «холод» (1);
 - лексема «освобождение» (1);
 - лексико-семантическая группа существительных «Расставание»: расставание (1), разлука (1), встреча с бывшими родственниками (1).
- Выделяются антонимы: расставание – встреча. Выделяются синонимы: расставание – разлука;
- лексико-семантическая группа глаголов со значением «Расставаться с телом»: расставаться (1), уходить (2), встретиться (2), выходить (2).
- Выделяются группы синонимов: расставаться – уходить – выходить. Выделяются антонимы: расставаться – встретиться;
- лексико-семантическая группа глаголов с доминантой «Прекратить»: продолжать (1), прекратить (1), замереть (1), начать (3).
- Выделяются антонимы: замереть – продолжать, обессмертить, начать. Выделяются синонимы: прекратить – замереть.
2. Способ проявления эмоции перед смертью
- ассоциативные связи:
 - лексико-семантическая группа существительных «Проявление радости»: улыбка (2);
 - лексико-семантическая группа существительных «Способ проявления эмоции»: слёзы (4), плач (1).
3. Неизбежность смерти
- ассоциативные связи:
 - лексема «неизбежность» (1);
 - лексико-семантическая группа существительных «Физический период»: цикл (1), судьба (2).
4. Цвет – символ смерти
- лексема «чёрный» (чёрный балахон) (1).
5. Обряд похорон
- ассоциативные связи:
 - лексико-семантическая группа существительных «Похоронный обряд»: похороны (1), траур (1), гроб (4), кладбище (3), камень (1).
6. Понимание конечности жизни
- ассоциативные связи:
 - лексико-семантическая группа прилагательных с доминантой «Вечный»: вечный (1), конечный (6), бесконечный (1).
- Выделяются синонимы: вечный – бесконечный. Выделяются антонимы: вечный – конечный;
- парадигматические связи:
 - лексемы «начало» и «конец»: конец жизни (8); начало новой жизни (3).
7. Отдельные ассоциации лексем
- ассоциативные связи:
 - лексемы «неизведанность» (1), «дух» (переход души) (1), «добро» (1), «крест» (1), «рай» (1) и «ад» (1), «стена» (1).
- На материале ассоциативного эксперимента, проведенного среди китайских респондентов, были проанализированы и выявлены составляющие концеп-

туального поля «Смерть». В центральную зону поля включаем лексико-грамматические группы и одиночные лексемы, связанные с ядерной зоной парадигматическими и синтагматическими связями. К периферии относим лексико-семантические группы, лексемы и словосочетания, связанные с ядром ассоциативными связями.

1. 对死亡的态度 (отношение к смерти)

• парадигматические связи:

– лексико-семантическая группа существительных «对立面» («Противопоставление смерти»): 生命 (жизнь) (5), 复活 (воскресение) (3), 生 (рождение) (2);

• ассоциативные связи:

– лексико-семантическая группа существительных «恐惧» («Страх»): 可怕 (ужас) (5), 恐惧 (страх) (2);

– лексико-семантическая группа существительных «对死亡的态度» («Отношение к смерти»): 解脱 (освобождение) (4), 平静 (спокойствие) (4), 犹豫 (нерешительность) (1), 不满 (недовольство);

– лексико-семантическая группа существительных «感觉的表现» («Проявление чувств»): 悲伤 (печаль) (2), 痛 (боль) (1);

– лексема «悔恨» (сожалеть);

– словосочетание с глаголом «逃避» (избегать): 死亡不可逃避 (нельзя избежать смерти) (1);

– лексико-семантическая группа глаголов с доминантой «分离» («Расставаться»): 与亲人爱人分离, 相聚在天堂 (расстаться с любимыми и родственниками, но встретиться в раю) (2), 不想分离 (не желать расстаться) (2).

2. 面对死亡流露感情的方式 (способ проявления эмоций перед смертью)

• ассоциативные связи:

– лексико-семантическая группа существительных «表达情绪的方式» («Способ проявления эмоции»): 眼泪 (слёзы) (2).

3. 颜色 – 死亡的象征 (цвет – символ смерти)

• ассоциативные связи:

– лексемы «黑» (чёрный) и «白» (белый) (лексема «黑» (чёрный), обозначающая цвет окружающего мира, лексема «白» (белый), обозначающая пустоту души);

– лексико-семантическая группа прилагательных «死亡的颜色» («Цвет смерти»): 暗的 (тёмный) (1), 黑的 (чёрный) (4), 白的 (белый) (3).

4. 葬礼的仪式 (похоронный обряд)

• ассоциативные связи:

– лексико-семантическая группа существительных «葬礼的仪式» («Похоронный обряд»): 葬礼 (похороны) (2), 棺材 (гроб) (3), 墓地 (могила) (1), 墓地 (кладбище) (1), 骨灰 (пепел костей) (1).

5. 对生命有限性的理解 (понимание конечности жизни)

• парадигматические связи:

– лексемы «结束» (конец) (3) и «开端» (начало) (1), 世界的结束 (конец мира) (2), 生命的结束 (конец жизни) (3), 新生活的开始 (начало новой жизни) (3).

Выделяются антонимы: конец – начало.

6. 人的不幸 (несчастье человека)

• ассоциативные связи:

– лексико-семантическая группа глаголов «战争时刻的行为活动» («Действие во время войны»): 交战 (воевать) (2), 消灭 (истребить) (1), 叫喊 (кричать) (1), 牺牲生命 (жертвовать жизнью) (1);

– лексико-семантическая группа существительных «苍白» («Бедствие»): 苍白 (бедствие) (1), 事故 (авария) (1), 地震 (землетрясение) (2).

7. 死亡的特征 (приметы смерти)

• ассоциативные связи:

– лексико-семантическая группа существительных «死亡的特征» («Символ, обозначающий смерть»): 尸体 (труп) (1), 遗体 (останки) (2), 血 (кровь) (2);

– лексико-семантическая группа «灵异» («Нереальные существа»): 鬼 (чёрт) (2), 魂 (привидение) (1);

– лексемы «深渊» (пропасть) (1) (в сочетании с лексемами «无底的» (бездонная) и «无止境的» (бесконечная)), «海» (море) (1), «绳子» (верёвка) (1), «恶» (зло) (1), «天使» (ангел) (2), «天堂» (рай) (1) и «地狱» (ад) (1), «神秘» (тайна) (2) и «未知性» (неизвестность) (1), «想起» (вспомнить) (1).

В нашем исследовании мы рассмотрели составляющие концептуальных полей, построенных на различном материале: ассоциативном эксперименте и пословицах. Ассоциативный эксперимент позволил нам выяснить современное отношение китайцев и русских к смерти. Изучение пословиц позволило нам выявить традиционное понимание смерти в русской и китайской культурах.

В результате анкетирования было выявлено, что и русские и китайцы перед смертью выразили чувство страха, печали. Но, что такое смерть? Никто не может ответить словами, только выразить чувствами и эмоциями. Проанализировав данные анкетирования, мы нашли сходства и различия ассоциаций у русских и китайцев.

Одинаковые ассоциации включают составляющие:

1. Отношение к смерти

У русских и китайцев очень похожее отношение к смерти. С одной стороны, люди боятся смерти. Она связана у них с плохим и грустным состоянием. С другой стороны, они считают, что смерть – это освобождение для них. Перед смертью они успокоятся.

И у русских, и у китайцев встречаем лексемы «слезы», «печаль», «боль», «страх».

2. Понимание конечности жизни

Наиболее часто в концептуальных полях встречаются слова «конец» и «начало».

3. Обряд похорон

Общие лексемы для концептуальных полей «похороны», «гроб», «кладбище».

В концептуальном поле, построенном на материалах китайской культуры, встретили уникальное словосочетание «пепел костей», в концептуальном же поле русской культуры имеются лексемы «траур», «камень».

Разные ассоциации мы обнаружили в следующих значениях:

1. Способ проявления эмоции перед смертью

Как люди выражают свои эмоции перед смертью? Результат анкетирования показывает нам, что китайцы всегда плачут, а русские плачут и улыбаются (нами было обнаружено несколько реакций «улыбка», «радость»).

2. Цвет – символ смерти

Символ смерти для русских – это только чёрный цвет, а для китайцев кроме чёрного цвета это ещё и белый, что подтверждает ассоциативный эксперимент.

3. Неизбежность смерти

Это значение смерти появилось у русских респондентов в ассоциативном эксперименте и в пословицах. Они спокойно относятся к смерти и считают, что смерть – это просто судьба каждого человека. Однако при исследовании материалов китайской культуры подобное значение было обнаружено нами только в пословицах.

4. Признак смерти

Это значение является уникальным у китайских респондентов. В это значение включаем лексико-семантическую группу существительных «Символ, обозначающий смерть»: труп, останки, кровь; и лексико-семантическую группу «Нереальные существа»: чёрт, привидение. Это объясняется тем, что и в настоящее время в Китае очень много людей думают, что существует переселение души и жизнь после смерти.

5. Смерть – это грех

Это значение встречается только в русских пословицах и ответах русских респондентов. Представлено лексемой «смерть». Это объясняется традициями русской христианской культуры.

6. Характеристика смерти с лучшей стороны

Это значение встречается только у китайских респондентов. Представлено лексемой «слава».

7. Несчастье человека

Такое значение является уникальным у китайских респондентов. В него включаем лексико-семантическую группу глаголов «Действие во время войны»: воевать, истребить, кричать, жертвовать жизнью; и лексико-семантическую группу существительных «Бедствие»: бедствие, авария, землетрясение. Мы думаем, что китайцы более осторожны, чем русские. Они больше дорожат жизнью и понимают, что авария может привести к смерти.

Кроме того, недавно в Китае в провинции Сычуань было большое землетрясение и люди помнят об этом, что очевидно из их ответов.

Таким образом, мы показали сходства и различия в концептуальных полях в китайской и русской языковых картинах мира.

Ассоциативно-семантическое поле концепта «Смерть», построенного на материалах китайских пословиц и анкетирования, имеет ядерную зону, центральную зону и периферию. В ядро включаем существительное «смерть» и глаголы «умереть» / «умирать».

К центральной зоне относятся лексико-семантические группы разных частей речи, связанные с ядром синтагматическими и парадигматическими связями. Сюда относим лексико-семантическую группу «Противопоставление смерти», лексемы «конец», «начало».

К периферии индивидуальные ассоциации «Похоронный обряд», «Чувство страха», «Отношение к смерти» и т.д.

Ассоциативно-семантическое поле концепта «Смерть», построенного на материалах русских пословиц и анкетирования, имеет ядерную зону, центральную зону и периферию. В ядро включаем существительное «смерть» и глаголы «умереть» / «умирать», прилагательное «смертный».

К центральной зоне относятся лексико-семантические группы разных частей речи, связанные с ядром синтагматическими и парадигматическими связями. Например, лексико-семантическая группа «Противопоставление смерти», лексемы «конец», «начало».

К периферии индивидуальные ассоциации «Проявление чувств», «Расставание», «Состояние души».

Мы выяснили, что построенные нами ассоциативно-семантические поля имеют много общих компонентов. Но имеются и уникальные составляющие лексико-семантические группы «Действие во время войны», «Бедствие», «Нереальные существа», одиночная лексема «белый», свойственные только ассоциативно-семантическому полю, построенному на основе китайских пословиц и реакций. В ассоциативно-семантическом поле, построенном на основе русских пословиц и реакций, имеется лексема «улыбка».

В результате мы выяснили, что представления русских и китайцев о смерти очень похожи, хотя есть и различия, которые объясняются культурной спецификой. Так, например, русские сравнивают смерть с грехом, а китайцы говорят о смерти как о славной гибели на войне.

Концепты «Ложь», «Обман», «Вранье» в русской и китайской языковых картинах мира*

Ассоциаты, близкие по своему семантическому содержанию, обобщаются в когнитивный признак. Для наименования формулируемого когнитивного признака мы берем наименование наиболее частотной реакции или наиболее нейтральное в стилистическом отношении слово.

Далее определяем яркость признаков (считаем количество ассоциаций каждого признака), строим поле, располагая признаки по яркости в зоны ядра и периферии. Самые яркие из них будут находиться в зоне ядра, остальные по мере уменьшения яркости будут расположены соответственно в зонах ближней, дальней и крайней периферий.

Сначала мы сравним результаты ассоциативного эксперимента со стимулами «ложь», «обман», «вранье» у русских, потом проанализируем результаты эксперимента китайцев. Это даст нам возможность выявить национальную специфику соответствующих концептов.

Нами было опрошено 300 человек (150 русских, 150 китайцев) в возрасте от 18 до 50 лет. Основной состав опрашиваемых – студенты гуманитарно-технических специальностей, преподаватели (от 23 до 45 лет).

Исследование проводилось методом анкетирования. Испытуемым был задан вопрос: «Какие ассоциации вызывают у вас слова «ложь», «обман», «вранье»? Ассоциативный эксперимент предполагает, что испытуемый фиксирует первые пришедшие на ум ассоциации на предъявляемое слово-стимул. Словами-реакциями, или ассоциатами, могут быть отдельные слова, словосочетания или фразеологизированные выражения.

Рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «ложь» у русских:

Ложь (147): неправда (16); обман (10); специально, предательство (9); во спасение (8); негативные эмоции, грех (6); намеренно (5); вранье (4); жестокая, горькая (3); гнев, гадость, грязь, искажение, злость, мерзость, норма, наглость, негатив, негативность, неприязнь, неприятные ощущения, намеренное, нечто скрытое, одиночество, плохо, сильные эмоции, сказка, сладкая, спасение,

* © А.В. Яськова, Чжао Хао

умышленная (2); бессилие, бесстыдность, боль, всегда, двуличие, добрая, злая, зло, книга, колдунья, крик, лжец, намек, нарочно, обида, обличение, откроется, очень плохо, повсюду, подлость, правда, разлука, разрыв, серый цвет, скрывание, умышленно, удар (1).

Выделяем когнитивные признаки и определяем их яркость:

Неправда (31): неправда (16), обман (10), вранье (4), искажение (1).

Нечто скрытое (4): нечто скрытое (2), намек (1), скрывание (1).

Намеренное действие (18): намеренно (5), нарочно (1), специально (9), умышленная (2), умышленно (1).

Субъект (2): колдунья (1), лжец (1).

Эмоции (12): негативные эмоции (6), гнев (2); сильные эмоции (2), неприятные ощущения (2).

Предательство (10): предательство (9), подлость (1).

Последствие (5): негатив (2), злость (2), крик (1).

Необходимость (10): во спасение (8), спасение (2).

Положительная оценка (3): добрая (1), сладкая (2).

Отрицательная оценка (32): грех (6), горькая (3), жестокая (3), мерзость (2), гадость (2), грязь (2), наглость (2), негативность (2), неприязнь (2), плохо (2), бесстыдность (1), злая (1), зло (1), гнев (1) очень плохо (1), подлость (1).

Обличение (2): обличение (1), откроется (1).

Физические ощущения (3): бессилие (1), боль (1), удар (1).

Душевное состояние (2): бессилие (1), обида (1).

Неизбежное явление (4): всегда (1), норма (2), повсюду (1).

Одиночество (4): разлука (1), разрыв (1), одиночество (2).

Антонимы (1): правда (1).

Цвет (1): серый цвет (1).

Художественная сфера (3): сказка (2), книга (1).

Располагаем когнитивные признаки по зонам ядра и периферии поля.

В ядерную зону концепта «ложь» входят следующие признаки: *отрицательная оценка* (32), *неправда* (31), *намеренное действие* (18).

Ближнюю периферию образуют признаки: *негативные эмоции* (12), *предательство* (10), *необходимость* (10).

Дальнюю периферию составляют следующие признаки: *неизбежное явление* (4), *одиночество* (4), *последствие* (5), *нечто скрытое* (4), *физическое ощущение* (3), *художественная сфера* (3), *положительная оценка* (3).

В зоне крайней периферии находятся признаки: *субъект* (2), *обличение* (2), *душевное состояние* (2), *правда* (1), *цвет* (1).

Далее рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «обман» у русских:

Обман (138): неправда (16); плохо (11); афера, злость, неприятное ощущение, страх (8); недоверие, ложь (7); мошенничество (6); обида, предательство, хитрость (5); горький (4); деньги, подлость, неприязнь, наглость, правительство, страшно (3); боль, негатив, негативные эмоции, сказка, скрытие информации, слезы (2); боль, вранье, гнев, грязь, неприятно, нехорошо, политика, торговля, нечто несерьезное, намеренный, человек, политика, игра, очень плохо, ребенок, самоуверенность, хамство, удар (1).

Выделяем когнитивные признаки и определяем их яркость:

Мошенничество (19): афера (8), мошенничество (6), деньги (3), зарплата (1), торговля (1).

Неправда (25): неправда (16), ложь (7), сокрытие информации (1), вранье (1).

Нечто несерьезное (1): нечто несерьезное (1).

Отрицательная оценка (31): плохо (11), хитрость (5), горький (3), наглость (3), подлость (3), неприязнь (1), грязь (1), неприятно (1), нехорошо (1), хамство (1), очень плохо (1).

Намеренный (1): намеренный (1).

Субъект (1): человек (1).

Политическая сфера (5): политика (1), правительство (3), президент (1).

Предательство (5): предательство (5).

Физические ощущения (1): боль (1), удар (1).

Душевное состояние (10): обида (5), неприязнь (3), гнев (1), печаль (1).

Эмоции (21): страх (8), страшно (3), неприятное ощущения (8), негативные эмоции (2).

Последствие (18): злость (7), обида (4), недоверие (7).

Располагаем когнитивные признаки по зонам ядра и периферии поля:

В ядерную зону концепта «обман» входят следующие признаки: *отрицательная оценка* (31), *неправда* (25).

Ближнюю периферию образуют признаки: *негативные эмоции* (21), *мошенничество* (19), *последствие* (18).

Дальнюю периферию составляют такие признаки: *душевное состояние* (10), *политическая сфера* (5), *предательство* (5).

В зоне крайней периферии находятся признаки: *субъект* (1), *намеренное действие* (1), *нечто несерьезное* (1), *физические ощущения* (1).

Результаты ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «вранье» у русских таковы:

Вранье (153): неправда (16); плохо (13); недоверие (10); глупость (9); неприятность, грязь (7); предательство (6); афера, ложь, злость (5); негативность, наглость, плохой, огорчение (4); очень плохо, скрытое, ерунда (3); деньги, негатив, пустозвон, постоянное (2); бесстыдность, боль, брехня, варенье, вздор, Иван, гнев, грязное, лжец, мальчик, мошенничество, ненависть, неприязнь, неприятное ощущение, обида, обман, повсюду, подлость, проступок, разочарование, самое негативное, подлое, сказка, слух, сокрытие, страх, стыдно, что-то несерьезное, уловка, шутка (1).

Выделяем когнитивные признаки и определяем их яркость:

Душевное состояние (2): обида (1), разочарование (1).

Неправда (29): неправда (16), ерунда (3), ложь (5), брехня (2), вздор (1), обман (1), слух (1).

Нечто несерьезное (12): неприятность (7), нечто несерьезное (1), ерунда (1), шутка (1), пустозвон (2).

Неизбежное явление (4): постоянное (2), повсюду (1), проступок (1).

Нечто скрытое (4): скрытое (3), сокрытие (1).

Мошенничество (8): афера (5), деньги (2), мошенничество (1).

Отрицательная оценка (53): плохо (13), грязь (7), негативность (4), наглость (4), плохой (4), очень плохо (3), глупость (9), негатив (2), дурная привычка (1), бесстыдность (1), грязное (1), подлость (1), самое негативное (1), подлое (1), уловка (1).

Предательство (6): предательство (6).

Последствие (22): недоверие (10), злость (5), ненависть (3), негатив (2), обида (1), гнев (1).

Субъект (5): пустозвон (2), Иван (1), лжец (1), мальчик (1).

Физические ощущения (2): боль (2).

Эмоции (8): огорчение (4), страх (1), неприязнь (1), неприятное ощущение (1), стыдно (1).

Фонетический аналог (1): варенье (1).

Художественная сфера (1): сказка (1).

Располагаем когнитивные признаки по зонам ядра и периферии поля:

В ядерную зону концепта «вранье» входят следующие признаки: *отрицательная оценка* (53), *неправда* (29), *последствие* (22).

Ближнюю периферию образуют признаки *нечто несерьезное* (12), *мошенничество* (8), *негативные эмоции* (8).

Дальнюю периферию составляют такие признаки: *предательство* (6), *неизбежное явление* (4), *субъект* (5), *нечто скрытое* (4).

В зоне крайней периферии находятся признаки: *душевное состояние* (2), *физические ощущения* (2), *фонетический аналог* (1), *художественная сфера* (1).

В результате сопоставления полей концептов «Ложь», «Обман», «Вранье» у русских мы выявляем значительные сходства в ядерной зоне: когнитивные признаки *отрицательная оценка* и *неправда* находятся в ядре поля каждого концепта. Кроме того, у концепта «Ложь» мы обнаруживаем признак *намеренное действие*, а у концепта «Вранье» – когнитивный признак *последствие*.

В зоне ближней периферии концепты «Ложь», «Обман», «Вранье» имеют общий когнитивный признак *негативные эмоции*. У концепта «Ложь» выявляются когнитивные признаки *необходимость*, *предательство*, у концептов «Обман» и «Вранье» – общий признак *мошенничество*. В зоне ближней периферии у концепта «Обман» присутствует когнитивный признак *последствие*, а у концепта «Вранье» – когнитивный признак *нечто несерьезное*.

Зоны дальней и крайней периферии полей концептов «Ложь», «Обман», «Вранье» обнаруживают сходства признаков: *неизбежное явление*, *нечто скрытое*, *предательство*.

В зоне дальней периферии концепт «Обман» характеризуется когнитивным признаком *политическая сфера*, а концепт «Ложь» в этой зоне имеет признак *положительная оценка*.

Итак, в сознании носителей русского языка концепты «Ложь», «Обман», «Вранье» выступают как оценочные, причем отрицательная оценка преобладает. На это указывает и то, что когнитивный признак *положительная оценка*, выделенный только у концепта «Ложь», находится в зоне дальней периферии в структуре поля этого концепта. Сопоставление полей концептов позволило выявить и отличия: «ложь» – это не только неправда, но и необходимость, «обман» – это мошенничество, он связан с деньгами и политикой, чем-то несерьезным является «вранье».

Рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «ложь» у китайцев:

Ложь (149): добрая ложь (11); девушка (10); неправда, мужчина, обманщик (9); предательство (8); любовь, обман, преподаватель (6); лицемерность, слезы (5); лиса, любовник, мужчина (4); недоверие, что-то скрытое, нужна, подлый человек, человек (3); бесстыдность, вранье, очень плохо, плохо, секрет, специалист, жизнь, наивная, печально, мышь (2); боль, бред, глупость, любовные отношения, муж, невоспитанный человек, необходимая, неудачная, огорчение, от

нее тошнит, печаль, подлость, последствие, правда, прекрасная, раздражение, старший человек, хорошая, Чжао Хао, удачная (1).

Выделяем когнитивные признаки и определяем их яркость:

Неправда (18): неправда (9), обман (6), вранье (2), бред (1).

Отрицательная оценка (15): от нее тошнит (1), плохо (2), очень плохо (2), лицемерность (5), бесстыдность (2), глупость (1), неудачная (1), подлость (1).

Нечто скрытое (5): что-то скрытое (3), секрет (2).

Предательство (8): предательство (8).

Последствие (4): недоверие (3), последствие (1).

Любовь (7): любовь (6), любовные отношения (1).

Положительная оценка (16): добрая ложь (11), наивная (1), прекрасная (1), хорошая (1), удачная (1).

Субъект (43): человек (3), мужчина (9), подлый человек (3), старший человек (1), любовник (4), обманщик (9), муж (1), девушка (10), специалист (2), Чжао Хао (1).

Необходимость (5): необходимая (1), нужна (3), невоспитанный (1).

Неизбежное явление (1): жизнь (1).

Физические ощущения (6): слезы (5), боль (1).

Душевное состояние (5): печально (2), огорчение (1), печаль (1), раздражение (1).

Животное (4): лиса (4).

Антонимы (1): правда (1).

Эмоции (3): огорчение (1), раздражение (1), печаль (1).

Фонетический аналог (8): преподаватель (6), мышь (2).

Располагаем когнитивные признаки по зонам ядра и периферии поля:

В ядерную зону концепта «Ложь» входят следующие признаки: *субъект* (43).

Ближнюю периферию образуют признаки *неправда* (18), *положительная оценка* (16), *отрицательная оценка* (16).

Дальнюю периферию составляют такие признаки: *предательство* (8), *фонетический аналог* (8), *любовь* (7), *физические ощущения* (6), *нечто скрытое* (5), *необходимость* (5), *душевное состояние* (5).

В зоне крайней периферии находятся признаки: *последствие* (4), *животное* (4), *негативные эмоции* (3), *неизбежное явление* (1), *антонимы* (1).

Далее рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «обман» у китайцев:

Обман (147): любовь (14); лицемерность, тщеславие (9); ложь, предательство (8), обманщик, неправда, возмущение, обида, мошенничество (6); политик, любовник, мужчина, политика, реклама (4); девушка, плохо, плохой человек, повсюду, человек (3); возмущение, в любви, государство, друг, негатив, продолжающийся процесс, жизнь, специалист (2); всегда, грязь, жестокий, кое-кто, муж, недоверие, обмен, печаль, подлость, постоянно, похвальба, правительство, сказка, собственный интерес, тошнота, цель, ребенок, эмоция (1).

Выделяем когнитивные признаки и определяем их яркость:

Любовь (16): любовь (14), в любви (2).

Неправда (14): ложь (8), неправда (6).

Отрицательная оценка (15): плохо (3), лицемерность (9), грязь (1), жестокий (1), подлость (1).

Предательство (8): предательство (8).

Субъект (34): обманщик (6), мужчина (4), политик (4), любовник (4), человек (3), плохой человек (3), девушка (3), друг (2), ребенок (1), специалист (2), кое-кто (1), муж (1).

Эмоции (16): возмущение (8), обида (6), эмоция (1), печаль (1).

Последствие (3): недоверие (1), негатив (2).

Мошенничество (8): мошенничество (6), обмен (1), собственный интерес (1).

Причина (11): тщеславие (9), похвальба (1), цель (1).

Физические ощущения (1): тошнота (1).

Неизбежное явление (9): повсюду (3); продолжающийся процесс (2), жизнь (2), всегда (1), постоянно (1).

Политическая сфера (7): политика (4), государство (2), правительство (1).

Художественная сфера (5): реклама (4), сказка (1).

Располагаем когнитивные признаки по зонам ядра и периферии поля:

В ядерную зону концепта «обман» входят следующие признаки: *субъект* (34).

Ближнюю периферию образуют признаки *неправда* (14), *любовь* (16), *отрицательная оценка* (15), *негативные эмоции* (16).

Дальнюю периферию составляют такие признаки: *причина* (11), *неизбежное явление* (9), *предательство* (8), *мошенничество* (8), *политическая сфера* (7), *художественная сфера* (5).

В зоне крайней периферии находятся признаки: *последствие* (3), *физические ощущения* (1).

Результаты ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «вранье» у китайцев:

Вранье (133): неправда (13); ерунда (9); всегда, мужчина, бред (7); неприятные эмоции, шутка, обман, человек, черт (6); плохо, предательство, постоянное, пьяница, бред, ложь, диалог с чертом, нечто несерьезное (4); злость, недоверие, секрет, негатив, негативность, необходимое (3); скрытое (2); возмущение, девушка, дурное дело, намеренно, намеренное действие, неприятно, нечто скрытое, огорчение, тошнота, цель (1).

Выделяем когнитивные признаки и определяем их яркость:

Неправда (27): неправда (13), обман (6), бред (4), ложь (4).

Нечто несерьезное (19): нечто несерьезное (4), ерунда (9), шутка (6).

Субъект (24): мужчина (7), человек (6), черт (6), пьяница (4), девушка (1).

Неизбежное явление (14): всегда (7), постоянное (4), необходимое (3).

Эмоции (12): неприятные эмоции (6), злость (3), возмущение (1), огорчение (1).

Физические ощущения (1): тошнота (1).

Причина (1): цель (1).

Диалог с чертом (5): диалог с чертом (4), черт (1).

Последствие (9): недоверие (3), злость (3), негатив (3).

Намеренное действие (2): намеренно (1), намеренное действие (1).

Нечто скрытое (6): секрет (3), скрытое (2), нечто скрытое (1).

Предательство (4): предательство (4).

Отрицательная оценка (9): плохо (4), дурное дело (1), неприятно (1), негативность (3).

Располагаем когнитивные признаки по зонам ядра и периферии поля:

В ядерную зону концепта «вранье» входят следующие признаки: *субъект* (24), *неправда* (27).

Ближнюю периферию образуют признаки: *нечто несерьезное* (19), *неизбежное явление* (14), *негативные эмоции* (12).

Дальнюю периферию составляют следующие признаки: *последствие* (9), *отрицательная оценка* (9), *нечто скрытое* (6), *диалог с чертом* (5).

Крайнюю периферию образуют следующие признаки: *предательство* (4), *намеренное действие* (2), *физические ощущения* (1), *причина* (1).

В результате сопоставления полей концептов «Ложь», «Обман», «Вранье» у китайцев мы выявляем значительные сходства в ядерной зоне: когнитивный признак *субъект* находится в ядре каждого концепта. В ядре поля концепта «Вранье» мы обнаруживаем когнитивный признак *неправда*.

В зоне ближней периферии полей концептов «Ложь», «Обман», «Вранье» обнаруживаются признаки *неправда*, *отрицательная оценка*, *негативные эмоции*. При этом концепты «Ложь» и «Обман» в этой зоне имеют общие признаки *неправда* и *отрицательная оценка*, а концепты «Обман» и «Вранье» – общий признак *негативные эмоции*. В зоне ближней периферии у концепта «Ложь» присутствуют когнитивные признаки *положительная оценка* и *отрицательная оценка*, причем первый признак ярче. Кроме того, в зоне ближней периферии у концепта «Вранье» выявляется когнитивный признак *нечто несерьезное*, а у концепта «Обман» – когнитивный признак *любовь*.

Зоны дальней и крайней периферии также обнаруживают как сходства, так и различия признаков. У концептов «Ложь» и «Обман» выявляется общий признак *последствие*, у концептов «Обман» и «Вранье» это признак *физические ощущения*. Концепт «Обман» в зоне дальней периферии имеет когнитивные признаки *мошенничество* и *политическая сфера*.

Таким образом, в сознании носителей китайского языка концепты «Ложь», «Обман», «Вранье» в большей мере связаны с определением субъекта и в меньшей мере выступают как оценочные. Следует отметить, что когнитивный признак *отрицательная оценка* обнаруживается только у концептов «Ложь» и «Обман», а у концепта «Ложь» обнаруживается еще и когнитивный признак *положительная оценка*, который в структуре поля даже ярче. Сопоставление полей концептов позволило выявить еще некоторые отличия: «ложь» характеризуется не только отрицательно, но и положительно, «обман» для китайского сознания – это мошенничество, он связан с деньгами и политикой, чем-то несерьезным является «вранье».

Итак, данный анализ позволил нам выявить национально-культурную специфику концептов «Ложь», «Обман», «Вранье» в русской и китайской языковых картинах мира.

Ядерные зоны полей концептов «Ложь», «Обман», «Вранье» у русских и китайцев не совпадают. Если в сознании носителей русского языка важным оказывается оценка данных явлений, то в китайском сознании важным оказывается определить субъект лжи, обмана, вранья. Таким образом, у русских концепты «Ложь», «Обман», «Вранье» выступают как оценочные, причем отрицательная оценка преобладает. На это указывает и то, что когнитивный признак *положительная оценка*, выделенный только у концепта «Ложь», находится в зоне дальней периферии. Китайцы же оценивают ложь в большей мере положительно. Это хорошо видно в структуре поля: признак *положительная оценка* расположен

в зоне ближней периферии, рядом с ядром поля, и этот признак ярче, чем признак *отрицательная оценка*.

Результаты нашего исследования показали, что признаки концептов «Обман» и «Вранье» в зоне периферии у русских и китайцев совпадают: и русские, и китайцы в своем сознании связывают обман с мошенничеством, деньгами и политикой, а вранье считают чем-то несерьезным.

Примечательно, что выделенный в ходе анализа когнитивный признак *последствие* в концептах «Ложь», «Обман», «Вранье» находится у русских в ядре поля, зонах ближней и дальней периферии, а у китайцев – в зонах дальней и крайней периферии. Очевидно, для китайского сознания менее важным оказывается осознание последствий лжи, обмана и вранья.

Пословицы и поговорки отражают исторические представления о каком-либо явлении.

Когнитивная интерпретация паремий предполагает, что на основе анализа их смысла формулируются соответствующие когнитивные признаки в виде утверждений о концепте. Если не удастся сформулировать признак как утверждение, то такая паремия исключается из дальнейшей интерпретации как не несущая для современного носителя языка однозначной информации.

Обратимся к сборнику пословиц русского народа В.И. Даля [74. С. 121].

Проанализируем русские паремии, представляющие концепт «ложь», и выделим когнитивные признаки:

- Ложь – типичное свойство человека

Всяк человек ложь – и мы тож; Будет в поле рожь, будет и в людях ложь.

- Ложь – неперенный атрибут жизни

Не бывает в поле безо ржи, а слово безо лжи; Мир во лжи лежит; Ложью погоняет; Правда истомилась, лжи покорилась; Нужда не ложь, а поставит на тож.

- Ложь разоблачаема и недолговечна

Ложь на тараканьих ножках (прибавка: того гляди подломятся); У лжи короткие ноги; Ложь не живуца. Вранью короткий век; Какова резва ни будь ложь, а от правды не уйдет; Ложь до исправы. Ложь стоит до улики; Лжесей много, а правда одна; Ложью как хошь верти, а правде путь один; Ложь доводит до правды.

- Ложь губительна для человека

Ложью свет пройдешь, да назад не вернешься; Лжа (ложь), что ржа (ржавчина): тлит.

- Ложь может быть использована во благо или оправдание чего-либо

Умная ложь лучше глупой правды; Сладкая ложь лучше горькой правды.

- Ложь – средство выражения красоты речи

Красное словцо не ложь; Красно поле рожью, а речь ложью (т.е. красным словцом). Вот тебе грош за красную ложь.

- Ложь связана с правдой

Не будь лжи, не стало б и правды; Коли не ложь, так правда. Коли не врет, так правду говорит; Рать стоит до мира, ложь до правды.

- Ложь зависит от воли человека

С лжи пошлин не берут; Ложь на охотника, а не любо – не слушай!

- Ложь – грех

Делай не ложью – всё выйдет по-Божью; Живи не ложью – будет по-Божью; От Бога дождь, от дьявола ложь.

В словаре Даля мы находим только одну русскую поговорку, представляющую концепт «Обман». Сформулируем когнитивный признак:

- Обман – средство достижения цели
Обманом города берут. И воюют, так воруют.

Проанализируем русские паремии, представляющие концепт «Вранье», и выделим когнитивные признаки:

- Вранье губительно для человека, может принести вред

Вранье не введет в добро. Вранье, что дранье (дранный тес): того гляди руку занозишь.

- Вранье имеет последствие
*Со вранья не мрут, да вперед веры неймут.
Вранье, не споро: попутает скоро.*

• За вранье не наказывают, но и не поощряют
Со вралей пошлин не берут, да и жалованья не дают. Со вранья пошлин не берут, а ино хвалят, да денег не платят.

- Вранье – неперенный атрибут жизни
И враньем люди живут, да еще хвалятся.

Обратимся к сборнику пословиц и поговорок китайского народа [314].

Проанализируем китайские паремии, представляющие концепт «Ложь», и выделим когнитивные признаки:

- Ложь не свойственна честным людям
明人不做暗事, 真人不说假话.
- Ложь неприменима по отношению к честным людям
当着真人, 别说假话.
- Ложь – негативное явление
宁可认错, 不可说谎.

Проанализируем китайские паремии, представляющие концепт «Обман», и выделим общий когнитивный признак:

- Обман губителен для человека
欺人是祸, 饶人是福; 欺山莫欺水, 欺人莫欺心.

Мы не находим в сборнике китайских паремий, представляющих концепт «Вранье».

Проанализировав русские паремии, представляющие концепт «Ложь», и выделив когнитивные признаки, мы можем определить, какие из них присутствуют в большем количестве.

Ложь – типичное свойство человека (2 паремии)

Ложь – неперенный атрибут жизни (5 паремий)

Ложь разоблачаема и недолговечна (8 паремий).

Ложь губительна для человека (2 паремии).

Ложь может быть использована во благо или оправдание чего-либо (2 паремии).

Ложь – средство выражения красоты речи (3 паремии).

Ложь связана с правдой (3 паремии).

Ложь зависит от воли человека (2 паремии).

Ложь – грех (3 паремии).

Когнитивные признаки паремий могут быть упорядочены по принципу поля. В ядро войдут наиболее яркие из них, встречающиеся чаще всего, зону периферии составят наименее частотные.

Таким образом, в поле преобладают когнитивные признаки: *Ложь разоблачаема и недолговечна*, а также *Ложь – неперемный атрибут жизни*. Первое значение входит в ядро поля, второе – в зону ближней периферии.

В меньшей степени представлены признаки *Ложь – средство выражения красоты речи*. *Ложь связана с правдой*. *Ложь – грех*. Данные признаки представляют дальнюю периферию.

В зоне крайней периферии находятся признаки: *Ложь – типичное свойство человека*. *Ложь губительна для человека*. *Ложь может быть использована во благо или оправдание чего-либо*. *Ложь зависит от воли человека*.

Если мы сравним ядерную зону поля, построенного на основе результатов ассоциативного эксперимента, и ядро паремиологического поля концепта «ложь», мы увидим, что когнитивные признаки не совпадают. К примеру, в ядре паремиологического поля нет крайне негативного оценочного значения, актуальным признается разоблачаемость и недолговечность этого явления.

Концепт «Обман» у русских представлен одной пословицей. Мы выделили такой когнитивный признак: *Обман – средство достижения цели*. На наш взгляд, его можно соотнести только с когнитивным признаком *намеренный*, но он расположен в зоне крайней периферии ядра поля концепта «Обман».

Концепт «Вранье» у русских представлен небольшим количеством паремий.

Перечислим выделенные когнитивные признаки пословиц и сравним их с признаками ядра поля концепта «Вранье», построенного по результатам ассоциативного эксперимента:

Вранье губительно для человека, может принести вред.

Вранье имеет последствие.

За вранье не наказывают, но и не поощряют.

Вранье – неперемный атрибут жизни.

В структуре поля концепта «Вранье» в зоне ближней периферии обнаруживается когнитивный признак *последствие*. Такой же признак мы выделили в пословицах.

Концепты «Ложь» и «Обман» у китайцев представлены небольшим количеством паремий.

Концепт «Вранье» паремиями не представлен.

Перечислим выделенные когнитивные признаки китайских паремий и сравним их с признаками ядра поля концепта «Ложь», построенного по результатам ассоциативного эксперимента:

Ложь не свойственна честным людям.

Ложь неприменима по отношению к честным людям.

Ложь – негативное явление.

В структуре поля концепта «Ложь» в зоне ближней периферии обнаруживается когнитивный признак *отрицательная оценка*. Его мы можем соотнести с когнитивным признаком *ложь – негативное явление*, выделенным в пословице.

В китайских пословицах, представляющих концепт «Обман», выделяется когнитивный признак *Обман губителен для человека*. На наш взгляд, его можно соотнести только с когнитивным признаком *последствие*, но он расположен в зоне крайней периферии ядра поля концепта «Обман».

Таким образом, анализ паремиологических когнитивных признаков концепта «Ложь» показывает, что историческое сознание русского народа осознавало разоблачаемость и недолговечность лжи. Мы также видим, что у русских существовало народное представление о лжи как о чем-то неизбежном и постоянном. Обман русские осознавали как средство достижения цели. Такое понимание не находит отражение в современном сознании русского народа, чего нельзя сказать о концепте «Вранье»: как раньше, так и сейчас русские задумываются о его последствиях.

В историческом сознании китайского народа ложь воспринималась как негативное явление, что наблюдается и сейчас. Что касается обмана, то раньше китайцы осознавали, что он губителен для человека и имеет свои последствия. Однако сейчас китайцы об этом не задумываются.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

В сознании носителей русского языка концепты «Ложь», «Обман», «Вранье» выступают как оценочные, причем отрицательная оценка преобладает. В сознании русских «ложь» – это не только неправда, но и необходимость, «обман» – это мошенничество, он связан с деньгами и политикой, чем-то несерьезным является «вранье».

В сознании носителей китайского языка концепты «Ложь», «Обман», «Вранье» в большей мере связаны с определением субъекта и в меньшей мере выступают как оценочные. В сознании китайцев «ложь» характеризуется не только отрицательно, но и положительно, «обман» – это мошенничество, он связан с деньгами и политикой, чем-то несерьезным является «вранье».

Национально-культурная специфика концептов «Ложь», «Обман», «Вранье» состоит в том, что у русских данные концепты выступают как оценочные, причем отрицательная оценка преобладает. Китайцы же оценивают ложь в большей мере положительно. И русские, и китайцы в своем сознании связывают обман с мошенничеством, деньгами и политикой, а вранье считают чем-то несерьезным. Для китайского сознания менее важным оказывается осознание последствий лжи, обмана и вранья.

Историческое сознание русского народа понимало разоблачаемость и недолговечность лжи. Обман русские осознавали как средство достижения цели. Такое понимание не нашло отражения в современном сознании русского народа, чего нельзя сказать о концепте «Вранье»: как раньше, так и сейчас русские задумываются о его последствиях.

В историческом сознании китайского народа ложь воспринималась как негативное явление, что наблюдается и сейчас. Что касается обмана, то раньше китайцы осознавали, что он губителен для человека и имеет свои последствия. Однако сейчас они об этом не задумываются.

Ложь, обман и вранье, хотим мы того или нет, являются неотъемлемой частью нашей жизни. Нет такой сферы человеческой деятельности, где бы не встречались эти явления. Ложь, обман и вранье сопровождают человеческую коммуникацию и реализуются в ней. Когнитивная интерпретация результатов ассоциативного эксперимента и паремий позволила определить содержание концептов «Ложь», «Обман», «Вранье» в русской и китайской языковых картинах мира и выявить их национально-культурную специфику.

Концепт «Бог» в русской и китайской языковых картинах мира*

Концепт «Бог» представляет большой интерес для лингвистического изучения, так как является константой русской и китайской лингвокультур, объективируется в большом количестве паремий и афоризмов и вербализуется значительным количеством лексических единиц. Образ Бога в сознании людей прошел длительный путь развития, и представление о Боге может иметь различный смысл, обусловленный исторической ситуацией, социальной принадлежностью индивида.

За последние десятилетия возрос интерес лингвистов к языку как феномену человеческой культуры. Идея антропоцентричности языка – ключевая в современной лингвистике. Изучение проблем взаимосвязи языка и культуры становится все более актуальным. На основе идеи о связи языка и культуры возникает наука лингвокультурология, одним из базовых понятий которой является понятие «концепт» (в настоящее время это понятие активно разрабатывается и изучается концептосфера языковой личности). В рамках лингвокультурологии и антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований писали свои работы Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Ю.Н. Караулов, А.П. Бабушкин, Ю.Д. Апресян, С.Г. Воркачев, А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев и др. В связи с этим очень актуально рассматривать концепт «Бог» как культурно-языковое образование.

Несмотря на то, что концепт «Бог» уже был предметом исследований (Т.И. Передриенко «Метафоризация в истории концепта «Бог» в русской лингвокультуре»; Е.А. Алексеева «Семантические особенности лексики, связанной с обозначением объектов культурной символики (на примере символа Бог в русской и французской лингвокультурах)»; Ю.С. Степанов «Константы: Словарь русской культуры»), нам представляется, что в настоящее время отсутствует полный и всесторонний анализ данного концепта в межкультурном освещении.

Актуальными являются задачи исследовать представления когнитивной и культурологической информации, раскрывающей различные стороны концептов, а также решить проблемы межкультурного общения. Неизбежной характеристикой межкультурного общения являются коммуникативные сбои, происходящие в силу несовпадения картин мира и требующие лингвокультурного объяснения. Изучение фрагментов русской и китайской картин мира будет способствовать постепенному устранению границ непонимания между носителями разных лингвокультур.

Для начала рассмотрим следующие понятия: культура, язык, лингвокультурология, языковая картина мира и концепт.

Существует множество определений слова культура.

В «Большом словаре иностранных слов» дается следующее определение термина культура: 1. Исторически сложившийся уровень развития общества, выраженный в социальных взаимоотношениях людей, а также в созданных ими материальных и духовных ценностях. 2. Индивидуальный уровень социального, интеллектуального и деятельности. 3. Степень развития какой-л. области человеческой деятельности. 4. Обработка почв, разведение сельскохозяйственных

* © О.К. Калькова, Сяо Сюе

растений, сами сельскохозяйственные растения. 5. Лабораторное или промышленное выращивание микроорганизмов [36. С. 337].

В словаре «Лексические трудности русского языка» термин язык определяется, как: 1. Народ, народность. 2. В колоколе: металлический стержень, который, ударяясь о стенку, производит звон. 3. Что-то подвижное, имеющее удлиненную форму [215. С. 581].

В настоящее время бытует утверждение, что язык тесно связан с культурой. Он прорастает в нее, выражает ее, является обязательной предпосылкой развития культуры в целом [216. С. 223] и, наконец, составляет важную часть культуры народа, живущего в определенное время и в определенном месте. Из всех аспектов культуры «у языка есть свое окружение». Народ, на нем говорящий, принадлежит к какой-то расе (или нескольким расам), то есть к такой группе человечества, которая своими физическими свойствами отличается от прочих групп. Язык не существует и вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни [Там же. С. 185]. Поэтому необходимо изучать язык в теснейшей связи с «культурными зонами» и господствующими идеями народов. Будучи одним из признаков нации, ее «социального взаимодействия», язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры.

Общеизвестным является факт, что в каждом языке есть много явлений, которые разительно отличаются от подобных явлений в других языках. Это говорит о том, что язык «несет» в себе культуру народа, на нем говорящего. «Усваивая язык, человек одновременно проникает в национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое языком... Носители языка овладевают своей собственной национальной культурой не иначе, как через посредство родного языка» [45. С. 4].

Об этом говорил и А.Д. Шмелев. Именно он ставил вопрос: «Могут ли лексические единицы русского языка быть ключом к пониманию русской культуры?<...> Речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное» [296. С. 295]. Шмелев отмечал, что в языке, с одной стороны, находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые оказываются релевантными для носителей данной культуры и языка, а, с другой стороны, постепенно овладевая языком, носитель этого языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным ему его родным языком, и принимает бессознательно концептуализацию мира, характерную для культуры, к которой он принадлежит («слова, заключающие в себе лингвоспецифические концепты, одновременно отражают и формируют образ мышления носителей языка»).

Лексические единицы русского языка были ключом к пониманию русской культуры.

Итак, язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры. Он выражает в обнаженном виде специфические черты перед человеком область сознания.

Согласно нашей концепции, поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Культура соотнесена с языком через концепт пространства [144. С. 59].

Данные явления изучает лингвокультурология. Лингвокультурология как самостоятельное направление лингвистики оформилась в 90-е годы XX в. Лингвокультурология как наука возникла на основе идеи, что язык является частью культуры. Он «растет» из нее и выражает ее. Данная наука – это аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке.

Для нормального развития культуры необходим общий для нее запас культурных ценностей, накопленный в родном языке, тот инвентарь лингвокультуры, благодаря которому эти ценности передаются от поколения к поколению.

Лингвокультурология изучает также разноаспектные проблемы, связанные с пониманием этноязыковой картины мира, образа мира, языкового сознания, особенностей культурно-познавательного пространства языка. Итак, лингвокультурология – научная дисциплина, предметом изучения которой является репрезентация в языке фактов культуры, своеобразным продуктом которой является так называемая лингвокультура.

В настоящее время объектом лингвокультурологии является языковая дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения. Такое определение объекта лингвокультурологии восходит к концепции В. фон Гумбольдта, согласно которой язык активно участвует во всех важнейших сферах культурно-дискурсивной жизни; в восприятии и понимании действительности. «Язык, в соответствии с рассматриваемой концепцией, есть универсальная форма первичной концептуализации мира, выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, исторической жизни. Язык – зеркало культуры, отображающее лики прошедших культур, интуиции и категории миропредставлений» [2; 18].

В нашем понимании современная лингвокультурология – это научная дисциплина, изучающая (а) способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, (б) особенности представления в языке менталитета того или иного народа, (в) закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры [59. С. 30].

Следует рассмотреть и такое понятие, как «языковая картина мира». Языковая картина мира несет в себе изображение мира при помощи языковых средств, которое и создает наглядное представление о предметах и явлениях окружающей действительности. В конечном итоге «языковая картина мира» есть воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности.

Языковая картина мира представляет собой совокупность наивных знаний о мире, зафиксированных на разных уровнях (подуровнях) языковой системы: лексическом, фразеологическом, грамматическом.

Языковая картина мира создается посредством анализа языкового материала. Лингвокультурология сведения о языковой картине мира черпает из лингвистики [2. С. 134].

Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. Языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их [5. С. 37].

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный

язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира.

Языковое отражение картины мира носит донаучный характер. Языковая картина мира – это динамика: одни её фрагменты складываются, выявляются с течением времени, другие затемняются.

Е.С. Кубрякова определяет языковую картину мира как «особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это своеобразная сетка, накладываемая на наше восприятие, на его оценку, влияющая на членение опыта и видение ситуаций и событий и т.п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка» [121. С. 69].

Языковая картина мира, понимаемая исследователями как зафиксированная в языке схема восприятия, концептуализации и систематизации действительности, восходит к известной гипотезе «лингвистической относительности» Сепира-Уорфа, согласно которой языку отводится детерминирующая роль в формировании мышления, следствием чего является зависимость поведения носителей языка от картины мира [266. С. 30].

В настоящее время можно говорить о целых направлениях, занимающихся проблемой изучения языковой картины мира. Среди них: лингвофилологическое направление, изучающее соотношения и взаимовлияния языковой и понятийной картины мира (Г.А. Брутян, Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников и др.); психологическое, изучающее своеобразие менталитета народа с точки зрения национальной психологии через анализ концептов (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Р.И. Павиленис и др.); этносоциолингвистическое, учитывающее этнически маркированную систему предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных смех (Н.И. Толстой, Н.Д. Арутюнова, С.М. Толстая, С.Е. Никитина, В.Н. Топоров и др.), и, наконец, лингвокультурологическое направление, занимающееся изучением соотношения между языком и культурой через концептуализацию смысла (В.В. Воробьев, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.М. Шаклеин и др.) [270. С. 94].

В настоящее время принято выделять два основных направления изучения языковой картины мира: «...это, прежде всего, «стереотипы» языкового и более широкого культурного сознания, например: типично русские понятия: душа, тоска, свадьба... Во-вторых, ведётся поиск и реконструкция присущего языку... целостного взгляда на мир...» [305. С. 49].

В большинстве исследований, посвященных языковой картине мира, наблюдается противопоставление научной картины мира и так называемой «наивной картины мира» (по терминологии Ю.Д. Апресяна). Под научной картиной мира в настоящее время понимают «систему наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых в науке и выражаемых с помощью фундаментальных понятий и принципов той науки, из которых дедуктивно выводятся основные положения данной науки» [178. С. 14], а под наивной картиной мира – систему донаучных знаний и представлений о мире или обыденно-обиходное представление об устройстве мира. При этом (образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира [132. С. 5]) существенные различия языкового и концептуального пространства в научной и наивной картинах мира продемонстрировал Л.В. Щерба на примере несовпадения значения слова [121. С. 280].

Особую роль в отображении картины мира и создании языковой картины мира играют номинативный аспект лексики и её непосредственная обращенность к экстралингвистической реальности: «Ближе к окружающему миру находится лексика в её номинативном аспекте – слова, именующие понятия человека как о внешнем мире, так и о внутреннем его состоянии и различных диспозициях. В лексических единицах, рассматриваемых с ономазиологической точки зрения, т.е. в их отношении к экстралингвистическим данным (к миру и человеку), естественно зафиксированы их многообразные свойства, качества, представления» [277. С. 120].

Основные лексические разряды слов играют различную роль в создании языковой картины мира. Так, А.А. Уфимцева считает, что конкретная лексика, представленная в любом языке предметными именами, обозначающими все многообразие предметного мира, включает в свою семантику информацию, находящуюся в «первом эшелоне» человеческих предметных знаний, однако на уровне отдельных наименований конкретная лексика не формирует особого видения мира, она, скорее, фотографирует предметный мир. Особое видение мира создает такие лексико-семантические разряды слов и сочетаний, формирующие ценностную картину мира, причем с помощью незнаковых способов (экспрессивно-оценочная лексика, метафорические и другие переосмысления) [33. С. 140].

Рассмотрим понятие «концепт». Концепт является калькой с латинского *conceptus* – «понятие», от глагола *concipere* «зачинать», т.е. значит буквально «понятие, зачатие».

Свойства и признаки концептов – отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом (поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический). И все же одним из самых главных свойств концепта является его обращенность к культуре [2. С. 22].

Ю.С. Степанов дает более конкретное определение, где говорит, на наш взгляд, о ключевом компоненте концепта: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека и, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее... Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [237. С. 43].

Концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры.

Ю. Степанов выделяет трехслойную структуру концепта: 1) актуальный признак, составляющий основной компонент в содержании концепта; 2) дополнительный или несколько дополнительных «пассивных» признаков, являющихся неактуальными, «историческими»; 3) внутренняя форма, не осознаваемая в повседневной жизни, запечатленная во внешней, словесной форме [237. С. 47]. В основном, актуальном слое концепт существует для всех пользующихся языком как средством общения и взаимопонимания. В дополнительных, «пассивных» признаках концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. Внутренняя форма открывается только исследователям. Но из этого не выходит, что для пользующихся данным языком этот слой содержания концепта не существует. Он существует опосредованно как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений [237. С. 48].

Существует также два важных типа концептов – «рамочные понятия» и «понятия с плотным ядром» [21. С. 76].

У концептов «рамочного типа» есть некоторый основной, актуальный признак, который, собственно, и составляет главное содержание концепта. «Рамка» концепта может накладываться на то или иное общественное явление или социальную группу. «Рамка» есть основное содержание концепта, в силу которого концепт и является культурным социально значимым, – высшая точка его развития. Возникновение концепта как «коллективного бессознательного» или «коллективного представления» – результат стихийного, органического развития общества и человечества в целом.

Духовные концепты имеют некоторое идеальное содержание (что, собственно, и составляет сам концепт), которое можно «примеривать» к разным конкретным социальным или личным явлениям. Как говорит Ю.С. Степанов, такие концепты, как «Любовь и Вера, культурно значимы в своей целостности, во всем своем составе признаков, и отвлечение одного из них в качестве «рамки» концепта есть лишь искусственная логическая процедура» [237. С. 78].

В нашей работе мы будем придерживаться определения концепта, данного Ю.С. Степановым, точнее его мысли о том, что концепту присущ некий культурный компонент. Мы полагаем, что концептами являются слова, культурно значимые для данного общества, включающие собственный опыт народа, его культуру, историю, его переживания; нечто, что отличает данный народ от какого-либо другого.

С.Г. Воркачев также выделяет наиболее существенный признак концепта – культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий «языковую картину мира» его носителей [57. С. 268].

А.Д. Шмелев писал, что «в языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире, и соответствующие языковые единицы представляют собою «бесценные ключи» к пониманию этих аспектов культуры» [295. С. 8]. Этими бесценными ключами, по нашему мнению, и выступают концепты. Таким образом, можно заключить, что далеко не каждое слово данного языка будет концептом, но лишь впитавшее в себя «дух народа». Слово может стать концептом лишь при реализации своего потенциально культурного компонента. Концепты – это «ключевые слова», особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры [43. С. 46].

Для выявления концептов конкретной культуры используют метод ассоциативного эксперимента.

Ассоциативный эксперимент – проективный метод, предложенный одновременно К.Г. Юнгом, М. Вертгеймером и Д. Кляйном и предназначенный для исследования мотивации личности. В нем испытуемому предлагается как можно быстрее отвечать на набор слов-стимулов любым словом, которое приходит ему в голову. При этом возникающие ассоциации регистрируются по их типу, частоте однородных ассоциаций, времени между словом-стимулом и ответом испытуемого. Также фиксируются поведенческие и физиологические реакции. На основании этих данных делается вывод о скрытых влечениях и аффективных комплексах испытуемого. Дальнейшее развитие эта методика получила в исследованиях А.Р. Лурия, который предложил так называемую сопряженную моторную методику, при использовании которой испытуемый должен одновременно со словесным ответом делать определенные движения двумя руками (например, нажимать двумя указательными пальцами на два телеграфных ключа). Анализ

двигательной координации позволяет существенно расширить возможности диагностики аффективных реакций испытуемого [149].

Ассоциативные эксперименты (АЭ) служат богатым источником лингвистической, психологической и социологической информации. На основе данных о семантических полях ассоциирования, полученных с помощью АЭ, можно составить представление об ассоциативных особенностях, характерных для той или иной культуры, а также о характерных стереотипах мышления, сложившихся в коммуникативном опыте той или иной общности.

Результаты применения методики АЭ позволяют составить представление о наиболее тесных, глубинных семантических связях слов, существующих в сознании носителей того или иного языка, той или иной культуры.

В нашей работе мы брали за основу так называемый свободный ассоциативный эксперимент (респонденту предъявляют вербальный стимул и просят сказать или написать первые пришедшие на ум слова). Такой эксперимент широко известен и давно используется в психолингвистике, в семасиологии, а в последнее время – в лингвокультурологии.

Применение АЭ в лингвокультурологии связано с тем, что «как феномен ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе чувственным опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не даем себе отчета... Изучая ассоциации в АЭ, мы, таким образом, апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики» [278. С. 192].

Многолетний опыт проведения ассоциативных тестов показывает, что лишь немногие ассоциации бывают уникальными, большинство ответов – типичны. Наиболее частотные ответы называются культурно-первичными, наименее типичные – идиосинкретическими. Известно, что при отсутствии времени на размышление респонденты дают наиболее типичные ответы, тогда как увеличение времени приводит к большему разнообразию ответов и к появлению необычных и даже уникальных ассоциаций.

Задача данной работы – выделить наиболее частотные и характерные для русской культуры ассоциации, составляющие в своей совокупности концепт «Бог». Чтобы этого добиться, мы жестко ограничили время на размышление респондента. В данной ситуации (когда испытуемому некогда думать) включается в работу подсознание, реакции даются бессознательно и являются, в итоге, наиболее достоверными.

Мы использовали лишь некоторые из видов анализа (например: фонетическая аналогия – рифма или стремление респондента самому объяснить свою реакцию). Наиболее важно для нашей работы – обрисовать «общую картину», наметить основные тенденции функционирования концепта в современном дискурсе. Поэтому при анализе данных проведенного нами АЭ мы выделяли наиболее очевидные особенности концепта. И наш анализ в основном сводился к классифицированию ассоциаций по содержанию и выявлению связи данных реакций с возрастом и личным опытом испытуемых, социальной, духовной и политической ситуацией стран.

Обратимся к анализу концепта «Бог» в русских словарях. По классификации А.П. Бабушкина концепт «Бог» относится к абстрактным концептам, то есть к таким, «которые есть в сознании, но которых нет физически, это концепт, представляющий определенную «ценность» или «антиценность», но который нельзя увидеть или ощутить» [15. С. 66].

В русских словарях даны следующие определения:

I Бог – в религии: верховное существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ [220. С. 32].

II Бог – 1) в христианстве: триединый дух-творец и всеобщее мировое начало; 2) предмет поклонения, обожания [259. С. 49].

III Бог – 1) создатель вселенной, всего сущего, обладающий, по религиозным представлениям, высшим разумом, управляющий миром; 2) одно из сверхъестественных существ, управляющее какой-либо частью мирового целого, влияющее на ту или иную сторону жизни (в античной мифологии и в некоторых формах религии); 3) могущественный человек, обладающий властью над другими людьми; 4) человек необычайной творческой одаренности; 5) предмет поклонения, восхищения, кумир [83. С. 110].

IV Бог – 1) могущественное сверхъестественное существо – предмет религиозного поклонения и веры; 2) в христианстве и некоторых других религиях: единое верховное существо, создавшее мир и управляющее им [132. С. 43].

V Новейший философский словарь дает следующее определение: «Бога – это сакральная персонификация Абсолюта в религиях теистического типа: верховная личность, атрибутированная тождеством сущности и существования, высшим разумом, сверхъестественным могуществом и абсолютным совершенством. Персонифицирующая интерпретация единого Бога свойственна для зрелых форм, и формирование ее является результатом длительной исторической эволюции религиозного сознания. Исходные формы религиозных верований не порождают персонифицированной трактовки сверхъестественного [159. С. 35].

VI Русский ассоциативный словарь дает следующее толкование: «Бог – 1. По религиозным представлениям – создатель Вселенной, всего сущего; высший разум, управляющий миром. 2. При многобожии – одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-либо частью мирового целого. 3. Скульптурное, живописное и т.п. изображение этого существа. 4. Перен. о могущественном человеке, обладающем властью над другими людьми. 5. Перен. о предмете поклонения, восхищения; кумир» [96. С. 29].

Бог – вечное и непостижимое существо, являющееся объектом веры и поклонения верующих. В библейском понимании – творец мира – неба и земли, промыслитель вселенной, Яхве (Ягве), Эл, Эльон, шаддай, Адонай (в древнеславянском – Бог, Господь, Сын). 1. Елоах (множ. Елохим) обозначает достойное поклонение Бога земли и неба, всего видимого и невидимого, а множественное Елохим выражает величие и превосходство существа Божия. 2. Имя Яхво обозначает существо самобытное (обладающее бытийной самостью), ни от чего не зависимое, неизменное, безусловное, вечное. 3. Имя Эл обозначает сильный, могучий. 4. Шаддай – всеильный, вседержатель. 5. Адонай – владыка. Христ (начиная с Нового Завета), говоря об истинном Боге (отличая его от любых языческих лжебогов), наделяет его *высшими духовными совершенствами*, не проявленными в ветхозаветном Божестве, – вечностью, неизменностью, вездесутствием, самобытностью, всеведением, *премудростью, Благодатью, любовью и милостью, высшей святостью, праведностью и истиной*, доставляющих ему беспредельное величие и неприступную славу [183. С. 156].

Основные компоненты значения:

1) «Лицо» (личность, существо);

2) Компонент «стоящий над всем» (верховная власть, верховное существо, всемогущество);

3) Компонент «нереальный» (сверхъестественное существо, фантастический образ);

4) «Творец» (существо, сотворившее мир; Творец и Промыслитель вселенной);

5) «Власть» (управляющее миром существо, имеет верховную власть, всемогущество);

6) «Моральные ценности» (премудрость, Благодать, любовь и милость, высшая святость, праведность и истина, высшее духовное совершенство);

7) «Предмет поклонения» (предмет поклонения и веры).

Согласно этим словарям, можно сделать вывод, что Бог – это верховное существо, триединый дух-творец, предмет поклонения, создатель мира, высший разум, сверхъестественное существо, необычайной человек, результат религиозного сознания.

В китайских словарях даны следующие определения слова «Бог»:

I. 1) 主宰万物的天神。(Небесный владыка).

2) 古代的帝王。(Древний император (король)).

3) 天帝。古时指天上主宰一切的神。(Боги. В древности указывало на всех главных небожителей).

4) 基督教所崇奉的神,认为是宇宙万物的创造者和主宰者,拥有至上权力,英明,仁慈,使人们崇拜并向他祈祷。(Согласно христианскому вероисповеданию считается, что (Бог) Создатель и Творец Вселенной обладает высочайшими (неограниченными) правами, мудростью, милосердием, люди ему поклоняются и обращаются с молитвами) [307. С. 156].

II. 上帝是最高存在极其公正与仁慈是纯洁生活的模范是统治万事万物的权威。(Бог – это образец высочайшей справедливости, милосердия и чистоты и обладает непререкаемым авторитетом в управлении над всем сущим) [309. С. 337].

III. 上帝是一个有生命慈爱宽容的存在体是历史的主宰者和统治者。(Бог – это воплощение любви и благодущия, он Владыка над историей (Творец истории) и правитель) [310. С. 307].

IV. 上帝是一个道德的自然力她的意志能颁布命令他用我们的形象创造人颁布命令和禁令。(Бог – это естественная сила морали, нравственности и воли, которая даёт наставления, Он (Бог) через нас всех посылает напутствия и запреты) [318. С. 65].

V. 上帝是至高无上的,他不生不灭,没有任何与之匹配的东西,他是万物之父,是造物主。(Бог – то, что превыше всего. Он выше жизни и смерти. Он (находится) выше над всеми вещами. Он – отец всего сущего. Он – Творец всего) [315. С. 241].

Основные компоненты значения:

1) «Лицо» (владыка, император, отец);

2) «Творец» (создатель и творец вселенной, творец истории и правитель, отец всего сущего);

3) «Власть» (неограниченные права, управление над всем сущим, владыка, посылает напутствия и запреты);

4) «Моральные ценности» (мудрость, милосердие, справедливость, чистота, любовь и благодущие, естественная сила морали, нравственности и воли);

5) «Предмет поклонения» (обращаются с молитвами);

6) «Стоящий над всем» (выше жизни и смерти, выше над всеми вещами).

Согласно этим словарям можно сделать вывод, что Бог – это небесный владыка, создатель и творец, древний император, образец высочайшей справедливости, милосердия и чистоты, творец истории, правитель, отец всего сущего, неограниченное право, мудрость, милосердие, предмет поклонения, обладает непререкаемым авторитетом, воплощение любви и благодушия, естественная сила морали, выше жизни и смерти.

В результате анализа концепта «Бог» в китайских и русских толковых словарях посредством выделения основных компонентов значений мы пришли к выводу, что семные составляющие в большинстве случаев совпадают. Мы можем выделить лишь один компонент значения «нереальный», который присутствует только в русских словарях.

Сходные компоненты в словарях обоих языков: лицо, творец, власть, стоящий над всем, моральные качества, предмет поклонения.

Обратимся к ассоциативному эксперименту. Ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики. Ассоциативный эксперимент – это наиболее объективный показатель наполнения концепта в данное время.

Задачей проведения данного ассоциативного эксперимента было ответить на вопрос: что такое Бог?

Для проведения ассоциативного эксперимента в рамках данной работы были опрошены всего 200 человек (100 русских и 100 китайцев). Чтобы найти отличия и получить как можно более разнообразные варианты ответов, мы провели ассоциативный эксперимент среди людей разного возраста, социальной принадлежности и уровня образования. Но результаты вопроса представлены вне зависимости от пола, возраста, образования и социальной принадлежности индивида, они даны сплошным списком, т.к. нами не было выявлено каких бы то ни было значимых различий в ответах респондентов разных групп. Цель нашего ассоциативного эксперимента – отобразить концепт «Бог» в русской и китайской языковой картине мира.

Для упорядочения результатов ассоциативного эксперимента мы разделили опрошенных на две условные группы:

Русские ассоциации: респонденты в возрасте от 17 до 60 лет.

Китайские ассоциации: респонденты в возрасте от 20 до 50 лет.

Ассоциации русских респондентов со словом «Бог»: создатель мира (15), сверхъестественное существо, вера (11), мистическое существо (6), вечная жизнь (5), мудрец (5), некая сила (5), вымышленный персонаж (5), высший разум (5), спаситель (3), высшая (некая) сила (3), несуществующая сущность (3), религиозное понятие (2), советчик (2), любовь (2), Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой (2), сложное явление (1), религия жизни (1), большой дядя (1), высшее сознание (1), сила, справедливость и умиротворение (1), некая высшая субстанция (1), моральный принцип (1), судья (1), защитник (1), помощник (1), всевышний человек, который следит за всем, что происходит на земле (1), Иисус (1), это то, что придумал человек, чтобы перекладывать на него свои обязанности, не нести ответ за свои поступки и т.д. (1), распоряжается нашими судьбами (1), то, что можно почувствовать сердцем (1).

Ассоциации китайских респондентов со словом «Бог»: вера – 信仰 (22), вымышленный персонаж – 虚构的人物 (11), советчик – 建议者 (10), добро – 善良 (10), мистическое существо – 神秘的物体 (6), помощник – 助人者 (6), творец и создатель – 创造者 (6), Человек всемогущий и непобедимый, мы не можем

увидеть, но он во всем мире – 万能的, 不可战胜的, 我们见不到他, 却存在于整个世界 (6), символ жизни – 生命的象征 (4), сверхъестественное существо – 最高的物体 (4), любовь – 爱情 (2), нереальное сознание – 虚拟的意识 (1), человек, который живет в сердце людей – 存在于内心之中的人 (1), символ надежды – 希望的象征 (1), моральный принцип – 道德准则 (1), это человек, который делает все из добра и может дать людям надежду – 善良, 能给人们带来希望, святой дух – 圣灵, ангел – 天使; человек, который имеет высшее право в мире – 拥有最高权力的人, владыка – 统治者; судья, который находится в сердце людей – 人们心中的法官, нефритовый император – 玉皇大帝, духовная опора для всех – 心灵的支撑, религиозное верование – 宗教信仰, Иисус – 耶稣 (1).

Полученные реакции русской и китайской групп можно разделить на положительные (куда входят и нейтральные реакции, без выраженной негативной окраски) и отрицательные.

Стоит отметить, для русских респондентов Бог – это создатель мира, создал все на земле. Для китайских Бог – это вера, которая существует в сердце людей. Более того, заметно доминирующее положение положительных реакций над негативными в обеих группах. «Русские» ответы в анкете гораздо разнообразнее, чем «китайские». Это служит бесспорным показателем того, что концепт «Бог» в сознании русских людей занимает большее место, чем в сознании китайцев. Среди русских реакций выявили 26 положительных оценок понятия (Бог – это Создатель мира (15), Сверхъестественное существо (11), Вера (11), Мистическое существо (6), Вечная жизнь (5), Мудрец (5), Некая сила (5), Высший разум (5), Спаситель (3), Высшая (некая) сила (3), Религиозное понятие (2), Советчик (2), Любовь (2), Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой (2), Высшее сознание (1), Сила, справедливость и умиротворение (1), Некая высшая субстанция (1), Моральный принцип (1), Судья (1), Защитник (1), Человек на иконе (1), Помощник (1), Всевышний человек, который следит за всем, что происходит на земле (1), Иисус (1), Распоряжается нашими судьбами (1), То, что можно почувствовать сердцем (1) Сложное явление (1), Религия жизнь (1); Это то, что придумал человек, чтобы перекладывать на него свои обязанности, не нести ответ за свои поступки и т.д. (1). Всего 2 отрицательных оценки (Бог – это Вымышленный персонаж (5), Бог – это несуществующая сущность (3). И 1 оценка, в определении которой мы затрудняемся: Большой дядя (1). Мы считаем, что ее можно отнести к числу так называемых ошибок в АЭ (реакции, вызванные нежеланием давать откровенный ответ).

Ассоциации китайских респондентов: 23 положительных оценки понятия «Бог» – это Вера – 信仰 (22), Советчик – 建议者 (10), Добро – 善良 (10), Мистическое существо – 神秘的物体 (6), Помощник – 助人者 (6), Творец и создатель – 创造者 (6), Человек всемогущий и непобедимый, мы не можем увидеть, но он во всем мире – 万能的, 不可战胜的, 我们见不到他, 却存在于整个世界 (6), Символ жизни – 生命的象征 (4), Сверхъестественное существо – 最高的物体 (4), Любовь – 爱情 (2), Человек, который живет в сердце людей – 存在于内心之中的人 (1), Символ надежды – 希望的象征 (1), Моральный принцип – 道德准则 (1), Это человек, который делает все из добра и может дать людям надежду – 善良, 能给人们带来希望 (1), Святой дух – 圣灵 (1), Ангел – 天使 (1), Человек, который имеет высшее право в мире – 拥有最高权力的人 (1), Владыка – 统治者 (1), Судья, который находится в сердце людей – 人们心中的法官 (1), Нефритовый император – 玉皇大帝 (1), Духовная опора для всех – 心灵的支撑 (1), Религиозное верование – 宗教信仰 (1), Иисус – 耶稣 (1). Всего 2 отрицательных оценки: Бог –

это Вымышленный персонаж – 虚构的人物 (5), Нереальное сознание – 虚拟的意识 (1). Нами выявлены сходные реакции на слово «Бог» у русских и китайских респондентов: Бог – это Создатель мира (русские – 15 чел., китайцы – 6 чел.), сверхъестественное существо (русские – 11 чел., китайцы – 4 чел.), вера (русские – 11 чел., китайцы – 22 чел.), Мистическое существо (русские – 6 чел., китайцы – 6 чел.), советчик (русские – 2 чел., китайцы – 10 чел.), любовь (русские – 2 чел., китайцы – 2 чел.), моральный принцип (русские – 1 чел., китайцы – 1 чел.), судья (русские – 1 чел., китайцы – 1 чел.), помощник (русские – 1 чел., китайцы – 6 чел.), человек, который живет в сердце людей (русские – 1 чел., китайцы – 1 чел.), Иисус (русские – 1 чел., китайцы – 1 чел.). И есть одно одинаковое отрицательное понятие Бога в сознании русских и китайских респондентов: Бог – это Вымышленный персонаж (русские – 5 человек, китайцы – 11 человек).

Рассмотрим концепт «Бог» по данным русских словарей пословиц, поговорок, фразеологизмов. «Бог» – относится к базовым концептам. В системе концептов, созданных обществом для своей жизненной ориентации в этом мире, Бог занимает одно из важнейших мест. «Бог» – метафорический образ. Все его идеальные качества используются для любых позитивных характеристик, в отличие от образа черта или дьявола, который, как правило, служит для создания экспрессивной негативной оценки вещей или людей. В практике обыденного общения людей, фольклорного искусства, художественной речи специфические характеристики Бога часто переносятся на другой объект.

Представление о Боге всегда являлось неотъемлемой частью жизни русского народа. Это подтверждается огромным количеством поговорок, пословиц, фразеологизмов.

Образ Бога представлен в них как:

1. «Точка отсчета», т.е. верховное существо, обладающее Абсолютным Бытием и являющееся объектом поклонения.

Например: Жить – богу служить; Велико имя господне на земли; Все от Бога. Всяческая от творца; Божеское не от человека, а человек от Бога [73. С. 103].

2. Все в мире совершается по воле Божьей (сема «власть»). Например, в таких фразеологизмах, как: бог дал (привелось свидеться); бог миловал (все обошлось благополучно); бог не обидел (кто-либо с избытком наделен теми или иными способностями); бог помощь (пожелание успехов в труде); бог прибрал (кто-либо умер); Без бога и червяк сгложет; Божья рука – владыка; Человек ходит – Бог водит; Не конь везет – Бог несет; Все в мире творится не нашим умом, а Божьим судом; Человек предполагает, а Бог располагает; Человек гадает, а Бог совершает; Один воин тысячи водит, а Бог и тысячи и воина водит; Бог не захочет, и пузырь не вскочит; Бог не даст, свинья не съест; Не по нашему хотенью, а по божью изволенью.

3. «Эфемерность» образа бога: бог весть (никто не знает); бог его знает (неизвестно); бог знает что (нечто невообразимое); где бог пошлет (там, где придется).

4. Разные ипостаси Бога (сема «лицо»): Отец, Господь, Хозяин, Судья, Творец, Всемогуший, Всесильный: в мале Бог и в велике; велико имя Господне на земли; Всякое творенье ведает Творца; Отец небесный; милосердный Отец молитву услышит.

5. Сема «каждое дело нужно начинать с Богом»: Без Бога ни до порога; С Бога начинай и господом кончай! Утром Бог и вечером Бог, а в полдень да

в полночь никто же, кроме него; Кто перекрестясь работает, тому божья помощь; Кто не октясь за стол садится, с тем ест и пьет Дьявол; Благословясь, не грех (т.е. дело, на которое могу посягнуть с молитвою, не грешное).

6. Сема «моральная ценность»: Милостив бог, а я, по его милости, не убог; Велик Бог милостию; Страшен сон, да милостив Бог; Суди меня бог да государь; Суда божьего околицей не обойдешь; Бог тебя суди!; У бога для праведных места много; Бог отымет, бог и подаст; Бог вымочит, Бог и высушит; Не скор Бог, да меток; Бог долго ждет, да больно бьет; Бог виноватого найдет; Бог всякую неправду съест; Бог накажет, никто не укажет; Бог не свой брат, не увернешься; Его сам Бог покарал (запятнал, пометил); Любящих и Бог любит; Кто любит Бога, добра получит много; Кто добро творит, тому Бог оплатит; За добро Бог плательщик [73. С. 53 – 54].

7. Сема «охрана»: Бог поберег вдоль и поперек; Бог полюбит, так не погубит; С Богом хоть за море; Коли Бог по нас, так никто против нас; Он его бранит, а Бог его хранит; Бог наставит и пастыря приставит.

8. Сема «помощь»: Никто не поможет, так бог поможет; Кабы не Бог, кто бы нам помог? Бог не как свой брат, скорее поможет; Грозную тучу Бог пронесет.

9. Также можно выделить ряд пословиц и поговорок, в которых Бог не предстает существом, управляющим жизнью – «человек сам творец своей судьбы»: Молись, а злых людей берегись! На Бога надейся, а сам не плошай! Богу молись, а добра-ума держись! Богу молись, а к берегу гребись! Бог богом, а люди людьми; Бог-то Бог, да и сам не будь плох; Плачься Богу, а слезы – вода; Царь далеко, а Бог высоко; Аминем беса не отшибешь.

10. Отражено ироническое отношение к Богу и церкви: Богу молиться – не вовсе разориться (т.е. надо заняться и мирским); Повадишься к вечерне – не хуже харчевни: ныне свеча – ан шуба с плеча; Хоть церковь и близко, да ходить склизко, а кабак далеконокко, да хожу потихоньку; Пойдем в церковь! – Грязно. – Ну, так в шинок! – Разве уж под тыном пройти?

Итак, можно прийти к выводу, что в народном сознании (т.к. пословицы и поговорки – накопленный народом культурный опыт) образ Бога – собирательный образ, в нем воплощены все самые хорошие качества и моральные ценности для русского человека. Но, наряду с этим, русские люди не отдают свою судьбу полностью в руки Бога. Это можно увидеть в двух последних группах описанных нами пословиц. Нельзя сказать, что они являются негативными, но нам представляется возможным разделить весь проиллюстрированный материал на пословицы со знаком «+» (Бог как абсолютное, положительное, существо, управляющее миром и судьбой человека) и «-» (Бог не всевластен, он высоко, а на земле человек сам управляет своей жизнью).

В китайских словарях образ Бога представлен как:

1. Разные наименования Бога (сема «лицо»)

玉皇怕财神，有钱大三级。(Бог (Нефритовый император) надо бояться «Бога богатства», чем богаче ты, тем выше).

佛要金装，人要衣装。(Бог (Будда) должен носить золото, люди должны носить одежду).

泥菩萨过河，自身难保。(Когда «Глиняный Будда» проходит через реку, сам себя не может защитить).

财神爷打官司，有钱就有理。(«Бог богатства» судит, кто богатый, тот правый).

2. Сема «помощь»

平日不烧香，急来抱佛脚。(Обычно не возжигают курительные свечи, когда случилось срочное дело, тогда припадают к ногам бога (Будды)).

无事不登三宝殿。(Без дела не приходят к Богу).

闲来不上供，急时呼神灵。(Не делают жертвоприношение в свободное время, когда случилось несчастье, тогда приходят к богу).

钱能通神。(Дети могут получить помощь бога).

3. Сема «моральная ценность»

遇仙不成道，如到宝山空手回。(Встретил бога, но не научился чему-нибудь, как увидел драгоценности, но ничего не получил).

4. Ряд пословиц, где Богу приписываются человеческие качества:

神仙本是凡人做，只怕凡人心不诚。(Бог является простым человеком, но простой человек неискренний).

神仙也有三个错。(Бог тоже имеет три ошибки).

神仙也怕脑后风。(Бог боится ветра позади головы).

狗咬吕洞宾，不识好人心。(Собака кусает Бога, не знает, кто хороший человек).

5. Сема «судья» (все видит):

财神爷打官司，有钱就有理。(«Бог богатства» судит, кто богатый, тот правый).

如来佛的手心，谁也甬想逃出去。(От руки Будды никто не может убежать).

6. Ряд пословиц, в которых Бог не всемогущ:

神仙难医烧箕臆。(Бог не может лечить гепатокарциному).

神仙下凡，先问土地。(Если Бог хочет на землю, надо спросить землю (владелец земля)).

泥菩萨过河，自身难保。(Когда «Глиняный Будда» проходит через реку, сам себя не может защитить).

一问三不知，神仙没法治。(Если ничего не знаешь, и Бог не может вылечить).

7. «Мифологический персонаж»:

八仙过海各显神通。(Во время переправы через море каждый из восьми небожителей показал свое чудесное волшебство).

Для китайской культуры образ Бога также является собирательным. В нем воплощены все хорошие качества и моральные ценности для китайца. Но, как и у русских, наряду с высокой моральной ценностью, в некоторых пословицах Бог не является всемогущим. Но если в русских пословицах Бог высоко, а на земле человек сам управляет своей жизнью, то в китайских Богу приписываются человеческие качества и слабости.

В отличие от русских пословиц в китайских появляется значение, которое мы условно назвали «мифологический персонаж», где Бог – это не только символ, но герой легенд. Общими и у русских, и у китайцев являются семы «лицо» (но с различными наименованиями Бога), «помощь», «судья» / «власть» и «моральная ценность». Отметим также большее для русского языка количество паремий и разнообразие их значений. Все это говорит о значительном месте концепта «Бог» в русской культуре и менее важном положении данного концепта в китайской культуре.

Анализ и сопоставление концептов различных лингвокультур позволяет обнаружить общее не только в структуре отдельных концептов, но и в самих лингвокультурах.

На основе представления о Боге формировалось сознание русского и китайского человека, поэтому образ Бога является центровым для обеих культур. Образ Бога занимает значительное место в русской культуре. Идея Бога и божественного является одной из основополагающих в китайской культуре. Мы попытались определить основные компоненты концепта «Бог» в русской и китайской культурах: его содержание, структуру, границы; показать сущность концепта «Бог» в русской христианской культуре и китайской культуре, которая представляет собой сплав конфуцианства, даосизма и буддизма.

Общим для русской и китайской картин мира является двоякое отношение к Богу. Однако абсолютное большинство примеров свидетельствует о том, что в обеих лингвокультурах превалирует традиционно позитивное отношение к Богу.

В результате анализа концепта «Бог» в китайских и русских толковых словарях посредством выделения основных компонентов значений мы пришли к выводу, что семные составляющие в большинстве случаев совпадают. Мы можем выделить лишь один компонент значения «нереальный», который присутствует только в русских словарях. Возможно, это было связано с тем, что идеи религиозно-мифологического восприятия мира уже на раннем этапе развития Китая были демифологизированы. Место мифических культурных героев заняли искусно демифологизованные легендарные правители древности, чье величие и мудрость были теснейшим образом связаны с их добродетелями. Место культа великих богов занял культ реальных клановых и семейных предков.

Сходные компоненты в словарях обоих языков: лицо, творец, власть, стоящий над всем, моральные качества, предмет поклонения.

Данные АЭ позволили нам выделить компоненты, репрезентирующие семантическую модель концепта Бог. АЭ позволяет вычленить помимо словарного значения слова, существующего для каждого индивида, ту широкую область значений и ситуации, которые стоят за этим словом. В целях выявления наиболее характерных для русского и китайского языкового сознания ассоциаций мы будем учитывать самые частотные реакции русской и китайской групп:

а) сходные реакции на слово Бог у русских и китайских респондентов:

- создатель мира (русские – 15 чел., китайцы – 6 чел.),
- сверхъестественное существо (русские – 11 чел., китайцы – 4 чел.),
- вера (русские – 11 чел., китайцы – 22 чел.),
- мистическое существо (русские – 6 чел., китайцы – 6 чел.),
- советчик (русские – 2 чел., китайцы – 10 чел.),
- любовь (русские – 2 чел., китайцы – 2 чел.),
- моральный принцип (русские – 1 чел., китайцы – 1 чел.),
- судья (русские – 1 чел., китайцы – 1 чел.),
- помощник (русские – 1 чел., китайцы – 6 чел.),
- человек, который живет в сердце людей (русские – 1 чел., китайцы – 1 чел.),
- Иисус (русские – 1 чел., китайцы – 1 чел.),
- вымышленный персонаж (русские – 5 чел., китайцы – 11 чел.);

б) отличные реакции на слово Бог у русских и китайских респондентов:

- Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой (русские – 2 чел.) – традиционное представление о Боге как триединой сущности в православии;
- Нефритовый император (китайцы – 1 чел.).

Отметим, что в целом и в ответах русских, и китайских респондентов компоненты значений идентичны словарным. Например: Бог как «моральная ценность», «судья», «помощник», «охрана», «человек» и т.д. (русские: вера, советчик, любовь, умиротворение, справедливость, моральный принцип, судья, защитник, помощник, Всевышний, человек, который следит за всем, что происходит на земле, мудрец, спаситель; китайские: вера, советчик, добро, помощник, любовь, символ надежды, моральный принцип, судья, духовная опора, Творец и создатель, всемогущий и непобедимый, человек, который живет в сердце людей). Однако в ответах китайских респондентов появилось значение «нереальный», не выявленное нами в китайских словарных статьях: вымышленный персонаж, мистическое существо, сверхъестественное существо, нереальное сознание. Возможно, это связано с влиянием западной культуры на китайское общественное сознание, потому как такое представление не свойственно для традиционной религиозной философии Китая.

Стоит также отметить, для русских респондентов Бог – это скорее создатель мира, создал все на земле. Для китайцев Бог – это вера, которая существует в сердце людей. И доминирующее положение положительных реакций над негативными в обеих группах. Нейтральная оценка присутствует только у русских респондентов. Русские ответы в анкете гораздо разнообразнее, чем китайские. Это является бесспорным показателем того, что концепт «Бог» в сознании русских людей занимает большее место, чем в сознании китайцев.

Общим для русской и китайской картин мира является двойное отношение к Богу. Однако абсолютное большинство примеров свидетельствует о том, что в обеих лингвокультурах превалирует традиционно позитивное отношение к Богу.

В результате исследования паремий обоих языков мы смогли выделить общие компоненты значения концепта «Бог»: сема «власть», сема «судья», сема «лицо», сема «моральная ценность», сема «помощь», «человек сам творец своей судьбы» (Бог не всемогущ) и определить различия: в русских словарях пословиц и поговорок можно выделить такие значения, как «точка отсчета», «эфемерность» образа бога, сема «каждое дело нужно начинать с Богом», сема «охрана», ироническое отношение к Богу и церкви. В китайских паремиологических словарях: пословицы, где Богу приписываются человеческие качества; «мифологический персонаж», где Бог – это не только символ, но герой легенд.

Подводя итог вышесказанному, отметим большее для русского языка количество паремий, разнообразие их значений, более четкое представление о Боге по данным АЭ и в словарных статьях. На наш взгляд, все это говорит о значительном месте концепта «Бог» в русской культуре и более расплывчатом, скорее философском значении данного концепта в китайской культуре. Возможно, это связано с особенностями развития религии в Китае, где не было главенствующей религии, а все они развивались и влияли на общественное сознание параллельно.

Концепты «Вера», «Доверие» в русской и китайской языковых картинах мира*

Изучение проблем взаимосвязи языка и культуры становится все более актуальным. На основе идеи о связи языка и культуры возникает наука лингвокультурология, одним из базовых понятий которой является понятие «концепт» (в настоящее время это понятие активно разрабатывается и изучается концептосфера языковой личности). В рамках лингвокультурологии и антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований писали свои работы Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Ю.Н. Караулов, А.П. Бабушкин, Ю.Д. Апресян, С.Г. Воркачев, А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев и др. В связи с этим данное исследование отвечает одной из тенденций времени и рассматривает концепты «Вера» и «Доверие» как культурно-языковое образование.

Актуальными являются задачи исследовать представления когнитивной и культурологической информации, раскрывающей различные стороны концептов, а также решить проблемы межкультурного общения. Неизбежной характеристикой межкультурного общения являются коммуникативные сбои, происходящие в силу несовпадения картин мира и требующие лингвокультурного объяснения. Изучение фрагментов русской и китайской картин мира будет способствовать постепенному устранению границ непонимания между носителями разных лингвокультур.

Сразу заметим, что в нашей работе мы будем придерживаться определения концепта, данного Ю.С. Степановым, точнее его мысли о том, что концепту присущ некий культурный компонент. Мы полагаем, что концептами являются слова, культурно значимые для данного общества, включающие собственный опыт народа, его культуру, историю, переживания; нечто, что отличает данный народ от какого-либо другого народа [238].

Кроме того, в работе мы брали за основу так называемый свободный ассоциативный эксперимент – АЭ (респонденту предъявляют вербальный стимул и просят сказать или написать первые пришедшие на ум слова). Такой эксперимент широко известен и давно используется в психолингвистике, в семасиологии, а в последнее время – в лингвокультурологии.

Применение АЭ в лингвокультурологии связано с тем, что «как феномен ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не даем себе отчета... Изучая ассоциации в АЭ, мы, таким образом, апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики» [278. С. 192].

Многолетний опыт проведения ассоциативных тестов показывает, что лишь немногие ассоциации бывают уникальными, большинство ответов – типичны. Наиболее частотные ответы называются культурно-первичными, наименее типичные – идиосинкретическими. Известно, что при отсутствии времени на размышление респонденты дают наиболее типичные ответы, тогда как увеличение времени приводит к большему разнообразию ответов и к появлению необычных и даже уникальных ассоциаций.

* © О.К. Калькова, Хоу Сяонин

Задача данной работы – выделить наиболее частотные и характерные для русской и китайской культуры ассоциации, составляющие в своей совокупности концепты «Вера» и «Доверие». Чтобы этого добиться, мы жестко ограничили время на размышление респондента. В данной ситуации (когда испытуемому некогда думать) включается в работу подсознание, реакции даются бессознательно и являются, в итоге, наиболее достоверными.

Реакции, даваемые испытуемыми в АЭ, могут быть охарактеризованы, как нам представляется, по крайней мере, с двух точек зрения: лингвистической и психолингвистической.

Характеристика ответов-реакций с лингвистической точки зрения. Здесь предполагается, прежде всего, рассмотрение формально грамматических особенностей ответов-реакций. Обычно выделяются четыре основных типа реакций: реакции-предложения, реакции-сказуемые, реакции-словосочетания и реакции-словоформы [142].

Некоторые исследователи расширяют этот анализ. В частности, Ю.Н. Караулов, интерпретируя результаты АЭ, включает помимо разбора формальной стороны слова тематическую область и прагматику. Таким образом, рассматривая связи между стимулом и реакцией, он их относит к: семантикону, грамматикону, тематической области или типовой ситуации (тезаурус), прагматикону.

Данный вид анализа дает представление лишь о способе, характере связи между словом-стимулом и реакцией и практически не может быть использован для выявления культурно значимых компонентов, входящих в состав того или иного концепта.

Характеристика ответов-реакций с психолингвистической точки зрения. В психолингвистике вербальные ассоциации обычно рассматриваются с позиций теории речевой деятельности, т.е. главным образом не как результат, а процессуально-непосредственно в процессе их порождения в естественном речевом общении людей и, в первую очередь, в эксперименте. Большое внимание в последнее время уделяется исследователями изучению текстообразующей роли словесных ассоциаций. Действия испытуемых в этом случае расцениваются в качестве одной из разновидностей речевых актов, результатом которых являются своеобразные «тексты-примитивы» [206. С. 121].

Очевидна необходимость анализа словарных дефиниций слова-вербализатора «вера», который позволил бы выделить компоненты, репрезентирующие семантическую модель данного концепта в русской и китайской языковых картинах мира (РЯКМ и КЯКМ).

В русских словарях «вера» определяется следующим образом:

I Вера – 1) готовность признать существование, наличие чего-л. возможного, предполагаемого, граничащая с убежденностью в чём-л.; отсутствие сомнения. *Уверенность* в чём-л.; твердая надежда на что-л.; 2) религиозное мировоззрение [287. С. 122].

II Вера – признание чего-нибудь *истинным* без предварительной фактической или логической проверки, единственно в силу внутреннего (субъективного) *убеждения*, которое не нуждается для своего обоснования в доказательствах, хотя иногда и подыскивает их. Слово «вера» также употребляется в смысле религиозного учения, например: христианская вера, мусульманская вера и т.д. [303. С. 102].

III Вера – ж. 1. а) признание чего-л. *истинной* силой, превосходящей силу аргументов, фактов и логики; б) *убеждение* в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью; в) твердое *убеждение* в непременном осуществлении, неизбежности чего-л. предстоящего; 2. а) состояние сознания верующего; религия; б) определенное религиозное учение, вероисповедание; в) перен. направление в общественной жизни, науке, искусстве [83. С. 158].

IV Вера, -ы, а. – 1) *убежденность*, глубокая уверенность в ком-чем-н. В. в победу. В. в людей; 2) *убежденность* в существовании Бога, высших божественных сил. В. в Бога; 3) то же, что вероисповедание. Христианская в. Человек иной веры. * Принять на веру – признать истинным без доказательств. Верой и правдой служить кому – служить преданно, честно [271. С. 74].

V Вера ж. – 1) *уверенность, убеждение*, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; 2) верование; отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога; безусловное признание истин, открытых Богом; 3) совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство; 4) *уверенность, твердая надежда, упование, ожидание* [74. С. 145].

VI Вера: верой в людей, в человека вы называете убеждение, что в каждом человеке есть доброе начало. Просить кого-либо делать что-либо, заботиться или распоряжаться чем-либо, потому что вы *доверяете* этому человеку, этим людям [161. С. 289].

Итак, очевидно, что в русских словарях слово «вера» разделяется на два направления по значению: религиозное и не религиозное. В религиозном аспекте слово «вера» определяется, во-первых, как верование, признание бытия и существования бога («вера» в бога); во-вторых, вероисповедание, исповедание (религия, церковь, духовное братство), твердое знание о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных. А в бытовом аспекте «вера» – это уверенность, убеждение, признание чего-то истинным без предварительной фактической или логической проверки и твердая надежда, упование, ожидание.

Как известно, некоторые ученые в своих классификациях разделяют концепты на культурные и духовные.

В результате нашего исследования словарных статей мы пришли к выводу, что в русских словарях концепт «Вера» больше понимается как духовный концепт. Потому что вера – это чаще всего убежденность веры в Бога, религия. Эти значения описываются в словарях очень подробно.

Основные компоненты значения: уверенность, истина, убеждение, твердая надежда, упование, ожидание.

В китайских словарях даются следующие определения слову «вера»:

I <现代汉语词典> 信仰：对某人或某种主张，主义，宗教极度相信和尊敬。拿来作为自己行动的榜样或指南：宗教信仰。Перевод на русский: Вера – *доверие* или *уважение* к какому-то человеку, какому-то утверждению и религии, служащее наставлением своего поведения: *религиозная вера* [313].

II <汉语词典> 对某种理论、思想、学说极其信服，并以此作为自己行动的指南。有盲目的信仰和科学的信仰之分。盲目的信仰是迷信。科学的信仰来

自人们对自然界和人类社会发展规律的正确认识。无产阶级的信仰是共产主义。

Перевод на русский: Вера – *убеждение* в какой-то доктрине, какой-то идеологии или каком-то учении, служащее наставлением своего поведения. Существует *слепая вера* и *научная вера*. Слепая вера – суеверие; научная вера – правильное сознание человека к естеству и человеческому обществу. Пролетарская вера – коммунизм [307].

III 〈百科词典〉信仰，是指对某人或某种主张、主义、宗教或神极度相信和尊敬而产生敬畏和崇拜的思想感情，拿来作为自己行动的榜样或指南。概括地说，信仰是人对人生观、价值观和世界观等的选择和持有。Перевод на русский: Вера – *уважаемая и благоговейная эмоция мышления* к какой-то доктрине, какому-то *утверждению* и *религии*, служащая наставлением своего поведения. Иначе говоря, вера – выбор и владение у человека в мировоззрении, концепции о достоинствах и взгляде на жизнь [308].

Основные компоненты значения. В религиозном аспекте слово «вера» определяется как уважаемая и благоговейная эмоция мышления к какой-то доктрине, религии, доверие или уважение к религии. В нерелигиозном аспекте – как доверие, убеждение, уважение.

Итак, подобная ситуация сложилась и в китайских словарях. В религиозном аспекте «вера»: религия – религиозная вера; уважаемая и благоговейная эмоция мышления к религии. Но, в отличие от русских словарей, в китайских словарях «Вера» больше относится к происхождению поведения человека с точки зрения психологии. Иначе говоря, это норма морального поведения человека, создаётся на основе состояния внутреннего мира человека (мировоззрение, концепция о достоинствах и взгляд на жизнь человека): доверие к какому-то человеку; убеждение в какой-то доктрине, какой-то идеологии или каком-то учении; уважаемая и благоговейная эмоция мышления к какому-то утверждению. Отличное от русских, значение «вера» в китайских словарях делится на две группы: слепая вера и научная вера. Китайцы считают, что слепая вера – это суеверие, которое мы не агитируем. Наоборот, научная и пролетарская вера (коммунизм) принята всеми.

В результате мы пришли к выводу: в китайских словарях слово «вера» меньше относится к духовному аспекту, чем в русских словарях.

Обратимся к ассоциативному эксперименту со словом «вера». По нашим предположениям ответы респондентов, принадлежащих к разным культурам, должны различаться. Причины различий в ассоциациях бывают разной природы: разный быт, разный фольклор (традиции народного творчества) у каждой национальности, политическая ситуация.

В процессе ассоциативного эксперимента был собран языковой материал. В эксперименте приняли участие 100 русских и 100 китайских респондентов. Мы задавали людям следующий вопрос: какие ассоциации у вас вызывает слово «вера»? (т.е. что такое вера?). Мы разделили все ассоциации на группы. Дали общие названия каждой группе, выделяя главную сему. И в эти группы внесли данные респондентами ассоциации и их количество. Ассоциации мы разделили по религиозному и нерелигиозному значениям, руководствуясь данными толковых словарей. Ассоциации русских «религиозное значение»: бог, икона; религия, христианство, православие, святость, набожность; церковь, крепость; молитва, покаяние, прощение; религиозное убеждение; душа человека. Ассо-

циации китайских респондентов: бог, Иисус, мессия; религия, христианство, буддизм; церковь; молитва; рай и ад; душа. Очевидно, что у русских более богатые религиозные ассоциации со словом «вера», так как в России религия имеет определенное влияние на общественное сознание и культуру и их культурная традиция основана на христианской вере. У китайцев меньше, чем у русских по причине того, что в Китае люди не имеют таких сильных связей с религией (но надо отметить, что в Китае существуют 56 народов, народ «Хан» является большинством. В данном случае мы подробно рассмотрели анкетирование среди народа «Хан». Такие же выводы не вполне подходят ко всем остальным. Например, народ «Хуй» и «Цзан» имеют правила, зависящие от религии и отражаемые в их личной жизни).

«Не религиозное значение» ассоциаций у русских: надежда, мечта, желание; любовь; уверенность; убеждение, убеждение в справедливости происходящего в жизни, убежденность; облегчение, мировоззрение человека; поддержка; добро; свобода; жизнь человека; чувство счастья; стремление; забота; трансцендентные идеи – философское значение; философия; поиск пути; чистота мыслей; судьба. А у китайцев: надежда, желание, мечта; любовь; уверенность, убеждение; мировоззрение человека; поддержка; добро; свобода; смысл жизни человека; чувство счастья; стремление к красоте; честность; компартия; знание жизни; успех; двигатель своей деятельности; цель; маяк; мышление, руководящее поведением; норма морального поведения; настойчивость; жизнь и смерть. Итак, у китайских респондентов более богатые не религиозные варианты ответов со словом «вера». Из этого следует, что концепт «Вера» в Китае имеет более сильное светское (не религиозное) значение. К примеру, у русских по данному слову происходят независимые ассоциации: забота; трансцендентные идеи; философия; поиск пути; чистота мыслей; судьба. И как и у китайцев, есть следующие: компартия; честность; знание жизни; успех; двигатель своей деятельности; цель; маяк; мышление, руководящее поведением; норма морального поведения; настойчивость; рай и ад; жизнь и смерть. Группы мы распределили по общему признаку в ассоциациях. Наибольший интерес в китайских ассоциациях вызывают группы: 1) «Религия»: религия, христианство и буддизм (так как в Китае существуют почти в равных условиях разные религии); 2) «Душа», включает: душа человека, опора души человека, состояние души человека, утешение души человека; 3) двигатель своей деятельности. (Это говорит о различии между русскими и китайцами. Для русских дела всегда делались сами собой, т.е. всегда существует внешняя сила, которая довлеет над тобой. Мы можем найти доказательство в русском языке. Например, мне холодно. Это значит, плохая погода делает мне холод. Мне повезло. Это значит, бог помогает мне, чтобы я получил (-а) успех. А большинство китайцев считает, что человек – это субъект деятельности. Он всегда выполняет свои дела. А внешняя сила может только влиять на него. Они верят, что судьба в своих руках, поэтому они всегда надеются на силу своих рук, а не на другие. Например, вера: вера может дать им какую-то волю, управляющую их поведением. Тогда вера – это мотив деятельности.)

Результаты исследования анкеты показали, что у китайцев всего 28 групп, а у русских 22. Очевидно, что у русских есть четкое представление, что такое вера (респонденты давали одиночные и четко сформулированные ответы), а у китайцев это понятие неопределенное. С точки зрения русских, вера – это, прежде всего, религия (21%), бог (16%), надежда (15%) и церковь (12%). А, по мнению китайцев, вера, прежде всего, религия (18%), душа человека (11%), поддержка

(8%) и бог (8%). Общие ассоциации со словом «вера» у русских и китайцев следующие: бог, религия, душа, церковь, уверенность, молитва, любовь, мировоззрение человека, поддержка, убеждение, добро, свобода, смысл жизни человека, чувство счастья, стремление. Общих ассоциаций очень много. Это говорит о том, что и у русских, и у китайцев слово «вера» имеет общую основу. Из анкет также понятно, что у китайцев более богатые ответы, чем у русских: они считают, что вера – это настойчивость (4%); норма морального поведения (2,7%); компартия (4%); честность (2,7%); знание жизни (2,7%); успех (1,3%); двигатель своей деятельности (1,3%); цель (1,3%); «маяк» (1,3%); мышление, руководящее поведением (1,3%).

Вызвала интерес группа Компартия (17). Она включает в себя такие ассоциации, как компартия, партия, революционер, Мао Цзэдун. Такого понятия у русских нет, а у китайцев есть. Мы полагаем, что, с точки зрения китайцев, компартия выступает как спаситель, может помочь людям в мире или дать им хорошую жизнь. Всем известно, что Мао Цзэдун, бывший президент в Китае, вошедший в народную историю, превратившийся в теорию и ставший частью культуры. Мао Цзэдун является символом святости, как бог. Он и его идеи распространялись среди людей раньше и продолжают сейчас. Такие ответы людей зависят от ситуации в Китае, т.е. в Китае компартия управляет государством и имеет большое влияние на людей, в том числе на их мышление, внутреннюю природу, личную жизнь, культуру и т.д. Группа «Маяк» (23). Подобной ассоциации у носителей русского языка тоже нет. В сознании китайцев маяк выражает общее значение – символ цели. Другими словами, маяк помогает человеку узнать, что нужно делать, чтобы дойти до цели. Маяк показывает человеку направление пути к нему.

Рассмотрим концепт «Доверие» в русской и китайской языковых картинах мира. Для этого следует проанализировать определения слов «доверие» и «доверять» в русских и китайских толковых словарях.

В русских словарях «Доверие» определяется следующим образом:

I **Доверие** – уверенность в чей-н. добросовестности, порядочности, в правильности чего-н. И основанное на этом отношении к кому-чему-н [132. С. 156].

II **Доверие** – доверия, мн. нет, ср. (-книж.). Убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности; вера в искренность и добросовестность кого-нибудь. Уверенность в наличии каких-нибудь положительных качеств. Иметь доверие к полученным сведениям [271. С. 90].

III **Доверие** – убежденность в честности, добросовестности, искренности кого-л., чего-л., в правильности чего-л. и основанное на этом отношении к кому-л., чему-л. [83. С. 395].

IV **Доверие** – доверием называют уверенность в искренности, честности кого-либо, сознание того, что этот человек не может причинить вам вред и т.п. [299. С. 172].

V **Доверие** – ср. чувство или убеждение, что такому-то лицу, обстоятельству или надежде можно доверять, верить; вера в надежность кого, чего [161. С. 209].

Итак, на базе русских словарей мы выделили основные значения по данному слову: убежденность (уверенность) в искренности, честности и добросовестности кого-нибудь; убежденность в правильности; уверенность в наличии

каких-нибудь положительных качеств, вера в надёжность, вера в искренность и добросовестность.

В китайских словарях даются следующие определения слов «доверие» и «доверять»:

I 信任: (动)相信而敢于托付。Перевод на русский: Доверие – *смело вручить* кому-либо в связи с тем, что *абсолютно доверяют* этому человеку [313].

II 信任: 1) 相信并加以任用。; 2) 谓相信。; 3) 任随, 听凭。Перевод на русский: Доверие: 1) *принять кого-то на службу* по причине доверия ему; 2) *верить*, доверять, доверительность; 3) *пускать что-то на самотёк* [307].

III 相信: 1) 互相信赖, 信任。; 2) 单指信任对方。; 3) 指互相信得过的人。; 4) 认为正确或确实, 不怀疑。Перевод на русский: Доверять: 1) *верить* друг другу; 2) *верить партнёру*; 3) человек, которому можно *верить* всегда; 4) *полагаться на правоту без сомнения* [308].

Основные компоненты значения слова доверие в китайских словарях: смело вручать что-либо; принять кого-либо на службу; пускать что-то на самотёк; верить друг другу; полагаться на правоту без сомнения.

Мы провели ассоциативный эксперимент со словами «доверие» и «вера». Респондентам был задан вопрос: какие ассоциации у вас вызывает слово «доверие»? (т.е. что такое доверие?). Мы разделили все ассоциации на группы. Дали общие названия каждой из них, выделяя главную сему. И в эти группы внесли данные респондентами ассоциации и их количество. Ассоциации мы разделили на схожие в русских и китайских ответах и различные. Группы мы распределили по общему признаку в ассоциациях. Наиболее популярные ответы русских и китайцев – это семья и друг / дружба. Очевидно, что люди, к которым мы испытываем доверие, – это самые близкие для каждого человека люди. Можно провести параллель: свой (доверие) – чужой (недоверие). Также сходными ответами в обеих группах являются: поддержка, преданность, любовь, добро, тепло, понимание и уважение. Однако мы выделили и различия в ответах русских и китайцев. Для русских доверие – это привязанность; бескорыстность; свойство положиться на человека; тайны; уверенность; беззаботность; способность верить; ощущение; отношение между людьми; надёжность; человек; честь; доброжелательность; «дружеское плечо»; разговор; стабильность; «банковские вклады». Для китайцев доверие – это измена; конкуренция; ответственность; политика; успех; мост, соединяющий два берега друг с другом; тонкая бумага; крепкий камень; свадьба; железо; обещание (обещание, обещать своё слово); искренность; стандарт. Очевидно, что у русских больше различных ассоциаций со словом «доверие», чем у китайцев, но все они связаны или с отношением к человеку, или с моральными принципами и ценностями. Китайских ассоциаций меньше, но они более разнообразны в значениях и сформулированы более конкретно. Ответы китайской группы имеют большую связь с реальными жизненными ситуациями: политика, свадьба, стандарт, конкуренция, измена, успех.

Результаты исследования анкеты:

Из анкеты следует, что у русских всего 26 групп, а у китайцев 22. Русские считают, что доверие – это, прежде всего, друг / дружба (19%), семья (14%) и надёжность (16%). А, по мнению китайцев, доверие – это, прежде всего, друг / дружба (30%) и семья (19%). Общие ассоциации со словом «вера» у русских и китайцев следующие: семья, друг / дружба, поддержка, преданность, любовь, добро, тепло, понимание и уважение. Общих ассоциаций не очень много. Это

говорит о том, что и у русских, и у китайцев слово доверие имеет общую основу, но в то же время различается в зависимости от культурных условий. Из анкет также видно, что у русских более богатые ответы, чем у китайцев: они считают, что доверие – это привязанность (2%); бескорыстность (1%); свойство положиться на человека (1%); тайны (1%); уверенность (2%); беззаботность (1%); способность верить (1%); ощущение (2%); отношение между людьми (6%); надёжность (16%); человек (3%); честь (1%); доброжелательность (1%); «дружеское плечо» (1%); разговор (1%); стабильность (2%); «банковские вклады» (2%).

Вызвали интерес ответы китайских респондентов: группа «тонкая бумага» (16) и группа «крепкий камень» (17). Респонденты дали нам более конкретные и образные ассоциации со словом «доверие». Такие ответы встречаются только у китайской группы. По семантике две группы являются антонимами. Интересно, что одно слово вызывало пару противоположных ассоциаций. Мы начнём анализировать слово «доверие». Можно разделить доверие на весомое и легкое. Весомое доверие имеет значение – степень отношения между людьми. Я верю тебе глубоко, такое же доверие никогда не изменяется, как крепкий камень, трудно его разбить. Все существование в мире имеет двойственность, как и доверие. Легкое доверие – легкомысленное доверие, которое колеблется и зависит от незначительных элементов. «Тонкая бумага» выразительно описывает такую связь. Легкое доверие как тонкая бумага, которую легко можно проколоть. Еще два антонимичных значения к слову «доверие»: конкуренция и измена. Если доверие – измена являются чистыми антонимами, то ассоциация конкуренция, возможно, появилась от представления, что при конкурентных отношениях не может быть доверия.

Ассоциации русских респондентов, не встречающиеся в китайской группе: «дружеское плечо» (23) и «банковские вклады» (26). Ассоциация «дружеское плечо» вызвана тем, что большинство людей встречают трудности, они требуют какой-то помощи, защиты, которую может оказать друг. Мы можем найти такой пример в русском языке: друга ищи, а нашёл – береги. Дружеское плечо как берег, где мы всегда можем остаться и отдохнуть. Группа «банковские вклады» имеет предпосылку доверия. Банк – это место, где люди хранят свои деньги, а значит, доверяют ему.

В русской группе не присутствуют антонимичные ассоциации. Отношение русских респондентов к слову «доверие» имеет положительную оценку. А в китайской группе существует такая противоположная пара, как «тонкая бумага» и «крепкий камень», и ещё встречаются антонимичные ассоциации со словом «доверие»: измена, конкуренция, тонкая бумага. Хотя различия были, их процент намного меньше процента сходств.

Мы рассмотрели концепт «Вера» на базе языкового материала, описали и определили сходства и различия данного концепта в русских и китайских словарях. Сопоставив данные русских и китайских толковых, этимологических, энциклопедических, словообразовательных словарей, мы сделали вывод, что представления о вере в русских и китайских словарях совпадают.

Далее мы провели ассоциативный эксперимент, чтобы выяснить, какие различия возникают в понимании слова «вера» у русских и китайцев. В эксперименте приняли участие 100 русских и 100 китайских студентов. Результат исследования анкеты отражен в выводах: у русских есть чёткое представление, что такое вера, а у китайцев это понятие неопределённое.

У русских самая частотная ассоциация слова «вера» – это религия, а у китайцев – душа человека. Далее мы рассмотрели сходства и различия в понимании данного концепта у носителей исследуемых языков и разделили все ответы на следующие группы.

Сходные ассоциативные группы в русских и китайских анкетах:

1) церковь, 2) уверенность, 3) молитва, 4) любовь, 5) мировоззрение человека, 6) поддержка, 7) убеждение, 8) добро, 9) свобода, 10) смысл жизни человека.

Наиболее интересные «китайские» группы, которые отличаются от «русских»:

1) *двигатель своей деятельности*; 2) *компартия*; 3) группа «Маяк».

Мы рассмотрели концепт «Доверие» на базе языкового материала русского и китайского языков. Мы пришли к выводу, что и у русских, и у китайцев слово «доверие» имеет общую основу, но в то же время различается в связи с культурными особенностями двух стран.

Основу обоих языков составляет понимание доверия как семьи и друга / дружбы. Очевидно, что для обеих культур только самые близкие люди являются объектом нашего доверия. Можно провести параллель: свой (доверие) – чужой (недоверие). Также сходными ответами в обеих группах являются: поддержка, преданность, любовь, добро, тепло, понимание и уважение.

В китайской группе появляются антонимичные ассоциации: тонкая бумага, конкуренция, измена.

Итак, мы пришли к выводу, что сходных ассоциаций у рассматриваемых групп больше, чем различий. Между ассоциациями русских и китайцев существуют небольшие различия в связи с их разной культурой, разным бытом и разным фольклором (традицией народного творчества).

В нашей работе мы рассматриваем два концепта: «Вера» и «Доверие». Слова «вера» и «доверие» входят в одно словообразовательное гнездо. Доверие является производным от слова вера. Но их связь не только грамматическая, но и смысловая. Это связано, в первую очередь, с многозначностью слова «вера», которая часто ведет к недоразумениям, когда им обозначают разнородные реальности. Одно дело верить показаниям измерительных приборов или словам очевидцев, но другое дело верить в идею, аксиому, доктрину, теорию. Сохранять верность другу или авторитету вовсе не то же самое, нежели удостовериться в чем-либо на собственном опыте. Русскоязычный собирательный смысл термина «вера» недостаточен для дифференциации двух противоположных путей человека к сверхчувственному. В англоязычных странах термином «фэйтх» (faith) обычно обозначают духовное и сакральное отношение человека к бытию, истине, а светское и гносеологическое отношение к истине закреплено в термине «билиф» (belief).

Морфология доверия до сих пор остается слабо разработанной областью философского и лингвистического знания. При доверии часто понимаются самые различные социокультурные и психологические феномены. В связи с этим мы решили проверить, что представляет собой концепты «Вера» и «Доверие» в русской и китайской культурах. Существует ли четкое разграничение оттенков понятия в сознании людей.

Вера и доверие – неотделимые друг от друга понятия. Вера (религиозная) как особая способность души имеет самостоятельное значение. Она не требует признания и понимания, одобрения и сопереживания. Светская (нерелигиозная)

вера, наоборот, вне и без доверия угасает. Вера и доверие – синтез духовной и социальной обращенности человека в будущее, которое определяет его настоящее.

Вера – первичная основа доверия. В этом смысле вся наша жизнь основана на вере – на убеждениях, истинность которых не может быть доказана с неопровержимой убедительностью. Доверие в этом случае является частью веры.

В результате исследования обоих понятий в русском и китайском языках мы пришли к главному выводу: соотношение веры (нерелигиозной) и доверия обнаруживает не только локальный, чисто социальный уровень, но и концентрированное наполнение совершенно определенными смыслами:

1. Для русских вера – это любовь, уверенность, убеждение, свобода, стремление.

Доверие – поддержка, преданность, любовь, бескорыстность, добро, понимание, честь; стабильность, банковские вклады, разговор, партнерство.

2. Для китайцев вера – уверенность, убеждение, свобода, стремление, честность, успех, цель, настойчивость.

Доверие – любовь, добро, понимание, уважение, стандарт, конкуренция, измена, политика, успех, свадьба, тонкая бумага, железо, крепкий камень.

Тогда как религиозная вера обращает человеческий взор за пределы его собственного бытия, доверие, наоборот, ориентирует человека на настоящее, на саму жизнь. Если вера (религиозная) не находится в прямой зависимости от разума или воли человека, то доверие требует значительных усилий, а светская (нерелигиозная) вера – разума. Если вера – это, в первую очередь, Бог, молитва, церковь, надежда, любовь, уверенность, мировоззрение, убеждение, поддержка, то доверие – это семья, друг, поддержка, преданность, любовь, тепло, добро.

Главное отличие русских и китайцев здесь в том, что для русских людей доверие все же тесно связано с верой, а для китайцев эти понятия в настоящее время разводятся, несмотря на то, что в толковых словарях дается определение доверия как «верить друг другу». Это доказывают результаты ассоциативного эксперимента. У русской группы респондентов присутствуют такие ассоциации, как уверенность, способность верить. Китайская группа не дала подобных результатов.

Данные социологических опросов последнего времени регистрируют усиление религиозного вектора в русском общественном сознании, что обусловлено определенными социальными причинами. Так, согласно опросу, проведенному на кафедре политологии, социологии УГНГУ, среди социальных причин, определяющих рост интереса к религии, были названы кардинальные изменения в политической системе: отказ от атеизма (60%), идеологический кризис (58%), резкое ухудшение социального положения (56%), утверждение свободы в обществе (53%) [168]. Напрашивается вывод, что люди повернулись к религии, имея в виду, что она окажется способной изменить их жизнь к лучшему. После отмены религиозного запрета в 1985 г. обстоятельства способствовали формированию в 90-х гг. так называемого «неортодоксального верующего», то есть человека, который верует в Бога, но не признает церковь посредником между собой и Богом. Это подтверждается данными нашего АЭ. В результате опроса не было выявлено группы, где бы упоминались церковная атрибутика или ритуалы, но были группы: надежда, любовь, поддержка, убеждение, молитва.

На основе данных социологических исследований общее количество верующих имеет устойчивую тенденцию к росту. На вопрос: «К кому относят себя россияне?» – получилось следующее распределение ответов респондентов (табл. 3).

К кому относят себя россияне?

Вариант ответа по годам	1989	1991	1993	1994	1996	1998	2002	2004
Неверующим, %	65	61	40	39	43	38	33	30
Православным, %	30	31	50	56	44	47	57	61
Число опрошенных, %	1 300	2 964	1 930	2 957	2 404	2 407	2 107	2 107

Аналогичных данных среди китайских респондентов нами не было найдено, возможно по причине того, что в Китае не существует одной довлеющей, традиционной религии. «Традиционные китайские религии хотя и имеют какие-то формальные организации для большинства жителей настолько слиты, что практически они не делают между ними различия. Впрочем, и христианство они считают такой же религией, как и все остальные. У китайцев есть понятие о верховном божестве. Христос, Будда, Лао Цзы для них просто инкарнации этого божества. В отношении религии ситуация в Китае очень специфическая. С точки зрения христианства или ислама китайцы – вообще нерелигиозный народ. Религии Китая очень древние, они хранят в себе анималистические верования и культ предков. Кроме того, эти религии ориентированы на общественную жизнь, чтобы выполнять определенные социальные функции. Китайские божества – это умершие люди. Представления о Боге в его христианском понимании у китайцев не существует. Поскольку божества – это обожествленные люди, то с этой точки зрения правящие элиты, политическая власть являются высшим выражением религии. Иными словами, религия в Китае всегда была подчинена политике» [154].

Эта информация подтверждает результаты нашего АЭ, где мы выявили группы: двигатель своей деятельности, компартия.

Концепт «Владивосток» в русской и китайской языковых картинах мира*

Концепт «Владивосток» был выбран нами для анализа, так как Владивосток – это важный центр развития восточной части России. Владивосток – это порт, место отдыха и туризма. В последнее время этому городу уделяется повышенное внимание со стороны Правительства России и стран-соседей. В 2012 г. во Владивостоке был проведен форум стран АТЭС. Отношение общества к городу меняется, что находит отражение в языке.

Мы считаем исследование концепта «Владивосток» целесообразным и для русской, и для китайской языковой картины мира, так как, с одной стороны, Владивосток – значимый для России и русских людей город, а с другой – это сосед и важный партнёр Китая.

* © О.Д. Дербенёва, Лю Юйтэн

Нами было проведено исследование структуры концепта на основе ассоциативного эксперимента и анализа прессы на русском и китайском языках.

Рассмотрим концепт «Владивосток» на материале ассоциативного эксперимента среди русских и китайских респондентов. Мы провели ассоциативный эксперимент среди русских различного возраста (от 20 до 50 лет) и социального статуса (преподаватели, студенты, врачи, экономисты, юристы и т.д.). Кроме того, необходимо отметить, что среди анкетированных были жители не только Владивостока, но и Москвы, Санкт-Петербурга, Тувы, Комсомольска-на-Амуре и Перми. Для 10 человек Владивосток не является родным городом, и они никогда не были в нём. Для 8 человек Владивосток – это родной город или место долговременного жительства в прошлом.

Респондентам был задан вопрос: «Какие ассоциации у вас вызывает слово *Владивосток*?».

Всего нами было собрано 50 анкет и 200 реакций.

На основе анализа реакций нами были выявлены компонентные значения концепта в русской языковой картине мира.

1. Владивосток – родной город

Это значение представлено многочисленной тематической группой: дом (10), родной (5), родина (1), детство (1), родители (2).

Очевидно, что выявление этого компонентного значения обусловлено тем, что 64% опрошенных коренные жители Владивостока. И этот город ассоциируется у них прежде всего с домом и семьёй.

2. Владивосток – порт

Это значение представлено тематической группой: порт (5), море (10), бухта (2), корабли (1), Золотой Рог (2).

Выделение этого значения обусловлено географическим положением города и его функциями.

3. Отрицательная характеристика города

Это значение представлено тематической группой: маленький (3), грязный (5), дыра (2), деревня (1).

Интересен тот факт, что это значение представляют реакции респондентов – жителей Владивостока. Кроме того, два респондента, живущих в настоящее время в Москве и являющихся владивостокцами в прошлом, давали такие ответы.

4. Положительная характеристика города

Это значение представлено словами и словосочетаниями: веселый (2), активный (3), динамичный город (1), лучше Москвы (1), быстрый (2).

Данное значение сформировалось на основе реакции опрошенных из разных городов.

5. Определенное место в городе

Площадь (1), Арбат (2), Шамора (3), Корабельная набережная (4), Маяк (1), видовая площадка (2), Горностай (1), ВГУЭС (3).

Мы считаем, что при ответе на вопрос информанты, опираясь на личный опыт и предпочтения, писали названия улиц, учреждений, что и позволило выделить нам эту группу. Это значение сформировалось на основе реакций жителей Владивостока и людей, которые раньше жили в этом городе.

6. Владивосток – отдаленный район России

Это значение представлено тематической группой: далеко (3), далёкий (1), точка на карте (1), тысячи километров (1).

Данное значение сформировалось на основе реакций жителей города Москвы, Санкт-Петербурга, Перми в силу географической отдаленности г. Владивостока от этих городов.

7. Владивосток – сосед Азии

Компонентное значение представлено тематической группой: Япония (2), Китай (3), границы (1), близко Китай (1). Из ответов респондентов – жителей других городов было сформировано это значение, которое объясняется географическим положением Владивостока.

Таким образом, в ответах русских респондентов Владивосток – это динамичный город порт. В ответах жителей города Владивосток – это, прежде всего, их родной город, связь с родными и близкими людьми. Встречаются положительные и отрицательные характеристики. Жители других городов России в своих реакциях опираются, как правило, на географическое положение города и его назначение.

Нами был проведен ассоциативный эксперимент среди китайцев различного возраста (от 20 до 40 лет). Было опрошено 50 человек. Среди информантов 60% – это студенты. Но есть и люди другого социального статуса – преподаватели и офисные работники. Респондентам был задан вопрос: «Какие ассоциации у вас вызывает слово *Владивосток*?».

Всего было собрано 50 анкет и 205 ответов.

В результате анализа анкет нами были выявлены следующие составляющие значения концепта «Владивосток» в китайской языковой картине мира:

1. Владивосток – важный город для России

Данное значение представлено следующими словами и словосочетаниями: герой Востока (2), владеть Востоком (2), самый большой город на Дальнем Востоке (1), самый крупный город на Дальнем Востоке (2), важный залив России (3).

2. Владивосток – морской город

Эта составляющая представлена словосочетаниями: морской город (2), приморский город (2), чистое море (2), около моря, море (13), красивое море (4).

3. Природные и географические особенности города

Данное значение представлено следующими словами и словосочетаниями: много гор (1), горная дорога (1), гора (3), Дальний Восток (2), недалеко от Китая (3), Восток (3).

4. Положительная характеристика города

Это значение представлено тематической группой слов: красивый (4), оживлённый (1), сильный (3), чистый (2), интересный (2), активный (2).

Необходимо отметить, что в ответах китайских респондентов имеются только положительные характеристики города.

5. Жители Владивостока

Данное значение представлено следующими словами и словосочетаниями: русские люди (2), много людей (3), люди добрые и красивые (1), добрые преподаватели (2), красивые девушки (5).

В этом значении присутствуют характеристики русских преподавателей и девушек, оценочные прилагательные «красивый», «добрый». Это объясняется тем, что данное значение сформировалось на основе ответов преимущественно китайских студентов, которые получают образование во Владивостоке и обращают внимание на внешний вид и поведение русских преподавателей, студентов, людей других профессий, имеющих отношение к университету.

6. Определенное место в городе

Эта составляющая представлена названиями различных мест в городе: магазинов, улиц, учреждений, университетов и т.д.

Данное значение представлено следующей тематической группой: Центр (6), Гоголя (10), Площадь (15), Арбат (3), Clever House (4), ВГУЭС (6), ГУМ (3), Светланская улица (2), Семеновская улица, Луговая (5).

Необходимо отметить тот факт, что китайские респонденты ассоциировали Владивосток с объектами, находящимися в центре города или имеющими для них значимость.

Таким образом, Владивосток в ответах китайских респондентов – это важный для России город, быстрый и динамичный, в котором живут добрые и красивые люди.

Рассмотрим сходства и отличия в структуре концепта «Владивосток» на материалах ассоциативного эксперимента среди русских и китайских респондентов. В ходе анализа ассоциаций русских и китайских респондентов нами было выявлено всего тринадцать значений. Были выявлены как общие, так и уникальные значения в структуре концептов.

Так, к общим составляющим относятся:

1. Положительная характеристика города

В данном значении респонденты представили как индивидуальные ассоциации, так и общеизвестные факты о том, что Владивосток – динамичный, оживленный город. Китайские респонденты акцентируют внимание на внешних характеристиках города и людей, которые там живут.

2. Определенное место в городе

В данном значении респонденты, основываясь на личном опыте, потребностях и знаниях, продемонстрировали знания названий тех или иных объектов. Несомненно, наполняемость этих составляющих в китайской и русской языковых картинах мира различна. Так, русские респонденты называют объекты, находящиеся как в центре города, так и за его пределами: Шамора (3), Маяк (1), Горностаи (1). А китайские респонденты – преимущественно объекты, находящиеся в центре города: Центр (6), Гоголя (10), Площадь (15) и т.д. Это объясняется тем, что китайские респонденты в своих ответах отмечают те географические объекты, которые им известны или необходимы в повседневной жизни.

Уникальными для концепта в русской языковой картине мира являются:

1. Владивосток – родной город

Это значение представлено многочисленной группой лексем. Необходимо отметить, что все опрошенные жители города Владивостока в своих ответах указали тот факт, что это их родной город, город родителей и их дом.

2. Отрицательная характеристика города

Мы полагаем, что данное значение появилось в ответах русских респондентов вследствие восприятия ими реалий жизни города с отрицательной точки зрения. Так, например, сравнительно небольшая территория города вызвала негативные реакции: «маленький» и «деревня».

3. Владивосток – отдаленный район России и сосед Азии

Как уже упоминалось выше, это значение сформировано на основе реакций жителей других городов, что обусловлено географическим положением города.

4. Владивосток – порт

Данное значение встретилось в ответах 100% русских респондентов. Все опрошенные отмечают назначение города Владивостока.

Нельзя не отметить тот факт, что русские респонденты, проживающие во Владивостоке, и русские респонденты, проживающие в других городах, отвечали на вопрос ассоциативного эксперимента по-разному. Так, в 100% ответов жителей

Владивостока встретились реакции, характеризующие город как дом, место, где живут родители и близкие люди. В 100% ответов русских информантов, живущих в других городах, встретились ответы, характеризующие Владивосток как отдаленный географический пункт, связанный с морем и находящийся рядом со странами Азии: Китаем, Японией.

Уникальными для концепта в китайской языковой картине мира являются:

1. Владивосток – важный город

Нужно сказать, что китайцы в своих ответах определяют Владивосток как город, имеющий важное политическое, экономическое, торговое значение для России.

2. Владивосток – морской город

Данное значение имеет сходства со значением в русской языковой картине мира «Владивосток – порт». Данные значения имеют общий компонент – море. Однако в ответах русских респондентов присутствуют реакции «порт», «корабли», что отражает, прежде всего, функции города. А в ответах китайских респондентов имеются реакции: «красивое море», «приморский город», что является отражением впечатлений о внешнем облике города.

3. Жители города

Китайские респонденты уделяют внимание внешности жителей города и особенностям их характера. Внимание к внешности жителей города Владивостока определяется национальными отличиями между русскими и китайцами: разницей в росте, цвете глаз и кожи.

Таким образом, ассоциативный эксперимент помог нам выявить сходства и отличия в структуре концепта «Владивосток» в русской и китайской языковой картине мира, выделить общие и частные компоненты концепта в русской и китайской культурах.

Для более полного исследования структуры концепта «Владивосток» в русской языковой картине мира нами были проанализированы газеты, а также информационные сайты новостей: газета «Владивосток», «Новая газета», «Комсомольская правда», «Общая газета», «Новости 24». Подобный выбор объясняется их наибольшей популярностью и тем, что их часто читают.

Мы считаем, что исследование текстов средств массовой информации является очень эффективным для изучения компонентов концепта, так как газеты, журналы, телевидение освещают экономическую, политическую, культурную жизнь города на современном этапе развития.

В ходе нашего исследования были выявлены следующие компоненты:

1. Владивосток – порт

Данное значение представлено следующими словами: море (3), порт (5), Тихий океан (2), подводник (1), Золотой Рог (3), корабль (1).

Данное значение, как и аналогичное значение на основе ассоциативного эксперимента, является одним из самых многочисленных. Лексемы, входящие в состав этого значения, встречаются в 40% анкет.

2. Положительная характеристика города

Данное значение представлено следующими словами и словосочетаниями: высокий уровень (1), высокое качество (жизни жителей города) (1), развитие (1), развивающийся (2).

Данное значение обусловлено тем, что в последнее время Владивосток развивается быстрыми темпами, ведется строительство новых объектов в связи с проведением саммита АТЭС.

3. Владивосток – центр Приморского края

Данное значение представлено следующими словами и словосочетаниями: центр (3), центр Приморья (1), точка (формирования новой тихоокеанский политики России) (1), близко Арсеньев (1), рядом Артем (3), отдых в Славянке (1), Спасск-Дальний (1), отдых в Шмаковке (2).

Данное значение представлено лексемами, характеризующими город и как центр политики и экономики (центр, точка формирования), и как столицу Приморского края (центр Приморья, отдых в Шмаковке).

4. Владивосток – центр проведения саммита АТЭС

Данное значение представлено следующими словосочетаниями и словами: только в два раза меньше Москвы (1), большая территория (2), АТЭС 2012 г. (8), саммит (3).

Данное значение сформировано из лексем, которые встречаются достаточно часто. Так, например, аббревиатура АТЭС 2012 встретилась нам 8 раз. Русские средства массовой информации уделяют много внимания этому событию.

5. Владивосток – сосед Японии

Данное значение представлено следующими словами: радиация (2), бета-загрязнения (2), японские автомобили (4).

Это значение представлено в основном лексемой «радиация» и словами, связанными с этим явлением в силу трагических событий в Японии: землетрясением и взрывами на атомной электростанции в Японии.

6. Владивосток – родной город

Данное значение представлено следующими словами и словосочетаниями: «город нашеньский» (1), наш город (4), дети (2), праздники (1), салют (1).

7. Владивосток – город туризма и спорта

Данное значение представлено лексемами: парусный спорт (1), спорт (3), парусники (1), яхта (1).

Владивосток – город у моря, поэтому многие люди, живущие в этом городе, занимаются различными водными видами спорта, проводятся соревнования и разные мероприятия. Об этих событиях и пишут газеты Владивостока.

8. Достопримечательности города

Данное значение представлено следующими словами и словосочетаниями: крепость (1), Ледяной городок (1), памятники (1), музей Арсеньева (2), океанариум (1) церковь (1), храм (2), памятник Кириллу и Мефодию (1).

Любой город имеет свои исторические, культурные особенности. В каждом городе есть свои известные места, музеи, памятники. Восприятие города невозможно без восприятия этих особенных мест. Во Владивостоке это: музей Арсеньева, церкви, памятник Кириллу и Мефодию.

9. Географические и природные особенности города

Данное значение представлено следующими словами и словосочетаниями: острова (1), туман (1), влажность (2), дождь (1).

Данное компонентное значение представляет географические и климатические особенности города.

Таким образом, в результате анализа прессы мы выявили схожие значения со значениями ассоциативного эксперимента: «Владивосток – родной город», «Положительная характеристика города». Однако нужно отметить, что наполняемость этих значений не совсем одинакова. Так, значение «Владивосток – родной город» в прессе имеет такие лексеммы, как «нашенский», «наш город», в на материале ассоциативного эксперимента такие лексеммы, как «дом», «родной».

Для исследования структуры концепта «Владивосток» в китайской языковой картине мира нами были проанализированы газеты и информационные сайты новостей: «Xin min wan bao», «Zhong guo jing ji zhou kan», «Lao niang sheng huo bao», «Jin wan bao», «Ren ming jiao yu wang», «Jun qing guan cha», «Lv ying», «Huan qiu wang», «Wang yi lun tan». Эти газеты широко известны в Китае, в них подробно описываются события мирового уровня.

1. Владивосток – морской город

Это значение представлено следующими словами: море (4), песчаная мель (1), гавань (1), Золотой Рог (6).

2. Владивосток – важный город

Это значение представлено следующими словосочетаниями: административный центр Приморского края (4), важный город (3), Транссибирская магистраль (3), владеть Востоком (3), военный порт (2), Амурский залив (1).

Как и на основе ассоциативного эксперимента, в китайской прессе Владивосток – это значимый город для России, играющий важную роль в экономическом и политическом развитии страны.

3. Отдых

Это значение представлено следующими словами: кратковременное лето (1), казино (1), беззаботный (2), путешествие (3), город-курорт (1), пляж (2), шашлык (1).

Данное значение обусловлено тем, что Владивосток – это близкий к Китаю город и в средствах массовой информации он нередко освещается как пункт возможного отдыха и путешествий.

4. Положительная характеристика города

Это значение представлено следующими словами: благородный (1), счастливый (1), красивая девушка (2).

Китайцы воспринимают Владивосток положительно, что видно из оценочных прилагательных, входящих в состав этого значения: красивый, благородный, счастливый.

5. Владивосток – исторический город

Это значение представлено следующими словами: история (2), вторая опиумная война (1), земля (1), старые здания (3), музей (2).

Таким образом, в китайских средствах массовой информации Владивосток освящен как важный для России город, даётся положительная оценка городу и людям, живущим в нем.

6. Жители города

Настоящее значение представлено следующими словами: хороший задаток (2), юмор (1), оживлённый (2), гостеприимный (1), красивая девушка (3).

В этом значении присутствуют характеристики русских, оценочные прилагательные «гостеприимный», «оживлённый».

7. Традиционная продукция

Это значение представлено следующими словами: матрёшка (3), водка (2), шоколад (1), хлеб (4).

8. Университеты города

Это значение представлено следующими словами: Дальневосточный государственный университет (1), Морской государственный университет (1), Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (1), Владивостокский государственный медицинский университет (1), Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (1).

В ходе анализа средств массовой информации нами было выявлено всего шестнадцать значений. Были выявлены как общие, так и уникальные компоненты.

Схожими значениями являются «Владивосток – важный город» и «Владивосток – центр Приморского края», в которых присутствуют одинаковые лексемы: центр Приморья (1).

Уникальными для русской языковой картины мира считаются значения:

1. Владивосток – родной город
2. Владивосток – порт
3. Владивосток – родной город
4. Владивосток – сосед Японии

Все эти значения были выявлены и в ходе ассоциативного эксперимента, что подтверждает объективность выявления этих компонентных значений.

Уникальны для китайской языковой картины мира:

1. Отдых
2. Владивосток – исторический город

Выявление этих значений обусловлено тем, что китайцы интересуются Владивостоком как центром туризма и отдыха. Владивосток – это город с интересной историей и особенным развитием.

В ходе работы мы выяснили, что структура концепта «Владивосток» сложна и разнообразна как в русской, так и в китайской языковых картинах мира. В состав концепта входят десять и одиннадцать компонентных значений соответственно.

В структурах концептов имеются общие компонентные значения: «Положительная характеристика города», «Определенное место в городе».

В русской языковой картине мира уникальны: «Владивосток – родной город», «Отрицательная характеристика города», «Владивосток – сосед Японии», «Владивосток – отдаленный район России и сосед Азии», «Владивосток – центр проведения саммита АТЭС».

В китайской языковой картине мира уникальными являются «Владивосток – важный город», «Владивосток – морской город», «Жители города».

Таким образом, мы выяснили, что структура концепта «Владивосток» сложна и разнообразна. Состав компонентных значений концепта «Владивосток» варьируется не только в зависимости от национальности носителей языка (русские – китайцы), но и от места проживания людей одной национальности (русские – жители Владивостока и русские – жители других городов).

Концепт «Война» в русской и китайской языковых картинах мира*

Современные словари русского языка дают разное определение лексеме «война», хотя в них есть и общие значения.

Так, Толковый словарь под редакцией Ожегова определяет слово «война» как «1. Вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства. Находиться в состоянии войны с кем-н. Объявить войну. Вести войну. Пойти на войну. Вернуться с войны. Погиб на войне. Не пришел с войны кто-н. Победоносная в. Региональные войны. В. за независи-

* © О.Д. Дербенёва, Чжан Хао

мость. Гражданская в. (вооруженная борьба внутри государства). 2. перен. борьба, враждебные отношения с кем-чем-н. Объявить войну бездельникам» [161. С. 145].

Толковый словарь современного русского языка дает следующее толкование: организованная вооруженная борьба между государствами, нациями (народами), социальными группами. В войне используются вооруженные силы как главное и решающее средство, а также экономические, политические, идеологические и другие средства борьбы. Война между социальными группами внутри страны за государственную власть называется гражданской войной. За последние 5,5 тыс. лет было ок. 14,5 тыс. больших и малых войн (в т.ч. две мировые), в ходе которых погибло, умерло от эпидемий и голода св. 3,6 млрд человек [132. С. 78].

Толковый словарь В. Даля дает следующее толкование: раздор и ратный бой между государствами, международная брань. Наступательная война, когда ведут войско на чужое государство; оборонительная, когда встречают это войско, для защиты своего. Война междусобная, усобица, когда один и тот же народ, раздвоившись в смутах, враждует между собою оружием. Война сухопутная, морская, битва на материке, на море. Война подземная, подкопы разн. родов, при осаде, с той и с другой стороны. Малая война, аванпостная служба, занятия и обязанности сторожевой части войска. Партизанская война, действия отдельных, мелких частей войска, с крыльев и с тыла неприятеля, для отрезки ему средств сообщения и подвоза. Народная война, в которой весь народ принимает, по сочувствию к поводу раздора, живое участие. Чернильная война, перебранка на письме. Легко про войну слушать, да тяжело (страшно) ее видеть. Хорошо про войну слышать, да не дай Бог ее видеть. Хороша война за горами, в мор намрутся, в войну налгутся, нахвастаются. Войной да огнем не шути. Всякая война от супостата, не от Бога [74. С. 158].

Из приведенных толкований выделяем общее значение «1. Борьба между государствами».

Современные словари китайского языка дают разные определения лексеме «война». Так, Толковый словарь Шуай Хуэй определяет слово «война» следующим образом: «1. Вооруженная борьба между государствами, общественными классами, освободительная война, находиться в состоянии войны с кем-чем-н., начать, объявить войну, вести войну, пойти на войну, угроза войны, избежать войны, вернуться с войны. 2. Перен. о борьбе, враждебных отношениях с кем-чем-н., объявить войну преступности. 3. Разг., действия, направленные на искоренение чего-л., вести войну с цензурой» [298. С. 89].

Изучив толкования лексемы «война» в словарях также обнаруживаем общие значения «Борьба между государствами» и «Конфликт».

Мы исследовали тридцать русских пословиц о войне. В ходе анализа данных пословиц были выделены основные значения концепта «Война» в русской языковой картине мира:

1) Война невозможна без кровопролития

«Война кровь любит», «Война кровь пьет», «Война питается деньгами, а увеселяется кровью», «Ни моря без воды, ни войны без крови».

2) Военные действия невозможны без помощи мирного населения и товарищей

«Рать сама кормится, а мир жнет», «Мир гибнет, а рать кормится» «Сам погибай, а товарища выручай (а товарищ в беде выручит)», «Друг друга поддерживать – победу одерживать».

3) На войне необходима смелость и решительность для победы
«Пришел, увидел, победил», «Разбить неприятеля наголову», «Хочешь победить на войне – работай вдвойне», «Лечь костями, но разгромить врага», «Смерть бежит от сабли и штыка храброго», «Опасности лучше идти навстречу, чем ожидать на месте», «Только того бьют, кто боится», «Кто храбр – тот жив, кто смел – тот цел», «Бой отвагу любит».

4) Война – это тяжелое испытание

«Войну плохо слышать, тяжелее видеть», «Война не лечит, а калечит».

5) На войне нужно бить врагов беспощадно

«Врагов не считают – их бьют», «Бить врага насмерть», «Врага не добить – себя погубить».

6) Русский воин самый сильный

«Русский боец – всем образец», «Наш боец в атаке молодец».

7) Для войны нужно много знаний

«Для победы первое дело – воевать умело», «Без мастерства воевать – победы не видать», «Умело воевать – славу добывать».

8) Оружие – верный помощник на войне

«Граната – верная спутница солдата», «Где не спасет лопата, выручит граната», «Без гранаты не обойтись солдату», «Винтовка и в пути товарищ», «Солдат без винтовки – не воин», «С винтовкой идешь – не пропадешь», «Кто бережет винтовку, того винтовка бережет».

9) Победа сопутствует смелым людям

«Бесстрашие – мать победы», «Дорога побед шлет стойким привет», «Побеждать без риска – побеждать без славы», «Кто храбро сражается, тот к победе приближается», «Побеждает тот, кто не дает себя запугать», «Как нам ни вредили, а мы победили», «Жизни не пощадили, а врага победили», «Лучше погибнуть, да победить, чем живым, но битым быть».

Нами было исследовано 70 пословиц. В результате мы выделили девять компонентов концепта «Война». Итак, в русских пословицах война описывается как тяжелое испытание для русского народа. На войне русские очень ценят помощь друг друга. Много пословиц (14) посвящено оружию, используемому на войне. Оружие на войне – это тоже друг.

Русские пословицы призывают быть смелыми и сильными людьми. Было обнаружено 20 пословиц о победе. Без смелости невозможна победа. Если человек будет смелым, он обязательно победит, а трусливый человек может умереть.

Было исследовано тридцать китайских пословиц о войне. Анализ китайских пословиц о войне позволил нам выделить основные значения, отражающие понимание концепта «Война» у китайцев.

1) Война невозможна без кровопролития

«Война значит кровь», «На войне столько крови, сколько капель в море».

2) Хитрость на войне

«Ударить по слабому месту», «Извлекать для себя пользу (из чужого конфликта)», «Когда бекас вступает в схватку с устрицей, в выигрыше оказывается рыбак», «В конфликте двух сторон выгода достается третьему», «Орлы бьются, а молодцам перья достаются», «Когда богомол набросился на цикаду, его подстерегла иволга. Пока богомол охотится за цикадой, сзади его подстерегает иволга».

3) На войне нужно понимать друг друга

«Знай противника и знай себя, и ты будешь непобедим», «Знай противника и знай себя, и тогда в ста сражениях сто раз победишь», «Понимай на войне друга».

4) На войне, чтобы добиться успехов, необходимо быть настойчивым

«Не отказываться от своих надежд до самой могилы», «Не складывать оружия до последней минуты своей жизни», «Вновь вернуться и брать реванш».

5) План и опыт необходимы на войне

«Чужая беда научит», «Прошлое, если его не забывать, учит на будущее», «Опытom минувшего освещается настоящее и будущее битвы», «Ловишь воров (разбойников) – так начинай с главаря», «Руби столбы, заборы сами повалятся», «Подлинный драгоценный камень возвратился к княжеству Чжао».

6) Достоинства войны

«Жестокие войны создал мир»

На войне китайцы очень ценят помощь друг друга. Пословицы говорят о том, что опыт и знания на войне необходимы. Иногда война – это необходимое средство достижения целей и благ.

Нами был проведен ассоциативный эксперимент среди русских и китайских респондентов в возрасте от 18 до 30 лет различных сфер деятельности: студенты, преподаватели, врачи, экономисты, бухгалтеры. Было получено 80 ответов.

Мы обнаружили следующие ассоциации:

Русские респонденты: смерть (10), слёзы (5), разрушение (3), умереть (5), страшно (5), ужасно (5), несчастья (7), страдание (6), боль (5), кровь (8), катастрофа (2), мир (2), пыль (2), хаос (3), насилие (3), независимый (3), злой (4), жестокий (2), горе (3), обида (2), убийство (3), оружие (2), пистолет (1).

Китайские респонденты: смерть (17), кровь (5), мир (4), бедствие (5), ужас (5), Япония (4), жестокий (3), беспощадный (2), агрессивный (4), страдающий (4), хмурый (4), беспорядок (6), страшно (4), ужасно (6), умереть (7), враг (5), плохо (8), грязь (1).

На основании анализа этих реакций мы выявили компонентные значения концепта «Война» в русской и китайской языковых картинах мирах, а также общие и различные компоненты.

В результате исследования ответов китайских респондентов получено 8 компонентных значений концепта:

1) война – это смерть: представлено группой лексем: смерть (17), умереть (7);

2) война – негативное явление: представлено группой лексем: беспорядок (6), ужас (5);

3) противник: представлено лексемами: Япония (4) и враг (5);

4) война – причина плохого состояния души: представлен прилагательными: хмурый (4), страдающий (4);

5) негативная оценка войны: представлено группой наречий: страшно (4), ужасно (6), плохо (8);

6) признаки войны: представлено существительными: кровь (5), грязь (1);

7) отрицательное качество характера: представлен прилагательными: беспощадный (2), агрессивный (4);

8) противопоставление войне: представлен антонимической реакцией – существительным мир (4).

Таким образом, проведя анализ ответов респондентов, мы выяснили, что лексема «война» в китайской языковой картине мира, прежде всего, ассоциируется со смертью. Реакция «смерть» – самая частотная реакция (17 ответов). Китайцы относятся к войне как к негативному явлению, вызывающему у человека душевные страдания. Интересно, что имеется значение «Противник», в которое входит слово «Япония». Это объясняется тем, что в прошлом Япония была серьезным врагом Китая.

В результате исследования ответов русских респондентов было получено 8 компонентных значений концепта.

1) Война – это смерть

Данное значение представлено тематической группой лексем: смерть (10), насилие (3), умереть (5), убийство (3).

2) Негативная оценка войны

Это значение представлено группой наречий: страшно (5), ужасно (5).

3) Признаки войны

Это значение представлено существительными: кровь (8), пыль (2).

4) Война – причина плохого состояния души

Данный компонент представлен тематической группой существительных: несчастья (7), страдание (6), боль (5), обида (2).

5) Отрицательное качество характера

Это значение представлено тематической группой прилагательных: злой (4), жестокий (2).

6) Оружие

Данное значение представлено лексемами: оружие (2), пистолет (1).

7) Война – это независимость

Это значение встречается только два раза – прилагательное «независимый» (2).

8) Война – негативное явление

Данное значение представлено лексемами: разрушение (3), катастрофа (2).

9) Противопоставление войне

Этот компонент представлен существительным мир (2).

Проведя исследование реакций респондентов, мы выяснили, что в лексема «война» в русской языковой картине мира, как и в китайской, ассоциируется со смертью. Реакция «смерть» – самая частотная реакция (10 ответов). В сознании русского человека война ассоциируется с болью и обидой. Война – это негативное явление, в котором участвуют злые, жестокие люди.

Итак, концепт «Война» в русской и китайской языковых картинах мира характеризуется общими значениями: 1) Война – это смерть, 2) Негативная оценка войны, 3) Война – причина плохого состояния души, 4) Признаки войны, 5) Война – негативное явление.

Во всем мире люди негативно оценивают войну, хотят жить в спокойное и мирное время без страданий, слез и боли.

Мы выявили и индивидуальные компоненты. Для концепта в русской языковой картине мира индивидуальными являются значения «Оружие» и «Независимость».

Для концепта в китайской языковой картине мира индивидуальным является значение «Противник», что объясняется исторически.

Нами был проведен анализ русской и китайской литературы. Всего рассмотрено двадцать произведений и обнаружены следующие лексемы:

Русская литература: смерть (15), жертвы (20), умирать (16), погибнуть (10), убить (13), насмерть (9), автомат (5), граната (15), ствол (1), пуля (6), пулемёт (8), патрон (1).

Китайская литература: смерть (10), воевать (25), отбить (26), атаковать (12), удар (23), победить (30), пожертвовать (29), служить (10), герой (15), боец (20), враг (15), пострадавший (13), противник (6), доброволец (10), солдат (20), бандит (6), коммунист (3), воевать (25), отбить (26), самолёт (5), танк (4), артиллерия (1).

На основании анализа этих реакций мы выявили компонентные значения концепта «Война» в русской и китайской литературах. Мы выявили общие и различные компоненты.

Также исследовано 10 произведений китайской литературы о войне. Цю Шаоин «Вечная Война», Се Хао «Сюй Дяпэн», Чжан Тэн «Сюэ Чжжао», Лю Бо «Го Чжонтэн», Ван Хуэй «Война Отца», Чжао Ци «Китайские Народные Войны», Яо Го «Подвиги», Го Сяоян «Ян Генши», Ху Дон «Лю Шоншан», Ван Лу «Необычная Война».

В результате исследования получено 11 компонентных значений концепта.

1) Война – это смерть

Данное значение представлено тематической группой лексем: смерть (10).

2) Субъект военных действий

Данное значение представлено тематической группой лексем: герой (15), боец (20), враг (15), пострадавший (13), противник (6), доброволец (10), солдат (20), бандит (6), коммунист (3), войско (8), военные (14), армия (16).

3) Действия во время войны

Данное значение представлено лексемами: воевать (25), отбить (26), атаковать (12), удар (23), победить (30), пожертвовать (29), служить (10).

4) Явления, сопровождающие войну

Данный компонент представлен лексемой: пожар (6).

5) Военный транспорт

Значение представлено лексемами: самолёт (5), танк (4), артиллерия (1).

6) Признаки войны

Это значение представлено существительными: кровь (28), рана (18).

7) Смерть по собственному желанию

Этот компонент представлен лексемами: самопожертвование (4), самоубийство (4).

8) Уничтожение врага с помощью различного оружия

Этот компонент представлен лексемами: выстрелить (16), взорвать (17), вырезать (12), оторвать (16), уничтожить (20).

9) Огонь

Данный компонент представлен лексемами: чёрный порох (1), пулевые отверстия (2).

10) Партия

Настоящий компонент представлен лексемами: коммунизм (2), партия (2).

11) Похороны

Этот компонент представлен лексемой: гроб (3).

Таким образом, проведя анализ литературы, мы выяснили, что в лексема «война» в китайской литературе, прежде всего, ассоциируется со смертью. Реакция «смерть» – самая частотная реакция (10). Китайцы относятся к войне как к негативному явлению, вызывающему у человека душевные страдания. Интересно, что имеется значение «Противник», в которое входит слово «Япония». Это обосновано тем, что в прошлом Япония была серьезным врагом Китая.

Мы исследовали более десяти произведений русской литературы военной тематики разных лет (1940–1980), изучили и стихи, и прозу: В.Л. Кондратьев «Сашка», а А.А. Ахматова «Мужество», К. Симонов «А. Суркову», «Слепец», из дневника: «Да, война не такая, какой мы писали ее», А. Твардовский «Дом бойца», «В Смоленске», «Я знаю, никакой моей вины», М. Джалиль «Варварство», Б. Васильев «А зори здесь тихие».

Мы считаем, что исследование данных произведений позволяет объективно выявить структурные компоненты концепта «Война», так как они написаны разными авторами в разные временные промежутки, однако имеют общую тематику – война. Кроме того, данные произведения повествуют об одной из самых страшных войн в российской истории – Великой Отечественной войне.

В результате исследования нами было получено 20 компонентных значений концепта.

1) Война – это смерть

Данное значение представлено тематической группой лексем: смерть (15), жертвы (20), умирать (16), погибнуть (10), убить (13), насмерть (9).

2) Негативная оценка войны

Значение представлено группой слов: равнодушно (4), расстроенный (6), зло (2), трагедия (3).

3) Признаки войны

Это значение представлено существительными: кровь (20), грязь (5).

4) Война – причина плохого состояния души

Компонент представлен тематической группой существительных: несчастье (7), страдание (15), боль (20), обида (14).

5) Субъект военных действий

Это значение представлено тематической группой существительных: командир (16), боец (25), комбат (10), капитан (9), солдат (15), старшина (7), сержант (8), ротный (5), лейтенант (6), майор (5), герой (4).

6) Оружие

Данное значение представлено лексемами: автомат (5), граната (15), ствол (1), пуля (6), штык (4), пулемёт (8), патрон (4), наган (2), взрывчатка (2).

7) Явления, сопровождающие войну

Данное значение представлено лексемами: грохот (8), гром (9), дым (8), пальба (6), свист (5), взрыв (4), разрушение (4).

8) Уничтожение врага различными способами

Данное значение представлено лексемами: выстрелить (стрелять) (10), взорвать (14), отрезать (13), оторвать (9), уничтожить (8), ударить (7), забить (5), расстрелять (4), обстрелять (4).

9) Военный транспорт

Этот компонент представлено тематической группой существительных: самолёт (5), танк (5).

10) Органы

Данное значение представлено лексемами: сердце (5), грудь (7), ноги (6), шея (9), рот (3), спина (4), лицо (5) голова (8), рука (8).

11) Природные объекты

Данное значение представлено лексемами: лес (4), дерево (3), небо (3), земля (9), болото (5).

12) Война – негативное явление

Данное значение представлено лексемами: разрушение (3), катастрофа (2).

13) Противник

Данное значение представлено лексемами: немец (10), враг (8).

14) Характеристика человека

Данное значение представлено лексемами: трус (7), герой (15).

15) Люди различных профессий и социального статуса

Данное значение представлено лексемами: рабочий (5), крестьяне (6).

16) Номинация противника

Варвар (3), дикарь (1), фриц (9).

17) Коммунистическая партия

Данное значение представлено лексемами: красный (5), коммунист (6).

18) Служение Родине и людям

Данное значение представлено лексемами: служить (4), сберечь (3), Родина (3), Россия (4), Русь (1), уберечь (1), кровь (1).

19) Лексема «фронт» (14).

20) Лексема «тыл» (8).

Таким образом, мы выяснили, что война – это, прежде всего, причина смерти большого количества людей. В войне участвуют люди разного возраста, пола и социального статуса. В войне участвуют как мужчины, так и женщины, как старики, так и дети. Военные действия сопровождаются различными явлениями: шумом, грохотом, вспышками. С одной стороны, люди боятся войны, чувствуют боль, обиду, страх и унижение, с другой – они защищают свою Родину и себя всеми возможными способами и гордятся своей страной.

Человек в условиях войны может вести себя по-разному. Кто-то проявляет героизм, а кто-то трусость.

В произведениях обнаружены номинации врага. Встречается негативное отношение к врагу как дикарю, варвару, а также отношение к нему как к человеку, имевшему до войны мирную жизнь.

Таким образом, проведя анализ литературы, мы выяснили, что в лексема «война» в русской литературе, как и в китайской, ассоциируется со смертью. Реакция «смерть» – самая частотная реакция (15). В сознании русского человека война ассоциируется с болью и обидой. Война – это негативное явление, в котором участвуют злые, жестокие люди.

Итак, концепт «Война» в русской и китайской литературе имеет общие значения: 1) война – это смерть, 2) негативная оценка войны, 3) явления, сопровождающие войну, 4) признаки войны, 5) война – негативное явление, 6) действия во время войны.

Во всем мире люди негативно оценивают войну, хотят жить в спокойное и мирное время без страданий, слез и боли.

Мы выявили индивидуальные компоненты. Для концепта в русской литературе индивидуальным является значение «Человек определенной национальности».

Для концепта в русской и китайской литературе интересны значения «Партия» и «Коммунистическая партия». Значения похожи, но представлены разными лексемами: в китайском языке – «партия», в русском – «коммунист», «красный».

Нами был проведен анализ русской и китайской песни. Всего было рассмотрено тридцать произведений.

Китайская песня: смерть (8), отбить (26), атаковать (12), удар (23), победить (30), пожертвовать (29), служить (10), герой (15), боец (20), враг (8), пострадавший (13), противник (5), доброволец (10), солдат (4), бандит (6), коммунист (3), воевать (5), атаковать (6), удар (7), победить (30), пожертвовать (9), самолёт (5), танк (4), артиллерия (1).

Русская песня: смерть (6), жертва (7), умирать (6), погибнуть (5), насмерть (9), самопожертвование (4), самоубийство (4), крестьяне (3), победить (4), служить (3), враг (8), солдат (4), фашист (4).

На основании анализа этих реакций мы выявили компонентные значения концепта «Война» в текстах русской и китайской песни. Мы выявили общие и различные компоненты, исследовали 20 китайских песен о войне разного периода. Среди них: Тен Хон «Ради общего», Се Чао «Единство Силы», Чжан Тэн «Песня Восьмой Армии», Лю Дун «Тоннель войны», Ван Хуай «Красный флаг песни», Чжао Ши «Китайские Народные Войны», Яо Нин «За Реку Даду», Го Сяоян «Песня партизан», Ху Хао «Защитим Мост Марко Поло», Чоу Лоун «Погибшим миротворцам». В результате исследования было получено 10 компонентных значений концепта.

1) Война – это смерть

Данное значение представлено единичной лексемой смерть (10).

2) Субъект военных действий

Данное значение представлено тематической группой лексем: враг (8), противник (5), солдат (4), военные (3), фашист (4).

3) Действия во время войны

Данное значение представлено лексемами: удар (3), победить (4), служить (3).

4) Признаки войны

Значение представлено существительными: кровь (6), рана (3).

5) Уничтожение врага с помощью различного оружия

Этот компонент представлен лексемой: уничтожить (4).

6) Война – причина плохого состояния души

Данный компонент представлен тематической группой существительных: страдание (6), боль (5), обида (4).

7) Оружие

Данное значение представлено лексемами: автомат (2), граната (5), пистолет (3).

8) Органы

Данное значение представлено лексемами: сердце (2), грудь (3), шея (3), голова (4), рука (5).

9) Природные объекты

Данное значение представлено лексемами: лес (4), дерево (3), небо (3), земля (5).

10) Люди различных профессий и социального статуса

Данное значение представлено тематической группой лексем: крестьяне (3), солдат (5), рабочий (4).

Таким образом, исследование песен о войне подтвердило полученные нами ранее результаты анализа ассоциативного эксперимента, пословиц и художественной литературы. Мы выяснили, что в лексема «война» в китайской песне, прежде всего, ассоциируется со смертью. Реакция «смерть» – самая частотная реакция (10). Китайцы относятся к войне как к негативному явлению, вызывающему у человека душевные страдания.

Мы исследовали 20 русских песен о войне разного периода. Среди них: К. Ваншенкин «Алеша», Б. Окуджава «Бери шинель, пошли домой», А. Сурков «В землянке», М. Исаковский «В лесу прифронтовом», А. Фатьянов «Где же вы теперь, друзья-однополчане», И. Френкель «Давай закурим», А. Фатьянов «Давно мы дома не были», В. Харитонов «День Победы», Л. Ошанин «Ехал я из Берлина».

В результате исследования нами было получено 8 компонентных значений концепта.

1) Война – это смерть

Данное значение представлено соответствующей лексемой: смерть (8).

2) Субъект военных действий

Данное значение представлено тематической группой лексем: враг (5), солдат (4).

3) Действия во время войны

Данное значение представлено тематической группой лексем: победить (4).

4) Признаки войны

Это значение представлено существительным: кровь (6).

5) Негативное качество характера

Это значение представлено тематической группой прилагательных: злой (3), жестокий (4).

6) Смерть по собственному желанию

Этот компонент представлен лексемами: самопожертвование (3), самоубийство (4).

7) Военный транспорт

Этот компонент представлен лексемой: самолёт (2).

8) Природные объекты

Этот компонент представлен лексемой: земля (3).

Таким образом, проведя анализ песни, мы выяснили, что лексема «война» в русской песне, как и в китайской, ассоциируется со смертью. Реакция «смерть» – самая частотная реакция (8). В сознании русского человека война ассоциируется с болью и самопожертвованием. Война – это негативное явление, в котором участвуют злые, жестокие люди.

Итак, концепт «Война» в текстах русской и китайской песни имеют общие значения: 1) война – это смерть, 2) признаки войны, 3) природные объекты, 4) субъект военных действий.

Во всем мире люди негативно оценивают войну, хотят жить в спокойное и мирное время без страданий, слез и боли.

Мы выявили индивидуальные компоненты. Для концепта в русской песне индивидуальными являются значения «Смерть по собственному желанию».

Для концепта в китайской песне индивидуальным является значение «Война – причина плохого состояния души». Сходства и различия концепта «Война» в русской и китайской языковых картинах мира отображены в табл. 3.

Таблица 3

Сходства и различия концепта «Война» в русской и китайской языковых картинах мира

Концепт в РЯКМ	Концепт в КЯКМ
1	2
1. Борьба между государствами	1. Борьба между государствами
2. Война невозможна без кровопролития	2. Война невозможна без кровопролития
3. Военные действия невозможны без помощи мирного населения и товарищей	3. Хитрость на войне
4. На войне необходима смелость и решительность для победы	4. На войне нужно понимать друг друга
5. Война – это тяжелое испытание	5. На войне, чтобы добиться успехов, надо быть настойчивым
6. На войне нужно бить врагов беспощадно	6. Надо хорошо планировать свои действия во время войны
7. Русский воин самый сильный	7. Достоинства войны
8. Для войны нужно много знаний	8. Оружие – верный помощник на войне
9. Оружие	9. Война – это смерть
10. Победа сопутствует смелым людям	10. Война – негативное явление
11. Война – это смерть	11. Противник
12. Негативная оценка войны	12. Война – причина плохого состояния души
13. Признаки войны	13. Негативная оценка войны
14. Война – причина плохого состояния души	14. Признаки войны
15. Отрицательное качество характера	15. Отрицательное качество характера
16. Противник	16. Противопоставление войне
17. Война – это независимость	17. Субъект военных действий
18. Война – негативное явление	18. Явления, сопровождающие войну
19. Противопоставление войне	19. Уничтожение врага различными способами

1	2
20. Военный транспорт	20. Субъект военных действий
21. Органы	21. Действия во время войны
22. Природные объекты	22. Явления, сопровождающие войну
23. Характеристика человека	23. Военный транспорт
24. Люди, различных профессий и социального статуса	24. Признаки войны
25. Приказ	25. Смерть по собственному желанию
26. Служение Родине и народу	26. Уничтожение врага с помощью различного оружия
27. Фронт	27. Огонь
28. Тыл	28. Партия
29. Субъект военных действий	29. Похороны
	30. Негативная оценка войны
	31. Природные объекты

Итак, концепт «Война» в русской и китайской литературе имеет общие значения: 1) война – это смерть, 2) негативная оценка войны, 3) явления, сопровождающие войну, 4) признаки войны, 5) война – негативное явление, 6) действия во время войны, 7) противопоставление войне, 8) военный транспорт.

Таким образом, проведя анализ, мы выявили индивидуальные компоненты. Для концепта в русской литературе индивидуальным является значение «Человек определенной национальности».

Для концепта в китайской литературе существует значение «Партия», в русской литературе есть схожее значение «Коммунизм», но представлены они разными лексемами: в китайском языке – «партия», в русском – «коммунист», «красный».

В русской литературе встречаются значения «Органы», «Люди различных профессий и социального статуса», «Победа сопутствует смелым людям», «Для войны нужно много знаний», «На войне необходима смелость и решительность для победы», «Война – это тяжелое испытание», «Русский воин самый сильный», «Война – это тяжелое испытание». А в китайской литературе их нет.

В китайской литературе есть значения «Хитрость на войне», «Уничтожение врага различными способами», «Субъект военных действий», «Явления, сопровождающие войну», «Смерть по собственному желанию», «Уничтожение врага с помощью различного оружия». В русской литературе их нет.

Русские пословицы призывают быть смелыми и сильными людьми. Без смелости невозможна победа. Если человек будет смелым, он обязательно победит, а трусливый человек может умереть.

На войне китайцы очень ценят помощь друг друга. Пословицы говорят о том, что опыт и знания на войне необходимы. Иногда война – это необходимое средство достижения целей и благ.

Интересно, что мы выявили значение «Противник», в которое входит слово «Япония». Это объясняется тем, что в прошлом Япония была серьезным врагом Китая.

В сознании русского человека война ассоциируется с болью и обидой. Война – это негативное явление, в котором участвуют злые, жестокие люди.

Лексема «война» в китайской песне, прежде всего, ассоциируется со смертью. Китайцы относятся к войне как к негативному явлению, вызывающему у человека душевные страдания.

Лексема «война» в русской песне, прежде всего, ассоциируется с самопожертвованием и болью. Русские заботятся о своей родине.

Итак, и русские, и китайцы думают, что война – это борьба между государствами. Концепт «Война» в русской и китайской языковых картинах мира имеет общие значения: 1) война – это смерть, 2) негативная оценка войны, 3) война – причина плохого состояния души, 4) признаки войны, 5) война – негативное явление, 6) военный транспорт, 7) природные объекты.

Кроме того, концепт имеет и разные значения. Так, концепт «Война» в китайской картине мира имеет значение «Противник», в которое входит слово «Япония». Концепт в русской картине мира имеет индивидуальные значения «Оружие», «Война – это независимость».

Итак, на основе анализа толкований лексемы «война» в словарях выделяется общее значение для китайской и русской языковых картин мира – борьба между государствами.

На основе анализа пословиц выделяем общее значение для китайской и русской языковых картин мира. Например, «На войне люди должны иметь смелость», «Война невозможна без кровопролития».

Проведя анализ ответов респондентов, мы выяснили, что лексема «война» в китайской и русской языковой картине мира, прежде всего, ассоциируется со смертью.

Концепт «Война» в русской и китайской языковых картинах мира имеет общие значения: 1) война – это смерть, 2) негативная оценка войны, 3) война – причина плохого состояния души, 4) признаки войны, 5) война – негативное явление.

И в русской, и в китайской языковых картинах мира концепт имеет сложную структуру, состоит из множества значений. Мы выявили как общие компоненты, так и индивидуальные для концепта в русской и китайской культурах. На основе анализа словарных толкований мы выяснили, что война и в сознании русских, и в сознании китайцев – это борьба между государствами. На основе анализа результатов ассоциативного эксперимента мы выяснили, что война ассоциируется со смертью, болью и страданием. По поводу пословиц можем сказать, что военные действия невозможны без знаний и опыта и смелости. Смелый человек всегда побеждает.

Исследование представлений о законе и справедливости в русской и китайской лингвокультурах*

В различных культурах люди воспринимают, чувствуют и переживают мир по-своему и тем самым создают свой оригинальный и неповторимый образ мира, своё представление о мире, получившее название «картина мира». Исследования в этой области помогают народам лучше понимать друг друга, что особенно актуально сегодня, когда расширяются международные связи.

Понятие картины мира (в том числе и языковой) сложилось при изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним [144. С. 64].

Картина, образ, модель мира (а также ряд близких по значению понятий – «модель универсума», «схема реальности», «схема сознания», «внутренний мир человека» и др.) – группа нечетких терминов, характеризующих субъективную системность мировосприятия и мироощущения человека: целостную, многоуровневую систему представлений о мире, взаимосвязях его составляющих, других людях, о себе и своей деятельности, о пространственной и временной последовательности событий, их причинах, значении и целях.

Картина мира, следовательно, представляет собой основу, фундамент мировосприятия, опираясь на который человек действует в мире. Она объединяет все известные человеку образы и понятия в общий глобальный образ, в котором содержится всё, с чем он сталкивался в жизни (или о чём у него есть те или иные представления). Картина мира – сложнейшее психическое образование, которое формируется с самого раннего детства, чтобы человек мог ориентироваться и выжить в мире настоящем; это многослойная конструкция, хранящая в себе все знания об устройстве окружающего мира в виде представлений и образов, «уложенных» в соответствии с определённой «архитектурой». Именно наличие системно-целостной картины мира, как подчёркивал ещё Д. Дьюи, позволяет человеку ориентироваться среди «текущего ряда познаваемых опытным путём предметов» [164. С. 99].

Слова *закон* и *справедливость* существуют в разных языках. Но имеют ли эти понятия одинаковое значение? Изучая представления о законе в сознании русского и китайского народов, мы уточнили значение этих слов в русских и китайских словарях, затем собрали и проанализировали русские и китайские пословицы и поговорки, которые представляют собой афористические, краткие, устойчивые изречения, обобщающие народный опыт и выражающие точку зрения народа. Также был проведен ассоциативный эксперимент.

Рассмотрим дефиниции слова «закон», представленные в русских словарях. Словарь С.И. Ожегова даёт следующие определения: 1) связи и взаимозависимости каких-н. явлений объективной действительности (*Законы общественного развития*); 2) постановление государственной власти (*Конституция – основной закон государства. Кодекс законов о труде*); 3) общеобязательное

* © И.В. Андреева, Ма Сяоцы

правило, то, что признаётся обязательным (*Законы нравственности. Неписанные законы*) [161. С. 342].

В толково-понятийном словаре А.А. Шушкова находим: 1) Закон – это официальное правило, установленное государством и регулирующее какую-либо сферу общественной жизни, которое все должны соблюдать (*Закон о воинской обязанности*); 2) Законом называют всю систему установленных государством правил, которые регулируют различные области общественной жизни (*Нарушать закон*) [299. С. 227].

В историко-этимологическом словаре П.Я. Черных слово «закон» определяется как 1) обязательное для всех граждан той или иной страны правило поведения, регулирующее какую-н. область общественно-правовых отношений и установленное государственной властью; 2) постоянно повторяющаяся и необходимая связь между определёнными явлениями объективной действительности, вытекающая из природы этих явлений, закономерности [287. С. 314].

Толковый словарь под ред. Ушакова даёт следующие дефиниции: закон – это 1) постоянное и необходимое отношение, связь между явлениями, существующая в объективном мире независимо от человеческого сознания (филос.). Понятие закона есть одна из ступеней познания человеком единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса. *Законы мышления.* // Общее положение какой-н. науки, являющееся результатом осмысления и обобщения отдельных наблюдений, исследований (науч.). *Закон сохранения энергии*; 2) установленное государственной властью общеобязательное правило, регулирующее какую-н. область общественно-правовых отношений (право). *Кодекс законов о труде.* // Предписание, веление, обладающее безусловной авторитетностью и имеющее значение нормы жизненного поведения (книжн.). *Слово отца было для меня законом. Для старика была з. ее младенческая воля* // Общепринятое правило общественного поведения, обычай социального быта (книжн.). *Законы гостеприимства, вежливости*; 3) преимущ. мн. Основные правила, вытекающие из свойств какого-н. дела и необходимые для его выполнения (книжн.). *Маэстро объяснил любителям основные правила и законы шахматной игры*; 4) только ед. Система нравственных и обрядовых правил, предписываемая тем или иным религиозным учением (книжн. устар.). *По закону христианскому*; 5) только ед. Брак, церковное венчание (обл. устар.). *Жить в законе. Вне закона* (офиц., право) – вне охраны и покровительства законов. *Объявить кого-н. вне закона. Закон божий* (дореволюц.) – учение о религии как предмет школьного преподавания. *Драконовские или драконовы законы* (книжн.) – суровые законы [по имени Дракона, легендарного греч. законодателя в VII в. до хр. э.]. *Моисеев закон* (офиц. дореволюц.) – иудейское вероисповедание [271. С. 246].

Синонимы: правило, законопроект, положение, законодательство, кодекс, право [171. С. 227]. Рассмотрим значения этих синонимов: **Правило** 1) положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-н. явлений (*По всем правилам искусства (как полагается в данном деле, соблюдая всё, что нужно для данного дела; разг.)*); 2) постановление, предписание, устанавливающее порядок чего-н. (*Правила внутреннего распорядка*); 3) образ мыслей, норма поведения, обыкновение, привычка. (*Человек строгих правил*) [Там же. С. 227]. **Законопроект:** Законопроектом называют проект закона – первоначальный вариант закона (правила, за нарушение которого человек будет наказан государством), который может быть изменён, принят или не принят (*Законопроект предусматривает освобождение редакций петербургских*

общественно-политических изданий от отчисления налога на прибыль в городской бюджет) [171. С. 227]. **Положение:** Положением называют закон по определённом вопросу (*Положение о подоходном налоге*) [Там же. С. 227]. **Законодательство:** Законодательством называют систему законов, которая действует в стране, а также систему законов, которая относится к определённой области жизни (*Уголовное законодательство*) [Там же. С. 228]. **Кодекс:** В юриспруденции кодекс – это ряд законов, которые относятся к какой-либо области права (*Гражданский кодекс*) [Там же. С. 228]. **Право:** система законов и постановлений государства в какой-либо сфере общественного устройства, жизни и деятельности общества (*Частное, публичное право*) [Там же. С. 228].

Рассмотрим значение слова «справедливость». Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова даёт следующие определения: 1) см. *Справедливый*; 2) справедливое отношение к кому-н., беспристрастие. *Чувство справедливости; Социальная справедливость. Нарушить справедливость. Отдать справедливость* кому-чему – оценить по заслугам, в полной мере [161. С. 1115].

Аналогичные толкования мы обнаружили в словаре Д.Н. Ушакова: 1) отвлеч. сущ. к справедливый. *Справедливость поступка*; 2) беспристрастие, справедливое отношение к кому-чему-н. *Соблюсти с. Нарушить с. Чувство справедливости. Отдать справедливость* кому-чему (книжн.) – по справедливости признать что-н. за кем-чем-н., воздать должное кому-чему-н. *Хоть и дрянной человечико, но гостеприимен, надо отдать справедливость* [271. С. 834].

Как видим, значения слова «справедливость» совпадают в разных словарях.

Синонимы: правда, честность [171. С. 45]. **Правда:** 1) то, что соответствует действительности, истина. *Сказать правду. Правда глаза колет (пословица)*; 2) порядок, основанный на справедливости, честности. *Искать правды*; 3) то же, что правота (разг.). *Твоя правда (ты прав)*; 4) в знач. сказ. и вводн. сл. верно, в самом деле. *Правда, он уезжает. Правда-матка* (прост.) – истинная правда, прямо высказываемая. *Так и режет правду-матку. Не правда ли?* – не так ли? Ведь действительно так? (при ожидании положительного ответа). **По правде говоря** или **по правде сказать** или **правду сказать** или **правду говоря** – вводн. сл., употр. при подчеркивании правильности, истинности сказанного, утверждаемого [161. С. 857]. **Честность:** см. честный.

Рассмотрим значения слов «закон» и «справедливость» в китайском языке. Обратимся к словарю китайского языка.

1) 法律:有立法机关制定,国家政权保证执行的行为规则。法律体现统治阶级的意志,是阶级专政的工具之一。例如:国家法律 [312. С. 342]。

同义词:

法令:政府机关所颁布的命令、指示、决定等的总称 [Там же. С. 342]。

准则:言论、行动等所依据的原则 [Там же. С. 1659]。

规则:规定出来供大家共同遵守的制度或章程。例如:交通规则 [Там же. С. 474]。

2) 公平：处理事情合情合理，不偏袒哪一方面。例如：公平决定 [312. С. 436]。

同义词：

公正：公平正直，没有偏私。例如：为人公正 [Там же. С. 437]。

公道：公平；合理 [Там же. С. 434]。

真实：跟客观事实相符合；不假。例如：真实的感情 Там же. С. 1598]。

Перевод на русский язык:

1) 法律 (Закон): стандарт действий, который исполняет государственная власть. Закон отражает мнение государственной власти и является средством диктатуры класса. *Государственный закон*. **Синонимы:** 法令(Декрет): совокупность приказов, решений и указаний, которые государство издавало. 准则 (Критерий): принципы, на которых основываются высказывание и действие. 规则 (Правила): устав или правила, которые создаются для того, чтобы люди их соблюдали. *Транспортные правила*.

2) 公平(Справедливость): человек решает дела логично и естественно. *Справедливая торговля. Справедливое решение*. **Синонимы:** 公正 (Беспристрастие): справедливый и праведный, нет предубеждения. *Человек беспристрастен* [Там же. С. 437]. 公道(Правда): справедливый; рациональный [Там же. С. 434]. 真实(реальный): соответствует объективному факту. *Реальное чувство* [Там же. С. 1598].

Как видим, значения слова совпадают в русских и китайских словарях.

Проанализируем значения прилагательных «законный» и «справедливый» в русском и китайском языке. **Законный:** 1) согласный с законом, основывающийся на законе. *Законный документ*; 2) перен. вполне понятный и допустимый, обоснованный. *Законный упрёк*; 3) о браке: зарегистрированный (до революции – церковный), а также о детях: происходящий от такого брака [161. С. 342].

1) согласный с законом (во 2 и 3 знач.), обусловленный им, основанный на законе или законах; по закону. *Законное распоряжение*; 2) перен. позволительный, допустимый, понятный с нравственной или логической точки зрения. *В человека вложена потребность счастья – стало быть, она законна*. Л. Толстой. *Законный брак* (дореволюц. и загр.) – 1) заключенный с соблюдением существующих законов о браке, *противоп.* фактический (офиц.); 2) разг. устар. церковный брак. *Поздравляем с законным браком. Законные дети* (дореволюц.) – рожденные в законном браке [271. С. 246]. Синонимы: легитимный, справедливый, честный, чистый. Легитимный: юрид. законный, правомерный. *Легитимная власть* [161. С. 484].

Справедливый: 1) действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. *Справедливый поступок. Справедливое отношение*; 2) направленный на осуществление правильных, насущных задач. *Справедливая народная война*;

3) истинный, правильный. *Полученные сведения оказались справедливыми* [161. С. 1115].

Честный: 1) правдивый, прямой и добросовестный, свободный от всякого лукавства. *Трудно и медленно там угасал честный бедняк сочинитель*. Некрасов. || Проникнутый такими свойствами, обнаруживающий их, проистекающий из них. *Социализм требует не лодырничанья, а того, чтобы все люди трудились честно* (нареч.), *трудились не на других, не на богачеев и эксплуататоров, а на себя, на общество*. Сталин. || Добытый, полученный таким отношением к делу, таким трудом. *Я от греха тебя избавлю и честный хлеб тебе доставлю*. Крылов; 2) *только полн. формы* (устар.) не пренебрегающий принятых правил морали, целомудренный. *Теперь всякая честная девушка может составить себе приличную партию*. Чехов. **Держаться на честном слове** (разг. ирон. шутил.) – еле держаться. Честное слово – выражение ручательства, уверения в истинности, правдивости чего-н. *Неизменные просьбы о помощи всегда чередовались с обещаниями исправиться, честными словами и клятвами*. Тургенев [271. С. 835].

Чистый: выборы называют чистыми, если они прошли честно, без применения незаконных приёмов. *Он выступил с призывом к борьбе за чистые выборы и к отказу от грязных технологий* [299. С. 716].

Значения прилагательного «справедливый» в русском языке:

1) действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. *Справедливый судья. Справедливый поступок. Справедливое отношение*; 2) направленный на осуществление правильных, насущных задач. *Справедливая народная война*; 3) истинный, правильный. *Полученные сведения оказались справедливыми* [161. С. 1115]; 4) беспристрастно следующий правде, истине в своих поступках и мнениях. *С. судья. Он строг, но справедлив*. || Основанный на беспристрастном соблюдении истины. *С. суд. С. поступок. Справедливо* (нареч.) *поступить. Справедливое требование*; 5) истинный, правильный, основательный, не вымышленный. *Справедливые слухи. Всё это совершенно справедливо. Справедливые подозрения. Всё это, молвить справедливо* (нареч.), *друзья мои, совсем не диво*. Пушкин [271. С. 247].

Синонимы: правый, праведный, законный, верный, достоверный, непредвзятый, объективный, беспристрастный [171. С. 589]. **Правый:** 1) справедливый, содержащий правду (в 1 знач.) *Наше дело правое*; 2) невиновный, не нарушивший закона. *Суд признал его правым*; 3) кратк. ф. Не сделавший ошибки, правильно думающий, говорящий, поступающий. *Вы совершенно правы* [Там же. С. 589]. **Праведный:** 1) у верующих: благочестивый, соответствующий религиозным правилам. *Праведная жизнь*; 2) основанный на правде (во 2 знач.), справедливый [Там же. С. 589]. **Законный:** 1) согласный с законом, основывающийся на законе. *Законный документ*; 2) перен. вполне понятный и допустимый, обоснованный. *Законный упрёк*; 3) о браке: зарегистрированный (до революции – церковный), а также о детях: происходящий от такого брака [Там же. С. 589]. **Верный:** 1) соответствующий истине, правильный, точный. *Верное решение*; 2) несомненный, неизбежный. *Верный выигрыш*; 3) надёжный, прочный, стойкий. *Верная опора* [Там же. С. 589]. **Достоверный:** не вызывающий сомнений, надёжный. *Достоверные сведения* [Там же. С. 590]. **Непредвзятый:** непредвзятым называют мнение, основанное на соблюдении истины, закона, одинаковом ко всем отношениям, без выделения кого-либо особо. *Критика всегда должна быть непредвзятой* [Там же. С. 590]. **Объективный:** мнения, оценки и т. п., на которые

не оказывают влияния личные чувства, отношение к обсуждаемому предмету. *Заключение комиссии было вполне объективным* [171. С. 590]. **Беспристрастный:** беспристрастным называют непредвзятое мнение о ком-либо или чём-либо. *Провинившийся заслуживает суда беспристрастного и справедливого* [Там же. С. 590].

В китайском языке: (法律的); (规律的); (规矩的) могут быть переведены на русский язык как *законный, закономерный, порядочный*. Различия между ними в том, что прилагательное 法律的 может быть переведено на русский язык как *законный* и обычно используется в официальном стиле и может составить словосочетание с такими словами, как *права, образ, срок*. Прилагательное 规律的 обычно связано с естественными явлениями: *Закономерное явление*. А прилагательное (规矩的) может быть переведено на русский язык как *порядочный* и часто связано с поступками. Оно может составить словосочетание со словами *человек, манеры*. (公平的); (公正的); (公道的) могут переводиться на русский язык как *справедливый, беспристрастный*. Они являются синонимами и выражают правильное отношение к чему-н. Различия между ними в том, что прилагательное 公平的 может быть переведено на русский язык как *справедливый* и часто составляет словосочетание со словами *соревнование, отношение, решение*. Однако в китайском языке существует словосочетание *справедливая торговля*, а в русском языке *честная торговля*. Прилагательное 公正的 может быть переведено на русский язык как *беспристрастный* и обычно используется в официальном стиле, и может сочетаться с такими словами, как *приговор, судья*. Прилагательное 公道的 может быть переведено на русский язык как *правдивый*, обычно составляет словосочетание со словами *человек и характер*. В китайском языке у слова *законный* нет синонима чистый, и у слова *справедливый* нет синонимов верный, достоверный, вечный.

Рассмотрим пословицы и поговорки о законе и справедливости в русском и китайском языке. В русском языке о законе: *Законы святы, да законники (или: судьи) супостаты. Не бойся закона, бойся судьи (законника). О произволе, предвзятости судьи* [86. С. 200]. *Законы – миротворцы, да законники – крючкотворцы. Где закон (или: законники), там и обида. Если бы не закон, не было бы и преступника. Не будь закона, не стало б и греха. Строгий закон виноватых творит (или: велику вину творит). Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет. Всеу законы писать, когда их не исполнять. Закон – что дышло, куда повернул, туда и вышло. (Закон – дышло: куда захочешь, туда и воротишь.) Устар. посл., прот. ирон.* *Законы можно трактовать по-разному, произвольно, с большой долей субъективности* [Там же. С. 123]. *Закон назад не пишет (задним числом). Кто законы пишет, тот их и ломает. Нужда закона не знает. Про нужду закон не писан. Нужда закона не знает, а через шагает. Дураку закон не писан. (Дуракам закон не писан.) Для глупого, безрассудного человека нет ничего обязательного, он поступает так, как ему заблагорассудится* [Там же. С. 111]. *Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы. За взятки не по головке гладят, а куда надо садят. Царь любил карать, чиновники – взятки брать, а господа – шкуру драть* [73. С. 111]. Кроме того, в словаре Даля находим целый ряд пословиц,

связанных с судьями – представителями закона: Судью подаришь, все победишь (или: правду победишь). Судейский карман – что поповское брюхо (или: что утиный зоб). Дари судью, так не посадит в тюрьму. Судьям то и полезно, что в карман полезло. Из суда – что из пруда: сух не выйдешь. Соблазн велик – и совесть молчит. Судья – что плотник: что захочет, то и вырубит. Поплатись за правду, поплатись и за неправду! Где суд, там и неправда. Суд по форме – судей покормит. Перед судом все равны: все без окупа виноваты. С переднего крыльца отказ, а с заднего – милости просим!

В китайском языке существуют следующие пословицы и поговорки о законе: 不以规矩，无以成方圆：没有圆规和矩尺，无法画方形和圆形。现指没有法律条令的约束，整个社会无法正常运行。Без циркуля и линейки мы не можем рисовать круг и квадрат. В настоящее время это значит, что без закона общество не может развиваться. 天网恢恢，疏而不漏：天道像一个广阔的大网，作恶者逃不出这个网，也就是逃不出天道的惩罚。Закон похож на большую сеть, преступник не может вырваться из этой сети, т. е. он не может уйти от законного наказания. 法律必将伸张正义。Закон должен расширять справедливость. 法律面前人人平等。Перед законом все люди равны. 王子犯法，与庶民同罪。Закон одинаков для народа и принца. 上服度则六亲固。下令如流水之原，令顺民心：君主如能带头遵守法度，那么，父母兄弟妻子之间便会亲密无间。国家颁布的政令像流水的源泉一样畅通无阻，是因为它能顺应民心。Если император стоит за соблюдение закона, тогда связь среди родителей, братьев и жён будет тесной. Закон, который создаёт государство, похож на источник реки, бесперебойный, так как он соответствует желаниям народа. 法不容情：在法律面前不讲私情。Частные связи не могут действовать перед законом. 执法如山：执行法律象山一样不可动摇。Закон устойчив как гора. 严刑峻法：严厉的刑仗严峻的法令。Закон – суров. 约法三章：指订立法律，与人民相约遵守。后来泛指订立简单的条款。Государство создаёт закон и соблюдает его вместе с народом. 法不阿贵：法律即使是对高贵的人，有权势的人也不徇情。形容执法公正，法律面前人人平等。Закон справедлив для всех, даже тех людей, у которых большая власть и сила. 执法不阿：执行法令、法律不偏袒。Необходимо блюсти закон справедливо. 贪赃枉法：贪污受贿，违犯法纪。Брать взятки – совершать беззакония. 徇私枉法：迁就私情而违反法纪。Человек, учитывающий личные связи, нарушает закон. 舞文弄法：歪曲法律条文，舞弊徇私。Человек, искажающий статьи закона, чтобы платить друзьям и родственникам, нарушает закон [317. С. 157].

Мы сгруппировали пословицы по значениям.

В русском языке:

1. О плохих «законниках» – исполнителях, вершителях закона: Законы святы, да законники (или: судьи) супостаты. Не бойся закона, бойся судьи (за-

конника). Законы – миротворцы, да законники – крючкотворцы. Всеу законы писать, когда их не исполнять. Кто законы пишет, тот их и ломает. Судья – что плотник: что захочет, то и вырубит. Из суда – что из пруда: сух не выйдешь.

2. О том, что сами по себе законы хороши, но плохие те, кто их пишет, потому что они сами им не подчиняются: Законы святы, да законники (или: судьи) супостаты. Не бойся закона, бойся судьи (законника). Законы – миротворцы, да законники – крючкотворцы. Кто законы пишет, тот их и ломает. Не бойся суда, бойся судьи.

3. О том, что законы сами плохие: Где закон (или: законники), там и обида. Если бы не закон, не было бы и преступника. Не будь закона, не стало б и греха. Строгий закон виноватых творит (или: велику вину творит). Где суд, там и неправда. Из суда – что из пруда: сух не выйдешь.

4. О том, что законы не одинаковы для всех: Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет. Всеу законы писать, когда их не исполнять. Закон – что дышло, куда повернул, туда и вышло (Закон – дышло: куда захочешь, туда и воротишь). Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы. На деле прав, а на бумаге виноват. Нет правила без исключения.

5. О том, что закон не имеет обратной силы: Закон назад не пишет (задним числом).

6. О том, что нужда (бедность) сильнее закона: От нужды люди идут на преступление: Нужда закона не знает. Про нужду закон не писан. Нужда закона не знает, а через шагает.

7. Пословицы, связанные с взяточничеством: За взятки не по головке глядят, а куда надо садят. Царь любил карать, чиновники – взятки брать, а господа – шкуру драть. Судью подаришь, все победишь (или: правду победишь). Судейский карман – что поповское брюхо (или: что утиный зоб). Дари судью, так не посадит в тюрьму. Судьям то и полезно, что в карман полезло. Перед судом все равны: все без окупа виноваты. С переднего крыльца отказ, а с заднего – милости просим!

В китайском языке

1. О том, что законы важные и хорошие: 不以规矩，无以成方圆：没有圆规和矩尺，无法画方形和圆形。现指没有法律条令的约束，整个社会无法正常运行 (Без циркуля и линейки мы не можем рисовать круг и квадрат. В настоящее время это значит, что без закона общество не может развиваться); 上服度则六亲固。下令如流水之原，令顺民心：君主如能带头遵守法度，那么，父母兄弟妻子之间便会亲密无间。国家颁布的政令像流水的源泉一样畅通无阻，是因为它能顺应民心 (Если император стоит за соблюдение закона, тогда связь среди родителей, братьев и жён будет тесной. Закон, который создаёт государство, похож на источник реки, бесперебойный, так как он соответствует желаниям народа).

2. О том, что законы справедливые: 法律必将伸张正义 (Закон должен расширять справедливость); 法律面前人人平等 (Перед законом все люди равны); 王子犯法，与庶民同罪 (Закон одинаков для народа и принца); 法不容情：在法律面前不讲私情 (Частные связи не могут действовать перед законом); 法不阿贵：

法律即使是对高贵的人，有权势的人也不徇情。形容执法公正，法律面前人人平等 (Закон справедливый для всех, даже тех людей, у которых большая власть и сила); 约法三章：指订立法律，与人民相约遵守。后来泛指订立简单的条款 (Государство создаёт закон и соблюдает вместе с народом).

3. О том, что законы справедливы и незыблемы: 执法如山: 执行法律象山一样不可动摇 (Закон устойчив как гора); 约法三章：指订立法律，与人民相约遵守。后来泛指订立简单的条款 (Государство создаёт закон и соблюдает вместе с народом); 执法不阿：执行法令、法律不偏袒 (Необходимо блюсти закон справедливо).

4. О том, что закон всемогущ: 天网恢恢，疏而不漏：天道像一个广阔的大网，作恶者逃不出这个网，也就是逃不出天道的惩罚 (Закон похож на большую сеть, преступник не может уйти от этой сети, т.е. он не может уйти от наказания закона).

5. О том, что закон жесток: 严刑峻法：严厉的刑法，严峻的法令 (Крайне жестокий закон).

6. О том, что сами по себе законы хороши, но плохие те, кто их нарушает, потому что они сами им не подчиняются: 徇私枉法：迁就私情而违反法纪 (Брать взятки и совершать беззакония; Человек, учитывающий личные связи, нарушает закон); 舞文弄法：歪曲法律条文，舞弊徇私 (Человек, искажающий статьи закона, чтобы платить друзьям и родственникам, нарушает закон).

7. Пословицы, связанные с взяточничеством: 贪赃枉法：贪污受贿，违犯法纪 (Брать взятки – совершать беззакония).

Таким образом, анализ китайских и русских пословиц и поговорок продемонстрировал существенные различия в представлениях русского и китайского народов о законе. Если в большинстве пословиц русского народа закон имеет отрицательное значение (только в 3-х пословицах отмечено положительное отношение русских к закону), то в китайской языковой картине мира слово «закон» вообще не несёт отрицательного значения. Сходство в представлениях о законе отличается только в пословицах, которые выражают следующий смысл: законы сами по себе хороши, но плохие те, кто их вершит и использует в своих интересах.

Интересно, что и в китайских, и в русских пословицах, связанных с нарушением закона, говорится именно о взятках и об учете личных связей. Возможно, это самый распространённый вид преступлений в Китае и России. Личные – семейные и дружеские связи – очень важны как в китайском, так и в русском обществе. Наличие подобных пословиц свидетельствует о том, что ради них закон всё-таки нарушается довольно часто. Русские пословицы говорят о распространении данного вида нарушения закона в России, причем с царских времён: За взятки не по головке гладят, а куда надо садят; Царь любил карать, чиновники – взятки брать, а господа – шкуру драть. Для русских справедливость гораздо важнее, чем закон. По мнению исследователей, «справедливость представляет собой одну из базовых этических ценностей русской языковой картины

мира». Они за верховенство справедливости, которая не всегда соответствует закону. Поэтому существуют очень популярные, известные всем пословицы: Закон – что дышло, куда повернёшь, туда и вышло; Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы. В русском сознании закон выступает как ограничитель справедливости. Нарушение закона не всегда вызывает всеобщее осуждение, мало того, бытует мнение, что законы существуют не для всех: Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет. В представлениях китайского народа закон более значим, он является гарантом сохранения порядка в государстве. 执法如山 Закон устойчив как гора. 法律面前人人平等 Перед законом все люди равны. 王子犯法与庶民同罪 Закон одинаков для народа и принца. 法不阿贵 Закон справедлив для всех, даже тех людей, у которых большая власть и сила. Китайцы считают, что надо всё делать по закону. Известный китайский философ Мэн Цзы сказал, что 无以规矩，不成方圆, что по-русски значит: «Без закона общество не может развиваться». Китайцы более законопослушны, относятся к закону более уважительно, стараются поступать так, как диктует закон.

Таким образом, в представлениях о законе наблюдаются глубинные различия в способах концептуализации действительности.

В русском языке о справедливости, правде: В чужом деле каждый любит справедливость. Несправедливость человека поражает его самого. Справедливый к себе относится строго, к другим – снисходительно. Молчащий в правом деле подобен кричащему в деле несправедливом. Человек становится сильным и смелым, когда его дело справедливо. Действовать справедливо в удаче всегда легче, чем в несчастье. На справедливое слово только дурак сердится. Сначала ищешь справедливость, а потом работу. Лучше уж гнет кошки, чем справедливость мышей. Доброе дело – правду говорить смело. Кто правду хранит, того Бог наградит. В боге нет неправды. Правда суда не боится. Всякая неправда грех. Правда дороже золота. Правда светлее солнца. Не в силе Бог, а в правде. Кто неправдой живёт, того бог убьёт. Бог тому даст, кто правдой живёт. В неправде Бог карает [73. С. 110–122].

В китайском языке о справедливости, правде: 群众的眼睛是雪亮的。 У народа зоркие глаза. 一碗水端平。 Ровно держать чашу воды – справедливо относиться к подчинённым. 老百姓心里有杆秤。 В душе народа существуют весы. 善有善报，恶有恶报，不是不报，时候未到。 Добро награждается добром, зло награждается злом. 正义战无不胜，真理高于一切。 Справедливость всегда побеждает, а правда находится выше всего. 正义的战争创造持久的和平。 Справедливая война творит долговременный мир. 人人好公，则天下太平；人人营私，则天下大乱。 Если все люди действуют справедливо, то будет всеобщее благополучие и всеобщая благодать; если все люди действуют в корыстных целях, то будет полный беспорядок в поднебесной. 有功则赏，有罪则刑。 Следует награждать человека, у которого есть достижения; следует наказать человека, у которого есть вина. 奉公如法则上下平。 Если строго придерживаться закона,

то будет всеобщее благополучие и всеобщая благодать. 公生明，偏生暗。 Справедливость – политика светлая; несправедливость – политика мрачная. 刑过不避大臣，赏善不遗匹夫。 Следует наказать человека, даже если он князь, который виноват; наградить человека, даже если он крестьянин, у которого есть достижения. 宁可失去自由，不可丢掉真理。 Лучше терять свободу, чем терять правду. 真理不怕审判。 Правда не боится суда. 乌云遮不住太阳。 Туча не может заслонить солнце. 一句真理胜过百句诺言。 Одна правда лучше, чем сто обещаний. 真理是时间的女儿。 Правда – дочь времени. Нельзя обманывать даже детей и стариков. 童叟无欺：连老人跟孩子都不会欺骗。 Человек справедлив и строг, личные отношения не действуют. 大义灭亲：为了维护正义，对违反国家利益的亲人不徇私情，使受国法制裁。 Для того чтобы отстаивать справедливость, человек жертвует родственными связями [317. С. 638].

Пословицы и поговорки о справедливости сгруппированы нами по смыслу.

В русском языке:

1. О силе, важности справедливости, правды: Человек становится сильным и смелым, когда его дело справедливо. Правда суда не боится. Правда дороже золота. Правда светлее солнца. Не в силе Бог, а в правде.

2. О том, что жить по справедливости не просто: Действовать справедливо в удаче всегда легче, чем в несчастье. Сначала ищешь справедливость, а потом работу.

3. Связанные с Богом: Кто правду хранит, того Бог наградит. В боге нет неправды. Не в силе Бог, а в правде. Кто неправдой живёт, того бог убьёт. Бог тому даст, кто правдой живёт. В неправде Бог карает. Кто правды желает, тому бог помогает. За правду бог и добрые люди.

4. О том, что каждый хочет, чтобы с ним поступали справедливо, но самому поступать справедливо не так уж просто: В чужом деле каждый любит справедливость. Соблазн велик – и совесть молчит. Никто сам себя не судит.

В китайском языке:

1. О народе как гаранте справедливости: 群众的眼睛是雪亮的 (У народа зоркие глаза); 老百姓心里有杆秤 (В душе народа существуют весы).

2. О важности, силе справедливости, правды: 正义战无不胜，真理高于一切 (Справедливость – всепобеждающая, а правда находится выше всего); 宁可失去自由，不可丢掉真理 (Лучше терять свободу, чем терять правду); 真理不怕审判 (Правда не боится суда); 乌云遮不住太阳 (Туча не может заслонить солнце); 一句真理胜过百句诺言 (Одна правда лучше, чем сто обещаний).

3. О результате отношения людей к делу со справедливостью: 人人好公，则天下太平；人人营私，则天下大乱 (Если все люди действуют справедливо, то будет всеобщее благополучие и всеобщая благодать; если все люди действуют в

корыстных целях, то будет полный беспорядок в поднебесной); 奉公如法则上下平 (Если строго придерживаться закона, то будет всеобщее благополучие и всеобщая благодать).

4. О пользе справедливости: 正义的战争创造持久的和平 (Справедливая война творит долговременный мир); 公生明, 偏生暗 (Справедливость – политика светлая; несправедливость – политика мрачная).

5. О негативной стороне несправедливости, неправды: 人人好公, 则天下太平; 人人营私, 则天下大乱 (Если все люди действуют справедливо, то будет всеобщее благополучие и всеобщая благодать; если все люди действуют в корыстных целях, то будет полный беспорядок в поднебесной); 公生明, 偏生暗 (Справедливость – политика светлая; несправедливость – политика мрачная).

6. О справедливости как критерии, который нужно использовать для дел: 一碗水端平 (Ровно держать чашу воды – справедливо относиться к подчинённым); 有功则赏, 有罪则刑 (Наградить человека, у которого есть достижения; наказать человека, у которого есть вина); 刑过不避大臣, 赏善不遗匹夫 (Наказать человека, даже если он князь, который виноват; наградить человека, даже если он крестьянин, у которого есть достижения); 童叟无欺: 连老人跟孩子都不会欺骗 (Человек справедлив и строг, личные отношения не действуют); 大义灭亲: 为了维护正义, 对违反国家利益的亲人不徇私情, 使受国法制裁 (Для того чтобы отстаивать справедливость, человек жертвует родственными связями).

7. О неотвратимости справедливости: 善有善报, 恶有恶报, 不是不报, 时候未到 (Добро награждается добром, зло награждается злом); 真理是时间的女儿 (Правда – дочь времени. Нельзя обманывать даже детей и стариков).

Таким образом, анализ китайских и русских пословиц и поговорок не продемонстрировал больших различий в представлениях русского и китайского народов о справедливости. В обоих языках много говорится о важности и силе справедливости и правды: 正义战无不胜, 真理高于一切 (Справедливость – всепобеждающая, а правда находится выше всего). 宁可失去自由, 不可丢掉真理 (Лучше терять свободу, чем терять правду). Человек становится сильным и смелым, когда его дело справедливо. Правда суда не боится.

Различие выражается в том, что в русском языке существует много пословиц и поговорок, связанных с Богом – гарантом справедливости, высшим судьей: Кто правду хранит, того Бог наградит. В боге нет неправды. А в китайских пословицах и поговорках таким гарантом является народ, общество: 群众的眼睛是雪亮的 (У народа зоркие глаза); 老百姓心里有杆秤 (В душе народа существуют весы). Далее, только в русском языке у справедливости есть негативное значение: Лучше уж гнет кошки, чем справедливость мышей. В чужом деле каждый любит справедливость. В китайском языке у слова справедливость нет

негативного значения. Поэтому существует много пословиц и поговорок о справедливости как критерии, который нужно использовать для дел: 一碗水端平 (Ровно держать чашу воды – справедливо относиться к подчинённым); 有功则赏, 有罪则刑 (Наградить человека, у которого есть достижения; наказать человека, у которого есть вина).

Среди различных экспериментальных исследований по выявлению специфики образов сознания носителей той или иной культуры особое место занимают так называемые ассоциативные нормы, которые выявляются в результате обработки экспериментов, проводимых по методике свободного ассоциирования. «Ассоциация – это связь между некими объектами или явлениями, основанная на личном опыте» [278. С. 189]. Массовое сознание, т.е. восприятие и оценка мира в определенный исторический момент неким близким большинством членов общества, складывается хоть и из большого числа, но единичных «сознаний» отдельных индивидуальностей, совокупность которых может быть охарактеризована как «усредненная языковая личность» [300. С. 247].

Для того чтобы сопоставить особенности русского и китайского мировосприятия, проанализируем результаты ассоциативного эксперимента на слова-стимулы: 法律, 公平 и закон, справедливость в обеих культурах.

В результате ассоциативного эксперимента предполагается выяснить специфическую структуру исследуемых концептов, глубинную модель связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе организации его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова.

Мы провели анкетирование русских (50 студентов) и китайцев (50 студентов). Испытуемые – студенты ВГУЭС, возраст – от 17 до 23 лет.

В анкете были заданы два вопроса: 1. Что первое приходит Вам в голову, когда вы слышите слово «закон»? (看到“法律”这个词你会立刻联想到什么?). 2. Что первое приходит Вам в голову, когда вы слышите слово «справедливость»? (看到“公平”这个词你会立刻联想到什么?).

На лексему 法律 было получено 18 реакций, на лексему закон соответственно – 20 реакций. Полученные результаты отражены в табл. 4.

Лексема «закон» у русских студентов ассоциируется, прежде всего, с порядком (7 реакций), с правилом – 7, государством – 6 и конституцией – 6. Большое количество ассоциаций с порядком и правилом отражает то, что в сознании русских студентов закон является гарантом порядка, формирует правила, которые необходимо соблюдать. Кроме того, лидирующее место ассоциата порядка можно объяснить популярным ныне сериалом канала НТВ «Закон и порядок».

В анкете преобладают юридические термины: государство – 6, Конституция РФ – 6, право – 3, суд – 3, кодекс – 2, правовая норма – 2, статья – 1, закрепление норм – 1.

Отмечаются реакции, связанные с профессией: судья – 2, профессия – 1.

Наличие таких ассоциатов, как справедливость – 2, ответственность – 1, надо уважать – 1, урегулирование жизни общества – 1, равенство – 1, позволяет сделать вывод о том, что испытуемые наделяют лексему «закон» положительным наполнением.

Негативное отношение можно проследить в отмеченных единичных ассоциатах: запрет – 1; власть анархии – 1; необычный – 1 (т.е. закон и его соблюдение – явление необычное).

Таблица 4

Реакции на слово-стимул ЗАКОН

Слово-стимул	Реакции испытуемых русских	Реакции испытуемых китайцев
ЗАКОН	Порядок – 7; правило – 7; государство – 6; Конституция РФ – 6; право – 3; суд – 3; судья – 2; кодекс – 2; правовая норма – 2; справедливость – 2; необычный – 1; ответственность – 1; профессия – 1; статья – 1; запрет – 1; равенство – 1; надо уважать – 1; власть анархии – 1; закрепление норм – 1; урегулирование жизни общества – 1	严肃 (строго) – 7; 犯罪 (совершать преступление) – 6; 公平 (справедливость) – 5; 罪犯 (преступник) – 5; 法庭 (суд) – 5; 律师 (адвокат) – 4; 法官 (судья) – 4; 国家 (государство) – 2; 警察 (милиционер) – 2; 不全面 (ещё не стал всесторонним) – 2; 很多书 (много книг) – 1; 秩序 (порядок) – 1; 刑法 (уголовное право) – 1; 制约 (обусловливать) – 1; 监狱 (тюрьма) – 1; 非常厚而重的像字典一样的书 (очень толстая книга, как словарь) – 1; 是最基本的, 对人的行为作出一定限制的条文 (самый главный, это статья, существующая для ограничения поступков людей) – 1; 是为有钱人设定的游戏规则 (это право, существующее для игр богатых) – 1

Лексема 法律 (закон) у китайских студентов ассоциируется, прежде всего, с 严肃 (строго) – 7, с 犯罪 (совершать преступление) – 6. Большое количество ассоциаций с ассоциатом *строго* отражает то, что в сознании китайских студентов закон является серьезным правилом. Закон – святая норма, надо всё делать по закону.

В анкете преобладают юридические термины: 犯罪 (совершать преступление) – 6, 法庭 (суд) – 5, 罪犯 (преступник) – 5, 国家 (государство) – 2, 刑法 (уголовное право) – 1, 制约 (обуславливать) – 1, 监狱 (тюрьма) – 1, 是最基本的, 对人的行为作出一定限制的条文 (самый главный, это статья, существующая для ограничения поступков людей) – 1.

Отмечаются реакции, связанные с профессией: 律师 (адвокат) – 4, 法官 (судья) – 4, 警察 (милиционер) – 2.

Наличие таких ассоциатов, как 公平 (справедливость) – 5, 秩序 (порядок) – 1, позволяет сделать вывод о том, что испытуемые наделяют лексему 法律 (закон) положительным смыслом.

Негативное отношение можно проследить в отмеченных единичных ассоциатах: 严肃 (строго) – 7, 犯罪 (совершать преступление) – 6, 罪犯 (преступник) – 5, 不全面 (ещё не стал всесторонним) – 1, 监狱 (тюрьма) – 1, 是为有钱人设定的游戏规则 (это право, существующее для игры богатых) – 1.

Эти слова совпадают в русском и китайском сознании: государство, суд, судья, порядок, справедливость. Очевидно, что слово «закон» тесно связано с юридическими словами и в русском, и в китайском сознании. Китайцы относятся к этому слову с более негативной оценкой, чем русские. Русские чаще указывают его синоним (запрет, правило, право, правовая норма, порядок), и, наоборот, в китайском сознании возникают ассоциации, связанные с его признаками и функциями (制约 (обуславливать), 严肃 (строго), 不全面 (ещё не стал всесторонним), 非常厚而重的像字典一样的书 (очень толстая книга, как словарь), 是最基本的, 对人的行为作出一定限制的条文 (самый главный, это статья, существующая для ограничения поступков людей), 是为有钱人设定的游戏规则 (это право, существующее для игр богатых).

На лексему 公平 было получено 16 реакций, на лексему справедливость соответственно – 18 реакций. Полученные результаты отражены в табл. 5.

В сознании русских студентов лексема «справедливость» ассоциируется, прежде всего, с честностью (15 реакций), с равенством – 7, законом – 5 и правдой – 5. Большое количество ассоциаций с честностью отражает то, что в сознании русских студентов справедливость равна честности, они являются синонимами.

В анкете преобладают специальные термины: равноправие – 7; закон – 5; суд – 2; фемида – 1; конституция – 1; высшая – 1.

Отмечаются реакции, связанные с желанием: очень хочется, чтобы справедливость торжествовала – 2; что-то совершилось справедливо – 1.

Русской языковой картине мира присуще амбивалентное отношение. Наличие таких ассоциатов, как честность – 15, равенство (равноправие) – 7, высшая – 1, правда – 5, правильность принятия решений – 1, сделанное в соответствии с моральными нормами – 1, единственно верное решение конфликта – 1,

позволяет сделать вывод о том, что испытуемые наделяют лексему «справедливость» положительным смыслом. Однако можно проследить и негативное отношение в отмеченных единичных ассоциатах: нереальное – 3, мир не справедлив – 1, возмущение – 1, карма – 1.

Таблица 5

Реакции на слово-стимул СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Слово-стимул	Реакции испытуемых русских	Реакции испытуемых китайцев
СПРАВЕДЛИВОСТЬ	Честность – 15, равноправие – 7, закон – 5, правда – 5, нереальное – 3; суд – 2; очень хочется, чтобы справедливость торжествовала – 2; фемида – 1; конституция – 1; мир не справедлив – 1; карма – 1; жизнь – 1; возмущение – 1; что-то совершилось справедливо – 1; высшая – 1; правильность принятия решений – 1; единственно верное решение конфликта – 1; сделанное в соответствии с моральными нормами – 1	不公平 (несправедливость) – 11; 天平 (весы) – 9; 不太现实 (нереальный) – 5; 平等 (равноправие) – 4; 社会 (общество) – 4; 法院 (суд) – 4; 交易 (торговля) – 3; 法律 (закон) – 2; 权利 (право) – 1; 钱 (деньги) – 1; 竞争 (соперничество) – 1; 和谐 (гармония) – 1; 是我生活中必须应有的 (это нужная вещь в моей жизни) – 1; 失望 (разочарование) – 1; 世间有很多公平与不公 (в мире существует много справедливых и несправедливых случаев) – 1; 希望真的可以公平 (очень хочется, чтобы общество могло стать реально справедливым) – 1

Данные анкеты демонстрируют, что в сознании китайских студентов лексема 公平 – это, прежде всего, нечто противоположное 不公平 (несправедливости) – 11. Вторая по значимости ассоциация – 天平 (весы) – 9, явно указывает на связь с правосудием и Фемидой. Однако достаточно часты представления о справедливости как о чем-то 不太现实(нереальном) – 5.

В анкете преобладают специальные термины, связанные с правосудием и юриспруденцией: 天平 (весы) – 9, 平等 (равноправие) – 4, 社会 (общество) – 4, 法院 (суд) – 4, 竞争 (соперничество) – 1, 交易 (торговля) – 3, 法律 (закон) – 2, 权利 (право) – 1, 和谐 (гармония) – 1.

Наличие таких ассоциатов, как 平等 (равноправие) – 4, 和谐 (гармония) – 1, 是我生活中必须应有的 (это нужная вещь в моей жизни) – 1, позволяет сделать вывод о том, что испытуемые наделяют лексему «справедливость» положительным значением.

Отмечаются реакции, связанные с желанием: 希望真的可以公平 (очень хочется, чтобы общество могло стать реально справедливым) – 1.

Негативное отношение можно проследить в отмеченных единичных ассоциатах: 不公平 (несправедливость) – 11, 不太现实 (нереальный) – 5, 法院 (суд) – 4, 世间有很多公平与不公 (в мире существует много справедливых и несправедливых случаев) – 1, 失望 (разочарование) – 1, 竞争 (соперничество) – 1.

Эти слова совпадают в русском и китайском сознании: нереальное, суд, равенство (равноправие), очень хочется, чтобы справедливость торжествовала. Видно, что китайцы и русские хотят, чтобы мир стал справедливым, но понимают, что это пока не достижимо. Китайцы относятся к этому слову с более негативной оценкой, чем русские. Это обусловлено тем, что в Китае закон более значим, чем справедливость. Надо всё делать по закону, хотя иногда это и несправедливо. Интересно, что большое количество ассоциаций слова справедливости в русском сознании обнаруживаются его синонимы (честность, равноправие, правда), а в китайском сознании отмечен его антоним (不公平 (несправедливость)). Таким образом, можно предположить, что в русском языке и в русской культуре СПРАВЕДЛИВОСТЬ более значима.

Подведем некоторые итоги. Анализ китайских и русских пословиц и поговорок продемонстрировал большие различия в представлениях русского и китайского народов о законе. В пословицах русского народа отражено более негативное отношение к закону. Сходство в представлениях о законе отмечается только в пословицах о том, что законы сами по себе хороши, но плохие те, кто их вершит и использует в своих интересах.

Для русских **справедливость** гораздо важнее, чем закон. По мнению исследователей, «справедливость представляет собой одну из базовых этических ценностей русской языковой картины мира». Они за верховенство справедливости, которая не всегда соответствует закону. Это подтверждают популярные, известные всем пословицы: Закон – что дышло, куда повернёшь, туда и вышло; Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы. В русском сознании закон выступает как ограничитель справедливости, ему не доверяют. Нарушение закона не всегда вызывает всеобщее осуждение, мало того, бытует мнение, что законы существуют не для всех: Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет. В представлениях китайского народа закон более значим, он является гарантом сохранения порядка в государстве. 执法如山 Закон устойчив как гора. 法律面前人人平

等 Перед законом все люди равны. 王子犯法与庶民同罪 Закон одинаков для народа и принца. 法不阿贵 Закон справедлив для всех, даже тех людей, у которых большие власть и сила. Китайцы считают, что надо всё делать по закону. Неподчинение законом осуждается всеми. Такое отношение к закону связано с историей Китая, в древнем Китае нарушение закона каралось более жестоко, люди сильно боялись закона, поэтому высказывать своё мнение было совершенно невозможно. Поэтому пословицы и поговорки, в которых говорится о законе, содержат позитивное отношение к закону. Существует ещё одна важная причина этого явления: в Древнем Китае существовала одна очень известная школа, которая называлась школа права Файцзя, она рассматривала закон как продукт развития истории. С точки зрения этой школы закон должен быть открытый, стабильный и равный. Народу должно делать всё по закону. Закон является эффективным инструментом для управления государством. Именно такое направление принял первый император Китая Цинь Ши Хуанди, его придерживались и представители многих более поздних династий, поэтому мнение этой школы долго и сильно влияло на сознание народа.

Кроме того, следует обратить внимание на иероглифы, которыми обозначается слово «справедливость» в китайском языке. Анализ этого понятия сделан профессором-востоковедом Н.И. Фокиным. Он обратил внимание на то, что «государство, общественность и справедливость по сути являются в китайском языке одним словом». Исследователь отмечает, в китайском слове 公平 (гунпин) первый иероглиф 公 (гун) состоит из двух частей – верхней и нижней и имеет две версии происхождения. Первая утверждает, что нижняя часть раньше была квадратной, по форме похожей на посуду, сосуд. Две черты вверху означают «делить поровну». Делить поровну то, что лежит на тарелке (в сосуде), еду. Таким образом, именно с еды начинается справедливость. По второй версии верхняя часть (две черты) означает «разделение», то есть противоположность, противоречие. Нижняя часть означает «личный, частный». Именно она присутствует в современном иероглифе с данным значением (私). Итого получается «противоположный частному», «не личный». Оба значения удивительным образом переплетаются в иероглифе 公, основные значения которого: 1) «справедливый, правдивый, бескорыстный». Уже в значении «бескорыстный» видно, что «справедливый» и «не личный» близки по значению; 2) «общественный, коллективный, общий». Справедливость и общественность всегда были вместе; 3) «государственный, казенный, официальный». Эти значения свидетельствуют о том, что государство, общественность и справедливость, по сути, едины. Не удивительно, что в китайском сознании государство – это справедливость и коллективизм, это также закрепилось в китайском языке.

Второй иероглиф 平 (пин) также состоит из двух частей, причем вторая часть (две черточки) «делить» повторяет первый иероглиф. Первая же часть означает «воздух (звук), свободно преодолевающий преграды». «Деление» также означает свободу воздуха, что он может рассеиваться. Поэтому изначальный смысл данного иероглифа: спокойный и ровный тон (звук). Отсюда и значения второго иероглифа: ровный, гладкий, горизонтальный, плоский, равный, нормальный, справедливый, беспристрастный, точный, мирный, спокойный,

безмятежный. Как видно, значение «равный, одинаковый» также в нем присутствует [274].

Таким образом, в самом написании слова «справедливость» в китайском языке заложена теснейшая связь этого понятия с государством и законом, они неразделимы в сознании носителей китайского языка. В русском же языке эти понятия никак не переплетаются, а зачастую даже противопоставлены друг другу: По закону будем дело решать или по справедливости?

Как в русских, так и в китайских пословицах много говорится о важности и силе справедливости и правде: 正义战无不胜, 真理高于一切 (Справедливость – всепобеждающая, а правда находится выше всего); 宁可失去自由, 不可丢掉真理 (Лучше потерять свободу, чем терять правду); Человек становится сильным и смелым, когда его дело справедливо; Правда суда не боится.

Различие выражается в том, что в русском языке существует много пословиц и поговорок, связанных с Богом. Это показывает, что в русском сознании гарантом справедливости, высшим судьей является Бог, человек несет ответственность за несправедливые поступки перед Богом и перед собственной совестью. А в китайских пословицах и поговорках гарантом справедливости является народ и власть: 群众的眼睛是雪亮的 (У народа зоркие глаза); 老百姓心里有杆秤 (В душе народа существуют весы).

В результате ассоциативного эксперимента мы обнаружили, что представления о базовых понятиях в правовой сфере, присущие китайской и русской лингвокультурной общности, существуют в форме желаний и стереотипов поведения. Базовые представления о мире являются общими для носителей двух сопоставляемых лингвокультур, служат основой идентичного восприятия, обозначения и описания указанных лексем. Слово «закон» тесно связано с юридическими словами и в русском, и в китайском сознании. Ассоциативный эксперимент показал, что китайцы относятся к этому слову с более негативной оценкой, чем русские, хотя китайские пословицы и поговорки, в которых, как правило, заключается народная мудрость, этого не демонстрируют. Скорее наоборот – негативные представления содержат русские пословицы о законе. Такое явление, возможно, объясняется тем, что закон в современном Китае перестал быть таким жестким, как был раньше. Китай – народная республика, в которой мнение обычных, рядовых граждан становится важным для управления государством. Поэтому люди могут сравнительно более свободно, чем раньше, высказать своё мнение, что в древнем Китае было полностью запрещено. Сказывается также политика открытости, которую проводит китайское государство: сейчас на территории КНР находится много иностранцев, огромное количество иностранных специалистов преподают в китайских вузах, информация стала более доступной, хотя и существуют ограничения на ряд зарубежных интернет-сайтов, но все-таки мнение европейских стран тоже влияет на сознание людей. Кроме того, в реальной жизни китайцам приходится сталкиваться с несправедливостью по отношению к ним закона, в связи с участившимися попытками других людей использовать законы для достижения своих интересов. Люди часто проходят мимо тех, кто нуждается в помощи, потому что очень часто становятся незаслуженно обвиняемыми, что именно они и явились причиной того, что случилось с человеком. У русских молодых людей представления о законе сдвигаются в положительную сторону. Наверное, это связано с тем, что сейчас законы в России совершенст-

вуются, люди пытаются принимать их и верить в них. Законы становятся более эффективными для борьбы с преступниками, и именно поэтому Российская Дума планирует восстановить смертную казнь. Ещё, возможно, это связано с тем, что после развала Советского Союза было много всяких беспорядков и нарушений закона. Русская молодежь выросла в это время. Может быть, она понимает, что соблюдение законов может внести больше порядка. Возможно, они верят, что закон может быть справедлив, что он может соблюдаться всеми. Старшее поколение прошло через коренные перемены, законом вертели, как хотели. Многие богатые сейчас люди по старому закону, по мнению старшего поколения, преступники и должны сидеть в тюрьме. Так, например, в царские времена люди всегда хотели, чтобы царь был добрым, интеллигентным, справедливым. Но жестокие и несправедливые цари (Иван Грозный, Петр I, не царь Сталин) сделали Россию более могущественной, хотя и погубили много жизней, а добрые и интеллигентные (Павел, Николай 2, да и Михаил Горбачев), наоборот, развалили страну. Бытует мнение, что России нужна сильная рука. Очевидно, что концепция закона в сознании китайской и русской молодёжи постепенно меняется, прослеживается влияние современного состояния мира на развитие человеческого сознания и языка.

И китайцы, и русские мечтают о том, чтобы мир стал справедливым, но понимают, что это пока не достижимо. Китайцы относятся к слову «справедливость» более негативно, чем русские, меньше верят в нее. Это связано с тем, что в последнее время в Китае появилось много несправедливого: взяточничество, использование личных и дружеских связей, стремление к богатству, прибыли в ущерб честности в торговле.

У русских в большинстве случаев слово «закон» ассоциируется с его синонимами (запрет, правило, право, правовая норма, порядок), а у китайцев чаще встречаются слова, связанные с признаками и функциями закона. В русском сознании присутствует большое количество синонимов – ассоциаций слова «справедливость», и наоборот, в китайском сознании отмечены его антонимы. Таким образом, можно предположить, что в русском языке и в русской культуре справедливость более значима.

Сравнение представлений о законе и справедливости в русской и китайской языковых картинах мира показывает их близость значений «закон» и «справедливость», но различие в отношениях к этим понятиям. Как правило, в китайской картине мира «закон» занимает первое место, а в русской занимает первое место «справедливость». Тем не менее, в связи с изменением окружающего мира в последнее время наблюдаются некоторые перемены в представлениях русских и китайцев о законе и справедливости.

Глава 3. ВАРИАНТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ

Выражение согласия в русском и китайском языках*

Предлагается исследовать способы выражения согласия в русском и китайском языках. Для этого необходимо определить состав вербальных и невербальных средств, с помощью которых носители русского и китайского языков выражают смысл согласия.

Для определения категории согласия сначала обратимся к определению согласия по данным словаря. В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой мы находим такое определение: согласие – это 1) разрешение, утвердительный ответ на просьбу; 2) единомыслие, общность точек зрения; 3) дружественные отношения, единодушие [161. С. 742].

Выражение согласия изучается в разных науках, но особенно активно оно изучается в лингвистике. Ученые пытались описать функциональную специфику данного явления.

В последние годы в отечественном языкознании возрос интерес к средствам выражения согласия. Эти средства рассматривались как в специальных работах [208. С. 5], так и при изучении взаимодействия реплик в диалоге [18. С. 12], при описании русского речевого этикета [275. С. 29].

Все ученые, которые занимались изучением данных языковых явлений, сходились во мнении, что 1) базовой формой конструкции согласия является диалогическое единство (сочетание диалогических реплик); 2) согласие служит для выражения принятия точки зрения говорящего; 3) в семантическом плане в явлении выражения согласия отражается модальная оценка высказывания собеседника с точки зрения соответствия или несоответствия действительности.

По мнению М.К. Любимовой, согласие – это полное или неполное совпадение точки зрения коммуниканта с высказыванием коммуникатора [139. С. 54]. Это совпадение мыслей, убеждений, намерений, желаний, чувств партнеров по коммуникации.

Слово «согласие» имеет следующие значения: 1) утвердительный ответ на что-либо, позволение, разрешение; 2) общность взглядов; 3) соглашение, взаимная договоренность.

На основании этих значений многие ученые пришли к выводу, что согласие делится на: согласие с мнением собеседника; согласие в ответ на побуждение собеседника к действию; согласие в ответ на просьбу о разрешении, другими словами, в ответ на речевой акт, в котором говорящий предлагает выполнить какое-то действие [139. С. 54].

В формировании конструкции согласия особую роль занимает диалог. Возникновение реплик согласия предопределяется коммуникативным содержанием реплики-стимула и связано с областями говорящего и слушающего. Реплика-стимул может выражать мнение, побуждение собеседника к действию или просьбу на разрешение, что реализуется через повествовательную, вопроси-

* © Е.Н. Пугачёва, Ли Кэхань

тельную или побудительную формы предложения. Реплика-реакция в таком диалогическом единстве представляет собой согласие с мнением в ответ на побуждение собеседника к действию или на просьбу о разрешении.

Собранный и проанализированный нами практический материал позволяет сделать вывод, что согласие в русском и китайском языках, высказанное говорящим в реплике-реакции, не всегда выражено в полном объеме, то есть не всегда является полным.

Таким образом, согласие бывает полным и неполным.

Полное согласие – это такое согласие, когда мнение, намерение и желание говорящего совпадают с мнением, намерением, желанием слушающего. Это выражается в реплике-реакции, которую произносит говорящий.

Неполное согласие – это такое согласие, в котором мнение, намерение, желание говорящего совпадают с мнением, намерением, желанием слушающего, но говорящий в реплике-реакции высказывает определенное условие, при котором он согласится со слушающим, или в согласии говорящего присутствует неуверенность во мнении слушающего, то есть согласие говорящего выражено не в полном объеме и часто сопровождается элементами несогласия.

Полное согласие представлено следующими смыслами: согласие-подтверждение, согласие-договор, согласие-одобрение, согласие-разрешение, продуманное согласие, заинтересованное согласие, взаимное молчание, согласие-подхват, согласие-обещание. Неполное согласие – частичное согласие, неуверенное согласие, вызывающее согласие, пассивное согласие, согласие-уступка, согласие-примирение, согласие-допущение, вежливое согласие, согласие и уход от темы, согласие и условие.

Смысл согласия формируется и проявляется в речевом акте и имеет способности языкового выражения в высказывании. М.К. Любимова отмечает, что каждый вид диалогических единств со смысловыми видами согласия имеет индивидуальную коммуникативную структуру построения, которая отражает их речевую реализацию [139. С. 60].

Итак, на основе анализа теоретического материала и наших наблюдений мы составили схему возможных средств выражения согласия (рис. 6).

В центре нашего внимания находится речевой акт, включающий определенное высказывание говорящего в конкретной ситуации взаимоотношений со слушающим. Содержание диалогической речи, как известно, характеризуется эмоциональной и модальной окраской. Говорящий использует различные языковые средства с целью речевого воздействия на собеседника и таким образом реализует свою коммуникативную задачу.

При анализе диалогов, содержащих вербальные и невербальные средства выражения согласия, мы опираемся на классификацию М.К. Любимовой, в которой выделяются специализированные и неспециализированные показатели согласия в акте коммуникации.

Анализ актов коммуникации, содержащих смысл согласия, позволил нам выявить специализированные средства выражения согласия в русском и китайском языках. К ним относятся: 1) маркеры согласия – утвердительный релятив (термин М.К. Любимовой) «да» в русском языке, релятив «是» в китайском языке; модальные слова «конечно», «безусловно», «разумеется», «действительно», «несомненно», «совершенно верно» в русском языке, «当然了», «的确», «毫

无疑问», «完全正确» в китайском языке; утвердительные частицы «ладно», «хорошо», «好吧», «好»; краткая форма прилагательного «согласный» – «согласен» в русском языке, «同意» в китайском языке; форма глагола «договариваться» – «договорились» (в прош. вр., мн. ч.) в русском языке, в китайском языке «说定了» (форма прош. вр.); 2) маркеры положительной коннотации – «прекрасно», «хорошо», «замечательно», «правильно»; «太棒了», «非常好», «完全正确», «棒极了»; 3) другие единицы, которые становятся маркерами согласия – слово «можно» в русском языке, в китайском языке «可以», частица «тоже» в русском языке, «同样» – в китайском, сочинительные союзы «и», «也是».

Рис. 6. Средства выражения согласия

В ходе анализа актов коммуникации мы обнаружили, что неспециализированные средства выражения согласия, характерные для согласия, разнообразны: частичный повтор реплики-стимула, синтаксические и местоименные замены, сочинительные союзы.

Употребление средств выражения согласия определяется множеством лингвистических и экстралингвистических факторов. Выбор речевых единиц зависит от значения реплики-стимула, характера отношения собеседника к содержанию высказывания и общих условий общения.

Модальное значение согласия, по словам Т.М. Свиридовой, играет большую роль в диалогической речи и имеет разные средства и способы реализации в речевом акте [208. С. 9].

В диалогической речи модальное значение согласия активно выражается повтором. По мнению Т.М. Свиридовой, реплики-повторы – один из наиболее

эффективных и продуктивных способов оформления согласия, потому что обладают большими экспрессивными возможностями: они помогают создать условия для проявления разнообразных эмоций [209. С. 74]. Повтор в репликах-реакциях выполняет интенсификационную функцию, то есть повтор усиливает положительную коннотацию. В русском и китайском языках построения с повтором основаны на структурных компонентах реплики-стимула и позволяют говорящему выразить свое согласие с мнением партнера по коммуникации:

Ее реакция удивила меня чрезвычайно: Ольга крайне редко заливалась слезами. Кеша моментально засуетился вокруг жены:

– Ну ладно, ладно.

– Ты меня не любишь, – причитала Зайка, – просто живешь по привычке. Ужасно!

– Малыш, прекрати, – забубнил сын, и я вышла из комнаты, оставив их разбираться без свидетелей [78].

В данном диалоге говорящий реализует согласие-уступку, используя синтаксический прием – повтор утвердительной частицы «ладно», частица «ну» усиливает коннотацию. Скорее всего, говорящий соглашается, чтобы уйти от конфликта с собеседником или успокоить его. При этом его голос меняется («забубнил»), что позволяет нам говорить о его неуверенности или недовольстве.

– Завтра куда-нибудь пойдём?

– По поводу?

– Я хочу просто прогуляться.

– Ты можешь сама, я думаю.

– Да, ты что. Ты же меня любишь?

– Ладно, ладно. Только не кричи.

– 明天去哪里逛逛吗?

– 为什么?

– 我只是想散散步.

– 你可以自己啊我觉的.

– 你怎么这样啊, 你难道不爱我了吗?

– 好吧, 好吧, 不要喊 [89].

В данном диалоге говорящий реализует согласие-уступку, используя синтаксический прием – повтор утвердительной частицы «好吧» «ладно», ответ говорящего позволяет нам говорить о неудовольствии говорящего, возможно, он хочет поскорее уйти от этой темы.

Кроме повторов модальные значения согласия в русском и китайском языках выражаются синтаксически нечленимыми предложениями, в которых нет указания на то, с чем конкретно соглашается говорящий. Использование таких конструкций дополняется эмоционально-экспрессивными оттенками, интонацией и контекстом. В структуру таких конструкций входят устойчивые сочетания, имеющие постоянный лексический состав. Большинство нечленимых предложений состоят из частиц, междометий, модальных слов, сочетаний и других элементов.

– Прошу прощения за хамское поведение. Просто давно болит желчный пузырь, лягу на операцию и избавлюсь от проблемы. Вы ведь извините меня?

– Конечно, Нонночка, – закричали обрадованные девушки, – да мы за вас в огонь и в воду пойдем [78]!

В данном диалоге в реплике-стимуле содержится вопрос «*Вы ведь извините меня?*». Партнеры по коммуникации выражают согласие-примирение с помощью модального слова «*конечно*», при этом происходит изменение их голоса («*закричали*»). Девушки в состоянии взволнованности (радости) повысили тон голоса до крика. Из этого мы можем сделать вывод, что примирение приятно всем собеседникам.

– Можно я отойду на несколько минут?

– Можно.

– 可以离开几分钟吗?

– 可以 [39].

В данном диалоге говорящий употребляет модальное слово «*可以*» («*можно*») для выражения согласия, чтобы выразить разрешение, коротко и прямо отвечая на вопрос собеседника «*Можно я отойду на несколько минут?*»

Распространенным средством выражения согласия и в русском, и в китайском языке являются конструкции предложений с прямой речью. Прямая речь помогает точно выразить согласие, используя при этом лексические компоненты и грамматическое построение, что для нас очень актуально.

Далее мы рассматриваем реализацию согласия в конструкциях простых и сложных предложений. Общеизвестно, что предложение реализует коммуникативные намерения говорящих. Смысл предложения изучается на структурном и семантическом уровне и с позиции прагматики. В русском и китайском языках категория согласия структурируется разнообразно. Для выражения согласия используются формальные средства в конструкциях простых и сложных предложений.

Простое предложение оформляет согласие с помощью разных предикативных структур. Состав предложения зависит от морфологического выражения сказуемого. В русском и китайском языках согласие выражается с помощью формы краткого прилагательного «согласен»:

– Вчера по первому каналу передача шла... Ты не смотрела?

– Какая передача?

– Там говорилось о том, что в Японии, США, Китае немало пар, которые неплохо зарабатывают, и при этом у них нет детей.

– Они не могут иметь детей?

– Они просто не хотят иметь ребёнка.

– Но как же так? Ребёнок – это основа каждой семьи!

– Наверное, такие пары хотят жить сами для себя, не тратить время на воспитание ребёнка

– Я не понимаю этого, ведь в нашей стране такое – редкость!

– Согласна с тобой.

– 昨天一频道的节目你看了吗?

– 什么节目啊?

– 上面报道说在日本美国.中国有不少夫妇.钱赚的不少却不要孩子.

– 他们不能生小孩么?

- 不是,他们不想要小孩.
- 怎么会这样.孩子是每个家庭的基础啊.
- 也许这样的夫妇只想为自己生活.不想花时间教育孩子.
- 我不明白.在我们国家这样的情况很少.
- 同意啊.几乎我们每个家庭都想要 [229].

В данном диалоге говорящий использует форму краткого прилагательного «是啊» («согласна»), которую М.К. Любимова относит к показателям согласия. В реплике-стимуле слушающий выражает свое сожаление и непонимание такой проблемы в обществе «*Я не понимаю этого, ведь в нашей стране такое – редкость!*», с чем говорящий полностью соглашается «*Согласна с тобой*».

И в русском, и в китайском языке в конструкциях простых предложений согласие выражается также с помощью различных глагольных форм:

– Предлагаю бартерную сделку: вы рассказываете мне о Люке, а я даю телефон ветеринара, который абсолютно точно вылечит это несчастное создание от облысения.

– Что? – не понял Пронин.

– Опытные врачи знают, как вылечить собаку от этого недуга. Соглашайтесь.

Петр Михайлович крикнул:

– Уговорили.

Мы вернулись в подъезд и поднялись на пятый этаж [78].

В данном диалоге говорящий использует глагол в форме прош. вр., мн. числа «уговорили» для выражения своего согласия. Тем самым он подчеркивает, что его согласие вынужденное и он не несет ответственности за решение собеседников.

– Здравствуйте! Вы бронировали столик?

– Да. Столик номер одиннадцать.

– Пожалуйста.

– Вот это ресторан китайской кухни «Пекин». Сегодня мы попробуем китайскую кухню.

– Ты раньше бывал здесь?

– Бывал. Мой брат – большой любитель китайской кухни.

— 你好请问您有预定吗?

– 有, 11 号桌。

– 请跟我来吧。

– 这是中国餐馆, 今天我们来尝尝吧。

– 你以前来过这里吗

– 来过, 我的哥哥非常喜爱中国菜 [204].

В данном диалоге говорящий для выражения согласия использует релятив «да» и глагол «来过» «бывал» в безличной форме. В репликах-реакциях «*Столик номер одиннадцать*» и «*Бывал*» наблюдается частичный повтор реплик-стимулов «*Вы бронировали столик?*» и «*Ты раньше здесь бывал?*». На наш взгляд, гово-

рящий использует данный прием для усиления положительной коннотации или для того, чтобы избежать какой-то более подробной информации.

Простые предложения со значением согласия и в русском, и в китайском языке усложняются вводными словами, союзами, частицами, междометиями, которые вносят дополнительные значения.

– Есть кто дома? – крикнула я.

– Проходите, пожалуйста, – раздалось в ответ, – звонок не работает, вот я дверь и приоткрыл. Хотя вы, душенька, на целых два часа раньше назначенного пришли. Так нельзя, вдруг бы я ушел куда. Надо звонить, коли время встречи меняется.

– Так трубку никто не берет.

– А и правда, – снова донеслось из глубины квартиры, – я забыл с ночи включить. Идите, идите, да обувь не снимайте, не люблю этой привычки, ну давайте, не тушуйтесь [78].

В данном диалоге говорящий использует слово «*правда*» для выражения согласия-одобрения, при этом он использует частицу «а» и союз «и» в структуре односоставного предложения, чтобы усилить коннотацию.

– Я уже два года учусь в России, у меня много русских друзей. Почти у всех из них есть и братья, и сёстры.

– У меня тоже два брата.

– У нас в Китае всё не так...

– Я слышал, что политика Китая совсем другая.

– Китайской семье нежелательно иметь больше одного ребёнка.

– Неужели родить двух или трёх детей нельзя?

– В принципе, да. Придётся платить штрафы, если у кого-то второй ребёнок.

– 已经在俄罗斯学习两年了。我有很多俄罗斯朋友，几乎所有的俄罗斯朋友都有兄弟姐妹。

– 是啊，我也有两个兄弟。

– 在我们中国情况大不相同。

– 我听说，中国完全是不同的政策。

– 中国的家庭不愿意多要小孩。

– 真的不能生两个小孩吗？

– 原则上是不可以的，如果生了，要交罚款的 [204].

В данном диалоге говорящий использует синтаксическую конструкцию, осложненную вводным словом «*В принципе, да*», для выражения согласия. В реплике-реакции говорящий не хочет абсолютно отрицать факт, высказанный слушающим, поэтому соглашается с авторитетностью закона страны.

Простое предложение отражает, акцентирует акт согласия, подчеркивает его значимость. В русском и китайском языках говорящий достаточно часто использует конструкцию простого предложения, чтобы сделать акт согласия более емким и законченным, а также подчеркнуть значимость своего высказывания собеседнику.

Согласие может выражаться также и в конструкциях сложных предложений. Полипропозитивная (то есть многозначная) структура сложного предложения передает многообразие смысловых связей и отношений категории согласия. Расположение предикативных частей сложного предложения определяется коммуникативными намерениями говорящего.

В русском языке согласие выражается в сложносочиненных предложениях с соединительными, разделительными, противительными, присоединительными отношениями. Сложносочиненные предложения дифференцируются при помощи союзов и лексических компонентов. Содержание компонента согласия обеспечивает структурно-семантическую наполняемость предикативных частей сложносочиненного предложения:

– Ну разве это справедливо? – ныла девочка. – При чем же тут биология? Ставь неуд по поведению! Не видать мне в четверти пятерки!

– И правильно, – вступил в разговор Кеша, – в школе следует получать знания, а не балбесничать. Я в твоём возрасте сидел смиренно и имел одни «отлично» [78].

В данном диалоге говорящий использует модальное слово «*правильно*» для выражения согласия, при этом добавляет союз «*и*». Возможно, говорящий хочет привлечь внимание или начать свою речь. В реплике-реакции согласия говорящего выражается в конструкции сложносочиненного предложения с противительными отношениями (для убедительности высказывания говорящий приводит в пример взаимоисключающие действия «*в школе следует получать знания, а не балбесничать*»).

– Я уже говорила – хочу предложить тем трем женщинам, что уволились от вас, работу в региональном отделении. Нам приплачивают за каждого нового приведенного человека.

– Отлично, – одобрила Верочка, – и вам прибавка, и им зарплата.

– Так вот, как раз о зарплате. Сколько они получали у Точилина, а то неудобно, вдруг «Ланком» намного меньше предлагает...

– А какой у вас заработок?

– Триста долларов.

– Ха, – вскрикнула Верочка, – сама бы побежала! Даже не волнуйтесь, здесь им давали на руки тысячу двести рублей, не подумайте, что долларов, ну еще премиальные иногда. В лаборатории самый большой оклад.

– В лаборатории?

– Ну да. Константин Яковлевич тщательно следил за качеством продукции, вот и создал научный отдел. Они все трое там и работали. Костина – заведующей, а Рагозина и Малахова – сотрудницами. Консервы исследовали, смеси фруктовые, каши... [78].

В данном диалоге говорящий использует модальное слово «*отлично*» для выражения согласия-похвалы. Говорящий в реплике-реакции не только одобряет собеседника, возможно, он восхищается хорошим советом собеседника. Затем говорящий в реплике-реакции использует релятив «*да*» для выражения согласия и добавляет частицу «*ну*», она усиливает коннотацию. В первой реплике-реакции согласие выражено в структуре сложносочиненного предложения как результат определенного действия: «*и вам прибавка, и им зарплата*». Возможно, говорящий пытается добиться от собеседника определенного решения, которое ему выгодно, поэтому использует в речи убедительный аргумент.

Т.М. Свиридова отмечает, что в сложносочиненных предложениях с противительной-сопоставительной коннотацией значение согласия расширяется, наполняется сложными отношениями, которые отражают противоречивый характер предмета обсуждения и речеведения участников диалога [208. С. 78]. В таких конструкциях между компонентами употребляются противительные союзы «но», «а», «однако», а согласие сопровождается указанием на какое-либо несоответствие, уточнение, опровержение:

Витя с удивлением поглядел на меня.

– Скучно? За четыреста долларов? Ну, знаешь! Мне в редакции меньше платят.

– Да, – протянула я, – конечно, понимаю, но вообще-то хотела не этого...

– А чего?

– Обожаю заниматься расследованием, распутывать всяческие детективные истории, надеялась, что Игорь даст увлекательную работу, а тут одни бумажки.

Кавалер хмыкнул [78].

В данном диалоге говорящий реализует неуверенное согласие, используя утвердительную частицу «да» и модальное слово «конечно». О неуверенном согласии позволяют говорить параметры звучания «*протянула*» речевого высказывания, которые выполняют коммуникативную и эмотивную функцию. Возможно, говорящий хочет показать слушающему свое негативное отношение к информации «*Скучно? За четыреста долларов? Ну, знаешь!*», так как она экспрессивно окрашена и похожа на упрек. Неуверенное согласие в данном случае похоже на защитную реакцию говорящего.

– В Москве десятки бордовых «Вольво», – огрызнулась я.

– Да, но у твоего на заднем стекле болтается утенок Дональд Дак, а бампер слегка погнут [78].

В данном диалоге говорящий реализует частичное согласие с помощью утвердительной частицы «да» и синтаксической конструкции с противительным значением «*но у твоего на заднем стекле болтается утенок Дональд Дак, а бампер слегка погнут*», слушающий в реплике-стимуле изменил голос от возмущения («огрызнулась»). По мнению Г.Е. Крейдлина [115], появление такой реакции часто бывает в состоянии волнения. Поэтому мы пришли к выводу, что данный разговор не очень приятен собеседникам и они стараются его закончить, возможно, партнеры по коммуникации даже мало знакомы друг с другом и поддерживают диалог из вежливости.

В русском и китайском языках согласие выражается в конструкциях сложноподчиненных предложений. Такие предложения разнообразны по структуре и значению.

– И вызвала пожарных.

– Конечно, сама-то погибать не хотела, вот и дождалась нужного момента, чтобы представить дело как отравление угарным газом... [78].

В данном диалоге согласие выражено с помощью модального слова «конечно» и конструкцией сложноподчиненного предложения «*сама-то погибать не хотела, вот и дождалась нужного момента, чтобы представить дело как отравление угарным газом*», в котором говорящий объясняет причину своих поспешных действий.

– По-моему человек в жизни много бы потерял, если он никогда и ни с кем не дружил.

– (собеседник кивает головой)... У моей мамы много друзей, потому что она была добрым, открытым человеком. Ей незнакомо было чувство зависти. Она ничего не жалела для друзей, ценя дружбу превыше всего [89].

– 为什么人们会失去很多，如果他和谁也不交往。

– 我的妈妈有很多朋友，因为她很善良，很开朗的一个人，没有嫉妒心，她从来不会让朋友失望，珍惜友谊胜过一切。

В данном диалоге согласие выражается с помощью жеста: «собеседник кивает головой». По мнению Г.Е. Крейдлина, кивок головы в акте общения – аналог речевого высказывания «да», и он несет в себе информативную функцию. При этом длительность пауз даёт нам знать, что он раздумывает над своим ответом. Возможно, данное речевое высказывание очень важно для него, поэтому он подбирает подходящие для данной ситуации слова. В реплике-стимуле слушающий высказывает своё мнение, в реплике-реакции говорящий аргументирует свое мнение, приводя пример из жизни своей мамы: «У моей мамы много друзей, потому что она была добрым, открытым человеком». Он использует конструкцию сложноподчиненного предложения с отношением причины, знакомой мироощущению собеседника.

Таким образом, проанализировав диалоги из художественных текстов русской и китайской литературы, мы выделили следующие вербальные средства выражения согласия:

1. Лексические средства:

– утвердительный релятив «да» в русском языке, релятив «是» в китайском языке;

– слово «да» + личное местоимение, существительное, глагол в русском языке, «是»+人称代词, 名词, 动词 в китайском языке;

– маркеры положительной коннотации – «прекрасно», «хорошо», «замечательно», «правильно»; «太棒了», «非常好», «完全正确», «棒极了».

2. Морфологические средства:

– утвердительные частицы «ладно», «хорошо» в русском языке, «好吧», «好» в китайском языке;

– краткая форма прилагательного «согласный» – «согласен» в русском языке, «同意» в китайском языке;

– форма глагола «договариваться» – «договорились» (в прош. вр., мн. ч.) в русском языке, в китайском языке «说定了» (форма прош. вр.);

– модальные слова «конечно», «безусловно», «разумеется», «действительно», «несомненно», «совершенно верно» в русском языке, «当然了», «的确», «毫无疑问», «完全正确» в китайском языке;

– другие единицы, которые становятся маркерами согласия – слово «можно» в русском языке, в китайском языке «可以», частица «тоже» в русском языке, «同样» – в китайском, сочинительные союзы «и», «也是».

3. Синтаксические средства:

- повтор / частичный повтор реплики-стимула;
- структура простого предложения;
- структура сложного предложения.

Одинаковыми вербальными средствами выражения согласия в русском и китайском языках являются: «правильно» (7% в русском; 5% в китайском языке), «да» (27% в русском; 42% в китайском языке), «конечно» (13% в русском; 5% в китайском языке), «ладно» (7% в русском; 5% в китайском языке), «ладно, ладно» (4% в русском; 3% в китайском языке), «действительно» (4% в русском, 11% в китайском языке), «отлично» (2% в русском; 3% в китайском языке).

Специфическими средствами выражения согласия для русского языка являются следующие: «давай» – 2%, «чудесно» – 4%, «точно» – 2%, «без проблем» – 2%, «уговорила/и» – 2%, «ага» – 4%, «вот и чудесно» – 2%.

Специфическими средствами выражения согласия для китайского языка являются следующие: «частично да» – 3%, «хорошая идея» – 8%, «в принципе, да» – 3%, «с удовольствием» – 3%.

Объединив языковой материал, собранный из текстов русской и китайской литературы, и материал, полученный в результате эксперимента, мы провели статистическую обработку данных.

Мы проанализировали акты коммуникации из текстов русской и китайской литературы, чтобы выявить невербальные средства выражения согласия. Всего проанализировано 111 диаголов.

Итак, к невербальным средствам выражения согласия относятся.

Мимика – движения мышц лица. Главной характеристикой мимики является ее целостность и динамичность. Мимика человека выполняет три функции: 1) проявляет эмоции и межличностные отношения, 2) передает сигналы во взаимодействии, 3) способствует самовыражению.

Исследования психологов (например, Ф. Блум, А. Лейзерсон, Л. Хофстер) [208. С. 77] показали, что все люди независимо от национальности и культуры, в которой они выросли, достаточно точно интерпретируют изменение мимики как выражение соответствующих эмоций. Также они отмечают, что основную информацию слушающий может получить, наблюдая за бровями и областью вокруг рта.

Русские:

Я радостно закивала головой.

– Да, очень, просто безумно...

– Ладно, – улыбнулся Виталий, – сегодня же вечером составлю протекцию, глядишь, у тебя и впрямь талант сыщика откроется. Кстати, похоже, я неправильно записал твой телефон. Звонил, звонил, а какая-то баба все время отвечает: нет такой [78].

В данном диалоге мы наблюдаем взаимное согласие собеседников, которое выражается с помощью вербальных (утвердительной частицы «да», усиленной наречием «очень» и модальными словами «просто безумно», «ладно») и невербальных средств («радостно закивала», «улыбнулся»). Мы можем сделать вывод, что общение приятно обоим участникам диалога.

Китайцы:

– Когда переехали из старого дома в новостройку. Казалось, так просто. Тогда нас было четверо, а сейчас шесть человек, и квартира не кажется большой. Ну, ничего – в тесноте, да не в обиде.

– (улыбается) Верно. Все у нас хорошо [89].

– 迁居的时候，感觉很宽敞，那时候我们4个人，现在6个人了，感觉房子并不是很大，一点也不挤，也不觉的受委屈。

– 对啊。我们一切都好。

В данном диалоге говорящий использует модальное слово «верно» для выражения мнения собеседника, при этом происходит изменение мимики «улыбается», которое Г.Е. Крейдлин относит к различителям. Скорее всего, изменение мимики выражает оптимизм говорящего и надежду на будущее «Все у нас хорошо».

Взгляд (выражение глаз) или визуальный контакт. В процессе общения с помощью глаз передаются самые точные сигналы о состоянии человека. Психологи обращают внимание на то, куда направлен взгляд говорящего во время коммуникации, размер зрачков и т.п. [115. С. 10].

Русские:

– Я уже говорила – хочу предложить тем трем женщинам, что уволились от вас, работу в региональном отделении. Нам приплачивают за каждого нового приведенного человека.

– Отлично, – одобрила взглядом Верочка, – и вам прибавка, и им зарплата.

– Так вот, как раз о зарплате. Сколько они получали у Точилина, а то неудобно, вдруг «Ланком» намного меньше предлагает...

– А какой у вас заработок?

– Триста долларов.

– Ха, – вскрикнула Верочка, – сама бы побежала! Даже не волнуйтесь, здесь им давали на руки тысячу двести рублей, не подумайте, что долларов, ну еще премиальные иногда. В лаборатории самый большой оклад.

– В лаборатории?

– Ну да. Константин Яковлевич тщательно следил за качеством продукции, вот и создал научный отдел. Они все трое там и работали. Костина – заведующей, а Рагозина и Малахова – сотрудницами. Консервы исследовали, смеси фруктовые, каши... [78].

В данном диалоге говорящий выражает согласие с помощью модального слова «отлично» и взглядом показывает отношение к высказыванию слушающего, выражение глаз коммуниканта позволяет нам сделать вывод о том, что в диалоге говорящие являются хорошими коллегами.

Китайцы:

А – Ты весь просто светишься! Ты что, в лотерею выиграл?

В – Можно и так сказать! (закатив глаза) [89].

А – 你看上去很兴奋啊!难不成买彩票中了奖?

В – 也可以这么说.

В данном диалоге говорящий даёт собеседнику загадочный ответ «Можно и так сказать!», при этом происходит изменение взгляда «закатив глаза», возможно, говорящий не выиграл в лотерею, просто у него хорошее настроение, и показывает, будто выиграл во что-нибудь.

Жесты. В случаях, когда лицо говорящего не дает полноценной информации о намерениях партнера, слушающий может обращать внимание на жесты, позы своего партнера.

Русские:

– Он совсем дикий, – честно предупредила Настя.

– Мне такой подойдет, – одобрила Люка.

– Да как же его увести? – изумилась хозяйка. – Никого не слушает.

– Без проблем, – заявила Люка и, достав из кармана пистолет, задулила в пята ампулу. Самсон свалился наземь [78].

В данном диалоге говорящий использует речевое высказывание «*без проблем*» для выражения согласия. Возможно, говорящий даёт собеседнику какое-то предложение или обещание на решение мучительной проблемы «*Да как же его увести?*». Говорящий высказывается и одновременно выполняет действие рукой «*достав из кармана пистолет, задулила в пята ампулу*». Возможно, он стремится быстрее завершить неприятный диалог.

Китайцы:

А – Девочка! Ну, рассказывай! Как вы сходили в гости?

В – Отлично, (хлопая в ладоши) мама! Их малышу как раз исполнился годик. Он просто чудо!

А – Он уже ходит?

В – Да, малыш держится на ножках. Как он улыбается! Взрослые в восторге!

А – Наверное, родители его очень балуют?

В – Конечно.

А – Это единственный внук в их семье?

В – Пока да, поэтому вся семья его опекает [89].

– 女儿啊!你赶紧讲讲!你去做客的情况怎么样?

– 非常好,妈妈.他们的小孩正好过周岁.他简直是个奇迹!

– 他已经会走路了?

– 是的已经走的很稳了.看他微笑的小样.大人见了高兴的不得了呢!

– 他父母很宠他吧.

– 当然!

– 就他一个孙子?

– 暂时是的.所以一家子的人都围着他转.

В данном диалоге говорящий соглашается со слушающим с помощью модального слова «*отлично*», при этом изменение жеста усиливает похвалу говорящего «*хлопая в ладоши*».

Жесты, то есть движения руками и головой, наиболее важны в акте коммуникации, так как несут дополнительную информацию.

Ученые отмечают [115. С. 13], что смысл отдельных жестов различен в разных культурах, но во всех культурах есть жесты со сходным значением. В.А. Лабунская выделяет коммуникативные, модальные и описательные жесты [125. С. 27].

Коммуникативные жесты – это жесты приветствия, прощания, привлечения внимания, удовлетворительные, отрицательные, вопросительные и т.д.

Модальные жесты выражают оценку и отношение. Это жесты одобрения, неудовлетворения, доверия, недоверия, растерянности.

Описательные жесты имеют значение в контексте речевого высказывания. Психологи говорят о конгруэнтности, то есть в процессе общения жесты и высказывание должны совпадать. Противоречие между жестами и смыслом высказываний является сигналом лжи [115. С. 14].

Основанием для классификации жестов служит их соотнесенность с речевыми высказываниями. Е.А. Ермолаева [82. С. 28] выделяет жесты-симптомы, жесты-регуляторы и жесты-информаторы.

Жесты-симптомы отличаются наибольшей индивидуальностью и непроизвольностью. К ним относятся знаки согласия – несогласия, одобрения – неодобрения, просьбы, жесты-требования, жесты-советы, жесты-убеждения.

Жесты-регуляторы помогают говорящему откорректировать темп речи. К ним также относятся жесты-запреты и жесты, означающие начало и конец новой стадии коммуникации.

Жесты-информаторы усиливают предметно-логическое восприятие информации. Чаще всего они соотносятся с языковыми средствами. Среди них выделяют жесты-подчеркивания, указательные жесты, жесты, отражающие предмет или указывающие на него.

Для выражения согласия собеседники используют модальные, описательные жесты и жесты-симптомы.

Поза / движения тела – положение человеческого тела, типичное для данной культуры [115. С. 17]. В.А. Лабунская замечает, что практически все люди умеют читать позы, следовательно, могут понимать коммуникативные намерения говорящего [125. С. 28].

Русские:

Окончательно рассердившись, я вернулась назад и довольно бесцеремонно прервала воркование:

– Очень поздно, всем пора спать.

– Да-да, – тут же откликнулась Нюся и ужом проскользнула в приоткрытую дверь, – спокойной ночи [78].

В данном диалоге говорящий выражает согласие с помощью синтаксического приёма – повтора утвердительного слова «да», при этом происходит изменение движений тела «ужом проскользнула в приоткрытую дверь». Следовательно, это согласие-уступка со стороны говорящего.

Кроме вербальных средств выражения согласия, говорящий использует невербальное средство: делает паузу в реплике-реакции. Г.Е. Крейдлин считает, что параметры звучания выполняют коммуникативную и эмотивную функции. Таким образом, говорящий делает паузу намеренно, чтобы подчеркнуть значимость дальнейшей информации и обратить внимание слушающего на свои чувства.

Невербальное поведение человека неразрывно связано с его психическими состояниями и служит средством их выражения.

Молчание также относят к средствам невербального общения. Н.И. Формановская [275. С. 17] выделяет понятие коммуникативно-значимого молчания. По мнению исследователя, коммуникативно-значимое молчание – это ролевая обязанность слушающего, форма его этикетного кооперативного поведения (не перебивать, выслушивать и т.д.) и одновременно это ролевая обязанность говорящего, когда партнер ожидает от него словесной реплики, но вместо этого получает нулевой коммуникативный акт.

Русские:

Я поглядела в его добродушное, излучающее тепло лицо. Значит, Орлов принял меня за безработную...

– Уже поздно, десять почти...

– Самое гулянье, – ответил ухажер, – пошли одеваться. Кстати, может, удастся тебе работенку подыскать.

У Игоря собственное детективное агентство, вечно сотрудников не хватает.

– Ты, должно быть, филологический заканчивала?

Я кивнула.

– Вот и чудненько, а у Игорька восемь классов и строительное ПТУ за плечами. Постоянно теток нанимает отчеты проверять – ну там, грамотность, запятые, вот ты и подработаешь корректором...

Он радостно засмеялся. Бывают же такие милые люди, для которых оказать услугу другому – просто счастье.

И потом – детективное агентство! Мечта всей жизни [78]!

В данном диалоге говорящий использует невербальный компонент «он радостно засмеялся». Возможно, из слов «а у Игорька восемь классов и строительное ПТУ за плечами. Постоянно теток нанимает отчеты проверять – ну там, грамотность, запятые, вот ты и подработаешь корректором...» собеседника говорящий получает ассоциацию «Виталий – оживший девичий сон».

Китайцы:

– Читая книгу, мы будто проживаем ещё одну жизнь. Мы переживаем, чувствуем то, что чувствуют герои книги, стараемся понять их действия, мысли и побуждения.

– (он хмурится, кивает головой и хмыкает) [18].

– 读书的时候我们好像在经历另一种生活，我们担心，感受书中人的更感受，努力去理解他。

– (他眯着眼睛，点头，并且嗯了一声)。

В данном диалоге кивок замещает речевое высказывание, Г.Е. Крейдлин отмечает, что кивок-эквивалент положительного ответа. При этом он использует заполнители пауз (мм), которые Г.Е. Крейдлин относит к альтернантам. Поэтому эти два невербальных компонента позволяют говорить о полном согласии говорящего с полученной информацией. Возможно, в реплике-реакции говорящий уже входит в такое же положение и начинает испытывать переживание собеседника.

Невербальные средства, связанные с голосом. Характеристики голоса относят к просодическим (высота, громкость, тембр голоса, сила удара) и экстралингвистическим явлениям. Экстралингвистические средства – это включение в речь пауз, а также различных психологических проявлений: плача, кашля, смеха, вздоха и т.п., которые Г.Е. Крейдлин подробно рассматривает в своей работе «Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальным» [115. С. 29].

Просодическими и экстралингвистическими средствами регулируется поток речи, экономятся языковые средства общения. Они дополняют, замещают речевые высказывания, а также выражают эмоциональные состояния.

Одинаковыми невербальными средствами выражения согласия в русском и китайском языках являются следующие: «кивать головой» (31% в русском; 36% в китайском языке), «хмыкнуть» (6% в русском; 4% в китайском языке), «улыбнуться» (11% в русском; 24% в китайском языке).

Специфическими средствами выражения согласия для русского языка являются следующие: изменение голоса «прошелестеть» – 3%, «огрызнуться» – 3%, «приободриться» – 3%, «пробормотать» – 3%, «простонать» – 3%, «помягчить» – 3%.

Специфическими средствами выражения согласия для китайского языка являются следующие: изменение голоса «скрипучий голос» – 4%, изменение мимики «кусать губы» – 4%, «делать большие глаза» – 4%, жесты «махнуть рукой» – 4%, «хлопать по плечу» – 4%, «хлопать рукой» – 8%. Результаты проведенного нами анализа невербальных средств выражения согласия в русском и китайском языках представлены в рис. 7 и 8.

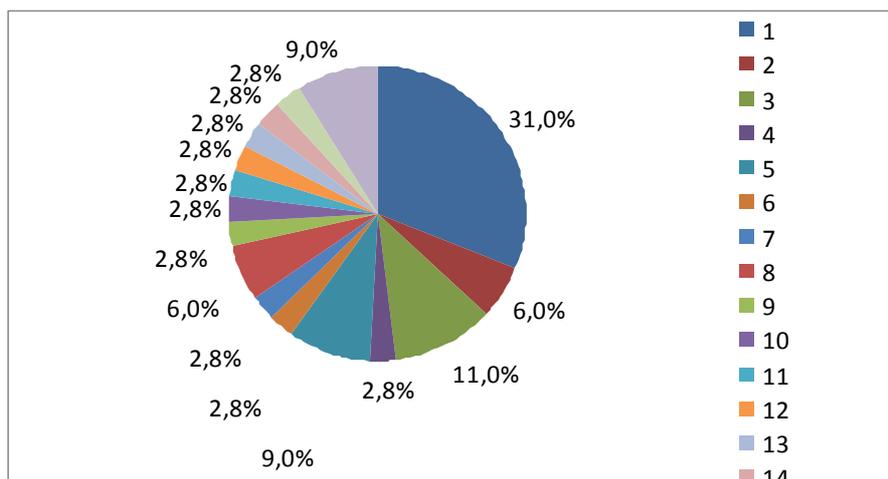

Рис. 7. Невербальные средства выражения согласия в русском языке

1. Кивать головой. 2. Хмыкнуть. 3. Улыбнуться. 4. Протянуть. 5. Закивать головой. 6. Прощелестеть. 7. Огрызнуться. 8. Закричать. 9. Хором ответить. 10. Приободриться. 11. Пауза. 12. Прохрипеть. 13. Пробормотать. 14. Помягчить. 15. Простоноть. 16. Засмеяться.

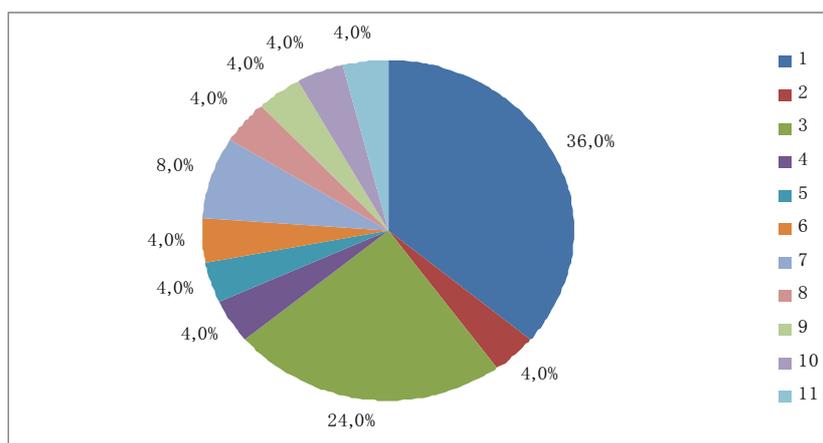

Рис. 8. Невербальные средства выражения согласия в китайском языке

1. Кивать головой. 2. Хмыкнуть. 3. Улыбнуться. 4. Скрипучий голос. 5. Тяжело вздыхать. 6. Зевать. 7. Хлопать рукой. 8. Кусать губы. 9. Хлопать по плечу. 10. Делать большие глаза. 11. Махнуть рукой.

Итак, мы определили состав вербальных и невербальных средств, с помощью которых носители русского и китайского языков выражают смысл согласия.

Для достижения этой цели мы проанализировали теоретический материал по вопросам психолингвистики; описали семантические типы согласия в русском и китайском языках; проанализировали существующие формальные классификации средств выражения смысла согласия; собрали русский и китайский языковой материал через психолингвистический эксперимент и анализ текстов рус-

ской и китайской литературы; описали и сравнили вербальные (лексические, морфологические и синтаксические) средства выражения согласия в русском и китайском языках; описали и сравнили невербальные средства выражения несогласия в русском и китайском языках.

В результате можно сформулировать следующие выводы.

В настоящее время существует семантическая классификация типов согласия. Согласие бывает полным и неполным. Различают согласие с мнением; согласие в ответ на побуждение собеседника к действию; согласие в ответ на просьбу о разрешении. Полное согласие представлено следующими смыслами: согласие-подтверждение, согласие-договор, согласие-одобрение, согласие-разрешение, продуманное согласие, заинтересованное согласие, взаимное молчание, согласие-подхват, согласие-обещание. Неполное согласие – частичное согласие, неуверенное согласие, вызывающее согласие, пассивное согласие, согласие-уступка, согласие-примирение, согласие-допущение, вежливое согласие, согласие и уход от темы, согласие и условие.

В современной научной литературе описаны различные формальные средства выражения согласия: лексические (специализированные и неспециализированные), морфологические (частицы, междометия, модальные слова и сочетания) и синтаксические (повторы, простые предложения, сложные предложения, вводные конструкции, вставные конструкции).

Мы провели этнопсихолингвистический эксперимент. В эксперименте приняли участие 100 респондентов (50 русских студентов и 50 китайских студентов). Цель эксперимента – узнать сходства и различия в речевом поведении русских и китайских студентов при выражении согласия с мнением собеседника. Респондентам была предложена анкета: «Какими словами вы выражаете согласие с мнением собеседника?».

Мы выявили следующие особенности оформления высказывания, содержащего смысл согласия: русские респонденты иногда используют слова «давай» в 2% случаев, «чудесно» – 4%, «точно» – 2%, «без проблем» – 2%, «уговорить» – 2%, «ага» – 4%, «вот и чудесно» – 2%, а китайские респонденты – «частично да» в 3% случаев, «хорошая идея» – 8%, «в принципе, да» – 3%, «с удовольствием» – 3%.

Для сбора языкового материала мы обратились к текстам русской (Д. Донцова, А. Маринина, Л. Улицкая, В. Пелевин) и китайской литературы (Хань Хань, Хан Хан), а также к китайским фильмам и интервью.

Анализ языкового материала и результатов эксперимента позволил нам сделать вывод, что между русским и китайским языками существуют большие сходства в использовании лексических, морфологических и синтаксических средств выражения согласия.

И в русском, и в китайском языке для выражения согласия используются одинаковые средства: 1) лексические – утвердительный релятив «да» в русском языке, релятив «是» в китайском языке; слово «да» + личное местоимение, существительное, глагол в русском языке, «是» + 人称代词, 名词, 动词 в китайском языке; маркеры положительной коннотации – «прекрасно», «хорошо», «замечательно», «правильно»; «太棒了», «非常好», «完全正确», «棒极了», 2) морфологические средства – утвердительные частицы «ладно», «хорошо» в русском языке, «好吧», «好» в китайском языке; краткая форма прилагательного «со-

гласный» – «согласен» в русском языке, «同意» в китайском языке, модальные слова «конечно», «безусловно», «разумеется», «действительно», «несомненно», «совершенно верно» в русском языке, «当然了», «的确», «毫无疑问», «完全正确» в китайском языке; слово «можно» в русском языке, в китайском языке «可以», частица «тоже» в русском языке, «同样» – в китайском, сочинительные союзы «и», «也是».

Отличие заключается в употреблении глагольных форм: форма прошедшего времени, множественного числа глагола «договариваться» – «договорились» в русском языке, форма прошедшего времени глагола «说定了» в китайском языке.

В русской и китайской диалогической речи значение согласия выражается синтаксическим приемом повтора или частичного повтора реплики собеседника. Прием повтора создает условия для проявления разнообразных эмоций говорящего. В русском и китайском языках построения с повтором основаны на структурных компонентах реплики-стимула и позволяют говорящему выразить свое согласие с мнением партнера по коммуникации.

Кроме повторов, модальное значение согласия в русском и китайском языках выражается синтаксически нечленимыми предложениями с частицами, междометиями или другими элементами. Особенностью таких конструкций является то, что их употребление дополняется интонацией говорящего или контекстом.

Простое предложение оформляет согласие с помощью разных предикативных структур. Состав предложения зависит от морфологического выражения сказуемого. В русском и китайском языках согласие выражается с помощью формы краткого прилагательного «согласен» «同意», различных глагольных форм. Вводные слова, союзы, частицы, междометия усложняют простые предложения дополнительным значением.

Согласие может выражаться в конструкциях сложных предложений. Расположение предикативных частей сложного предложения определяется коммуникативными намерениями говорящего.

В русском и китайском языках используются различные невербальные средства: жесты, мимика, взгляд, молчание, движение тела. Для выражения согласия собеседники используют модальные, описательные жесты и жесты-симптомы. В 90% случаев мы обнаружили одновременное употребление вербальных и невербальных средств для выражения согласия с мнением собеседника.

Русские и китайцы используют одинаковые невербальные средства выражения согласия, например, «кивать головой» (31% в русском; 38% в китайском языке), «улыбнуться» (11% в русском; 25% в китайском языке).

Однако существуют различия в таких невербальных компонентах, как изменение голоса «прошелестеть» – 3%, «огрызнуться» – 3%, «приободриться» – 3%, «пробормотать» – 3%, «простонать» – 3%, «помягчить» – 3% у русских и изменение голоса «скрипучий голос» – 4%, изменение мимики «кусать губы» – 4%, «делать большие глаза» – 4%, жесты «махнуть рукой» – 4%, «хлопать по плечу» – 4%, «хлопать рукой» – 8% у китайцев.

Таким образом, проведенный психолингвистический анализ позволяет сделать вывод о том, что в русском и китайском языках существуют одинаковые

семантические типы выражения согласия. Различия в способах выражения согласия русскими и китайцами заключаются в выборе конкретных вербальных и невербальных языковых средств. Наибольшая разница заключается в употреблении невербальных средств выражения согласия в процессе коммуникации.

Выражение несогласия в русском и китайском языках*

Для определения категории несогласия сначала следует определить значение слова «несогласие». В различных словарях дается разное толкование этого слова. Например, в «Большом толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова дано три значения слова «несогласие»: 1. только ед. Отсутствие согласия, разногласие с кем – чем-н. в чем-н. (книжн.). 2. Разлад, ссора. 3. только ед. Отказ, отсутствие согласия на что-нибудь (книжн.) [271. С. 537].

По данным «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, несогласие – это «отсутствие единомыслия, разногласие в чём-нибудь» или «отсутствие согласия на что-нибудь, отказ» [161. С. 404].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль дал такие значения слова «несогласие»: 1. Противо. Несогласие, во всех значениях. Разногласие (голос, мнение), противность мнения, разность убеждений, разномыслие. 2. Разногласие (голос, звук) как нестройность в голосах или звуках музыкальных, разлад, дисгармония. 3. Споры, ссоры, вражда, раздор, совет. 4. Разноречие, разнословие, устное или на бумаге, наприм. Между двумя стихами подлинника, в показании подсудимаго и пр. Несогласица ж. Несоглас м. И несогласка ж. То же, несогласие, в знач. Неурядицы, споры, ссоры. 5. Нестройности, разладицы в музыке. Несогласка более выражает действие, по гл. Соглашать что (кого), с чем (с кем), несообразность, противоречие. 6. Неуспех в соглашении противников. Несоглашение ср. Несогласие, отказ, дейст. По гл. Не соглашаться; 7. Неверность, несходство одних данных противу других, одного списка с другим. Несогласование ср. Действие или бездействие того, кто не согласовал чего с чем, не согласовался с чем, нарушил что. Несогласный, противный чему; несогласяющийся; спорящий; отказывающийся в чем. 8. Нестройный, нескладный, наразладица. 9. Вздорный, сварливый. -ность ж. Состоянье, качество, свойство по прилаг. Несогласник м. -ница ж. Спорщик, поперечник, вздорный человек [74. С. 302].

Т.М. Свиридова, автор статьи «Согласие – несогласие как фрагмент языковой картины мира», рассматривает единую категорию согласия/несогласия. Она считает, что «категория согласия-несогласия... в речевом общении представлена одними из самых употребительных коммуникативных единиц. Категория согласия – несогласия отражает... мировосприятие человеком реальной действительности» [210. С. 129]. В языке существуют и универсальные, и специфические единицы, отражающие как субъективное, так и объективное согласие и несогласие. Согласие и несогласие – центральные понятия в общечеловеческом речевом контакте между говорящим и слушающим и в контакте личности со своим мировосприятием. Реальный мир, сложный и противоречивый, оказывает влияние на жизнь и мировосприятие личности. Модель поведения субъекта может изменяться, не согласуясь с общепринятыми нормами, этот субъект в силу противоречивых жизненных обстоятельств, различных коммуникативных ситуаций, может ориентироваться на позицию «несогласие». «Несовпадение в позициях, не-

* © Ю.О. Коновалова, Моу Фансяо

совпадение точек зрения, неприятие этической оценки другого субъекта рассогласовывают речевую деятельность» [210. С. 129]. Важно осмыслить позицию «несогласие» и исходить из ключевого для несогласия варианта – истинного и ложного несогласия. В случае выражения позиции «несогласие» очень важны такие умения, как давать квалифицирующую оценку, предвидеть различные модели речевого контакта, поскольку несогласие, учитывая цели и задачи общения, может исключать или ограничивать функции совместного творческого участия людей.

С точки зрения Свиридовой Т.М., несогласие – это «отношение к «положению дел» в картине мира, это реакция на информацию, которая получена из внешнего мира в процессе адаптации к нему и восприятия его нашими мыслями и чувствами. Это сформированная позиция коммуниканта относительно предмета обсуждения» [Там же. С. 129].

Несогласие может по-разному проявляться в высказывании и по-разному выражаться средствами языка. Средства выражения несогласия делятся на вербальные и невербальные.

Вербальные средства выражения несогласия «пополняются описанием выразительных невербальных средств, которые активно сопровождают и заменяют вербальные, соотносятся с психоэмоциональной сферой». Невербальные средства «обеспечивают организацию коммуникации с отношениями... несогласия, сопутствуют им, уточняют, дополняют и раскрывают различные смысловые компоненты», например, качать/покачать/мотать головой в знак несогласия и др. [Там же. С. 129].

Наиболее распространенные, по мнению Т.М. Свиридовой, вербальные средства выражения несогласия – различные повторы.

Т.М. Свиридова считает, что «повторы способствуют созданию условий для проявления разнообразных эмоций и их оттенков. Повторы значимы для коммуникации тем, что позволяют адресату выразить своё согласие или несогласие с чьим-либо высказыванием» (цит. по [Там же. С. 130]).

Наиболее распространены следующие структурно-семантические типы реплик-повторов:

1) повторы, не осложнённые и осложнённые добавочными словесными компонентами;

2) повторы, включающие в свой состав обязательные конструирующие элементы: а) построения с двойным повтором лексем, объединённых частицей «так»; б) противительные конструкции с двойным повтором, оформляющие частичное (неполное) согласие-несогласие; в) реплики-повторы, включающие в свой состав частицы в качестве обязательных конструирующих компонентов (цит. по [Там же. С. 130]).

Автор статьи «Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров» М.К. Любимова считает, что «несогласие – полное или неполное несовпадение точки зрения коммуниканта с высказыванием коммуникатора. Возникновение реакций несогласия в диалогической речи предопределяется коммуникативным содержанием реплики-стимула» [138].

С точки зрения исследователя, выражение несогласия изучается в филологии, логике, лингвистике. Большинство исследователей выделяют в диалогах только лексические (вербальные) показатели несогласия, связанные с выражением отрицания («нет» и «не», глаголы «возражать, не соглашаться, протестовать», словосочетания «быть другого мнения, иметь другую точку зрения, думать по-другому», наречия «наоборот, никогда, глупо, несерьезно», существительные «бред, чепуха, ерунда, неправда» и др. [Там же].

По мнению М.К. Любимовой, все ученые «сходились во мнении, что ... несогласие служит для выражения принятия или непринятия точки зрения говорящего», кроме того, «в рассматриваемом явлении отражается модальная оценка высказывания партнера по коммуникации с точки зрения соответствия и несоответствия действительности» [138]. Базовая (основная) форма выражения несогласия – это диалог (диалогическое единство).

Внутри общего значения несогласия можно выделить целый ряд смыслов, которые конкретизируют значение несогласия.

По мнению М.К. Любимовой, содержание несогласия характеризуется как несовпадение мнений, взглядов, мыслей, убеждений. Несогласие в русском языке, высказанное человеком, не всегда выражено в полном объеме, т.е. не всегда является полным.

Полное несогласие – это такое несогласие, когда мнение, намерение, желание коммуниканта полностью не совпадают с мнением, намерением, желанием коммуникатора, что выражается в реплике-реакции. Неполное несогласие – это такое несогласие, когда мнение, намерение, желание коммуниканта не совпадают с мнением, намерением, желанием коммуникатора, но коммуникант в реплике-реакции высказывает некую неуверенность в своем несогласии или не соглашается с коммуникатором вежливо, завуалированно и т.д., т.е. несогласие коммуниканта выражено не в полном объеме и часто сопровождается элементами согласия [Там же].

Т.М. Свиридова считает, что реакция несогласия в диалогической речи возникает в ответ на реплику-стимул и связана с областью говорящего (адресанта) и слушающего (адресата). Содержание речи обычно имеет эмоциональную и модальную окраску. Адресант использует различные языковые средства с целью речевого воздействия на адресата и таким образом реализует свою коммуникативную задачу.

Модальные значения несогласия «могут выражаться синтаксически нечленными предложениями, которые не содержат указания на то, с чем именно не соглашается субъект». При этом «большинство нечленных предложений состоит из частиц, междометий, модальных слов и сочетаний и других выразительных словесных элементов» [210. С. 11].

Итак, одним из распространенных способов выражения несогласия являются повтор и нечленные предложения, имеющие разнообразный лексический состав [Там же].

По мнению Т.М. Свиридовой, фразеологические единицы расширяют и обогащают языковую картину согласия / несогласия, отражают стереотипы представлений человека, его языковой опыт, характеризуются образностью и ценностной ментальной значимостью.

Невербальные средства обеспечивают организацию коммуникации с отношениями согласия и несогласия, соотносятся с внутренним состоянием говорящего и внешними факторами, обладают воздействующей функцией.

Для выражения несогласия могут использоваться простые и сложные предложения. Простые предложения лаконично передают сообщение о несогласии. В структуре простого предложения несогласие выражается предикативным ядром, актуализируется словами, которые указывают на носителя позиции и локализуют предмет несогласия.

Т.М. Свиридова писала: «Языковые формы сложносочиненного, сложноподчиненного и бессоюзного предложений дают широкие возможности для реализации идей несогласия. В сложном предложении фиксируется идея несо-

гласия, которая характеризуется различного рода коннотацией, оценочностью, субъективными смыслами».

Предложения с прямой речью являются употребительным специальным средством реализации несогласия. Такой способ передачи согласия / несогласия является субъективной формой.

Побудительные предложения имеют специальные грамматические формы слов, содержат призыв к выражению несогласия, различные смысловые признаки. В таких предложениях акцентируется воля говорящего, речеведение которого воздействует на собеседника.

В вопросительных предложениях, содержащих несогласие, говорящему необходимо выяснить сведения о наличии/отсутствии согласия / несогласия, устранить неясность во взаимоотношениях, выразить к ним отношение.

Вводные и вставные конструкции выражают и актуализируют идею несогласия в организованном тексте, способствуют усилению проявления экспрессивной функции [210].

Итак, на основе анализа теоретического материала и наших наблюдений мы составили схему возможных средств выражения несогласия (рис. 9).

Рис. 9. Средства выражения несогласия

На основе анализа теоретического материала и наших наблюдений мы составили схему смысловых видов несогласия (рис. 10).

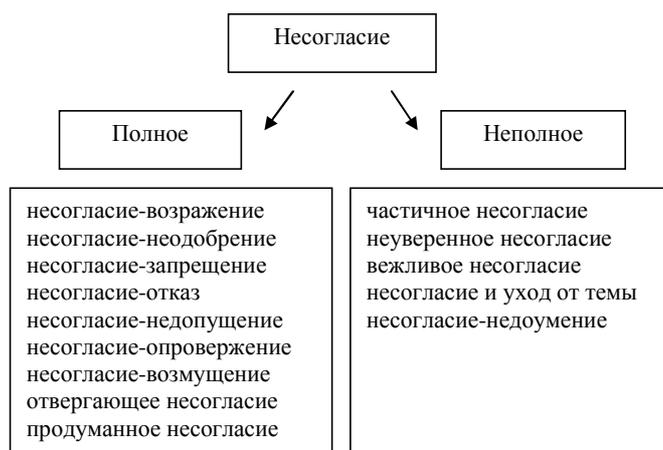

Рис. 10. Смысловые виды несогласия

Далее мы проанализируем, какие формальные (вербальные и невербальные) средства выражения несогласия используют носители русского и китайского языков, а также какие смысловые виды несогласия обычно используются в речи русских и китайцев.

Слово «несогласие» обладает рядом значений, в соответствии с которыми выделяются различные способы выражения несогласия:

1) отсутствие единства во мнениях с кем-либо, разногласие, например:

Нет, я так не думал и так не мечтал; Нет, не конкретно, а как-то незаметно по-другому; А так – нет; А вот и нет;

Я не понимаю, что вы говорите 我不明白你在说什么 (wo bu ming bai ni zai shuo shen me);

Я не могу соглашаться с вами 我不能和你苟同(wo bu neng he ni gou tong); Это не моё мнение 这不是我的想法(zhe bu shi wo de xiang fa); Вы не можете так сказать 你不能这么说(ni bu neng zhe me shuo);

2) разлад, ссора, например:

Да нет...; Нет смысла...; Не так...; Ты не знаешь...; Я не думаю...; Удаётся или же нет – не нам судить; Да ну!;

Никогда не бывает такой ситуации 从来没有过这种情况(cong mei you guo zhe zhong qing kuang); Это интересное мнение 这真是有趣的想法(zhe zhen shi you qi de xiang fa); Какой вы интересный! (смешной)你真逗(ni zhen dou);

3) отказ, например:

Нет...; Просто нет; Нет возможности; невербальные средства – Громко вздыхать; Топать ногой; Насупленные брови; Прищурить глаза.

Нет 不(bu); Ну и что... 那又怎样..(na you zen yang); Не возможно 不可能(bu ke neng); невербальные средства – Делать вид, что не услышал 假装听不到(jia

zhuang ting bu dao); Поварачивает голову в другую сторону 歪头 (wai tou); Помотать головой из стороны в сторону 摇头 (yao tou); Закрыть глаза 闭眼 (bi yan).

В данной классификации мы можем заметить: первое значение несогласия «отсутствие единства во мнениях с кем-либо, разногласие», русские так выражают: «Нет, я так не думал и так не мечтал», «Нет, не конкретно, а как-то незаметно по-другому», «А так – нет», «А вот и нет». А китайцы так выражают: «Я не понимаю, что вы говорите» 我不明白你说什么 (wo bu ming bai ni shuo shen me), «Я не могу соглашаться с вами» 我不能和你苟同 (wo bu neng he ni gou tong), «Это не моё мнение» 这不是我的想法 (zhe bu shi wo de xiang fa), «Вы не можете так сказать» 你不能这么说 (ni bu neng zhe me shuo). Второе значение несогласия «разлад, ссора», русские чаще используют: «Да нет...», «Нет смысла...», «Не так...», «Ты не знаешь...», «Я не думаю...», «Удаётся или же нет – не нам судить», «Да ну!». Китайцы выбирают «Никогда не бывает такой ситуации» 从来没有这种情况 (cong lai mei you zhe zhong qing kuang), «Это интересное мнение» 真有趣的想法 (zhen you qu de xiang fa), «Какой вы интересный! (смешной)» 你真逗 (ni zhen dou). Третье значение несогласия «отказ». Русские чаще используют «Нет...», «Просто нет», «Нет возможности» или невербальные средства – «Громко вздыхать», «Топать ногой», «Насупленные брови», «Прищурить глаза». Китайцы чаще используют «Нет» 不 (bu), «Ну и что...» 那又怎样 (na you zen yang), «Не возможно» 不可能 (bu ke neng), а также невербальные средства – делать вид, что не услышал, поворачивает голову в другую сторону, помотать головой из стороны в сторону, закрыть глаза. Таким образом, между китайскими и русскими существуют только 2 сходства в способах выражения отказа «Нет...», «Не возможно».

На основании этих значений многие ученые приходят к мысли, что несогласие делится на:

1) несогласие с мнением, например:

...так и нет;...или же нет; Но нет...; Ты не прав; Не может быть;

Что касается меня, у меня другое мнение 要是我, 我不这么想 (yao shi wo, wo bu zhe me xiang); Вы не можете так сказать. 你不能这么说 (ni bu neng zhe me shuo); Изменить тему 改变话题 (gai bian hua ti); невербальные средства – насупленные брови. 皱眉 (zhou mei);

2) несогласие в ответ на побуждение собеседника к действию, например:

...нет необходимости...; нет других возможностей...; Видимо, нет; В этом нет ничего невозможного...; невербальные средства – махать руками; махать пальцем; помотать головой из стороны в сторону;

Взгляд в пол 眼看着地 (yan kan zhe di); Вы уверены? 你确定? (ni que ding); Почему ты так думаешь? 你为什么这么想? (ni wei shen me zhe me xiang); невербальные средства – уехать 离开 (li kai); махать руками 摆手 (bai shou);

3) несогласие в ответ на просьбу о разрешении (или, иначе говоря, в ответ на речевой акт, в котором говорящий предлагает выполнить какое-то действие сам), например:

У тебя нет таких возможностей...; Очевидно нет; Конечно, нет!;

Are you OK?! 你没事吧? ! (ni mei shi ba); Вы шутите? 你在开玩笑? (ni zai kai wan xiao); Извините... 不好意思... (bu hao yi si); невербальное средство – жест махать пальцем. 摆手指 (bai shou zhi)。

В данной классификации мы можем заметить, что для передачи первого значения несогласия «несогласие с мнением» русские используют такие средства: «...так и нет», «...или же нет», «Но нет...», «Ты не прав», «Не может быть», китайцы используют следующие средства: «Что касается меня, у меня другое мнение», «Вы не можете так сказать», *изменяют тему разговора, используют невербальное средство – насупленные брови.* Второе значение несогласия «несогласие в ответ на побуждение собеседника к действию» русские выражают так: «...нет необходимости...», «нет других возможностей...», «Видимо, нет», «В этом нет ничего невозможного...», *невербальные средства: махать руками, махать пальцем, помотать головой из стороны в сторону, взгляд в пол.* А китайцы выбирают «Вы уверены?», «Почему вы так думаете?», *уходят (уезжают), невербальное средство – махать руками.* Третье значение несогласия «несогласие в ответ на просьбу о разрешении (или, иначе говоря, в ответ на речевой акт, в котором говорящий предлагает выполнить какое-то действие сам) у русских выражается: «У тебя нет таких возможностей...», «Очевидно, нет», «Конечно, нет!». Китайцы говорят: (англ.) «Are you OK?!», «Вы шутите?» *你在开玩笑 (ni zai kai wan xiao), «Извините...» 不好意思 (bu hao yi si), используют невербальное средство – махать пальцем.* Таким образом, большинство китайцев выражают свои эмоции и несогласие обычно очень тактично и деликатно, косвенно. Русские, наоборот, выражают несогласие очень прямо и твёрдо. Следовательно, китайцы предпочитают неполное несогласие, а русские – полное.

Для анализа мы собрали языковой материал на русских и китайских Интернет-сайтах. Основными источниками материала явились тексты, размещённые в национальном корпусе русского языка [106; 153] и тексты китайских Интернет-форумов [105]:

1. Смыслы полного несогласия:

а) «несогласие – возражение», например:

Русские: *Нет – нет...; Нет...; Да нет...; Нет, я так не думал и так не мечтал; Я так не думаю.*

Китайцы: *Это не моё мнение 这不是我的想法 (zhe bu shi wo de xiang fa); Я так не думаю 我不这么想 (wo bu zhe me xiang); Я никогда не слышала такое мнение 我从没听过这种说法 (wo cong mei ting guo zhe zhong shuo fa);*

б) «несогласие – неодобрение», например:

Русские: *Нет – нет...; Нет...; Да нет...; Нет, я так не думал и так не мечтал; Я так не думаю.*

Китайцы: *Я так не думаю 我不这么想 (wo bu zhe me xiang);*

в) «несогласие – запрещение», например:

Русские: *Нет – нет...; Нет...*

Китайцы: *Нет 不。(bu);*

г) «несогласие – отказ», например:

Русские: *Нет – нет...; Нет...; Да нет...*

Китайцы: *Нет 不。(bu);*

д) «несогласие – недопущение», например:

Русские: *Нет – нет...; Нет...*

Китайцы: Нет 不。(bu).

Различие между несогласием – запрещением, несогласием – отказом и несогласием – недопущением можно заметить только в контексте;

е) «несогласие – опровержение», например:

Я не верю 我不信(wo bu xing);

ё) «несогласие – возмущение», например:

Китайцы: Я не верю 我不信(wo bu xing); Чего?! 什么?! (shen me); Уехать. 离开(li kai); Насупленные брови 皱眉(zhou mei); Ну и что... 那又怎样.. (na you zen yang); Вы не можете так сказать 你不能这么说(ni bu neng zhe me shuo);

ж) «отвергающее несогласие», например:

Китайцы: Вы не правы. 你错了(ni cuo le);

з) «продуманное несогласие» например:

Русские: Или всё же пока нет...; Косвенное средство выражения несогласия.

Китайцы: Найти общую почву при существующих расхождениях 求同存异。(qiu tong cun yi).

2. Смыслы неполного несогласия:

а) «неуверенное несогласие»:

Русские: Не может быть; Почему бы нет?; Вы шутите?

Китайцы: Чего?! 什么?! (shen me); Я не верю 我不信(wo bu xin); Ладно... 再说吧(zai shuo ba); Вы уверены? 你确定(ni que ding)?

б) «вежливое несогласие»:

Русские: Нет, не конкретно, а как-то незаметно по-другому; А если нет, то почему ...?

Китайцы: Извините 不好意思(bu hao yi si); Что касается меня, у меня другое мнение 要是我, 我就不这么想(yao shi wo, wo jiu bu zhe me xiang); Я не могу соглашаться с вами 我不能和你苟同(wo bu neng he ni gou tong); Я не понимаю, что вы говорите 我不明白你在说什么(wo bu ming bai ni zai shuo shen me);

в) «несогласие и уход от темы»:

Русские: Изменение темы разговора; Здесь есть противоречие; Ой...;

г) «несогласие – недоумение»:

Почему ты так думаешь?; Нет смысла...; А если нет, то почему?

К случаям выражения неполного несогласия следует отнести также случаи косвенного выражения несогласия:

Русские: Почему бы нет?; Здесь есть противоречие.

Китайцы: Хм 嗯.. (en...); Гм 切.. (qie...); Ещё подумаю 在考虑考虑.. (zai kao lv kao lv); Ладно... 再说吧.. (zai shuo ba); Может быть 或许吧(huo xu ba); Найти общую почву при существующих расхождениях 求同存异(qiu tong cun yi); В туманных (расплывчатых) выражениях 含糊其辞(han hu qi ci).

Мы попытались выявить специализированные и неспециализированные средства выражения смыслов несогласия. Специализированные средства выражения несогласия в русском языке проанализированы в работах [22; 30], специализированные средства выражения несогласия в китайском языке записаны по нашим наблюдениям.

К специализированным средствам, показателям несогласия в диалогах относятся следующие лексические средства: 1) маркеры несогласия – отрицательный релятив «нет» в русском языке, релятивы «нет» 不是 (*bu shi*) и «неправильно» 错 (*cuo*) в китайском языке; отрицание «не» в русском языке, «не» 不 (*bu*), «неправильный» 不对的 (*bu dui de*), «нет» в сочетании с существительным 没有 (*mei you*) в китайском; противительные частицы «напротив» и «наоборот» в русском языке и частица 相反 (*xiang fan*), которая имеет два способа перевода на русский язык – «напротив» и «наоборот» в китайском языках; 2) маркеры отрицательной коннотации – в русском языке: «плохо», «ужасно» «недостаточно», «неудовлетворительно», «мало», «глупо», «неправильно», а в китайском языке – «плохо, ужасно» 真糟糕 (*zhen zao gao*), «ужасно» 真恐怖 (*zhen kong bu*), «ужасно» 吓人 (*xia ren*) и др.; 3) разговорные релятивы с отрицательной оценкой «здравствуйте», «ну прямо», «больно надо» [150], эквивалентов которым в китайском языке нет.

Существуют специализированные и неспециализированные вербальные средства выражения несогласия в русском и китайском языках. Средства выражения несогласия бывают вербальными и невербальными. Вербальные средства выражения несогласия делятся на лексические (нет в сочетании с другими словами, не + глагол, нет + существительное, другие слова); морфологические (частицы, междометия, модальные слова и сочетания); синтаксические (повторы, фразеологические единицы, простые предложения, сложные предложения, вводные конструкции, вставные конструкции).

Лексические средства выражения несогласия. В русском и китайском языках встречаются одинаковые и различные средства выражения несогласия.

Одинаковыми лексическими средствами выражения несогласия являются следующие модели:

«не + глагол»:

Русские: Нет, я так не думал и так не мечтал; Я так не думаю; Ты не знаешь...; Я не думаю...; Удаётся или же нет – не нам судить; Не может быть.

Китайцы: Никогда не бывает такой ситуации 从来没有过这种情况 (*cong mei you guo zhe zhong qing kuang*); Я не понимаю, что вы говорите 我不明白你在说什么 (*wo bu ming bai ni zai shuo shen me*); Я не могу соглашаться с вами 我不能和你苟同 (*wo bu neng he ni gou tong*); Я не верю 我不信 (*wo bu xin*); Вы не можете так сказать 你不能这么说 (*ni bu neng zhe me shuo*); Я никогда не слышала такое мнение 我从没听过这种说法 (*wo cong mei ting guo zhe zhong shuo fa*);

«нет»:

Нет...; Нет-нет...; Да нет...; Нет, не конкретно, а как-то незаметно по-другому; Видимо нет; А так – нет; Просто нет; Но нет...; А вот и нет; Конечно, нет!; Очевидно, нет.; ...так и нет; ...или же нет; Или всё же пока нет...; Почему бы нет?; А если нет, то почему?;

«нет + существительное»:

...нет необходимости...; нет других возможностей...; В этом нет ничего невозможного...; у тебя нет таких возможностей...; Нет смысла...; Пока таких прецедентов нет;

«другие слова»:

Русские: Не так...; Здесь есть противоречие; Да ну!; Ты не прав; Я думаю по-другому.

Китайцы: Вы уверены? 你确定? (ni que ding); Хм 嗯...(en...); Гм 切...(qie...); Ещё подумаю 在考虑考虑... (zai kao lv kao lv); Почему ты так думаешь? 你为什么这么想? (ni wei shen me yao zhe me xiang); Ладно... 再说吧...(zai shuo ba); Это не моё мнение 这不是我的想法 (zhe bu shi wo de xiang fa); Чего?! 什么?! (shen me); Это шутка 这是个笑 (zhe shi ge xiao hua); Может быть 或许吧 (huo xu ba); Это интересное мнение 这真是有趣的想法 (zhe zhen shi you qu de xiang fa); Какой вы интересный! (смешной)你真逗。 (ni zhen dou); Что касается меня, у меня другое мнение 要是我, 我不这么想 (yao shi wo, wo bu zhe me xiang); Are you OK?! 你没事吧?! (ni mei shi ba); Вы шутите? 你在开玩笑? (ni zai kai wan xiao); Извините... 不好意思...(bu hao yi si); Ну и что... 那又怎样...(na you zen yang); Не возможно 不可能 (bu ke neng).

Морфологические средства выражения несогласия (частицы, междометия, модальные слова и сочетания). Морфологическими средствами выражения несогласия являются следующие:

Частицы (не, ни и т.д.):

Русские: Нет, я так не думал и так не мечтал; Я так не думаю; Ты не знаешь...; Я не думаю...

Китайцы: Никогда не бывает такой ситуации 从没有过这种情况 (cong mei you guo zhe zhong qing kuang); Я не понимаю, что вы говорите 我不明白你在说什么 (wo bu ming bai ni zai shuo shen me); Я не могу соглашаться с вами 我不能和你苟同 (wo bu neng he ni gou tong); Я не верю 我不信 (wo bu xin); Я никогда не слышала такое мнение 我从来没听过这种说法 (wo cong mei ting guo zhe zhong shuo fa); Вы не можете так сказать 你不能这么说 (ni bu neng zhe me shuo); Это не моё мнение 这不是我的想法 (zhe bu shi wo de xiang fa); Что касается меня, у меня другое мнение 要是我, 我不这么想 (yao shi wo, wo bu zhe me xiang); Ну и что... 那又怎样... (na you zen yang); Вы не правы 你错了 (ni cuo le);

«междометия»:

Ой...; Хм 嗯...(en...); Гм 切...(qie...);

«модальные слова и сочетания»:

Не возможно 不可能 (bu ke neng).

Синтаксические средства выражения несогласия (повторы, простые предложения, сложные предложения, вводные конструкции, вставные конструкции). Синтаксическими средствами выражения несогласия являются следующие:

«повторы»:

– Это белый? – Белый? Я не думаю, что это белый;
– Это комната очень грязная. – Грязная? Я думаю, она не грязная, а чистая;

«простые предложения»:

Я так не думаю; Ты не прав;

«сложные предложения»:

Нет, я так не думал и так не мечтал; А если нет, то почему?; Нет, не конкретно, а как-то незаметно по-другому; Что касается меня, у меня другое мнение.

Наш языковой материал не позволил глубоко проанализировать синтаксические средства выражения несогласия, что может стать предметом дальнейших исследований.

Для того чтобы узнать мнение русских и китайских информантов о вербальных средствах выражения несогласия, мы провели этнопсихолингвистический эксперимент – интервью. Цель: узнать сходства и различия в речевом поведении русских и китайцев при выражении несогласия с собеседником.

Всего было опрошено 100 человек, среди них – 50 русских и 50 китайцев. 67 женщин и 33 мужчины; 3 преподавателя, 2 рабочих и 95 студентов; возраст информантов: 21–63 лет.

Всем респондентам был задан вопрос: «Если вы не соглашаетесь с собеседником, как вы реагируете на его слова?».

Эксперимент показал, что когда русские не соглашаются с собеседником, большинство русских информантов выбирают следующие способы: «не так» (13%), «согласна (согласен), но я всё равно сделаю по-своему» (6%), «мне кажется, у меня другое мнение» (6%), «ты не знаешь» (6%), «здесь будет другое решение» (6%), «у меня другое мнение» (6%), «я думаю одно, а ты думай другое» (6%), «давай подумаем вместе, а я думаю...» (6%), «А вот и нет» (6%), невербальный способ – «громко вздыхать» (6%). Китайские информанты выбирают: «может быть» (16%), «правда?!» (11%), «точно?!» (11%), «ты шутишь?» (11%), фонационный (невербальный) способ – «звуки, заполняющие паузы во время разговора» (11%), «А?!» (5%), «нельзя» (5%), «я считаю, если ты так думаешь лучше...» (5%), «я никогда не слышал (а) такое мнение» (2%), «ты заболел(а)?!» (2%), «ты так думаешь, но я думаю, что...» (2%), «я не понимаю, что ты говоришь» (2%), «почему ты так говоришь?!» (2%). Одинаковыми для русских и китайских людей ответами являются следующие: «я так не думаю», «ты не прав», «нет», «я не согласна (согласин) с вами», «не правильно», «плохие слова», «не может быть», невербальной способ – молчание, «это твоё мнение, а не моё мнение».

К невербальным средствам выражения несогласия относят:

1. Жесты

Русские: *Махать руками; Грозить пальцем.*

Китайцы: *Махать руками 摆手 (bai shou); Грозить пальцем 摆手指 (bai shou zhi).*

2. Движения тела

Русские: *Топать ногой*

Китайцы: *Топать ногой 跺脚 (duo jiao); Сложить руки на груди 双手抱住 在胸前 (shuang shou bao zhu zai xiong qian); Делать вид, что не услышал 假装听不到 (jia zhuang ting bu dao); Уйти или уехать 离开 (li kai).*

3. Движения головы

Русские: *Помотать головой из стороны в сторону.*

Китайцы: *Помотать головой из стороны в сторону 摇头 (yao tou); Повернуть голову в сторону 把头转到一边 (ba tou zhuan dao yi bian); Наклонить голову в сторону. 歪头 (yao tou).*

4. Движения / выражение глаз

Русские: *Прищурить глаза; Взгляд в пол.*

Китайцы: *Прищурить глаза 眯眼 (mi yan); Закрывать глаза 闭眼 (bi yan); Закатывать глаза 转眼睛 (zhuan yan jing); Отвести глаза в сторону 白他一眼 (bai ta yi yan); Сделать большие глаза в знак удивления 惊讶 (jing ya).*

5. Мимику

Русские: *Насупленные брови.*

Китайцы: *Насупленные брови 皱眉 (zhou mei); Вытянуть губы вперёд 撇嘴 (pie zui).*

6. Молчание – у русских и у китайцев.

7. Фонационные средства (вздохи, стоны и другие несловесные звуки, заполняющие паузы).

Русские: *Громко вздыхать.*

Китайцы: *Хм 嗯, Гм 切..*

Проведенный психолингвистический эксперимент дал более подробную и ясную картину сходств и различий в употреблении невербальных средств выражения несогласия в русском и китайском языках. По мнению русских и китайских респондентов, для выражения несогласия используются различные невербальные средства.

1. Жесты: большинство русских информантов выбирают средство «махать руками» (67%), «грозить пальцем» (26%), чтобы выразить несогласие. Меньшее количество русских респондентов считают «показывать ладонь» (не знаю) (7%). Китайские информанты так выражают свое несогласие: «махать руками» (67%), «грозить пальцем» (21%), «дотронуться пальцем до кончика носа собеседника» (4%), «постучать ладонью по столу» (4%), «неприличный жест (показать средний палец на руке)» (4%). Одинаковыми для русских и китайских людей средствами являются следующие: «махать руками», «грозить пальцем».

2. Движения тела: большинство русских информантов считают известным средством выражения несогласия следующие: «помотать головой из стороны в сторону» (79%) – наиболее ясно может выразить их несогласие. Меньшее количество русских респондентов выбирают: *взгляд в пол (4%), «никак не реагировать (4%), топать ногой (4%), уходить (4%), взгляд в сторону (4%),* а китайские информанты выбирают: *помотать головой из стороны в сторону (75%), взгляд в пол (7%), выставить вытянутую руку ладонью вперёд в сторону собеседника*

с целью остановить речь собеседника (6%), похлопать собеседника по руке (плечу, спине и т.д.), чтобы прервать его (6%), кивать головой, формально соглашаясь с собеседником, но в душе оставаясь не согласным с ним (6%). Одинаковыми для русских и китайских людей движениями тела являются: помотать головой из стороны в сторону, взгляд в пол.

3. Мимика: большинство русских информантов считают: *прищурить глаза* (38%), *насуленные брови* (50%) – это самые известные мимические средства. Меньшее количество русских респондентов называют такие средства выражения несогласия: *взгляд вверх* (25%), *уголки губ опущены вниз* (19%), *закатывать глаза* (13%), *поджимать губы* (7%), эти мимические средства тоже хорошо помогают нам выражать наше несогласие. Китайские информанты выбирают: *насуленные брови* (28%), *прищурить глаза* (21%), *вытянуть губы вперед* (21%), *вытаращить глаза* (17%), *лицо не выражает никаких эмоций* (14%). Одинаковы для русских и китайских людей следующие реакции: *прищурить глаза, насуленные брови*.

4. Интонация: когда русские не соглашаются с собеседником, большинство русских информантов считают, что интонация должна быть «отрицательная» (61%) либо голос следует «повышать» (26%), меньшее количество респондентов считают возможным «орать» (4%), «не повышать» голос (4%), «задумчивая» интонация (4%), а китайские информанты считают, что интонация должна быть «вопросительная» (56%) или «отрицательная» (44%). Одинаковым для русских и китайских людей интонационным средством выражения несогласия является «отрицательная» интонация. Следует отметить, что в китайском языке для выражения отрицания существует специальное интонационное средство – 4 тон в комплексе с отрицательной эмоцией. В русском языке специальной интонационной конструкции для выражения отрицания нет.

5. Молчание: 1% русских и 1% китайских информантов выбирают молчание, чтобы выразить несогласие.

6. Фонационные средства (вздохи, другие звуки, заполняющие паузы во время разговора): здесь только 2% китайских информантов выбирают фонационные средства (звуки, заполняющие паузы во время разговора).

Одинаковыми невербальными средствами выражения несогласия (из анкет, из интернета) в русском и китайском языках являются следующие: *махать руками; грозить пальцем; прищурить глаза; насуленные брови; топтать ногой; помотать головой из стороны в сторону; взгляд в пол*.

Специфическими невербальными средствами в русском языке являются следующие: *громко вздохнуть; показывать ладонь; взгляд вверх; уголки губ опущены вниз; закатывать глаза; поджимать губы*.

Специфическими невербальными средствами в китайском языке выступают: дотронуться пальцем до кончика носа собеседника; постучать ладонью по столу; неприличный жест (показать средний палец на руке); выставить вытянутую руку ладонью вперед в сторону собеседника с целью остановить речь собеседника; похлопать собеседника по руке (плечу, спине и т.д.), чтобы прервать его; кивать головой, формально соглашаясь с собеседником, но в душе оставаясь не согласным с ним; вытянуть губы вперед; вытаращить глаза; лицо не выражает никаких эмоций; отвести глаза в сторону; поварачивает голову в другую сторону.

Объединив языковой материал, собранный на интернет-сайтах и полученный в результате эксперимента, мы провели статистическую обработку данных.

На рисунках 11 и 12 показано соотношение вербальных и невербальных средств выражения несогласия в русском и китайском языках.

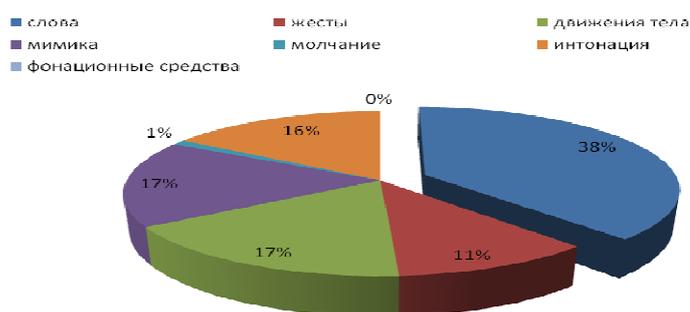

Рис. 11. Русские вербальные и невербальные средства выражения несогласия

Итак, мы можем сделать вывод: 38% русских выбирают слова и 46% китайцев выбирают слова, значит, китайцы чаще и больше используют лексические средства, чтобы выразить свое несогласие. На рисунке 11 самые большие проценты использования невербальных средств – это движения тела (17%), мимика (17%). На рисунке 12 самый большой процент использования невербальных средств – это мимика (16%). Таким образом, китайцы для выражения несогласия чаще выбирают слова, мимику, жесты, а русские шире используют движения тела, интонацию.

Итак, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

В данном разделе мы рассмотрели невербальные средства выражения несогласия в русском и китайском языках. Для анализа мы собрали языковой материал на русских и китайских интернет-сайтах. Основными источниками материала явились тексты, размещенные в национальном корпусе русского языка [99;145] и тексты китайских интернет-форумов [105].

Рис. 12. Китайские вербальные и невербальные средства выражения несогласия

Вербальные средства выражения несогласия делятся на лексические; морфологические; синтаксические. Между русским и китайским языками существуют небольшие различия в использовании этих средств выражения несогласия. Например, словесные реакции – китайцы говорят больше слов или предложений, чем русские, чтобы выразить свое несогласие. У китайцев наблюдаются

многие сходства слов: «не может быть», «я так не думаю», «это твоё мнение, а не моё мнение», «нет» и т. д.

К невербальным средствам выражения несогласия относятся жесты, движения тела, движения головы, движения / выражение глаз, мимика.

Наибольшее различие в выражении несогласия русскими и китайцами проявляется в выборе невербальных средств. Среди жестов здесь было меньше сходства. Эти сходства очень немногочисленны – «махать руками» (26) и «грохнуть пальцем» (9). Русские чаще используют разнообразные движения тела, мимику и интонацию. Мы считаем, что между китайскими и русскими существуют подобные различия в способах выражения несогласия, потому что у них разное мышление, культура и национальный характер, то есть китайцы предпочитают выражать неполное несогласие, а русские чаще выражают полное несогласие.

Большинство китайцев чаще выражают свои эмоции и несогласие обычно косвенно, а русские чаще выбирают прямые способы выражения несогласия.

Итак, в настоящее время существует семантическая классификация типов несогласия. Несогласие бывает полным и неполным. Различают несогласие с мнением; несогласие в ответ на побуждение собеседника к действию; несогласие в ответ на просьбу о разрешении. Полное несогласие представлено следующими смыслами: несогласие – возражение, несогласие – неодобрение, несогласие – запрещение, несогласие – отказ, несогласие – недопущение, несогласие – опровержение, несогласие – возмущение, отвергающее несогласие, продуманное несогласие. Смыслы неполного несогласия таковы: неуверенное несогласие, вежливое несогласие, несогласие и уход от темы, несогласие – недоумение.

Для более полного описания способов выражения несогласия русскими и китайцами мы провели этнопсихолингвистический эксперимент. В эксперименте приняли участие 100 человек, среди них 50 китайских студентов и 50 русских студентов. Цель эксперимента – узнать сходства и различия в речевом поведении русских и китайцев при выражении несогласия с собеседником. Респондентам была предложена анкета: «Если вы не соглашаетесь с собеседником, как вы реагируете на его слова?».

Анализ языкового материала и результатов эксперимента показал, что между русским и китайским языками существуют большие сходства в использовании лексических, морфологических и синтаксических средств выражения несогласия. Например, лексическими средствами выражения несогласия являются следующие одинаковые модели: не + глагол «*Я так не думаю*», «нет» в сочетании с другими словами «*Конечно нет!*», нет + существительное «*нет возможности*», другие слова «*ой...*», «*Ты не прав*». Русские и китайцы часто выбирают частицу «не». Кроме этого, русские и китайцы часто используют простые предложения как синтаксическое средство «*Я так не думаю; Ты не прав*». Однако имеются и различия в выборе конкретных языковых средств, например, русские используют большее количество релятивов со значением несогласия.

Для выражения несогласия 38 % русских и 46 % китайцев выбирают слова. Это значит, что китайцы чаще и больше используют лексические средства, чтобы выразить свое несогласие. В эксперименте выяснилось, что у китайцев и русских существуют множественные различия в невербальных способах выражения несогласия. Кроме этого, в анкетах мы увидели, что большинство китайцев

выражает свои эмоции и несогласие обычно более тактично и деликатно, косвенно. Русские, наоборот, чаще используют прямые способы выражения несогласия. Иначе говоря, для китайцев более характерно выразить неполное несогласие, а для русских – полное несогласие.

Итак, проведенное психолингвистическое исследование позволяет сделать следующий вывод.

В русском и китайском языках существуют одинаковые семантические типы выражения несогласия. Различия в способах выражения несогласия русскими и китайцами заключаются в выборе конкретных вербальных и невербальных языковых средств. Наибольшая разница заключается в употреблении невербальных средств выражения несогласия в процессе коммуникации.

Некоторые особенности речевого поведения носителей китайского языка в условиях русскоязычного общения*

Для выявления сходств и различий речевого поведения китайских и русских студентов необходимо провести психолингвистическое описание особенностей речевого, в том числе в ситуации коммуникативного конфликта.

Это возможно сделать в три этапа: 1) проанализировать наиболее частотные психологические роли китайских и русских студентов, проявляющиеся в различных речевых ситуациях; 2) описать преобладающие стратегии речевого поведения русских и китайских студентов; 3) сформулировать различия в речевом поведении между китайскими и русскими студентами.

Материалом исследования явились записи устной разговорной речи китайских студентов (с переводом на русский язык), живая устная речь русских студентов (на русском языке), а также речь русских студентов, представленная на интернет-форуме Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (<http://www.vvsu.ru./forums/>). При передаче устной речи традиционные знаки препинания опускаются, используются следующие обозначения: / (граница неконечных синтагм) и //,?,! (граница конечных синтагм). При записи диалогов, размещенных на форуме, сохраняется пунктуация авторов сообщения.

Для описания психологических ролей говорящих мы использовали элементы транзакционного анализа актов коммуникации, разработанного Э. Берном. По его мнению, каждый человек играет три роли: Дитя, Родителя, Взрослого. В определенный момент общения человек испытывает одно из этих состояний и, следовательно, в его речевом поведении проявляется какая-либо роль. Роль Дитя связана с проявлением желаний, чувств. Родитель – носитель правил, законов, норм. Родитель поучает, наставляет. Взрослый – носитель рационального. Взрослый может контролировать действия Родителя и Дитя [29; 30; 65]. Данные состояния личности присутствуют в каждом человеке и постоянно сменяют друг друга в процессе общения.

Изучая особенности речевого поведения русских и китайских студентов, мы попытались определить, какие роли (Дитя, Родитель, Взрослый) чаще выполняют говорящие в диалогах. Темы диалогов связаны с учебной или бытовой. Общий результат анализа представлен ниже.

* © Ю.О. Коновалова, Цзинь Вэйвэй

В процессе транзакционного анализа мы обращали внимание на наличие параллельных (равноправных и неравноправных) и пересекающихся (ведущих к коммуникативному конфликту) транзакций.

В русских диалогах часто встречаются случаи, когда говорящие равноправны, то есть выполняют одинаковые психологические роли.

Например:

А: Ммм... с какого там учеба у 3 курса? (роль Взрослого).

Б: Как и у второго, четвертого и пятого – с 7 сентября, согласно расписанию (роль Взрослого).

Оба говорящих выполняют роль Взрослого.

Реже встречаются диалоги, в которых говорящие выполняют неравноправные роли, то есть проявляется асимметрия психологических ролей. Например:

А: Привет, Миша!

Б: Привет, Денис!

А: Давно не виделись, как дела?

Б: Хорошо!

А: Я собираюсь на концерт группы «ДДТ», не желаешь пойти со мной?

Б: Ооо!!! Я тоже туда иду!

А: Чем тебя привлекает эта группа? (роль Взрослого)

Б: Да, мне нравится их стиль исполнения. (роль Дитя)

А: О! Да они очень хорошо поют, у меня даже есть их диски.

Б: А у тебя есть их любимая песня?

А: Да, «Последняя осень».

Б: Давно ли ты увлекаешься их творчеством?

А: Да, три года.

Б: Мы уже опоздываем на концерт, пошли скорей. (роль Родителя)

А: Иду, иду! (рус.)

В этом диалоге говорящий А выполняет роль Взрослого во всех репликах, а говорящий Б меняет роли: роль Взрослого, Дитя и Родителя.

Такую же асимметрию психологических ролей можно встретить в китайских диалогах, причем роли в речи одного говорящего могут меняться даже в пределах одной реплики:

А: Привет!

Б: Привет, ты был вчера на экскурсии в музее искусства? (роль Взрослого)

А: Нет, я очень хотел пойти, но готовился к семинару по истории. (роль Дитя – Взрослого).

Б: Очень жаль, что ты не пошёл, мне там очень понравилось. (роль Дитя)

А: Я бы хотел пойти на экскурсию. (роль Дитя)

Б: Да? А что там интересного? (роль Дитя)

А: Там очень много видов растений, я думаю, что это очень познавательно. (роль Взрослого)

Б: Я согласен, я думаю, что экскурсии проводятся каждый четверг в 5 часов. (роль Взрослого)

А: Мы обязательно пойдем в этот четверг. Я бы очень хотел увидеть гибискус. (роль Родителя – Дитя)

Б: Правда? Я тоже! Не забудь фотоаппарат! Я думаю, там можно фотографировать. (роль Взрослого)

А: А давай позовем с собой мою подругу! Она тоже очень хочет увидеть эти цветы. (роль Дитя)

Б: Я не против. Только пусть не забудет взять 100 рублей. (роль Родителя)

А: Экскурсия стоит 100 рублей? (роль Взрослого)

Б: Нет, билет стоит 80 рублей, но нам обязательно нужно будет купить буклет.

Там очень много интересной информации. (роль Родителя – Взрослого)

А: Давай встретимся на остановке «Луговая» в четверг в 3 часа.

Б: Хорошо, давай.

Неравноправные трансакции нередко могут провоцировать коммуникативный конфликт и вести к неэффективному речевому взаимодействию. В то же время для разрешения конфликта говорящий может изменить психологическую роль:

1) (общение двух подруг)

А: Валя!

Б: Что?

А: Я слышала, что билет на самолет из Владивостока до Пекина очень дорогой. (роль Взрослого)

Б: Ну и что! Если хочешь – верни, зачем обращаешь внимание на цену? (роль Родителя – провоцирует конфликт)

А: Да, согласна! (роль Взрослого – конфликт разрешается) (кит.)

2) (в магазине)

А: Тот хлеб, что вы мне продали, не свежий! (роль Взрослого)

Б: Что вы говорите? Этот хлеб привезли только сегодня! (роль Взрослого)

А: Но он весь сухой! Я требую, чтобы вы мне поменяли на другую булку хлеба. (роль Родителя – зарождается конфликт)

Б: Девушка, это невозможно, я не буду вам менять! (роль Дитя – конфликт усугубляется)

А: Тогда я пойду к администратору магазина! (роль Родителя)

Б: Идите, только, пожалуйста, отстаньте от меня! (роль Дитя) (рус.)

Всего проанализировано 179 китайских и 111 русских трансакций. В китайских диалогах мы встречаем роли Дитя 34 раза (19%), роли Родителя – 7 раз (4%), роли Взрослого – 138 раз (77%). Роль Взрослого чаще встречается в ситуациях бытового общения.

В русских диалогах мы встретили выраженные роли Дитя 33 раза (30%), роли Родителя – 17 раз (15%), роли Взрослого – 61 раз (55%). Роль Взрослого также чаще встречается в ситуациях бытового общения. Данный статистический анализ представлен в табл. 6.

Таблица 6

Статистический анализ (в %)

Языковой материал	Роль «Дитя», %	Роль «Родитель», %	Роль «Взрослый», %
Речь русских студентов	30	15	55
Речь китайских студентов	19	4	77

Особенностью речевого поведения русских и китайских студентов является преобладание роли Взрослого. В то же время нельзя говорить об одинаковом характере транзакций в общении русской и китайской молодежи. Отметим большую вариативность ролевого поведения русской молодежи в сравнении с китайской. В речи китайских студентов роль Взрослого является основной, роль Дитя встречается в среднем в каждой пятой транзакции, а роль Родителя является крайне редкой. Возможно, это объясняется национальными традициями воспитания в китайских семьях. Почитание и безусловный авторитет родителей, учителей и просто пожилых людей не позволяют даже в шутку молодым людям примерять на себя роль родителей и вести себя так, как ведут старшие члены семьи. Русские студенты используют роль Родителя в 4 раза чаще китайских студентов и в полтора раза чаще – роль Дитя: с одной стороны, чувствовать себя взрослым ребенком и, соответственно, вести себя, как Дитя, а с другой – поучать и наставлять друзей – вполне привычная модель поведения для русских молодых людей, которых зачастую до зрелого возраста опекают родители и которые в то же время более свободны и самостоятельны в суждениях и поведении, чем их китайские сверстники.

С точки зрения И.Н. Горелова и К.Ф. Седова, в процессе общения говорящие могут реализовывать три типа речевых стратегий: инвективную, куртуазную и рационально-эвристическую. Инвективная стратегия реализуется через употребления бранной лексики, высшая степень проявления – крик, драка; куртуазная стратегия, напротив, характеризуется употреблением вежливых форм, этикетных формул, аффективная реакция – плач; рационально-эвристическая стратегия речевого поведения свойственна людям, которые в качестве излюбленного средства используют шутки – остроты, каламбуры, иронию, сарказм; высшая степень напряжения проявляется через смех. В качестве примера приведем варианты речевого поведения трех разных говорящих. Говорящий А, проводя эксперимент, в трех случаях искусственно создает однотипные ситуации и произносит одну и ту же фразу.

1) Ситуация в библиотеке, разговаривают две девушки:

А: Я ещё не понимаю / что это?

Б: Ужасно! Я объясняю это упражнение уже 30 минут / почему ты ещё не понимаешь? Ты глупа как осел //

2) Ситуация в библиотеке, разговаривают две девушки:

А: Я ещё не понимаю / что это?

Б: Я думаю / что тебе надо серьезно повторить материал из книги / потом сразу поймёшь//

3) Ситуация в библиотеке, разговаривают две девушки:

А: Я ещё не понимаю / что это?

Б: Ты такая умная! Ты умнее / чем свинья // (Примечание: в китайской культуре свинья является символом лени и глупости).

Мы проанализировали 20 китайских и 20 русских диалогов. В результате исследования мы пришли к следующим выводам. Китайские студенты используют инвективную стратегию в 5 диалогах (25%), куртуазную стратегию – в 11 (55%) диалогах, рационально-эвристическую стратегию – в 4 (20%) диалогах. В русских диалогах инвективная стратегия встречается в 6 диалогах (30%), куртуазная стратегия – в 10 (50%) диалогах, рациональная стратегия – в 4 диалогах (20%). Мы можем сказать, что для китайских и русских студентов наиболее характерно использование куртуазной стратегии. Наименее частотна рацио-

нально-эвристическая стратегия речевого поведения, возможно, вследствие того, что она более трудна для реализации, поскольку далеко не каждый говорящий обладает остроумием и лингвокреативным мышлением, позволяющим уместно использовать в речи средства языковой шутки, в том числе остроты, каламбуры и пр. В то же время, учитывая общую тенденцию к снижению уровня речевой культуры молодежи, мы не можем не отметить некоторой парадоксальности сделанных выводов. Возможно, не следует говорить о чистоте проведенного эксперимента, поскольку налицо два немаловажных фактора: роль экспериментатора (а именно его явная склонность к куртуазной стратегии речевого поведения), задающего общую тональность и направление диалога, и источник материала – диалоги размещены на форуме вуза, где существует система контроля всей информации и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания, соответственно, материалы с явно выраженными признаками инвективной стратегии речевого поведения не могут попасть на сайт.

Для того чтобы выяснить мнение людей о частотности и типах коммуникативных конфликтов, а также о вариантах речевого поведения испытуемых, подтвердить или опровергнуть предположение о том, что куртуазная стратегия речевого поведения наиболее близка современным студентам, мы провели анкетирование. В эксперименте приняли участие 50 человек (32 мужчины, 18 женщин). Возраст: 21 – 24 года. Все испытуемые – китайские студенты 3 – 4 курсов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Респондентам были предложены следующие вопросы:

1. Часто ли Вы ссоритесь?
2. Как Вы себя ведёте в ситуации конфликта?
3. Что Вы обычно говорите в ситуациях конфликта?

Цель первого вопроса: определить субъективную (т.е. по мнению информантов) частотность коммуникативных конфликтов среди русских и китайских студентов.

Количественные данные позволяют сделать вывод о том, что большинство мужчин (75%) и большинство женщин (61%) отмечают низкую частотность коммуникативных конфликтов.

Цель второго вопроса: определить типы речевых стратегий поведения людей в конфликтных ситуациях.

22% мужчин и 17% женщин выбрали ответ «кричите» (признак инвективной стратегии).

16% мужчин выбрали ответ «смеетесь» (признак рационально-эвристической стратегии).

9% мужчин и 11% женщин выбрали ответ «стараетесь уйти от конфликта» (признак рационально-эвристической и куртуазной стратегий).

16% мужчин и 11% женщин выбрали ответ «пытаетесь примирить собеседника» (признак рационально-эвристической и куртуазной стратегий).

6% мужчин и 22% женщин выбрали ответ «плачете» (признак куртуазной стратегии).

6% женщин и 2% мужчин выбрали ответ «другое».

33% женщин выбрали ответ «молчите» (признак куртуазной стратегии).

Цель третьего вопроса: более глубокое определение того, какие речевые стратегии используют люди в конфликтных ситуациях.

41% мужчин и 50% женщин выбрали ответ «пытаетесь оправдать себя» (косвенный признак куртуазной стратегии).

27,5% мужчин и 21,5% женщин выбрали ответ «иронизируете над собеседником» (признак рационально-эвристической стратегии).

16 % мужчин и 6% женщин выбрали ответ «ругаете собеседника» (признак инвективной и куртуазной стратегии).

12,5% мужчин и 16,5% женщин выбрали ответ «используете слова с негативным оценочным значением» (признак в равной мере характерен для всех трех стратегий, различия касаются собственно отбора лексики).

3% мужчин и 6% женщин выбрали ответ «другое».

Когда китайские студенты ссорятся, большинство молчат, стараются уйти от конфликта, пытаются примирить собеседника, плачут; меньшинство кричат. Данные эксперимента показали, что обычно китайские мужчины чаще, чем женщины избирают инвективную стратегию поведения; а женщины значительно чаще мужчин используют куртуазную стратегию. Наиболее распространенная стратегия поведения китайских студентов в ситуации конфликта по данным опроса – инвективная. Рационально-эвристическая стратегия поведения более свойственна мужчинам, что может объясняться соблюдением негласного морально-этического кодекса поведения, в соответствии с которым женщина не должна быть язвительной, «острой на язык», тем более женщина не должна смеяться над мужчиной.

Проведенное анкетирование также позволило определить основные варианты речевых и неречевых действий, характерных для инвективной, куртуазной и рационально-эвристической стратегий поведения.

Инвективная стратегия речевого поведения: крик, желание ругать собеседника, использование слов с негативным оценочным значением.

Куртуазная стратегия речевого поведения: плач, желание уйти от конфликта, попытка примирить собеседника, молчание, желание ругать собеседника, попытка оправдать себя, использование слов с негативным оценочным значением.

Рационально-эвристическая стратегия речевого поведения: смех, желание уйти от конфликта, попытка примирить собеседника, ироничное отношение к собеседнику, использование слов с негативным оценочным значением.

Наиболее типичные способы формирования стратегий речевого поведения, по данным респондентов, представлены в табл. 7.

Таблица 7

Типичные способы формирования стратегий речевого поведения

Способы формирования стратегии	Стратегии речевого поведения		
	Инвективная	Куртуазная	Рационально-эвристическая
1	2	3	4
Крик	+	-	-
Смех	-	-	+
Плач	-	+	-
Молчание	-	+	-

1	2	3	4
Желание ругать собеседника	+	+	-
Использование слов с негативным оценочным значением	+	+	+
Желание уйти от конфликта	-	+	+
Попытка примирить собеседника	-	+	+
Попытка оправдать себя	-	+	-
Ироничное отношение к собеседнику	-	-	+

Как следует из табл. 6, наименьшее количество названных информантами способов формирования стратегий речевого поведения в ситуации коммуникативного конфликта относится к инвективной стратегии, наибольшее – к куртуазной. Отметим, что часть указанных способов поведения (использование слов с негативным оценочным значением, попытка примирить собеседника, желание уйти от конфликта и желание ругать собеседника) в равной мере могут быть отнесены к разным стратегиям речевого поведения, при этом различия, как уже было сказано выше, касаются выбора конкретного языкового (главным образом – лексического) материала.

Итак, мы представили опыт наиболее общего психолингвистического анализа диалогов, включающего в себя описание особенностей речевого поведения русских и китайских студентов, и пришли к следующим выводам.

В ситуациях бытового общения в речи русских и китайских студентов преобладает психологическая роль Взрослого, в то же время роль Взрослого в общении китайских студентов более частотна, чем в речи русских студентов. Русские студенты чаще китайских прибегают к использованию роли Родителя и Дитя. Роль Дитя в общении китайской молодежи встречается крайне редко.

В процессе общения русских и китайских студентов из трех стратегий речевого поведения – инвективной, куртуазной и рационально-эвристической преобладает куртуазная стратегия. Рационально-эвристическая стратегия речевого поведения в ситуации конфликта более характерна для мужчин, а куртуазная – для женщин.

Предыдущий вывод опровергается результатами проведенного анкетирования: по мнению китайских респондентов, в ситуации коммуникативного конфликта наиболее распространена инвективная стратегия речевого поведения.

Таким образом, исследование показало, что речевое поведение русских и китайских студентов характеризуется большими различиями, чем сходством. В тех случаях, когда, на первый взгляд, выявляются общие признаки, имеют место статистические различия. Различия в речевом поведении имеют национально-культурную обусловленность, что может стать перспективой дальнейших исследований.

Варианты речевого поведения носителей китайского языка в ситуации ответа на вопрос*

Согласие / несогласие является одним из заметных и уникальных фрагментов языковой картины мира, изучение которого в разных аспектах остается актуальной проблемой языкознания. Синтаксическая система средств репрезентирует многообразие выражения ситуаций согласия/несогласия. Изучение данного аспекта способствует улучшению эффективности коммуникации между представителями китайской и русской культур.

Мы рассматриваем речевое поведение китайских студентов в ситуации ответа на вопрос, а именно в ситуации согласия и несогласия. Необходимо подробнее рассмотреть понятие согласия и несогласия в современной лингвистике.

Во-первых, обратимся к словарям. В словаре Ожегова С.И. находим такое определение: Согласие – 1. Одно из течений внутри старообрядческого толка (спец.). 2. Разрешение, утвердительный ответ на просьбу. Дать с. на что-н. С согласия начальника (имея его согласие). Молчание – знак согласия (посл.). 3. Единомыслие, общность точек зрения. Прийти к согласию. Гражданское с. – (отсутствие конфронтации в обществе). 4. Дружественные отношения, единокордусие. В семье царит полное с. 5. Соразмерность, стройность, гармония. В оркестре нет согласия. * В согласии с чем, предлог с т.п. (книжн.) – согласно с чем-н., в соответствии с чем-н. Действовать в согласии с принятым решением. Решение в согласии с законом [161. С. 742].

В словаре Ушакова Д.Н. согласие определяется следующим образом: 1. Утвердительный ответ на что-н. – на просьбу что-н. сделать или на просьбу разрешить что-н. сделать, разрешение, дать согласие на что-н. Изъявить согласие что-н. сделать. Молчание – знак согласия (посл.). Я принимаю ваше молчание за знак согласия (Тургенев). Сделать что-н. с чьего-н. согласия. Получить от кого-н. согласие. 2. Состояние по глаг. согласиться-соглашаться; взаимное одобрение. Действовать по общему согласию. 3. Единомыслие, общность точки зрения, солидарность. Выразить свое согласие с мнением оратора. 4. Мирные, дружественные отношения, единокордусие. Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет (Крылов). В их семье царит полное согласие. Жить в согласии. 5. только ед. Соразмерность, гармония (устар.). Согласие всех частей здания (Даль). Я... жизни даровать, о лира, твое согласье захотел (Баратынский). || Гармонический подбор голосов, стройность звучания (устар.). Разноголосная музыка, в которой есть все звуки и недостает одного согласия (Кокорев). || перен. Приятный для зрения подбор цветов, красок (устар.). 6. У старообрядцев – секта, течение (религ.). Поморское согласие. Беспоповщина делится на разные согласия. В согласии с чем (книжн., канц.) – согласно с чем-н., в соответствии, не противореча чему-н. Взнос платы за телефон должен производиться в согласии с правилами [271. С. 984].

Дадим определение понятию несогласие. Словарь С.И. Ожегова: 1. Отсутствие единомыслия, разногласие в чем-н. Несогласие в семье. 2. Отсутствие согласия на что-н., отказ. Выразить свое несогласие [161. С. 413].

В словаре Ушакова Д.Н. находим: 1. Отсутствие согласия, разногласие с кем-чем-н. в чем-н. (книжн.). Несогласие в мнениях. 2. Разлад, ссора. Между

* © Е.Ю. Гончарук, Ван Цин

ними вечные несогласия. 3. Отказ, отсутствие согласия на что-нибудь (книжн.). Несогласие на отъезд [271. С. 537].

Таким образом, согласие – это единство взглядов, утвердительный ответ, а несогласие – это отсутствие согласия, отказ.

Автор статьи «Согласие-несогласие как фрагмент языковой картины мира» Т.М. Свиридова считает согласие и несогласие центральными понятиями в общечеловеческом речевом контакте между говорящим и слушающим и в контакте личности со своим мировосприятием (то есть можно говорить о гармонии или дисгармонии со своим внутренним миром или окружающей картиной реальности).

Позиция «согласие» и позиция «несогласие» – это осознание субъектом многоликости бытия, это варьирование между различными позициями-мирами, это невероятно трудный принципиальный выбор, это осмысление ощущения мира-Я, мира-Мы, мира-Вселенной. Эта разноликость миров придаёт особый статус категории согласия-несогласия, поскольку по большому счёту в мире имеется ориентир на *согласие*, так как превалирует всё-таки стремление к гармонии, к упорядочиванию взглядов, к компромиссам в глобальном понимании. Поэтому закономерность перевода отношений в рамки согласия между партнёрами регулирует модель взаимоотношений, конечная цель которых *договор*, связующий потенциальные принципы общения [210].

Позиции «согласие» и «несогласие» – это концепты, которые ориентированы на отношения между людьми и на отношения личности с самой собой. Основным условием возникновения этих двух концептов является коммуникативное поле, которое включает в себя осмысление картины мира в целом или её фрагментов и придаёт особый функционально значимый статус категории согласия – несогласие.

Речевое общение, построенное на отношениях «позиция-согласие» и «позиция-несогласие» – это интеллектуальное и эмоциональное явление, отражающее процесс познания окружающей действительности. Согласие-несогласие – это полное или неполное совпадение или несовпадение концептуальных позиций субъектов [210].

По словам М.К. Любимовой, все ученые, занимающиеся изучением данных языковых явлений, сходились во мнении, что, во-первых, базовой формой конструкции согласия и несогласия является диалогическое единство, т.е. сочетание диалогических реплик; во-вторых, согласие / несогласие служит для выражения принятия / непринятия точки зрения говорящего; в-третьих, в семантическом плане в рассматриваемом явлении отражается модальная оценка высказывания партнера по коммуникации с точки зрения соответствия и несоответствия действительности.

Рассмотренные дефиниции слов «согласие» и «несогласие» раскрывают многообразие их значений, так слово «*согласие*» имеет значения: 1. Утвердительный ответ на что-либо, позволение, разрешение. 2. Общность взглядов. 3. Соглашение, взаимная договоренность.

В свою очередь, «*несогласие*» обладает значениями: 1. Отсутствие единства во мнениях с кем-либо, разногласие. 2. Разлад, ссора. 3. Отказ.

На основании этих значений многие ученые приходят к мысли, что согласие-несогласие делится на: 1) согласие – несогласие с мнением; 2) согласие – несогласие в ответ на побуждение собеседника к действию; 3) согласие – несо-

гласие в ответ на просьбу о разрешении или, иначе говоря, в ответ на речевой акт, в котором говорящий предлагает выполнить какое-то действие сам.

В формировании конструкций согласия и несогласия велика роль диалога. Возникновение реплик согласия и несогласия предопределяется коммуникативным содержанием реплики-стимула и связано с областями говорящего и слушающего. Реплика-стимул может выражать мнение, побуждение собеседника к действию или просьбу на разрешение, что реализуется через повествовательную, вопросительную или побудительную формы предложения. Реплика-реакция в таком диалогическом единстве представляет собой согласие или, соответственно, несогласие с мнением в ответ на побуждение собеседника к действию или на просьбу о разрешении [138].

М.К. Любимова различает *полное* и *неполное* согласие и несогласие. *Полное согласие* – это такое согласие, когда мнение, намерение, желание коммуниканта полностью совпадают с мнением, намерением, желанием коммуникатора, что выражается в реплике-реакции, т.е. в реплике, которую произносит коммуникант. *Неполное согласие* – это такое согласие, когда мнение, намерение, желание коммуниканта совпадают с мнением, намерением, желанием коммуникатора, но коммуникант в реплике-реакции высказывает определенное условие, при котором он согласится с коммуникатором, или же в согласии коммуниканта с мнением коммуникатора присутствует неуверенность и т.д., другими словами, согласие коммуниканта выражено не в полном объеме и часто сопровождается элементами несогласия. *Полное несогласие* – это такое несогласие, когда мнение, намерение, желание коммуниканта полностью не совпадают с мнением, намерением, желанием коммуникатора, что выражается в реплике-реакции. *Неполное несогласие* – это такое несогласие, когда мнение, намерение, желание коммуниканта не совпадают с мнением, намерением, желанием коммуникатора, но коммуникант в реплике-реакции высказывает некую неуверенность в своем несогласии или не соглашается с коммуникатором вежливо, завуалированно и т.д., т.е. несогласие коммуниканта выражено не в полном объеме и часто сопровождается элементами согласия [138].

В результате, так как право приемлемого выбора позиции-отношения в речевом контакте остаётся за субъектом, этот субъект в силу противоречивых жизненных обстоятельств, различных коммуникативных ситуаций, а также непоследовательных аргументов может ориентироваться на позицию «*несогласие*». Несовпадение в позициях, несовпадение точек зрения, неприятие этической оценки другого субъекта рассогласовывают речевую деятельность, определяют динамику дальнейшего контакта на фоне *истины, правды*. Важно осмыслить позицию «несогласие» и исходить из ключевого для несогласия варианта – *истинного* и *ложного* несогласия. В случае выражения позиции «несогласие» очень важны такие умения, как давать квалифицирующую оценку, предвидеть различные модели речевого контакта, их философски осмысливать, поскольку несогласие, учитывая цели и задачи общения, может исключать или ограничивать функции совместного творческого участия людей [210].

Таким образом, для нас согласие – это единство взглядов, утвердительный ответ. Оно делится на полное и неполное по степени совпадения. Несогласие – это отсутствие согласия, отказ. Выделяются полное и неполное согласие по степени разногласия, или варианты истинного и ложного на фоне правды.

Ранее мы уже рассмотрели такие понятия, как психолингвистика, этнопсихолингвистика, речевое поведение, а также дали определение терминам «со-

гласие» и «несогласие». Итак, психолингвистика – это раздел языкознания, изучающий особенности содержательной стороны языка в связи с мышлением и общественной жизнью говорящего. Объектом психолингвистики являются язык и речь человека. Она отличается от других разделов языкознания не объектом, а именно предметом. Предмет психолингвистики – языковая личность, которая рассматривается в индивидуально-психологическом аспекте. Одним из разделов этой науки является этнопсихолингвистика, которая изучает речевое поведение не человека вообще, а человека как представителя какого-либо этноса. Она изучает различия в речевом поведении представителей разных культур. Культура влияет не только на поведение человека в обществе, но и на процесс коммуникации между представителями одного этноса, поэтому речевое поведение представителей разных культур может отличаться.

Речевое поведение человека – сложное явление, оно связано с особенностями воспитания человека, местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со всеми свойственными ему как личности и как представителю социальной группы, а также и национальной общности особенностями.

Проанализируем варианты речевого поведения китайских студентов в ситуации ответа на вопрос. Мы рассматриваем ситуации согласия и несогласия при ответе на вопрос собеседника, варианты речевого поведения в ситуации согласия, в ситуации несогласия китайскими студентами посредством собранного фактического материала. Всего проанализировано 32 диалога, содержащих согласие, и 33 диалога, содержащих несогласие, выделены основные средства, используемые китайскими студентами в ситуации ответа на вопрос.

Самым распространенным способом выражения согласия является слово «да».

(А) преподаватель, (Б) студентка, 21 год

(А) Вы согласны?

(Б) (молчание)

(А) А/ Вы еще не досмотрели / только прочитали свой абзац?

(Б) Да

В данном диалоге говорящий (Б) при ответе на вопрос собеседника выражает согласие с помощью слова «да».

Вместе со словом «да» мы наблюдаем частотное употребление наречий «конечно», «понятно». Такие дополнительные слова интенсифицируют согласие, для того чтобы уверить собеседника в своем согласии.

(А) преподаватель, (Б) студент, 23 года

(А) Вы хотели бы жениться на богатой девушке?

(Б) Да/ конечно//

В данном примере отвечающий выражает согласие с помощью слова «да» и добавляет слово «конечно», чтобы усилить согласие.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Сегодня вы сдали домашнее задание?

(Б) Да/ конечно сдал//

(А) А почему я его не видела?

(Б) Наверное/ вы потеряли//

В приведенном примере говорящий (Б) при ответе на вопрос использует утвердительное слово «да», добавляя при этом «конечно» и использует глагольную форму «сдал», которую использовал говорящий (А) в своем вопросе

(Сегодня вы сдали домашнее задание). Такой ответ является бесспорным утверждением, убеждает спрашивающего в точности и достоверности ответа.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Встречаемся в десять часов на Семеновской? Где Clever House?

(Б) Да/ понятно//

В приведенном диалоге отвечающий использует утвердительное слово «да» и наречие «понятно», чтобы показать собеседнику, что он точно понял смысл информации, представленной в вопросе.

Наряду со словом «да» китайскими студентами могут использоваться наречия «хорошо» и «понятно», имеющие значение согласия.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(Б) Когда у вас время? Я хочу еще раз сдать тест//

(А) Вы завтра ко мне подходите в 14.00//

(Б) Хорошо/ я завтра подойду//

В данном примере отвечающий использует наречие «хорошо» для выражения согласия. Он подтверждает и соглашается с информацией, представленной в вопросе.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Это находится около центра// Где «Уссури»/ знаете?

(Б) Понятно//

В данном диалоге студент утвердительно отвечает на вопрос, используя наречие «понятно», демонстрируя, что ему понятно место, о котором его спрашивают, и понятна информация, сообщаемая преподавателем.

Паралингвистические средства являются неотъемлемой частью любой коммуникации, согласие не является исключением. С утвердительным словом «да» китайские студенты используют следующие невербальные средства: улыбка, темп голоса, кивок головой, движение глаз.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Вы Б19 уже сделали?

(Б) Да// (улыбается)

В данном примере отвечая утвердительно, говорящий улыбается. Улыбка является показателем разных эмоций, здесь студент улыбается преподавателю, чтобы усилить согласие. Он точно сделал упражнение.

(А) русская студентка, 20 лет, (Б) китайская студентка, 24 года

(А) Можно это скрепить?

(Б) Да/ вот// (быстро ответила)

В данном диалоге отвечающий использует слово «да» и невербальное средство «быстро ответила» интенсифицирует утвердительный ответ.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Борис/ты всегда слушаешься родителей/ правильно я говорю?

(Б) Да/ конечно// (очень быстро ответил на вопрос, даже преподаватель не закончил вопрос)

Здесь студент наряду со словом «да» и наречием *конечно* использует невербальное средство (быстро ответил). Это указывает на то, что отвечающий точно знает, что ответить, и отвечает не думая.

(А) русский студент, 21 год, (Б) китайская студентка, 22 года

(А) Когда она будет// через час?

(Б) Да// (девушка не смотрела на собеседника, когда они разговаривали, но утвердительно кивнула головой)

В приведенном диалоге вместе со словом «да» партнер по коммуникации использует невербальное средство «кивок головой». Он старается убедить собеседника словами и в то же время жестом показывает, что это действительно так.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Яков/ где вы были?

(Б) Я болел//

(А) Чем?

(Б) Просто...// (указывает на голову пальцами)

(А) Наверное/ вы не выучили/поэтому не пришли// Да?

(Б) Да// (глаза быстро двигаются)

В данном случае быстрое движение глаз партнера по коммуникации может быть признаком того, что отвечающий говорит неправду, а его ложь раскрыл собеседник (Наверное/ вы не выучили/поэтому не пришли// Да?). Ему стыдно, он не может смотреть на собеседника, поэтому его глаза двигаются быстро.

(А) преподаватель, (Б) студентка, 22 года

(А) Лина/ ты уже сказала?

(Б) Да// (другие студенты тихо сказали: «Нет, она не сказала»)

(А) Точно?

(Б) Да/ уже сказала// (ее глаза двигаются очень быстро)

В данном примере отвечающий говорит «да», но его глаза двигаются быстро. Невербальный компонент показывает, что говорящий (Б) неуверен в своем ответе, не может смотреть на собеседника прямо. Это может свидетельствовать о том, что он говорит неправду.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Ты наверно знаешь/ что такое...?

(Б) Да/ конечно// (моргает глазами)

В приведенном примере говорящий использует слова «да» и наречие «конечно», утвердительно отвечает на вопрос, усиливает утверждение, но он моргает глазами. Можно предположить, что он говорит неправду.

Невербальные компоненты могут сопровождать не только слово «да», но и наречия, которые используются в значении согласия, например «хорошо».

(А) русский студент, 21 год, (Б) китайская студентка, 22 года

(А) Можно попозже?

(Б) Да/во сколько//

(А) После девяти/можно?

(Б) Хорошо// (улыбается)

В данном примере отвечающий соглашается с помощью слова «хорошо» и при этом улыбается, демонстрируя свою расположенность собеседнику.

Повтор слова «да» + кивок головой

Для усиления согласия говорящий может повторять слово «да» и при этом кивать головой.

(А) русская студентка, 21 год, (Б), китайская студентка, 21 год

(А) Она уже приехала?

(Б) Да/ да/ да/ подожди/ скоро придет// (утвердительно кивает головой)

В данном диалоге китайская студентка повторяет слово «да», а потом говорит утвердительное высказывание. Она не просто старается подобрать

нужные слова, чтобы убедить партнера, она делает это, чтобы убедить собеседника. Невербальное средство *кивок головой* также усиливает утверждение.

(А) *русская студентка, 20 год, (Б) китайская студентка, 23 года*

(А) *Тебе понятно?*

(Б) **Да/ да/ я понимаю// (утвердительно кивает головой)**

В приведенном диалоге отвечающий повторяет слово «да», чтобы убедить партнера по коммуникации в том, что ей действительно понятна сообщаемая информация. Говорящий (Б) использует невербальное средство, чтобы усилить утверждение.

Повтор слова из вопроса

Одной из форм выражения согласия китайскими студентами является использование в ответе глагольной формы, которая использовалась спрашивающим в вопросе. На наш взгляд, это самое простое средство выражения согласия для китайских студентов, поскольку в данном случае нужно просто услышать и повторить часть вопроса.

(А) *преподаватель, (Б) студент, 22 года*

(А) *Зина/ вы Екатерину Юрьевну никогда не видели?*

(Б) **Видели//**

В данном примере отвечающий использует перенос глагольной формы из вопроса, чтобы утвердительно ответить на него.

(А) *преподаватель, (Б) студент, 22 года*

(А) *Наверное, у вас есть такие фотографии?*

(Б) **Есть// (кивок головой)**

(А) *преподаватель, (Б) студент, 22 года*

(А) *Эдик/ надо еще раз слушать?*

(Б) **Ннадо// (кивок головой)**

В приведенных примерах отвечающий перенес глагольную форму из вопроса, но при этом он добавил невербальное средство (кивок головой), которое демонстрирует утверждение.

Четыре тона в китайском языке выполняют разные функции: первый тон – выражение сомнения, размышления; второй – появление вопроса; четвертый – выражение согласия. Звуки «м» и «э» в третьем тоне не используются. В данном случае четвертый тон, т.е. падающий, выражает согласие. Это один из самых распространенных способов выражения согласия среди китайских студентов.

(А) *преподаватель, (Б) студентка, 22 года*

(А) *Лариса/ согласна с Леной?*

(Б) **М// (Четвертый тон в китайском языке)**

(А) *преподаватель, (Б) группа студентов, 22 года*

(А) *Я думаю теперь вам понятно?*

(Б) **М// (четвертый тон в китайском языке)**

(утвердительно кивают головой)

В данных репликах отвечающий использует четвертый тон звука «м», хотя это не конкретное слово, как «да» или «хорошо», но он выражает согласие. Вместе со звуком «м» в четвертом тоне китайские студенты часто используют невербальное средство «кивок головой». Анализируя предыдущий способ, мы уже рассмотрели такое средство. Оно демонстрирует утверждение.

Молчание может передать информацию собеседнику в акте коммуникации. Оно часто используется китайскими студентами совместно с невербальным средством (кивок головой). В данном случае молчание имеет значение согласия.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Женя/ где перевод?

(Б) Забыл//

(А) Вы забыли?

(Б) (кивок головой)

(А) преподаватель, (Б) группа студентов, 23 года

(А) Это так?

(Б) (все молчали и утвердительно кивали головой)

Отвечающий использует прием молчания для того, чтобы не дать ответ спрашивающему. В данном случае отвечающие используют невербальное средство «кивок головой» вместо слова. Можем считать, что это типичное средство выражения согласия у китайских студентов. При общении между китайскими людьми кивок головой выражает согласие, это как звук «м» в четвертом тоне, который обозначает согласие.

Более распространенным способом выражения несогласия среди китайских студентов является отказ, выраженный словом «нет».

(А) преподаватель, (Б) китайская студентка, 22 года

(А) У меня все//У вас есть вопросы?

(Б) Нет//

В этом диалоге отвечающий дает собеседнику отрицательный ответ, используя слово «нет». Такое средство выражения короткое и четкое. Часто данное слово используется, когда один из партнеров по коммуникации хочет быстро закончить диалог.

(А) преподаватель, (Б) китайская студентка, 22 года

(А) Ты ведь зимой уезжала домой?

(Б) Нет//

(А) Почему?

(Б) Не хочу//

В данном диалоге отвечающий для выражения несогласия использует слово «нет», демонстрируя, что хочет закончить разговор. Об этом свидетельствует то, что студент не дает развернутого ответа на вопрос преподавателя, отвечает односложно.

(А) русская студентка, 22 года, (Б) китайская студентка, 22 года

(А) Хочешь пойти в кино?

(Б) Нет// У меня нет времени//

В данном примере наряду с отрицательным словом «нет» отвечающий использует «нет + существительное в родительном падеже», обозначая причину отказа отсутствием времени.

Отрицательное слово «нет» может сопровождаться невербальными средствами. Самое распространенное из них – это «отрицательно мотать головой», которое является невербальным синонимом «нет».

(А) русский студент, 21 год, (Б) китайская студентка, 23 года

(А) Вы продаете лапшу?

(Б) Да//

(А) Наверно еще что-то есть?

(Б) Нет/ у нас только лапша// (отрицательно мотает головой)

В данном диалоге отвечающий использует отрицательное слово «нет» вместе с невербальным средством – «мотание головой». Невербальное средство усиливает отрицание, демонстрирует отсутствие того, что спрашивает говорящий (А).

(А) *русский студент, 21 год, (Б) китайский студент, 23 года*

(А) *Ты ведь понимаешь?*

(Б) **Нет!** *можно еще раз// (отрицательно мотает головой)*

(А) *Ну ладно//*

В приведенном примере отвечающий вместе со словом «нет» использует невербальное средство «мотание головой», подтверждая отрицание, выраженное вербально.

(А) *преподаватель, (Б1) студент, 22 года, (Б2) студент, 21 год*

(А) *А где Лариса?*

(Б1) *Лариса заболела//*

(А) *А Оля?*

(Б2) *Оля с Лариса// (улыбается)*

(Б1) **Нет!** *(большие глаза, смотрит на преподавателя)*

(Б2) *Оля с Юрой деканат// Сейчас приеду//**

В приведенном диалоге говорящий (Б2) не соглашается с помощью слова «нет», при этом он делает «большие глаза». Большие глаза у отвечающего, когда выражают удивление, (Б2) не согласен с тем, что говорит (Б1), его удивляет представленная (Б1) информация. Возможно, эта информация не достоверна.

(А) *русская студентка, 20 лет, (Б) китайская студентка, 23 года*

(А) *Сейчас можно?*

(Б) **Нет!** *нельзя!*

(А) *А когда?*

(Б) *Можно через полчаса//*

В данном примере говорящий использует «нет» и слово «нельзя», которое усиливает отказ. «Нельзя» является реакцией на слово «можно», которое встречается в вопросе.

(А) *русский студент, 20 лет, (Б) китайский студент, 22 года*

(А) *Здесь можно распечатать?*

(Б) **Нет!** *нельзя!* *(тон голоса повысился)*

В приведенном диалоге отвечающий использует вместе с отрицательным словом «нет» слово «нельзя», которое усиливает отказ и невозможность сделать то, о чем спрашивает говорящий (А). При этом отвечающий повышает тон голоса. «Повышение тона» свидетельствует о нежелании отвечающего продолжать коммуникацию.

(А) *русский студент, 20 лет, (Б) китайская студентка, 21 год*

(А) *Можно войти?*

(Б) **Нельзя!** *(повышение тона голоса)*

И в данном примере «нельзя» является реакцией на антоним «можно», который употреблен в вопросе. Говорящий коротко отвечает на вопрос и повышает голос. В данном случае повышенный тон голоса усиливает его отказ.

* Грамматика носителей китайского языка оставлена преднамеренно

Наряду с отрицательным словом «нет» при выражении несогласия может использоваться отрицательная частица «не» и глагол. Двойное отрицание усиливает несогласие, использование «не» с глаголом объясняет причину несогласия.

(А) *русская студентка, 20 лет*, (Б) *китайская студентка, 23 года*

(А) *Где она?*

(Б) *На парах//*

(А) *А ты сможешь мне помочь?*

(Б) **Нет/ я не могу// (отрицательно мотает головой)**

В этом диалоге отвечающий использует двойное отрицание («нет» + «не») и глагол «могу». «Не могу» усиливает отказ и объясняет причину несогласия. Также отвечающий использует невербальное средство «мотать головой», которое также усиливает отрицание.

(А) *русский студент, 21 год*, (Б) *китайский студент, 23 года*

(А) *Пойдем покурить?*

(Б) **Нет/ не хочу// (сморщился)**

В данном примере отвечающий не соглашается с собеседником с помощью отрицательного слова «нет» и частицы «не» с глаголом. Эффект двойного отрицания усиливает несогласие, а также объясняет причину, почему отвечающий отказывается спрашивающему в его просьбе «не хочу». При этом лицо говорящего (Б) сморщилось. Это невербальное средство демонстрирует неудовольствие говорящего, подтверждая его слова о том, что он «не хочет».

(А) *преподаватель*, (Б) *студент, 22 года*

(А) *Кто знает ответ на этот вопрос/ поднимайте руку// Б/ знаешь?*

(Б) **Нет/ я не знаю//**

В данном диалоге отвечающий выражает несогласие с помощью отрицательного слова «нет» и глагола с отрицательной частицей «не знаю». Отвечающий использует этот глагол, потому что он был в вопросе (Б/ знаешь//), и показывает, что он не владеет той информацией, о которой его спрашивают.

(А) *русский студент, 21 год*, (Б) *китайская студентка, 22 года*

(А) *Ты знаешь/ когда она будет?*

(Б) **Не знаю// Наверное после девяти//**

(А) *Ну хорошо//*

В данном примере отвечающий не использует отрицательное слово «нет», а только глагол с отрицательной частицей, который указывает на несогласие. Отвечающий использует глагол «знать» с отрицательной частицей, потому что этот глагол присутствует в вопросе (*Ты знаешь*). Отвечающий указывает на то, что у него нет информации нужной спрашивающему.

(А) *преподаватель*, (Б) *студент, 22 года*

(А) *Денис заболел?*

(Б) **Не знаю/ заболел или не заболел// Но он сказал/ что у него важное дело//**

В данном примере говорящий не твердо выражает свой отказ, потому что он не использует отрицательное слово «нет». У него нет информации, которая нужна его собеседнику, поэтому он использует «не знаю», отрицательная частица указывает на несогласие.

(А) *преподаватель*, (Б) *студент, 22 года*

(А) *Что еще знаете об этом акте? Можно привести нам пример?*

(Б) **Больше ничего не могу сказать// (губы сжаты)**

В этом диалоге отвечающий использует отрицательное местоимение «ничего» и отрицательную частицу «не» с глаголом «могу», при этом отрицательное слово «нет» опускается, поскольку отрицательное местоимение и частица также выражают несогласие. С помощью невербального средства «губы сжаты» говорящий подтверждает свои слова о том, что он действительно не может сказать о том, что его спрашивает говорящий (А).

(А) *преподаватель, (Б) студент, 22 года*

(А) *Кто-то, наверно, видел этот фильм?*

(Б) **Никто не видел//**

В данном примере отвечающий использует отрицательное местоимение «никто» и глагол с отрицательной частицей «не» для выражения несогласия. Отрицательное слово «нет» не используется.

Для выражения несогласия может использоваться повтор отрицательного слова «нет». Второе «нет» подтверждает первое, усиливая несогласие.

(А) *преподаватель, (Б) китайский студент, 23 года*

(А) *Борис/ вы что-то хотите?*

(Б) **Нет/ нет/ ничего//**

В данном диалоге отвечающий повторяет слово «нет», что демонстрирует его отказ. Повтор слова указывает на то, что партнер по коммуникации твердо отказывается.

(С1) *студент, 20 год, (С2) китайский студент, 22 года*

(С1) *Почему нет?*

(С2) **Нет/нет// (машет рукой отрицательно) Не хочу**

В данном примере отвечающий повторяет слово «нет» и при этом отрицательно машет рукой, что усиливает его несогласие. Также он использует глагол с отрицательной частицей, объясняя причину своего несогласия «не хочу».

В китайском языке существуют четыре тона. В данной группе первый тон, т.е. ровный, играет важную роль. Значения тона могут быть: сомнение, отсутствие желания, ложь и др.

(А) *преподаватель, (Б) студент, 22 года*

(А) *Саша/ а ты согласен с Леной?*

(Б) **М// (Первый тон в китайском языке)**

В данном диалоге отвечающий использует паузу со звуком «м» в первом тоне. Это значит, что он сомневается в словах Лены и не может сразу дать ответ собеседнику, думает над ответом.

(А) *преподаватель, (Б) китайская студентка, 23 года*

(А) *Где твоя работа?*

(Б) **М (первый тон)// Нет (сморщилась)**

(А) *Почему нет?*

(Б) **М (первый тон)// Я забыла в общежитии//**

(А) *Понятно//*

В приведенном диалоге отвечающий два раза делает паузы со звуком «м» в первом тоне. В первый раз отвечающий сморщивается и делает паузу, а также использует отрицательное слово «нет». Мы считаем, что он не хочет говорить правду, возможно, потому, что он не сделал работу. Во второй раз он делает паузу

перед ответом со звуком «м» в первом тоне, потому что он думает, как ответить на вопрос, подбирает слова. Возможно, он говорит неправду.

(А) преподаватель, (Б) китайская студентка, 22 года

(А) Ты ведь сделала домашнее задание?

(Б) Э (**первый тон**)// Еще нет// (**отрицательно мотает головой**)

В этом случае партнер по коммуникации использует паузу со звуком «э» в первом тоне, который свидетельствует о том, что он что-то вспоминает, думает. За паузой следует отрицательное слово «нет» и невербальное средство «мотать головой», которые демонстрируют несогласие.

Молчание одно из самых распространенных вариантов несогласия. Причины у молчания в ответ на вопрос могут быть разные: собеседник не хочет отвечать; собеседник не знает, что ответить; собеседник думает, подбирает слова; собеседнику неприятна тема разговора и др.

(А) преподаватель, (Б) группа студентов, 22 года

(А) Кто-нибудь хочет поговорить?

(Б) (**молчание**)

В данном примере отвечающий использует прием молчания для того, чтобы не дать ответ собеседнику, потому что точно не знает, что ответить на такой вопрос.

(А) преподаватель, (Б1) студент, 22 года, (Б2) студент, 21 год

(А) Папа! почему так мало слов?

(Б1) (**молчание**)

(Б2) Он все знает// (улыбается)

В данном примере отвечающий не дает никакого ответа преподавателю, он молчит. Он не знает, что ответить, ведь он не сделал домашнее задание, он чувствует свою вину, и поэтому лучшим для него вариантом ответа является молчание.

(А) преподаватель, (Б) китайская студентка, 22 года

(А) Теперь поговорим о Японии// Что вы знаете?

(Б) (**молчание**)

В приведенном диалоге отвечающий молчит, потому что он не хочет говорить об этом, эта тема ему неинтересна.

Молчание может сопровождаться невербальными средствами.

(А) преподаватель, (Б) группа студентов, 20 лет

(А) Вы хотите пойти в кино на Новый год?

(Б) (**молчание, опустить голову**)

В данном примере отвечающие молчали, опустили головы. Они хотят отказаться, но не могут сказать этого преподавателю, об этом свидетельствует невербальный компонент «опустить голову». Они не хотят, чтобы преподаватель увидел их лица и понял, что они не хотят.

(А) русская женщина, (Б) китайская студентка

(А) Вам надо помочь?

(Б) (**молчание, отрицательно мотает головой**)

В приведенном диалоге отвечающий молчит, но при этом использует невербальное средство, выражающее несогласие «мотать головой», демонстрируя отказ от того, что предлагает собеседник.

Итак, мы представили наиболее распространенные способы речевого поведения китайских студентов в ситуации ответа на вопрос. Мы проанализировали 32 диалога, содержащих согласие, и 33 диалога, содержащих

несогласие. Основными средствами, используемыми китайскими студентами для выражения согласия, являются: согласие с утвердительными словами, комплекс «да» + кивок головой, повтор слова, использование китайских тонов со звуками «м» и «э», молчание. В результате количественного анализа мы выявили, что 44% китайцев выбирают комплекс «да» + кивок головой; повтор слова – 16%; согласие с утвердительными словами – 25%; использование китайских тонов со звуками «м» и «э» – 9%; молчание – 6%.

К основным способам выражения несогласия относятся: несогласие с отрицательным словом «нет»; «нет + существительное в родительном падеже»; отрицательное слово «нет» + невербальное средство; «нет + нельзя»; употребление «нет + не + глагол»; «отрицательное местоимение + не + глагол»; повтор слова «нет»; наличие паузы со звуком «м» или «э»; «молчание». В результате статистического анализа мы выяснили, что 25% китайцев выбирают молчание для выражения несогласия. Несогласие с отрицательным словом «нет» выбирают 12% китайцев; «нет + существительное в родительном падеже» – 3%; отрицательное слово «нет» + невербальное средство – 12%; «нет + нельзя» – 9%; употребление «нет + не + глагол» – 15%; «отрицательное местоимение + не + глагол» – 6%; повтор слова «нет» – 6%; наличие паузы со звуком «м» или «э» – 12%.

Можно сделать вывод о том, что самым распространенным способом, используемым китайскими студентами в ситуации согласия, является употребление «да» + кивок головой (44%); в ситуации несогласия – молчание (25%).

Итак, мы рассмотрели способы выражения согласия/несогласия китайскими студентами в ситуации русскоязычного общения. Проанализировав собранный нами материал, мы выделили следующие способы выражения согласия китайскими студентами в ситуации ответа на вопрос:

- 1) согласие с утвердительными словами,
- 2) комплекс «да» + кивок головой,
- 3) повтор слова,
- 4) использование китайских тонов со звуками «м» и «э»,
- 5) молчание.

Проанализировав диалоги, содержащие несогласие, мы выделили следующие способы выражения несогласия китайскими студентами в ситуации русскоязычного общения:

1. Несогласие с отрицательным словом «нет».
2. Нет + существительное в родительном падеже.
3. Отрицательное слово «нет» + невербальное средство.
4. Нет + нельзя.
5. Употребление «нет + не + глагол».
6. Отрицательное местоимение + не + глагол.
7. Повтор слова «нет».
8. Наличие паузы со звуком «м» или «э».
9. Молчание.

По результатам статистической обработки собранного материала мы выявили, что самым распространенным способом, используемым китайскими студентами в ситуации согласия, является комплекс «да» + кивок головой (44%); в ситуации несогласия – молчание (25%).

Функционирование паралингвистических средств коммуникации в ситуации русскоязычного общения носителей китайского языка (в ситуации ответа на вопрос)*

Невербальная коммуникация является важным источником передачи информации. С помощью паралингвистических средств информация передается имплицитно, поэтому изучение данного аспекта способствует улучшению эффективности коммуникации между представителями китайской и русской культур.

Невербальное общение – это коммуникационное взаимодействие между индивидами без использования слов (передача информации или влияние друг на друга через интонации, жесты, мимику, пантомимику, изменение мизансцены общения), то есть без речевых и языковых средств, представленных в прямой или какой-либо знаковой форме. Инструментом такого «общения» становится тело человека, обладающее широким диапазоном средств и способов передачи информации или обмена ею, которое включает в себя все формы самовыражения человека. Распространённое рабочее название, которое употребляется среди людей – невербалика или «язык тела». Психологи считают, что правильная интерпретация невербальных сигналов служит важнейшим условием эффективного общения [16].

Невербальное общение – это «язык жестов», включающий такие формы самовыражения, которые не опираются на слова и другие речевые символы [Там же].

Австралийский специалист А. Пиз утверждает, что с помощью слов передается 7% информации, звуковых средств – 38%, мимики, жестов, позы – 55%. Иными словами, не столь значимо, что говорится, а значимо, как это делается [там же].

Хотя мнения специалистов в оценке точных цифр расходятся, можно с уверенностью сказать, что более половины межличностного общения приходится на общение невербальное. Поэтому слушать собеседника означает также понимать язык жестов.

В китайской традиционной культуре также существует яркий пример владения невербальными средствами – это пекинская опера. В традиционной китайской опере используются яркие цвета, лица, маски и жесты, демонстрирующие различные характеры. Лживый и подлый герой имеет белое лицо, например, известная роль – Cao Mengde (曹孟德). Красное лицо – у смелого и сильного героя, например, Guan Yunchang (关云长). Актеры пекинской оперы демонстрируют свои эмоции с помощью языка тела, слегка преувеличивая силу движений. Например, если герой сердится, он дрожит всем телом, демонстративно преувеличивая свои действия, чтобы донести до зрителя силу, испытываемых эмоций.

В социально-психологических исследованиях разработаны различные классификации невербальных средств общения, к которым относят все движения тела, интонационные характеристики голоса, тактильное воздействие, пространственную организацию общения.

* © Е.Ю. Гончарук, Чжан Янь

Следует отметить, что невербальное поведение личности многофункционально.

Невербальное поведение создает образ партнера по общению; выражает качество и изменение взаимоотношений партнеров по общению, формирует эти отношения; является индикатором актуальных психических состояний личности; выступает в роли уточнения, изменения понимания вербального сообщения, усиливает эмоциональную насыщенность сказанного; поддерживает оптимальный уровень психологической близости между общающимися; выступает в качестве показателя статусно-ролевых отношений.

Эффективность общения определяется не только степенью понимания слов собеседника, но и умением правильно оценить поведение участников общения, их мимику, жесты, движения, позу, направленность взгляда, то есть понять язык невербального общения. Этот язык позволяет говорящему полнее выразить свои чувства, показывает, насколько участники диалога владеют собой, как они в действительности относятся друг к другу.

Язык тела – невербальная форма общения, этот способ разговора мы применяем ежедневно. При хорошем знании такого языка можно облегчить в лучшую сторону общение с людьми, которые постоянно рядом с нами: наши коллеги по месту работы, родственники и друзья. Невербальные средства коммуникации помогают людям в таких сферах, как карьерный рост, отношения мужчины и женщины, взаимоотношения или ссора с подругой и др. Невербальные средства общения позволят вам увидеть, насколько вы нравитесь тому или иному мужчине, а значит, позволят избавиться от ревности, поднять самооценку и настроение.

Учёные считают, что основы языка тела внесены в наш генетический код каждому индивидуально. Несмотря на это, среда, которая окружает нас, в любой момент может привести к изменениям. Дети, которые появились на свет незрячими, могут улыбаться и смеяться, хотя они этого нигде и никогда не видели.

Таким образом, невербальное общение – это общение между людьми без использования слов. Общение происходит через жесты, мимику, выражение чувств действиями. По сути, инструментом общения является тело, а не язык. Когда мы говорим, что человек чувствителен и обладает интуицией, мы имеем в виду, что он (или она) обладает способностью читать невербальные сигналы другого человека и сравнивать эти сигналы с вербальными сигналами.

Рассмотрим средства невербальной коммуникации подробнее и обратимся к работе Г.Е. Крейдлина «Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной».

Невербальная семиотика – это наука, предметом которой являются невербальная коммуникация и невербальное поведение и взаимодействие людей.

К центру предметной области паралингвистики относятся: отдельные неречевые звуки, исходящие из ротовой полости человека; звуковые комплексы, которые возникают и принимают активное участие в разного типа физиологических реакциях и в акте коммуникации допускают означивание (т.е. приобретают особые контекстные значения: кашель, плевки, икота, рыдание, свист и пр.); голос и его качества, голосовые особенности речи или игры голосом (выделение слогов, темп реализации фраз, длительность слога и прочие значимые молчания и паузы).

К основным функциональным разновидностям параязыковых единиц, или паралингвистическим категориям, относят: 1) параметры звучания – не упоря-

доченные в систему составляющие человеческой речи и неречевых звуков, выполняющие коммуникативную и эмотивную функции. Например: интенсивность звука, длительность пауз, темп, ритм и др. Разные характеристики – разные причины: биологические (у мужчин более низкий тембр голоса, у стариков голос тише); психологические (у людей, которые находятся в состоянии депрессии, интонация однообразная; в состоянии волнения голос становится громче обычного, доходит до крика и срывается); социальные (у людей, занимающих более высокое место на социальной лестнице, при разговоре с людьми ниже рангом темп речи более медленный; голос врача часто бывает резким, когда сопровождает команды «Раздевайтесь», «Ложитесь»); 2) квалификаторы – вызываемые человеком сознательно звуковые эффекты – дополнительные к речи модификаторы. Например: голос человека может становиться скрипучим, если его владелец хочет с помощью такого голоса выразить презрение к собеседнику или хочет поиздеваться над ним; 3) различители – конструкторы разной природы, которые объединены функционально. Это могут быть: а) звуки, различающие модели поведения, в которых эти звуки являются важным элементом, например: вздохи, зевота, кашель, плач, смех; ср. плач и рыдания в горе, смех лести и смех радости; б) патологические звуковые варианты: звуки свойственные больным людям, ср. плач невротика, истерический плач и рыдания, стоны, нытье и др.; в) звуковые средства, соотносимые с обманом, манипуляцией или языковой игрой, например: особая манера произнесения отдельных слов и высказываний, игра голосом; г) звуки, различающие физиологические реакции: физические (звуки бьющегося сердца), химические (урчание в животе), дерматологические (потирание рук и звуки, возникающие при этом), термальные (высокая температура со стонами); 4) альтернанты – противопоставленные нормативным речевым одиночные звуки или комбинации звуков (шипение, сипение, заполнители пауз – гм, мм, э-э, тяжелый вздох – психологическая усталость от невзгод и тяжелой жизни, брр, уф).

К периферическим паралингвистическим средствам относят адапторы – семантически нагруженные звуки, возникающие от действий с материальными объектами, и объекты – источники этих звуков.

Выделяют адапторы тела – самостоятельные знаковые движения тела или с телом и звуки от этих движений, ориентированные на партнера по коммуникации (похлопывания по плечу, поглаживание, шлепок, удар, пощечина и пр.). Их назначение состоит в том, чтобы начинать и завершать невербальное взаимодействие в акте коммуникации (хлопать рукой при рукопожатии, воздушный поцелуй на прощанье). Они выражают чувства или отношения между партнерами (хлопать по плечу в знак одобрения, сжимать зубы — ярость, бить себя в грудь – убеждать адресата, пощечина — унижить человека). А также адапторы-объекты – используемые в коммуникации материальные предметы и звуки, возникающие во время действий с такими или над такими предметами (быстрое постукивание пальцев по столу – нетерпеливость, медленное – задумчивость, звуки шагов на лестнице, стук в дверь).

Центральной частью невербальной семиотики является кинесика – наука о жестах. В современном акте коммуникации происходит параллельное существование и взаимодействие языка тела и языка слов. Это происходит в связи с тем, что процессы лежащие в основании вербальной и невербальной деятельности человека во многом похожи: а) смысл в определенных условиях может выражаться только жестами («молчи»: русский жест – прижать палец к губам), только словами или комбинацией тех и других; б) жестовое поведение людей, как и ре-

чевое, изменяется в пространстве, во времени и под действием меняющихся социально-экономических и культурных условий; в) жесты, как и языковые единицы, по большей части являются символическими знаками; г) многие жесты данного языка тела допускают перевод на соответствующий вербальный язык.

Кроме общих свойств между естественным языком и языком жестов существуют и различия, которые не позволяют рассматривать эти два языка как явления одного порядка.

1. Естественные языки состоят из относительно стабильных и дискретных единиц. В языке тела нет стабильности: невербальный язык более неустойчивый и вариативный. Нет также ясного согласия между носителями живого языка относительно состава и особенностей функционирования элементов жестовой системы, поэтому про некоторые невербальные единицы бывает трудно сказать, являются они жестами или представляют собой физиологические движения.

Основным критерием отделения жестов от физиологических движений человеческого тела выступает знаковый характер жеста. Как и всякий знак, жест имеет означающее и означаемое, поэтому движениями, а не жестами можно считать смену положения ноги в случае, когда они затекли, гримасы боли и др.

2. Механизм референции языковых единиц устроен и действует иначе, чем механизм референции жестовых знаков. В коммуникации участвует значительное число жестов, которые либо обозначают прямо свой денотат, либо отображают фрагменты ситуации или целые ситуации, выступая в акте общения как аналоги речевых высказываний. Например, русские жесты: кивок (аналог речевого высказывания «Да»), мотать головой (аналог речевого высказывания «Нет»). Жестовая коммуникация имеет дело только с конкретными ситуациями и объектами, а языковые единицы имеют возможность референции также к абстрактным понятиям, объектам и категориям.

3. В устной коммуникации жесты, в отличие от слов, воспринимаются только глазами. По большей части жесты – это зрительные знаки, наделенные особыми функциями: они не только описывают явления, ситуации, объекты и свойства реального мира, но также указывают на реалии и изображают их. Жесты выполняют в акте общения кроме информативной и экспрессивной еще и изобразительную функцию.

По мнению Г.Е. Крейдлина, жесты в акте коммуникации могут: 1) повторять или дублировать актуальную речевую информацию: показывать пальцем, глазами, головой. Эти жесты сопровождаются указательными местоимениями *это, вон, сюда, туда* и др.; 2) противоречить речевому высказыванию и вводить адресата в заблуждение. Так, человек, говорящий, что он спокоен, но при этом ломающий руки и перемещающийся по комнате в беспорядочных движениях, как бы противоречит самому себе; улыбка может сопровождать не только дружеское высказывание и т.д.; 3) замещать речевое высказывание. Кивок – эквивалент положительного ответа, палец к губам – эквивалент «Молчи! Ни слова!»; 4) подчеркивать или усиливать какие-то компоненты речи. Величину предмета подчеркивает жест «вот какой большой» руки широко разводятся в стороны; 5) дополнять речь в смысловом отношении (слова угрозы *смотри у меня* в актуальной коммуникации нередко дополняются жестом *погрозить пальцем*); 6) исполнять роль регулятора речевого общения, например, быть средством поддержания речи периодически повторяющийся кивок одного из участников коммуникации [115. С. 68].

Основными функциями жестов в акте речевой коммуникации Г.Е. Крейдлин считает: а) регулирование и управление вербальным поведением говорящего и слушающего (жесты, сопровождающие речевые акты приветствия, приказы, просьбы и т.д.); б) отображение в коммуникативном акте актуальных речевых действий (невербальные просьбы типа жеста *поманить пальцем*); в) передачу адресату некоторой порции смысловой информации; г) репрезентацию внутреннего психологического состояния жестикулирующего или его отношения к партнеру по коммуникации; д) дейктическую функцию, например указание на местоположение человека или объекта; е) жестовое изображение физических действий человека, параметров объекта и т.д.; ж) риторическую функцию. При использовании риторических жестов акцент со слова переносится на визуальный образ, который это слово сопровождает.

Выделяют следующие классы жестов:

1) жесты-эмблемы – имеют самостоятельное лексическое значение и способны передавать смысл независимо от вербального контекста (махнуть рукой, качать головой, подмигнуть).

Симптоматические жесты выражают эмоциональное состояние жестикулирующего: прикрыть рот рукой (от изумления), кусать губы, барабанить пальцами по столу, делать большие (круглые, страшные) глаза;

2) жесты-иллюстраторы – выделяют какой-то речевой фрагмент коммуникации (легкое опускание век при произнесении утвердительного предложения в конце его, чуть расширяющиеся глаза в конце обычного вопроса);

3) жесты-регуляторы – управляют ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливают, поддерживают или завершают коммуникацию. Установление контакта, поддержание общения [16. С. 26].

Г.Е. Крейдлин считает, что невербальное поведение человека, как и вербальное, в своей основе является осмысленным, интерактивным, социальным и культурным [115. С. 24]. Отсюда следует, что вербальные и невербальные коды предстают во многих отношениях неразделимыми частями одной коммуникативной системы. Например, нельзя сказать «Посмотри, на кого ты похож!» и при этом не смотреть на собеседника.

Главным фактором для производства и понимания жеста считается контекст, только в контексте уточняются значения и функции жестов, участвующих в коммуникативном процессе. Для верного толкования жеста необходимо учитывать ситуацию общения, а также социальный статус партнеров по коммуникации, их возраст, пол, отношения к друг другу и т.д. [107. С. 64].

Невербальные единицы являются важными составляющими процесса коммуникации, и их необходимо рассматривать в системе. Невербальные средства дополняют и подчеркивают высказывание, передают дополнительную информацию, устанавливают и регулируют процесс коммуникации, воздействуют на коммуникацию и на партнера по коммуникации, передают эмоциональное внутреннее состояние, отношение к партнеру по коммуникации и т.д.

Таким образом, резюмируя материал по вопросу невербальных средств общения, можно сделать вывод: невербальная коммуникация представляет собой обмен невербальными сообщениями между людьми, а также их интерпретацию. Невербальные сообщения несут в себе информацию о личности коммуникатора, об отношении участников коммуникации друг к другу, к ситуации, о включен-

ности в данную ситуацию. Невербальные сообщения — необходимая составляющая межличностной коммуникации.

Перейдем к анализу диалогов, содержащих паралингвистические и невербальные средства общения, рассмотрим фонационные средства, используемые китайскими студентами в ситуации ответа на вопрос. К фонационным средствам относятся: тон, молчание, вздох.

Тон – использование высоты звука для смысловоразличения в рамках слов / морфем. Тон следует отличать от интонации, то есть изменения высоты тона на протяжении сравнительно большого речевого отрезка (высказывания или предложения). Различные тоновые единицы, имеющие смысловоразличительную функцию, могут называться тонами (по аналогии с фонемой).

Тон, как и интонация, фонация и ударение, относится к супraseгментным, или просодическим, признакам. Носителями тона чаще всего являются гласные, но встречаются языки, где в этой роли могут выступать и согласные, чаще всего сонанты.

Тоновым, или тональным, называется язык, в котором каждый слог произносится с определённым тоном. Разновидностью тоновых языков являются также языки с музыкальным ударением, в которых один или несколько слогов в слове являются выделенными и разные типы выделения противопоставляются тоновыми признаками.

Тоновые противопоставления могут сочетаться с фонационными (таковы многие языки Юго-Восточной Азии) [91. С. 58].

В китайском языке тоны тоже распространены, каждый из них выражает разные значения. От тона зависит смысл высказывания, поэтому понимание тона очень важно для эффективной коммуникации.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Лариса/ согласна с Леной?

(Б) Ен... (Интонация падает, четвёртый тон)

В данном диалоге говорящий (Б) использует при ответе четвертый тон, при котором интонация падает. Этот тон имеет значение несогласия. Говорящий отрицательно отвечает на вопрос собеседника.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Наташа/а ты согласна с Леной?

(Б) Ен... (Интонация ровная, первый тон)

В приведенном примере говорящий (Б) использует в своем ответе первый тон, который показывает, что говорящий сомневается, думает над своим ответом.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Наташа/ ты знаешь/ чем синтаксис занимается?

(Б) Ен...(Интонация повышается, второй тон)

(А) Наташа/ ты знаешь, чем синтаксис занимается?

(Б) Ен- ен- ен//

В данном диалоге партнёр по коммуникации использует второй тон, потому что он не слышал вопроса. Он не уверен или не знает, что ответить собеседнику. Во второй реплике говорящий (Б) использует разные тона.

Молчание – это один из компонентов нашего общения. Если бы все люди на земле только и делали, что говорили, то никакого бы общения не было, поскольку никто бы никого не слушал, никто бы не осмысливал произносимое. Молчание является неотъемлемой частью коммуникации. Один из законов общения, сформулированный И.А. Стерниным, – закон ритма общения – гласит:

соотношение говорения и молчания в речи каждого человека – величина постоянная [240. С. 258]. Это значит, что каждому человеку необходимо в день определенное время говорить и определенное время молчать. Общение представляет собой постоянное взаимодействие речевых актов молчания и других речевых действий в различных пропорциях [109]. Молчание остается незамеченным только в его естественном коммуникативно незначимом проявлении, например, во время сна, при работе, не требующей использования речи. Молчание немислимо без речи, а речь (вербальная или невербальная) немислима без молчания [Там же].

Рассмотрим примеры использования молчания китайскими студентами в ситуации ответа на вопрос.

(А) преподаватель, (Б) китайская студентка, 22 года

(А) *Теперь поговорим о Японии/ Что вы знаете?*

(Б) **Молчание**

(А) *Ничего?*

(Б) *Мм/ я слышала/ что ...*

В данном диалоге отвечающий использует молчание, потому что думает над ответом.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) *Домашнее задание/ ситуация номер два и номер три, да?*

(Б) **Молчание**

(А) *Да или нет?*

(Б) *Да/да//*

В данном диалоге отвечающий использует прием молчания, потому что не хочет отвечать на вопрос преподавателя, ведь в группе много студентов, он ждет что ответит кто-то другой.

(А) преподаватель (Б) студент, 22 года

(На этом уроке была контрольная работа. Мы узнали об этом, только когда прошла половина урока)

(Б) *Можно выйти?*

(А) *Одна минута//*

(Б) *А// (удивленно)*

(А) *Да/ сейчас контрольная работа/ поэтому вы хотите выйти/ да?*

(Б) *Нет// (смотрит в сторону, не на преподавателя)*

(А) *Будете в туалете?*

(Б) **Молчание** (не вышел)

В данном диалоге говорящий (Б) отрицательно отвечает на вопрос преподавателя, при этом он смотрит в сторону, потому что говорит неправду, и преподаватель уличил его в этом. Это доказано еще и тем, что в итоге студент не вышел, а остался в аудитории. Он не отвечает на последний вопрос, ему стыдно.

Вздых

(А) преподаватель, (Б) студент, 23 года

(А) *Сегодня у меня не будет времени//*

(Б) **вздых**

(А) *Вы готовы сейчас еще раз писать контрольную работу?*

(Б) (подумал) *Да/ готов//*

В данной ситуации преподаватель посмотрел в свое расписание и сказал, что сегодня у него не будет времени, чтобы они встретились, студент глубоко

вздохнул. Он показал свое разочарование, потому что его планы не осуществились.

Мимика позволяет нам лучше понять собеседника, разобраться, какие чувства он испытывает. Так, поднятые брови, широко раскрытые глаза, опущенные вниз кончики губ, приоткрытый рот свидетельствуют об удивлении; опущенные вниз брови, изогнутые на лбу морщины, прищуренные глаза, сомкнутые губы, сжатые зубы выражают гнев. Для каждого участвующего в беседе, с одной стороны, важно уметь «расшифровывать», «понимать мимику» собеседника [42].

Рассмотрим оптико-кинетические средства, используемые китайскими студентами в ситуации ответа на вопрос.

Движение губ

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Что ещё знаете об этом акте/ Можно привести нам пример?

(Б) Больше ничего не могу сказать// **(Губы сжаты)**

В данном диалоге респондент, отвечая на вопрос собеседника, сжимает губы, подтверждая этим жестом, что ему действительно больше нечего сказать. При этом ему стыдно, потому что он не может больше ничего ответить преподавателю.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Саша где?

(Б) Заболел//

(А) Уже неделю?

(Б) У него высокая температура//**(Губы сжаты)**

В данном диалоге отвечающий сжимает губы при ответе на вопрос преподавателя, демонстрируя, что это вся информация, которая у него есть, он не знает больше ничего об этом студенте. Отвечающий дает преподавателю понять, что не будет больше отвечать на вопросы об этом.

Контакт глаз является неоспоримо важным процессом коммуникации. Человек получает именно через зрение около 80% впечатлений от всех органов чувств. С помощью глаз можно передать самые различные выражения, благодаря им мы можем осуществлять процесс управления ходом беседы, обеспечить обратную связь в поведении человека. Взгляд помогает в обмене репликами, так как большинство высказываний без участия глаз было бы бессмысленным [там же].

(А) студент, 22 года, (Б) преподаватель

(скоро конец урока)

(А) Можно выйти?

(Б) Да// Дам вам две минуты//

(А) **студент смотрел на преподавателя удивленно**

(Б) А куда вы? Курить?

(А) **(посмотрел направо, потом сразу возразил) Ээ//Не/ в туалет//**
(ушел с курткой, и не вернулся)

В данном диалоге говорящий (А) удивленно смотрит на преподавателя, потому что он думал, что может не возвращаться, ведь скоро конец урока. На второй вопрос преподавателя о том, куда он хочет пойти, студент ответил не сразу – сначала посмотрел в сторону, это показывает, что он думает, что ответить. Он предоставляет ложную информацию, говоря о том, что идет в туалет. На самом деле преподаватель прав, студент идет курить, потому что взял с собой куртку.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Знаешь, что это такое?

(Б) Да/конечно знаю/ (В действительности не знает, смотрит в глаза собеседнику)

В данном диалоге когда отвечающий дает ложный ответ, при этом он внимательно смотрит в глаза собеседнику. Его глаза не моргают. Отвечающий использует этот прием, чтобы убедить собеседника в правдивости его ответа.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Почему ты не перевёл текст?

(Б) Я переводил/ но я забыл в общежитии//**(Смотрит на пол и на потолок)**

В данной ситуации говорящий (Б) при ответе не смотрит на собеседника, а отводит взгляд. Он смотрит на пол и на потолок. Данное действие демонстрирует, что говорящий думает о том, что ответить собеседнику. В ответе он предоставляет ложную информацию.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) А где Лариса?

(Б1) Лариса заболела//

(А) А Оля?

(Б2) Оля с Ларисой// (улыбается)

(Б1) Нет//**(большие глаза, смотрит на Б2)** Оля с Юрой деканат//Сейчас приду//

В данной ситуации говорящий (Б1) делает большие глаза, когда смотрит на говорящего (Б2), демонстрируя свое удивление информацией, которую предоставил говорящий (Б2). Можно предположить, что (Б2) сказал то, что не нужно было говорить.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Что ты делал вчера вечером?

(Б) Я поехал в ресторан с друзьями/ сходил в кино/ и.../(трогает шею)

(А) Хорошо/сейчас расскажи с начала до конца //

В данном диалоге говорящий не может сразу описать все правильно по очереди, уголки рта движутся вниз, щупает шею. Такое выражение показывает, что говорящий думает, он не знает точного ответа. Возможно, говорит неправду.

Улыбка, как и все средства невербального общения, выражает множество оттенков переживаний. Есть дружелюбная, ироничная, насмешливая, презрительная, заискивающая и другие улыбки. Рассмотрим использование улыбки китайскими студентами в ситуации ответа на вопрос.

(А) преподаватель, (Б) студент, 21 год

(А) Я правильно понимаю?

(Б) **(улыбается и смотрит на преподавателя)**

В данном диалоге улыбка собеседника выражает согласие с собеседником.

Моргание

При ответе на вопрос китайские студенты также могут моргать глазами или моргнуть один раз. Как правило, это средство указывает на то, что отвечающий говорит неправду, пытается обмануть собеседника.

(А) преподаватель, (Б) студентка, 21 год

(А) Вы домой поедете?

(Б) Да/ домой//

(А) Когда?

(Б) Девятнадцатого января//

(А) После экзамена?

(Б) Да// (моргнула)

В данном диалоге говорящий (Б) при ответе на вопрос выражает согласие с помощью утвердительного слова «да», но его глаза моргают, что может указывать на то, что он говорит неправду.

Особенностью языка телодвижений является то, что его проявления обусловлены импульсами нашего подсознания, отсутствие возможности подделывать эти импульсы позволяет нам доверять этому языку больше, чем обычному, вербальному каналу.

Язык жестов универсальный в любой сфере, где приходится сталкиваться с людьми. От умения понимать без слов зависит успех деловых и личных отношений между людьми. В данном разделе мы рассмотрим жесты, которые используют китайские студенты в ситуации ответа на вопрос.

Движение плеч

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Кто знает ответ на этот вопрос/ поднимайте руку//Б/знаешь?

(Б) Нет/я не знаю// (плечо двинулось)

В данном диалоге плечо движется, движение покажет неуверенность. У отвечающего на самом деле есть ответ, он просто не хотел отвечать на вопрос собеседника.

Движение тела

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Володя/вам холодно?

(Он сидит в тёплой куртке, а действительно у него нет температуры)

(Б) Да/ у меня была высокая температура/и мне ещё холодно// (Наклонился, показал, что ему холодно)

В данном диалоге говорящий (Б) продемонстрировал, что ему холодно с помощью движения тела. Он хочет убедить собеседника в том, что у него действительно температура, хотя на самом деле нет.

Движение рук

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Лен/что случилось с тобой?

(Б) Ничего/у меня всё хорошо// (Она положила руку на лоб, чтобы другие не видели лицо и мимику)

В данном диалоге отвечающий не хочет отвечать на вопрос спрашивающего. При этом отвечающий кладет руку на лоб, закрывая от всех свое лицо, чтобы никто не увидел, что он говорит неправду, ведь на самом деле у него что-то случилось. Также этот жест демонстрирует то, что человек хочет закрыться от всех и не хочет продолжать коммуникацию.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Почему ты не был на прошлом уроке?

(Б) Я заболел//

(А) А я вас на улице видела/ и вы гуляли//

(Б) скрестил руки на груди и тело откинулось назад

В данном диалоге отвечающий скрестил руки на груди. Этот жест показывает, что человек закрывается от собеседника, не хочет продолжать коммуникацию. Он защищает себя, ведь собеседник уличил его во лжи.

Кивок головой

Кивок головой во время беседы показывает вашу заинтересованность в теме, а также то, что вы внимательно слушаете собеседника.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Теперь понятно?

(Б) **Мм (утвердительно кивают головой)**

В данном диалоге говорящий (Б) при ответе использует звук «м» в четвёртом тоне, при этом он кивает головой, подтверждая свое согласие с собеседником.

(А) преподаватель, (Б) студент, 23 года

(А) Теперь понятно?

(Б) **Да! (утвердительно кивает головой)**

В данном диалоге говорящий (Б) подтверждает свое согласие кивком головы.

(А) русский студент, 21 год, (Б) китайская студентка, 22 года

(А) Когда она будет? Через час?

(Б) **Да! (кивок головой, не смотрит на собеседника)**

В данном диалоге собеседница не смотрела на собеседника при ответе, но утвердительно кивнула головой. Такое средство показывает, что для отвечающего этот вопрос не имеет большого значения, поскольку, возможно, он сейчас занят более важным делом.

Комплекс средств

(А) преподаватель, (Б) студент, 23 года

(А) Домашнее задание сделали?

(Б) **Да/ конечно! (показал задание, рот и глаза широко открыты)**

В данном диалоге глаза и рот отвечающего широко открыты, это показывает, что он удивлен, тем что преподаватель задал ему вопрос о домашнем задании. Отвечающего удивляет то, что преподаватель сомневается, что он сделал домашнее задание.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Лина/ минус один балл!

(Б) Почему?

(А) Потому что ты не перевела! (преподаватель уже увидел, что она ни одного слова не перевела в учебнике, а в нем много новых слов)

(Б) Но много слов уже знала!

(А) Точно? (указал на одно слово.) Какой смысл?

(Б) **ээ//ээ! (она стучала по столу пальцами)**

(А) Поэтому минус один балл!

В данном диалоге говорящий (Б) испытывает волнение, поэтому стучит пальцами по столу. Причиной испытываемого волнения является обман.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Где мальчики?

(все молчали)

(А) Заболели?

(все молчали)

(Б) **э-э/ они заболели! (опустил голову)**

В данном диалоге говорящий (Б) опустил свою голову, показывая смущение. Возможно, он говорит неправду.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года
(А) Где мои любимые студенты? Они заболели?
(Б) эээ// Да/ они не придут//

(не смотрел на преподавателя, опустил голову)

В данном диалоге говорящий (Б) опустил свою голову и не смотрел на преподавателя от стыда. Он говорит неправду о том, что они заболели, на самом деле они просто прогуливают занятие.

(А) преподаватель, (Б) студент, 22 года

(А) Вам понятно?

(Б) Да// **(очень тихо ответил)**

(А) Точно?

(Б) молчание (когда говорил, смотрел на преподавателя и улыбался, а потом опустил голову)

В данном диалоге говорящий (Б) говорит неправду. На первый вопрос он отвечает тихо. На второй вопрос он ничего не отвечает, опускает голову и не смотрит на преподавателя, ему стыдно сказать, что ему что-то непонятно, ведь всей группе понятно.

(А) преподаватель, (Б) студентка, 22 года

(А) Когда вы уедете домой?

(Б) Двадцать четвертого.

(А) Января//

(Б) ммм// Да// **(улыбается, трогает нос)**

В данном диалоге говорящий (Б) улыбается и трогает нос, он показывает согласие и говорит правду.

(А) преподаватель, (Б) студентка, 22 года

(А) Подарки для детей готовы?

(Б) Да//

(А) Где? Вы принесли?

(Б) Ммм// Нет/ я// не взяла/ я еще не собираю все//завтра/завтра я принесу//

(сначала она опустила голову, а потом подняла голову и посмотрела в глаза преподавателя)

В данном диалоге говорящий (Б) опустил голову, а потом поднял голову, чтобы убедить преподавателя в том, что он говорит правду.

(А) преподаватель, (Б) студент, 21 год

(А) Теперь понятно?

(Б) Ммм// **(опустил голову, о чем-то думал или на что-то смотрел)**

В данном диалоге говорящий (Б) не уверен в своем ответе, ему не совсем понятна информация, которую предоставил преподаватель, но он не хочет этого показывать, потому что ему стыдно. Он опустил голову и не смотрит на преподавателя.

(А) преподаватель, (Б) студент, 20 лет

(А) Где работы?

(Б) **(студент делает вид, что он ищет работу)**

(А) А/ где?

(Б) **(улыбается, чешет голову)**

(А) Нет//

(Б) **(молчание, чешет голову)**

В данном диалоге говорящий (Б) одновременно улыбается и чешет голову, его выражение показывает, что он не хочет отвечать на вопрос.

(А) преподаватель, (Б) студенты, 20 лет

(А) Вы хотите пойти в кино на Новый год?

(Б) **(молчание, опустили голову)**

В данном диалоге говорящие (Б) молчат и опустили голову. Их выражение показывает, что они не хотят отвечать на вопрос.

(А) русский студент, 20 лет, (Б) китайский студент, 22 года

(А) Здесь можно распечатать?

(Б) Нет/ нельзя// **(тон голоса повысился)**

В данном диалоге говорящий (Б) повысил тон голоса, чтобы подчеркнуть свой отказ.

(А) русский студент, 21 год, (Б) китайский студент, 23 лет

(А) Тебе принести конфеты?

(Б) Нет/ не надо// **(машет рукой)**

В данном диалоге говорящий (Б) показывает, что ему не хочется, и отказывается, при этом жестом он усиливает свой отказ.

(А) русская женщина, (Б) китайская студентка, 23 лет

(А) Вам надо помогать?

(Б) молчание **(Мотает отрицательно головой)**

В данном диалоге говорящий (Б) демонстрирует отказ отрицательным мотанием головы.

(А) преподаватель, (Б) группа студентов, 22 – 23 года

(А) Вы куда-то едете на каникулах?

(Б) Никуда// **(мотает отрицательно головой)**

В данном диалоге говорящий (Б) показывает, что он хочет подчеркнуть.

(А) русский студент, 21 год, (Б) китайский студент, 23 года

(А) Пойдем покурить?

(Б) Нет/ не хочу// **(сморщился)**

В данном диалоге говорящий (Б) демонстрирует свое нежелание, при этом он усиливает отказ мимикой – сморщиться.

(А) русская студентка, 20 лет, (Б) китайская студентка, 23 года

(А) Сейчас можно?

(Б) Нет/ нельзя// **(голос повысился)**

(А) А когда?

(Б) Можно через полчаса//

В данном диалоге говорящий (Б) усиливает свой отказ с помощью повышения тона голоса.

Таким образом, рассмотрев 50 диалогов, содержащих паралингвистические и невербальные средства, мы выделили следующие группы средств, которые используют китайские студенты при ответе на вопрос в ситуации русскоязычного общения: фонационные средства и оптико-кинетические средства. К фонационным средствам относятся: тон, вздох, молчание. К оптико-кинетическим средствам относятся: движение губ, визуально-контактные средства, улыбка, язык жестов, моргание.

Мы провели статистический анализ собранных нами диалогов и разделили их на диалоги, содержащие положительный и отрицательный ответ на вопрос. Нами были получены следующие результаты.

Для диалогов, содержащих положительный ответ на вопрос, используют тон 12%, молчание – 15%, визуально-контактные средства – 36%, вздох – 5%, улыбку – 10%, движение плеч – 7%, движение тела – 5%, движение рук – 10%.

Для диалогов, содержащих отрицательный ответ на вопрос, используют тон 36%, молчание – 10%, визуально-контактные средства – 21%, вздох – 8%, улыбку – 10%, движение плеч – 5%, движение тела – 7%, движение рук – 8%.

По результатам анализа диалогов мы можем сделать вывод, что самыми распространенными паралингвистическими средствами, используемыми китайскими студентами в ситуации ответа на вопрос являются: при положительном ответе – визуально-контактные средства (36%), при отрицательном ответе тон (36%).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аблова, Н.А. Передача немецких прозвищ на русский язык / Н.А. Аблова // Образование и культура России в изменяющемся мире. – Новосибирск: НГУ, 2007. – С. 81–84.
2. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебник / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
3. Амелин, Климентий. Геннадию Зюганову на заметку / К. Амелин // Коммерсантъ-Власть. – 1998. – № 9.
4. Антонов, А.А. Минералогия родингитов Баженовского гипербазитового массива / А.А. Антонов; под ред. В.Г. Кривовичева. – СПб.: Наука, 2003. – 128 с.
5. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–67.
6. Арутюнова, Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 2008. – С. 233–236.
7. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Русский язык / Н.Д. Арутюнова, Г.В. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1979. – 470 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
10. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. События. Оценка. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 219 с.
11. Арутюнова, Н.Д. Функции языка / Н.Д. Арутюнова // Русский язык: энциклопедия. – М.: Советск. энциклопедия, 1979. – С. 410.
12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
13. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–280.
14. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 4-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
15. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.
16. Багдасарова, Н.А. Невербальные формы выражения эмоций в контексте разных культур: универсальное и национальное [Электронный ресурс] / Н.А. Багдасарова // Материалы межвузовского семинара по лингвострановедению / МГИМОИД РФ, 2006. Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/publish/document35232.phtml>.
17. Бадеева, Е.Я. Прозвища американских штатов в языковой картине мира / Е.Я. Бадеева // Россия – Восток – Запад: Проблемы межкультурной коммуникации: материалы 3-й междунар. науч. конф. / отв. ред. З.Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. Ч. 1. – С. 58–59.
18. Баранов, А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин. – М.: Кнорус, 2008. – 276 с.

19. Баранова, З.И. Большой русско-китайский словарь / З.И. Баранова, А.В. Котов. – М.: Рус. яз., 1999. – 566 с.
20. Баско, Н.В. Русские фразеологизмы – легко и интересно: учеб. пособие / Н.В. Баско. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 528 с.
21. Батурина, Л.А. Имена собственные в газете / Л.А. Батурина // Русская речь. – 2006. – № 6. – С. 63 – 65.
22. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Норма, 2009. – 342 с.
23. Бекасова, Е.Н. Русские прозвища как отражение ментальности / Е.Н. Бекасова // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса междунаро. ассоциации преподавателей русского языка и литературы в г. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. «Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений» / под ред. Н.О. Рогожиной; В.В. Химик; Е.Е. Юркова. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 293–302.
24. Белоусов, К.И. Введение в экспериментальную лингвистику: учеб. пособие для студ. вузов / К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 296 с.
25. Белошапкова, В.А. Синтаксис // Современный русский язык: учеб. для филологических специальностей университетов / под. ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высш. школа, 1981. – С. 532–722.
26. Беляева, М.Ю. Прозвищная стихия Западной Кубани / М.Ю. Беляева // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте: межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 85-летию проф. А.Н. Кожина / под ред. П.А. Леканта. – М.: МГОУ, 2004. – С. 216–221.
27. Белянин, В.П. Психоллингвистика: учебник / В.П. Белянин. – 4-е изд. – М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт, 2007. – 232 с.
28. Березович, Е.Л. «Чужие земли» в русском народном языковом сознании: прагматический аспект / Е.Л. Березович // Вопросы ономастики. – 2005. – №2. – С. 70–85.
29. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн; под ред. Н. Бурыгиной, Р. Кучкаровой. – М.: Апрель-Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2001. – 634 с.
30. Берн, Э. Трансактный анализ / Э. Берн. – М.: Академический Проект; Трикста, 2004. – 192 с.
31. Бибило, П.Н. Логическое перепроектирование схем, реализованных на FPGA, в схемы на базовых матричных кристаллах / П.Н. Бибило // Информационные технологии. – 2004. – № 1.
32. Блевцак, Т.Б. Прозвищные онимы Шпаковского района Ставропольского края: функционирование и семантика / Т.Б. Блевцак // Сельская Россия: прошлое и настоящее: доклады и сообщения 8-й Российской науч.-практ. конф. в г. Орёл, ноябрь 2001. – М., 2001. Вып. 2. – С. 251–253.
33. Богуславский, В.И. Человек в зеркале русского языка, культуры и литературы / В.И. Богуславский. – М.: Гнозис, 1994. – 213 с.
34. Болдырев, О.В. Почему доллар зеленого цвета? [Электронный ресурс] / О.В. Болдырев. Режим доступа: <http://www.neonett.ru/?p=403>.

35. Болотнова, Н.С. Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Контрольно-тренировочные задания: учеб. пособие / Н.С. Болотнова, А.В. Болотнов. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 224 с.
36. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. – М.: Центрполиграф, 2007. – 816 с.
37. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний. – М.: Альфа-Принт; ДОМ. XXI век, 2009. – 1239 с.
38. Вальтер, Х. Русские прозвища как объект лексикографии / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 52–69.
39. Ван, Вэй. Русско-китайский и китайско-русский словарь / Ван Вэй, Чжао Вэньян и др. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз.; Пекин: Шаньфу иньшугуань, 2000. – 386 с.
40. Ван Несс, С.Р. Использование вторичной номинации при создании прозвищных наименований / С.Р. Ван Несс // Вестн. ЮУрГУ. – Челябинск. – 2008. – Вып. 7. – № 18. – С. 74–77. Сер. Лингвистика.
41. Ван, Си. Большой энциклопедический словарь / Ван Си. – Пекин: Восточное изд-во, 1998. – 120 с.
42. Введенская, Л.А. Культура и искусство речи. Современная риторика / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1998. – 576 с.
43. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 488 с.
44. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
45. Верещагин, Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / В.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1990. – 320 с.
46. Вернадский, В.И. Цветообозначения в немецком языке [Электронный ресурс] / В.И. Вернадский. Режим доступа: <http://2002.vernadsky.info/gaboty/h5/w02105.htm>.
47. Википедия – Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
48. Вилькен, А. Рецепт чиновника / А. Вилькен // Коммерсантъ-Власть. – 1998. – № 5.
49. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избр. тр. Лексикология. Лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 162–189.
50. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
51. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – 4-е изд. – М.: Либриком, 2009. – 176 с.
52. Винокур, Т.Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи [Электронный ресурс] / Т.Г. Винокур // Развитие функциональных стилей современного русского языка. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RAZGOVORNAYA_RECH.html
53. Войнович В. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру / В. Войнович. – М., 1976.

54. Волкова, Н.А. О русских прозвищах / Н.А. Волкова // Вальтер Х. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – С. 28–33.
55. Воркачѳв, С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачѳв // Язык, сознание, коммуникация. – 2003. – № 24. – С. 5–12.
56. Воркачѳв, С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С.Г. Воркачѳв // ИАН СЛЯ. – 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 113.
57. Воркачѳв, С.Г. Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачѳв // Тр. Кубанского государственного технологического университета. – 2003. – Т. 17. – №2. – С. 268–276. Сер. Гуманитарные науки.
58. Воркачѳв, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачѳв // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 73.
59. Воробѳв, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробѳв. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
60. Всеволодова, М.В. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога / М.В. Всеволодова, Е.В. Клобуков, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов // Вестн. МГУ. – 2003. – № 2. – С. 12–20. Сер. 9. Филология.
61. Выготский, Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 2008. – 361 с.
62. Гвоздарѳв, Ю.А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология: учеб. пособие / Ю.А. Гвоздарѳв. – Ростов-н/Д.: МарТ, 2008. – 352 с.
63. Глущенко Т.И. Денежные переводы мигрантов – фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // Вопросы статистики. – 2004. – №8. – С. 36–48.
64. Горелов, В.И. Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
65. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики: учеб. пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
66. Грачѳв, М.А. Русская воровская кличка: мифы и реальность: монография / М.А. Грачѳв. – М.: ЭЛПИС, 2009. – 336 с.
67. Гридина, Т.А. Имена собственные как база языковой игры (На материале отфамильных прозвищ в речи школьников) / Т.А. Гридина // Русский язык в школе. – 1996. – №3. – С. 51–55.
68. Гудков, Д.Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 120 с.
69. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. – 152 с.
70. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 288 с.
71. Гумбольдт, В. Избр. тр. по языкознанию / В. Гумбольдт; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. – М.: Либроком, 1993. – 232 с.
72. Гумбольдт, В. О различии в строении человеческого языка и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В. Гумбольдт // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – 466 с.

73. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 608 с.
74. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1999.
75. Данилина, Е.Ф. Прозвища в современном русском языке / Е.Ф. Данилина // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. – М.: Наука, 1979. – С. 281–297.
76. Денисова, Т.Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области): дис. ... канд. филол. наук (специальность 10.02.01 – русский язык) / Т.Т. Денисова. – Смоленск: СГУ, 2007. – 195 с.
77. Донцова, Д. Алибаба и 40 разбойниц [Электронный ресурс] / Д. Донцова // Knigozilla.Ru. Режим доступа: <http://knigozilla.ru/3640-darjadoncova-ali-baba-i-40-razbojjnic.html>.
78. Донцова, Д. Бассейн с крокодилами [Электронный ресурс] / Д. Донцова // ModernLib.Ru. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/doncova_darya/basseyn_s_krokodilami/
79. Доренко, С. Левые силы – перезагрузка / С. Доренко // Завтра. – 2003. – 13 августа
80. Дука, Л.И. Ассоциативно-культурный компонент в семантике онимов / Л.И. Дука // Семантика языковых единиц. – М., 1998. Ч. I. – С. 131–132.
81. Дуличенко, Л.В. Об оценочной валентности некоторых русских антропонимов (лингвокультурологические наблюдения) / Л.В. Дуличенко // Русистика и современность. – СПб.: СПбГУ, 2005. Т. 1 – С. 110–116.
82. Ермолаева, Е.А. Психосемиотический анализ жестов как знаковых средств общения в соответствии с языком / Е.А. Ермолаева // Психосемиотика познавательной деятельности и общения. – М., 2007. – С. 77–87.
83. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001.
84. Жинкин, Н.И. Психолингвистика в очерках и извлечениях: хрестоматия / Н.И. Жинкин. – М.: Academia, 2003. – 317 с.
85. Жуков, В.П. Русская фразеология: учеб. пособие / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2006. – 408 с.
86. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – 554 с.
87. Земская, Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
88. Зинин, С.И. Из истории антропонимических терминов / С.И. Зинин // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 24–26.
89. Золотая свадьба [Электронный ресурс] // Zhyww.cn / Режим доступа: <http://www.zhyww.cn/dzyw/ywjz/200803/7675.html>.
90. Зусман, В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания: Понятие и концепт / В.Г. Зусман // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С. 35–44.
91. Иванов, В.В. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тонами /

- В.В. Иванов // Очерки по фонологии восточных языков / под ред. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1975. – С. 3 – 58.
92. Кавинкина, И.Н. Психолингвистика: учеб. пособие / И.Н. Кавинкина. – Гродно: ГрГУ, 2010. – 284 с.
93. Какорина, Е.В. Активные процессы в языке и массовая коммуникация / Е.В. Какорина // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л.П. Крысин; Рос. академия наук Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 250–276.
94. Капанадзе, Л.А. Лексика города (К постановке проблемы) / Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильникова // Способы номинации в современном русском языке / отв. ред. Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1982. – С. 282–294.
95. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2004. – 477 с.
96. Караулов, А.В. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / А.В. Караулов. – М.: АСТ, 2002. – 784 с.
97. Караулов, Ю.М. Русский язык и языковая личность / Ю.М. Караулов. – 6-е изд., стереотип. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.
98. Киселёва, М.О. Варианты употребления топонимов г. Владивостока / М.О. Киселёва // Исторические названия – памятники культуры: материалы 2-й Приморской краевой научно-практической конф., Владивосток, 26–27 мая 1992 / отв. ред. А.И. Груздев. – Владивосток: Дальпресс, 1992. – С. 47–54.
99. Киселёва, М.О. Функционирование топонимов г. Владивостока [Электронный ресурс] / М.О. Киселёва. Режим доступа: http://www.toponimika.ru/index.php?primoeye=konferenciya/2_1.
100. Китайский фразеологический словарь / сост. Чжо Бинь. – Пекин, 2006. – С. 89–949.
101. Клушина, Н.И. Имя собственное на газетной полосе / Н.И. Клушина // Русская речь. – 2002. – № 1. – С. 53–56.
102. Клюева, Н.П. Структура и орфография прозвищ / Н.П. Клюева // Вопросы языкознания. – 1979. – №4. – С. 92–97.
103. Ковшиков, В.А. Психолингвистика: теория речевой деятельности / В.А. Ковшиков, В.П. Глухов. – М.: АСТ; Астрель, 2007. – 318 с.
104. Колесов, В.В. Концепт культуры: образ, понятие, символ / В.В. Колесов // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. – 1992. – Вып. 3. – С. 30–40.
105. Компания «Baidu» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.baidu.com/>
106. Компания «Яндекс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yandex.ru/>
107. Коновалова, Ю.О. Отказ партнёру по коммуникации в праве на получение информации: вербальные и невербальные средства выражения: монография / Ю.О. Коновалова, Е.Ю. Гончарук, О.К. Калькова, Е.Н. Пугачева. – Владивосток: Изд-во Дальневост ун-та, 2010. – 240 с.
108. Коновалова, Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: монография / Ю.О. Коновалова. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – 196 с.
109. Корнилова, Н.Б. Слово и молчание: аспекты взаимодействия [Электронный ресурс] / Н.Б. Корнилова // Педагогический вестник. Режим доступа: <http://www.yspu.yar.ru/ vestnik/index.html>.

110. Коровушкин, В.П. Русский военный жаргон XVIII–XX веков / В.П. Коровушкин // Новый часовой. – 1994. – № 2. – С. 76–81.
111. Королёва, И.А. Материалы к Словарю смоленских прозвищ / И.А. Королёва. – Смоленск: Смядынь, 2009. – 100 с.
112. Коул, М. Культура и мышление / М. Коул. – М.: Прогресс, 2007. – 262 с.
113. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 375 с.
114. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК Гнозис, 2002. – 284 с.
115. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: автореф. дис. ... д-ра филол. наук (специальность 10.02.19 – Общее языкознание, социоллингвистика психоллингвистика) / Г.Е. Крейдлин. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 68 с.
116. Крысин, Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикология: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Л.П. Крысин. – М.: Академия, 2007. – 240 с.
117. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2009. – 944 с.
118. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов: 70 000 слов А–Я / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьяненко, Ю.Г. Панкратц, Л.Г. Лузгина / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 459 с.
119. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь лингвистических терминов / Е.С. Кубрякова. – М.: Русский язык, 1996. – 245 с.
120. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – С. 3–15.
121. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
122. Кулага, А.М. Функции разговорных наименований лиц в газетном тексте / А.М. Кулага // Семантические и словообразовательные отношения в режиме русского языка: межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический ин-т им. В.В. Куйбышева, 1981. Т. 253. – С. 137–143.
123. Курдюмов, В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика: учебник / В.А. Курдюмов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Цитадель-трейд; Вече, 2006. – 576 с.
124. Курилович, Е.Б. Заметки о значении слова // Курилович Е.Б. Очерки по лингвистике. – Биробиджан: ТРВИУМ, 2000. – С. 237–540.
125. Лабунская, В.А. Невербальное поведение / В.А. Лабунская. – Ростов-н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 2009. – 187 с.
126. Лазаревич, С.В. Прозвища в военном жаргоне / С.В. Лазаревич // Социальные варианты языка: материалы конф. 25–26 апреля 2002 г. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. – С. 116–122.
127. Леонтьев, А.А. Основы психоллингвистики: учеб. / А.А. Леонтьев. – М.: Лабиринт, 2008. – 304 с.

128. Леонтьев, А.А. Фазовая структура речевого акта и природа планов / А.А. Леонтьев, Т.В. Рябова // Планы и модели будущего в речи. – Тбилиси: Хеловнеба, 1970. – С. 65–68.
129. Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков [Электронный ресурс] / Ли Сяндун. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics4/li_siandun-03.htm.
130. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–288.
131. Лихачёв, Д.С. Очерки по философии художественного творчества / Д.С. Лихачёв. – СПб.: Питер, 2007. – 258 с.
132. Лопатин, В.В. Толковый словарь русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Эксмо, 2009. – 928 с.
133. Лопатин, В.В. Учебный орфографический словарь русского языка / В.В. Лопатин, О.Е. Иванова, Ю.А. Сафонова. – М.: Эксмо, 2005. – 1184 с.
134. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1998. – 283 с.
135. Львов, М.Р. Словарь – тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 512 с.
136. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л.А. Новикова. – 9-е изд., стереотип. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 592 с.
137. Лю Ионь. Искать растроганность в глубине души / Лю Ионь. – Шанхай: Знание, 2007. – 340 с.
138. Любимова, М.К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров [Электронный ресурс] / М.К. Любимова. Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article-2369.html>.
139. Любимова, М.К. Реагирующие реплики согласия / М.К. Любимова // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения: межвуз. науч. тр. – Курск: ЭВЕРЕСТ, 2008. – С. 54.
140. Маринина, А. Городской тариф [Электронный ресурс] / А. Маринина // Reader – читатель двадцать первого века. Режим доступа: <http://readr.ru/aleksandra-marinina-gorodskoy-tarif.html?page=2#>
141. Марочкин, А.И. Язык школьников как компонент молодёжного жаргона / А.И. Марочкин // Культура общения и её формирование: материалы V региональной научно-методической конф. – Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 41.
142. Мартинович, Г.А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс] / Г.А. Мартинович. Режим доступа: <http://www.voppsy.ru>.
143. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов: 120 000 слов: А–Я / Ж. Марузо. – М.: Высшая школа, 1960. – 442 с.
144. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
145. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 296 с.
146. Матвеев, А.К. Ономатология / А.К. Матвеев. – М.: Наука-М, 2006. – 292 с.

147. Минина, Н.М. Семантические поля в практике языка: пособие по лексике немецкого языка / Н.М. Минина. – М.: Наука, 1973. – С. 36.
148. Митенков Ф.М. Судовая ядерная энергетика / Ф.М. Митенков // Вестн. РАН. – 2003. – № 6.
149. Михайлов, И.В. Словарь медицинских терминов [Электронный ресурс] / И.В. Михайлов. Режим доступа: <http://www.MedicineLib.ru>.
150. Михайлова, Е.А. Релятивы с семантикой несогласия [Электронный ресурс] / Е.А. Михайлова. Режим доступа: http://www.ksu.ru/science/news/rus_lang/t44.htm.
151. Морковкин, В.В. Словарь структурных слов русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева и др. – М.: Лазурь, 1997. – 422 с.
152. Мурзаев, Э.М. География в названиях / Э.М. Мурзаев. – М.: Наука, 1979. – 167 с.
153. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru>.
154. Недумов, О. Китаем правят боги [Электронный ресурс] / О. Недумов // Портал Credo.ru. Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=1897>.
155. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики / М.В. Никитин. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 224 с.
156. Никонов, В. Психология цвета, значение цвета [Электронный ресурс] / В. Никонов. Режим доступа: <http://www.yugzone.ru/psy/colors.htm>.
157. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М.: ЛКИ, 2011. – 184 с.
158. Никулина, З.П. К вопросу о классификации индивидуальных прозвищ / З.П. Никулина // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – Кемерово, 1974. Вып. 1. – С. 70–87.
159. Новейший философский словарь / под ред. А. Грицанова. – Минск: Книжный Дом, 2001. – 598 с.
160. Огдонова, Ц.Ц. Семантико-типологическая характеристика зооморфизмов / Ц.Ц. Огдонова // Семантика языковых единиц: сб. науч. ст. – М.: Наука, 1988. Ч. I. – С. 190 – 191.
161. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Изд-во «Оникс»; Мир и образование, 2009. – 1360 с.
162. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие / А.Т. Хроленко; под ред. В.Д. Бондалетова. – 4-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 184 с.
163. Особенности военно-политического курса США на современном этапе // Зарубежное военное обозрение. – 2004. – 26 июля.
164. Осокин, Ю.В. Современная культурология в энциклопедических статьях / Ю.В. Осокин. – М.: КомКнига, 2007. – 384 с.
165. Отин, Е.С. Сленговые собственные имена в онимном пространстве современного русского языка / Е.С. Отин // Λογος βιοαισθητικη. – 2009. – № 1 (3). – С. 59–63.
166. Палько, Л.Л. Китайско-русский словарь / Л.Л. Палько. – 2-е изд., испр. – М.: Вече, 2005. – 1280 с.
167. Памяти выдающихся учёных: Российский гуманитарный научный фонд / отв. ред. В.М. Солнцев, Институт языкознания РАН. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – 219 с.

168. Петрова, Н.В. Современная религиозная ситуация в России [Электронный ресурс] / Н.В. Петрова. Режим доступа: <http://www.ogbus.ru>.
169. Пименова, М.В. Введение в концептуальные исследования: учеб. пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово: КемГУ, 2009. – 160 с.
170. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 14–16.
171. Писарев, И.Н. Словарь синонимов / И.Н. Писарев. – М.: Слово, 1997. – 648 с.
172. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., переработ. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
173. Попова, А.И. Структурные особенности зооморфных переосмыслений в современном немецком языке / А.И. Попова // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – Воронеж: ВГАСУ, 2010. Вып. 1(13). – С. 79–88.
174. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. – 314 с.
175. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 1999. – 30 с.
176. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 60 с.
177. Пословицы русского народа. – М.: Эксмо; Изд-во ННН, 2006. – 616 с.
178. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
179. Постовалова, В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта / В.И. Постовалова. – М.: Наука, 1982. – 376 с.
180. Потехня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потехня // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – 466 с.
181. Прелесть [Электронный ресурс] // Blog.sina. Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_52568a250100pvjl.html
182. Прохоров, А.Н. Большой энциклопедический словарь: 150 000 слов А – Я / А.Н. Прохоров. – СПб.: Большая Российская Энциклопедия, 1993. – 688 с.
183. Религии мира. Новейший словарь / сост. А.И. Богомолов. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2005. – 672 с.
184. Реформатский, А.А. Введение в языковедение: учеб. для вузов / А.А. Реформатский; под ред. В.В. Виноградова. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – 536 с.
185. Ришар, Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / Ж.Ф. Ришар; сокр. пер. с фр. Т.А. Ребеко. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 167 с.
186. Рогожникова, Р.П. Словарь эквивалентов слова / Р.П. Рогожникова. – М.: Рус. яз., 1991. – 254 с.
187. Розенталь, Д.Э. Большой справочник по русскому языку: Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. Прописная или строчная / Д.Э. Розенталь. – М.: Оникс, 2010. – 1008 с.
188. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – 5-е изд., испр. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 448 с.

189. Рублёва, О.Л. Владивосток в названиях от «А» до «Я». Топонимический лингвострановедческий словарь. – 2-е изд. испр. и доп. / О.Л. Рублёва. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 276 с.
190. Рублёва, О.Л. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие / О.Л. Рублёва. – Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2004. – 257 с.
191. Рублёва, О.Л. Об одном свойстве слов с синтаксически обусловленным значением / О.Л. Рублёва // Синтаксические связи в русском языке: Межвуз. тематический сб. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1980. – С. 172–182.
192. Рублёва, О.Л. Разговорные топонимы в обиходной речи жителей Владивостока / О.Л. Рублёва // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России: Кн. 2: Литература, язык, культура: материалы науч. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – С. 268–279.
193. Рукодельникова, М.В. Глаголы перемещения в воде в китайском языке [Электронный ресурс] / М.В. Рукодельникова. Режим доступа: <http://aquamotion.narod.ru/28-Rukodelnikova.pdf>
194. Русская грамматика: учеб. пособие для вузов / под ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 712 с.
195. Русская разговорная речь / под ред. Е.А. Земской. – М.: Наука, 1973. – 398 с.
196. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Наука, 1983. – 238 с.
197. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – Т. 1. – 807 с.
198. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 2008. – 703 с.
199. Русско-англо-китайский электронный словарь REC-5510V [Электронный ресурс] / Хэйлунцзянский университет. – Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2009.
200. Руссо, М. История слов по понедельникам с Максимом Руссо: Мандарины. – №14 [Электронный ресурс] / М. Руссо. Режим доступа: <http://ezhe.ru/ib/issue962.html>
201. Рыжкина, О.А. Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах (предварительные данные) / О.А. Рыжкина, С. Чакыроглу // Вестн. НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск: НГУ, 2009. – Т. 7. – Вып. 2. – С. 18–26.
202. Савицкая, Д.А. Исследовательская деятельность учащихся по родному языку / Д.А. Савицкая // Русская словесность. – 2007. – № 7. – С. 55–58.
203. Садчиков Александр. Партийный вопрос закрыт. Авторы «Выборов» выдвинули на госпремию // Изв. – 2001. – 10 июля.
204. Самый любимый [Электронный ресурс] // Wenku.baidu. Режим доступа: <http://wenku.baidu.com/view/b94a7c323968011ca300917e.html>
205. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
206. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику / Л.В. Сахарный. – Л.: Изд-во Ленингр. университета, 1989. – 181 с.

207. Свешникова, Н.В. Неофициальные микротопонимы в речи молодёжи Саратова / Н.В. Свешникова // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во СГУ, 1999. Вып. 28. – С. 163–167.
208. Свиридова, Т.М. Категория согласия – несогласия в аспекте коммуникативного синтаксиса / Т.М. Свиридова // Тез. межвуз. конф. молодых учёных. – Липецк: ЛГПИ, 1999. – С. 3–38.
209. Свиридова, Т.М. Модальная категория согласия – несогласия, отражённая в художественных произведениях тематики / Т.М. Свиридова // Тез. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. – Елец: ЕГПИ, 1995. – С. 74–76.
210. Свиридова, Т.М. Согласие-несогласие как фрагмент языковой картины мира [Электронный ресурс] / Т.М. Свиридова. Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article68.html>
211. Седов В.В. Этногенез ранних славян / В.В. Седов // Вестн. РАН. – 2003. – № 7.
212. Седов, К.Ф. Общая психолингвистика: учеб. пособие / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
213. Селивестрова, О.Н. Семантические типы предикатов / О.Н. Селивестрова. – М.: Русский язык, 1982. – 85 с.
214. Селищев, А.М. Происхождение русских фамилий, имён, прозвищ // Селищев А.М. Избр. тр. – М.: Просвещение, 1968. – С. 97–128.
215. Семенюк, А.А. Лексические трудности русского языка: Словарь справочник: ок. 1300 слов / А.А. Семенюк, И.А. Городецкая, М.А. Матюшина и др. – М.: Рус. яз., 1994. – 586 с.
216. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
217. Сепир, Э. Язык, раса, культура / Э. Сепир // Избр. тр. по языкознанию и культурологии. – М.: Кнорус, 2008. – С. 18–29.
218. Сергеева, Л.А. Об аксиологической природе прозвищ / Л.А. Сергеева // Номинация в ономастике: сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1991. – С. 147–151.
219. Серебренников, Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебренников. – СПб.: Феникс, 2009. – 199 с.
220. Скворцов, Л.И. Словарь русского языка / Л.И. Скворцов. – М.: Рус. яз., 2008. – 328 с.
221. Складаревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская. – СПб.: Филфак СПбГУ, 2004. – 165 с.
222. Словарь Академии Российской 1789–1794. Т. 1–6. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001 – 2005.
223. Словарь русских пословиц и поговорок. – 6-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – 554 с.
224. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., переработ. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
225. Словарь синонимов русского языка / ИЛИ РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: АСТ; Астрель, 2002. – 656 с.
226. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
227. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 245 с.
228. Смолицкая, Г.П. Занимательная топонимика. Рассказы о географических названиях / Г.П. Смолицкая. – М.: Армада-Пресс, 2001. – 255 с.

229. Собеседование с Ян Лань [Электронный ресурс] // Bookbao. Режим доступа: http://www.bookbao.com/view/200905/14/id_XMTUyMDI=.html
230. Современный русский литературный язык: учеб. / П.А. Лекант, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков и др.; под ред. П.А. Леканта. – М.: Высш. школа, 2009. – 766 с.
231. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикология. Морфемика. Словообразование / Е.Н. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И.И. Щеголева; под ред. Е.И. Дибровой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2006. – 480 с.
232. Современный русский язык: учеб.: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др.; под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Лань, 2001. – 864 с.
233. Современный русский язык: учеб. / С.М. Колесникова, Е.В. Алтабаева, Е.Н. Лисина и др.; под ред. проф. С.М. Колесниковой. – М.: Высш. шк., 2008. – 559 с.
234. Соколов, А.К. Русские имена и прозвища в XVII веке / А.К. Соколов // Изв. Общества Археологии, Истории и Этнографии при Имперском Казанском Университете. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та. – 1891. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 1–16.
235. Солганик, Г.Я. Стилистика современного русского языка и культура речи: учеб. пособие для студ. фак. журналистики / Г.Я. Солганик, Т.С. Дроняева. – 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2004. – 256 с.
236. Стародумова, Е.А. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е.А. Стародумова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 363 с.
237. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академпроект, 2001. – 992 с.
238. Степанов, Ю.С. Смена «культурных парадигм» и её внутренние механизмы / Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков: Око, 1993. – С. 13–36.
239. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 58–65.
240. Стернин, И.А. О понятии коммуникативного поведения / И.А. Стернин // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. – Berlin: Halle, 1989. – S. 279–282.
241. Столярова, Э.А. Варианты номинаций лиц в разговорной речи / Э.А. Столярова // Вопросы стилистики. Межстилевая и внутрителивая вариантность языковой системы: межвуз. науч. сб. – Саратов: СГУ, 1986. Вып. 21. – С. 137–150.
242. Стрельцова (Криницкая), М.Ю. Динамика развития прозвищного именования в русском языке / М.Ю. Стрельцова (Криницкая) // Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного региона России: материалы X междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. 24–27 апреля 2008 г.: в 6 кн. Кн. 1. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – С. 175–179.
243. Стрельцова (Криницкая), М.Ю. Неофициальные названия внутригородских объектов в аспекте соотношения языка и культуры / М.Ю. Стрельцова (Криницкая) // Вестн. ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2011. – № 3. – С. 26–29.

244. Стрельцова (Криницкая), М.Ю. Прозвищные именованя в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели): автореф. дис. ... канд. филол. наук (специальность 10.02.01 – Русский язык) / М.Ю. Стрельцова (Криницкая). – Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2010. – 26 с.
245. Сулименко, Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: учеб. пособие / Н.Е. Сулименко. – 2-е изд. – М.: Наука; Флинта, 2008. – 352 с.
246. Сун Чжао. Глаголы направления движения в китайском языке [Электронный ресурс] / Сун Чжао. Режим доступа: <http://www.Studychinese.ru/pages/198>
247. Суперанская, А.В. Ономастика [Электронный ресурс] / А.В. Суперанская. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ONOMASTIKA.html
248. Суперанская, А.В. Теоретические проблемы лингвистики. Эволюция теории имени собственного в Европе / А.В. Суперанская // Вопросы филологии. – 2002. – № 3. – С. 5–17.
249. Суперанская, А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий / А.В. Суперанская. – М.: Либроком, 2011. – 176 с.
250. Суханов, В.Ф. Китайско-русский тематический словарь 3000 наиболее употребительных слов / В.Ф. Суханов. – М.: ЗАО Экономика, 2001. – 307 с.
251. Текст как явление культуры / Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин; под ред. Г.А. Антипова. – Новосибирск: НГУ, 1989. – 175 с.
252. Телия, В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В.Н. Телия. – 2-е изд., стереотип. – М.: АСТ Пресс-Книга, 2001. – 784 с.
253. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
254. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
255. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов; отв. ред. А.П. Неподкупный. – 3-е изд., стереотип. – М.: УРСС, 2009. – 256 с.
256. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 262 с.
257. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: 150 000 слов А – Я / А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1990. – 784 с.
258. Токина, А.И. Учебные материалы по грамматике (русской глагол и его формы): учеб. пособие / А.И. Токина. – СПб., 2003. – 220 с.
259. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995 – 928 с.
260. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Электронный ресурс] / Н.И. Толстой. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/tolstoy-95a.htm>
261. У Гохуа. Культурная лексикология / У Гохуа. – Харбин: Культура, 1996. – 330 с.

262. Удачина Ника. Бродяжья проблема // Вечерняя Москва. – 2002. – 13 июня.
263. Улицкая, Л. Бедные родственники [Электронный ресурс] / Л. Улицкая // ModernLib.Ru. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/ulickaya_lyudmila_evgenevna/bednie_rodstvenniki/
264. Улицкая, Л. Бронька [Электронный ресурс] / Л. Улицкая // ModernLib.Ru. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/ulickaya_lyudmila_evgenevna/bronka/
265. Улицкая, Л. Народ Избранный [Электронный ресурс] / Л. Улицкая // ModernLib.ru. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/ulickaya_lyudmila_evgenevna/narod_izbranniy/
266. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М.: Наука, 1960. – С. 79.
267. Усович, В.А. Жаргон офицеров и слушателей Сибирского кадетского корпуса (г. Новосибирск): лексика и фразеология / В.А. Усович // Вестн. Омск. ун-та. – 1997. – Вып. 2. – С. 51–54.
268. Успенский, Л.В. Загадки топонимики / Л.В. Успенский. – М.: АСТ, 2009. – 336 с.
269. Успенский, Л.В. Ты и твоё имя / Л.В. Успенский. – М.: Учпедгиз, 1968. – 304 с.
270. Уфимцева, Н.В. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / Н.В. Уфимцева // Фразеология в контексте культуры. – М.: Рус. яз., 1999. – С. 16–24.
271. Ушаков, Д.Н. Большой словарь современного русского языка. 180 000 слов и словосочетаний / Д.Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт; Дом XXI век, 2009. – 1239 с.
272. Ушаков, Н.Н. Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвища) / Н.Н. Ушаков // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С. 146–173.
273. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка (онлайн-версия) [Электронный ресурс] / М. Фасмер. Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fasmer.html>
274. Фокин, Н.И. Экономика: В начале было слово [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictionary-economics.ru/word/%D0%A1%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>
275. Формановская, Н.И. Культура общения и речевой этикет / Н.И. Формановская. – М.: ИКАР, 2009. – 218 с.
276. Фрумкина, Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике / Р.М. Фрумкина // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 55–76.
277. Фрумкина, Р.М. Концепт, категория, прототипы / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М.: Наука, 1995. – С. 432.
278. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2006. – 320 с.
279. Храковский, В.С. Понятие сирконстанта и его статус / В.С. Храковский // Семимотика и информатика. – 1999. – Вып. 36. – С. 124–180.
280. Хроленко, А.Т. Лингвокультуроведение: пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура» / А.Т. Хроленко. – Курск: ГУИП «Курск», 2000. – 165 с.

281. Хэ Цзин 100 бытовых тем / Хэ Цзин. – Пекин: Китайский космос, 2004. – 299 с.
282. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. – 2-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 218 с.
283. Чагина, О.В. Поговорим о себе: пособие по развитию речи для иностранных учащихся / О.В. Чагина. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 120 с.
284. Чайкина, И.Ю. О традиционных прозвищах в Белозёрье / И.Ю. Чайкина // Филологические науки. – 1969. – № 3. – С. 104 – 109.
285. Человеческий фактор в языке / отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
286. Черкасова, Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е.Т. Черкасова – М.: Наука, 1967. – 234 с.
287. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. – М.: Рус. яз., 1999. – 2537 с.
288. Чжан Айлин. Встреча после разлуки / Чжан Айлин. – Шанхай: Тянь Цзин Народ, 2008. – 300 с.
289. Чжан Айлин Каламбака / Чжан Айлин. – Шанхай: Тянь Цзин Народ, 2007. – 230 с.
290. Чичагов, В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII веков) / В.К. Чичагов. – М.: Учпедгиз, 1959. – 128 с.
291. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении / Н.Л. Шамне. – Волгоград.: ВолГУ, 2000. – 215 с.
292. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / М.М. Шанский. – М.: Высш. шк., 1985. – 446 с.
293. Шаров Г. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о страховании риска ответственности адвоката // Адвокат. – 2004. – 12 января.
294. Шереметьева, Е.С. Отымённые релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды: монография / Е.С. Шереметьева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 236 с.
295. Шмелёв, А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А.Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
296. Шмелёв, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
297. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелёв. – 4-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2006. – 336 с.
298. Шуай, Хуэй. Китайско-русский словарь / Шуай Хуэй. – Пекин: Шаньу иньшугуань, 2000. – 1250 с.
299. Шушков, А.А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: ок 16500 слов и устойчивых выражений / А.А. Шушков. – М.: АСТ; Астрель; Хранитель, 2008. – 988 с.
300. Щепотина, Е.В. Исследование концептов freedom, law, свобода, закон в английской и русской лингвокультурах (на материале ассоциативного эксперимента) [Электронный ресурс] / Е.В. Щепотина. Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2006/ShchepotinaLSE2006.htm>
301. Щербак, А.С. Социальная когниция: ономастика и культура. Тамбовские прозвища: колл. монография [Электронное ресурс] / А.С. Щербак,

- Л.И. Дмитриева, А.Л. Шарадин, А.В. Тимошин. Режим доступа: <http://93.186.97.70:81/kraeved/upload/dir/bibl/prozvicha/>
302. Щичко, В.А. Китайский язык. Теория и практика перевода / В.А. Щичко. – М.: Восток-Запад, 2004. – 224 с.
303. Энциклопедический словарь: в 12 т. [Электронный ресурс] / Ф. Брокгауз, И. Ефрон. – М.: Советская энциклопедия. Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/p15248.html>
304. Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet>
305. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 526 с.
306. 200 рублей через десять лет // Газета. – 2003. – 07 февраля.
307. 中世纪哲学 出版社: 北京出版社, 2005 共 528 页 (Философия средневековья. – Пекин: Пекинское изд-во, 2005. – 528 с.).
308. 中华成语词典/《中华成语词典》编委会编。- 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2006. – 1019 页。(Фразеологический словарь китайского языка. – Пекин: Международная компания коммерческого печатания Лимитед, 2006. – 1019 с.).
309. 中华谚语大观 / 主编 成志伟, – 第二次印刷. – 上海: 金盾出版社, 2006. – 363 页.
310. 哲学辞典 出版社: 商务出版社, 2001 共 745 页 (Философский словарь. – Пекин: Коммерция, 2001. – 745 с.).
311. 基督教文化与近代西方宪政理念 出版社: 法律出版社, 2009 共 452 页 (Культура христианства и современная западная конституционная концепция. – Пекин: Право, 2009. – 452 с.).
312. 基督教艺术与社会生活 出版社: 北京大学出版社, 2007 共 324 页 (Искусство христианства и общезитие. – Пекин: Пекинский университет, 2007. – 324 с.).
313. 姜胜 试论规则多义现象聚合体 / 姜胜. – 上海: 上海外语教育出版社, 2004. – 344 页。(Цзян Шэн. Обсуждение проблем концептуального поля / Цзян Шэн. – Шанхай.: Изд-во иноязычного образования, 2004. – 344 с.).
314. 汉语词典 [北京第二出版社 2001 年] Словарь китайского языка [Электронный ресурс] // Компания «Baidu». Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/9780/htm?fr=flf01>
315. 现代汉语词典 / 主编 林一平, – 第二次印刷, – 北京: 商务出版社出版, 2000. – 3030 页.
316. 现代汉语词典 [出版时间 2005 年第五版。中国社会科学院语言研究所词典编辑室编] Современный словарь китайского языка [Электронный ресурс] // Компания «Baidu». Режим доступа: http://baike.baidu.com/view/9780.htm?fr=flf0_1
317. 百科词典 [商务出版社 2007 年] // 汉典 出版社: 人民教育出版社 共 1314 页 (Китайский энциклопедический словарь. – Пекин: Народное образование, 2007. – 1314 с.).
318. 谚语大辞典/商务印书馆辞书研究中心编. – 北京:商务印书馆 (Сборник пословиц и поговорок китайского народа. – Пекин, 2000. – С. 689–693).

Научное издание

Коновалова Юлия Олеговна
Андреева Ирина Владимировна
Гончарук Екатерина Юрьевна
Дербенева Ольга Дмитриевна
Калькова Ольга Константиновна
Ковалева Татьяна Викторовна
Криницкая Марина Юрьевна
Пугачева Елена Николаевна
Солейник Виктория Валерьевна
Яськова Альбина Владимировна и др.

РОССИЯ – КИТАЙ
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Монография

Редактор М.А. Шкарубо
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Подписано в печать 27.01.2014. Формат 70×100/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,0.
Уч.-изд. л. 30,0. Тираж 600 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во Множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41